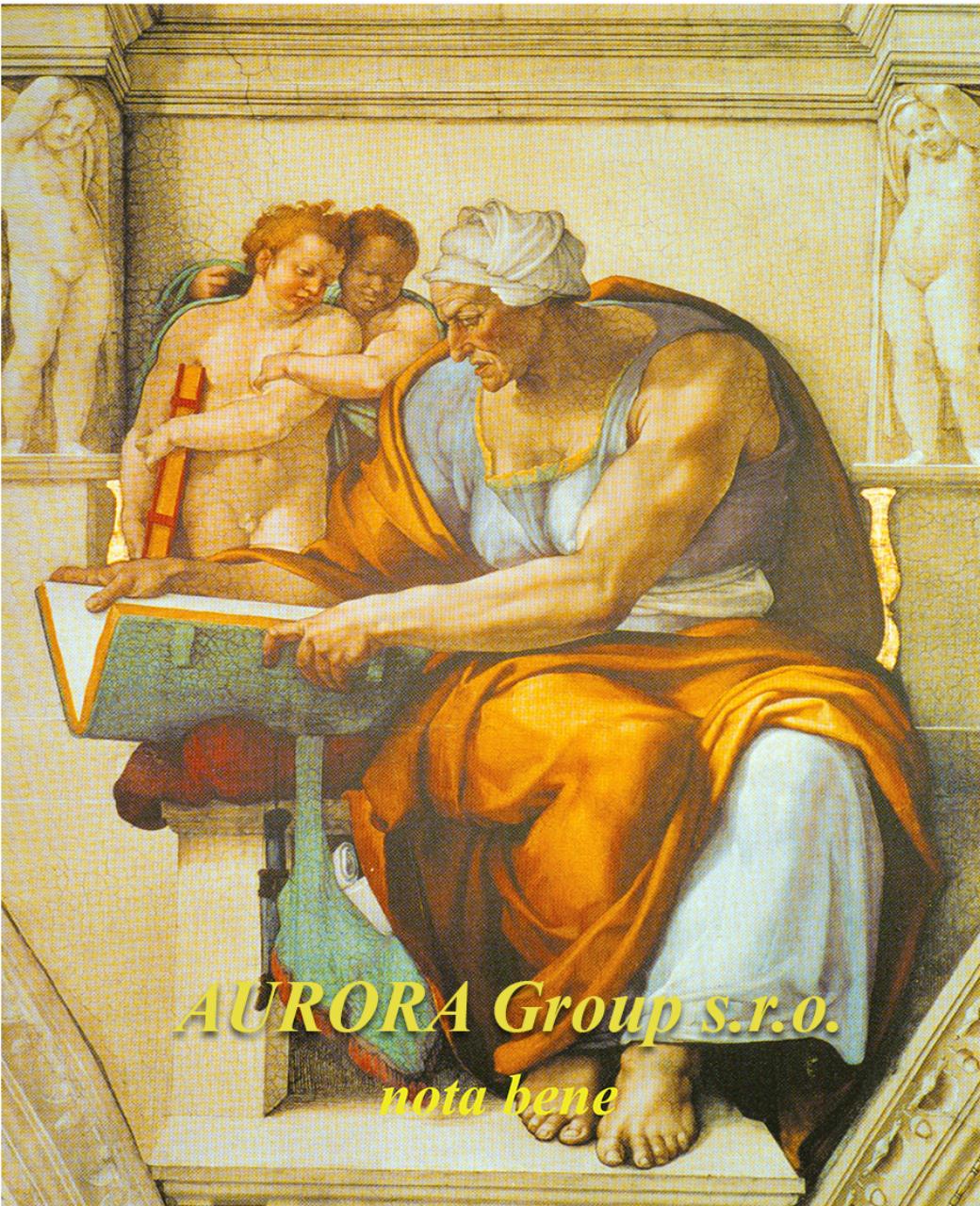

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

научные исследования

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

Выходные данные

Номер подписан в печать: 12-06-2024

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Карпов Сергей Павлович, академик РАН, доктор исторических наук,
medieval@hist.msu.ru

ISSN: 2454-0609

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 12-06-2024

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Karpov Sergei Pavlovich, akademik RAN, doktor istoricheskikh nauk,
medieval@hist.msu.ru

ISSN: 2454-0609

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет и редакционная коллегия

Арсентьев Николай Михайлович, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, Директор Историко-социологического института Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарева

Безбородов Александр Борисович, доктор исторических наук, профессор, исполняющий обязанности директора Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета

Борисов Николай Сергеевич, доктор исторических наук.

Бородкин Леонид Иосифович, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, Исторический факультет МГУ им. М.В.Ломоносова, зав. кафедрой исторической информатики.

Ватлин Александр Юрьевич, доктор юридических наук, профессор кафедры новой и новейшей истории исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Карпов Сергей Павлович, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, Президент исторического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова, зав. кафедрой истории средних веков

Мироненко Сергей Владимирович, доктор исторических наук, профессор, Научный руководитель Государственного архива Российской Федерации, заведующий кафедрой истории России XIX века – начала XX века исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Петров Юрий Александрович, доктор исторических наук, Директор Института российской истории РАН

Соколов Андрей Борисович, доктор исторических наук, профессор, Декан исторического факультета Ярославского государственного педагогического университета имени К.Д. Ушинского

Шелохаев Валентин Валентинович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Руководитель центра «История России в XIX – начале XX в.» Института российской истории РАН, директор Института общественной мысли, президент ассоциации «Российская политическая энциклопедия»

Мясников Владимир Степанович, доктор исторических наук, академик РАН, советник РАН, Член дирекции Института востоковедения РАН, член Бюро Отделения историко-филологических наук РАН

Наумкин Виталий Вячеславович, доктор исторических наук, профессор, академик РАН, Заведующий кафедрой регионоведения факультета мировой политики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, президент Российского центра стратегических и практических исследований.

Репина Лорина Петровна, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, Заместитель директора Института всеобщей истории РАН, руководитель Центра интеллектуальной истории Института всеобщей истории РАН, заведующая кафедрой теории и истории гуманитарного знания Института филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета, президент Межрегиональной общественной

организации «Общество интеллектуальной истории»

Савельева Ирина Максимовна, доктор исторических наук, ординарный профессор, Директор Института гуманитарных историко-теоретических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Сапрыкин Сергей Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, Заведующий кафедрой истории древнего мира исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Уваров Павел Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, Заведующий отделом западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени Института всеобщей истории РАН, заведующий кафедрой социальной истории факультета истории Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Уколова Виктория Ивановна, доктор исторических наук, профессор, Заведующая кафедрой всемирной и отечественной истории Московского государственного института международных отношений – Университета МИД России, профессор кафедры истории древнего мира Института восточных культур и античности Российского государственного гуманитарного университета

Гайдуков Петр Григорьевич, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, Заместитель директора Института археологии РАН

Канторович Анатолий Робертович, доктор исторических наук, доцент, Заведующий кафедрой археологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Крадин Николай Николаевич, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН

Макаров Николай Андреевич, доктор исторических наук, академик РАН, Директор Института археологии РАН, член-корреспондент Германского археологического института и Американского археологического института

Бондаренко Дмитрий Михайлович, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, Главный научный сотрудник – заместитель директора Института Африки РАН, куратор Центра изучения стран Тропической Африки, Центра истории и культурной антропологии и Центра социологических и политологических исследований Института Африки РАН, директор Международного центра антропологии НИУ ВШЭ, профессор Центра социальной антропологии РГГУ

Мартынова Марина Юрьевна, доктор исторических наук, профессор, Директор Института этнологии и антропологии РАН, руководитель Центра европейских и американских исследований Института этнологии и антропологии РАН, заслуженный деятель науки РФ

Функ Дмитрий Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, Заведующий кафедрой этнологии исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Петров Юрий Александрович, доктор исторических наук, Директор Института российской истории РАН

Бурукина Ольга Алексеевна - кандидат филологических наук, доцент доцент Российского государственного гуманитарного университета, ст. исследователь Университета Бааса,

Финляндия. 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6 obur@mail.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или докторских диссертаций работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.enotabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]
[2]
[3]
[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноски, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноски в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются углками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (“ ”).
- Тире между датамидается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаяхдается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы ХХ столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне
E-mail: info@nbpublish.com
или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невосстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенno важно задокументировать созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

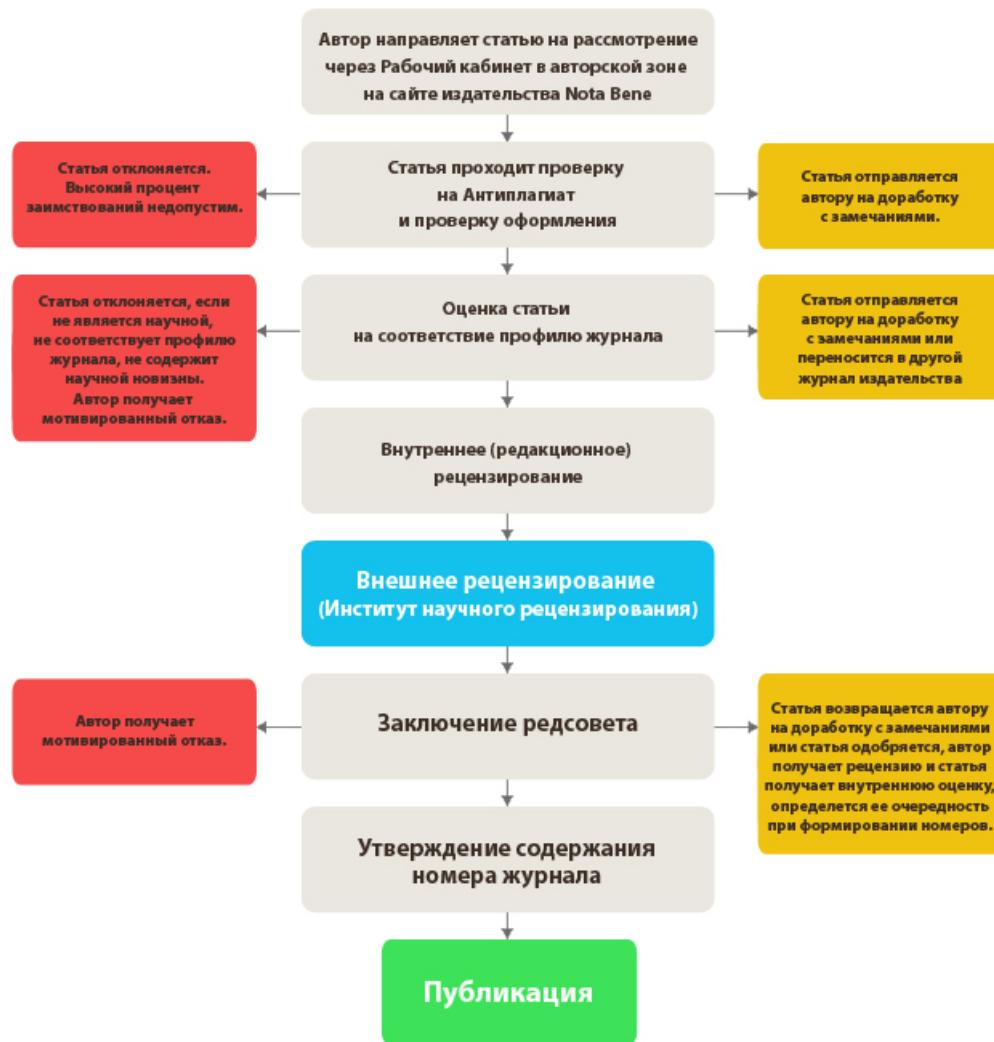
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Гатин М.И. История антикастровских террористических организаций и их связи с правительством США	1
Барановский А.В. Количественные показатели подготовки курсантов Иркутского пожарно-технического училища в 1968-1993 гг.	14
Синцеров Л.Л. Образ Чеченской войны на страницах американской ежедневной газеты <i>The New York Times</i> : обзор заголовков	24
Сизенов П.И. Роль вооруженных сил в попытке государственного переворота в Венесуэле в апреле 2002 года	36
Мамонова Ю.О. Иностранные военные журналисты в Маньчжурии в 1904-1905 гг.: особенности повседневной деятельности	47
Зуева Л.Е. Особенности экономического развития древнерусских и немецких городов в XII – первой трети XIII века	60
Богомолова Д.К. Сербско-черногорские отношения и перспектива создания Балканского союза в 1904-1905 гг.	70
Субботин В.И. Дискуссии об общественной роли политической лирики и «тенденциозной» поэзии в немецкой литературной критике эпохи Предмарта	83
Алексеев Т.В., Беленович О.В. Военное судостроение в Поволжье (XVIII-начало XX вв.) в отечественной историографии	94
Заседателева Н.Н. К истории создания комиссии «Старая Москва»: о чем рассказали архивные документы	118
Албогачиев М.М. К дате основания первого постоянного ингушского поселения в районе современного г. Назрани	130
Карагодин А.В., Петрова М.М. С.В.Рахманинов и его круг на Южном берегу Крыма: малоизвестные страницы истории русской музыкальной культуры конца XIX – начала XX века	149
Идахоса С., Егези Б. Сравнительный внешнеполитический анализ (CFP) Нигерии и Южной Африки: обзор	164
Клейтман А.Л., Савка О.Г. У истоков системы внеучебной деятельности в технических вузах России. Воспитательная работа с учениками Навигацкой школы в 1701-1705 гг.	181
Волгин Е.И. Проблема противодействия политическому экстремизму в РФ в начале 1990-х гг.	189
Англоязычные метаданные	204

Contents

Gatin M.I. The history of anti-Castro terrorist organizations and their ties to the U.S. government	1
Baranovskii A.V. Quantitative indicators of the training of cadets of the Irkutsk Fire Technical School in 1968-1993.	14
Sintserov L.L. The image of the Chechen War on the pages of the American daily newspaper The New York Times: headline review	24
Sizenov P.I. The role of the armed forces in the April 2002 coup attempt in Venezuela	36
Mamonova I.O. Foreign military journalists in Manchuria in 1904-1905: features of daily activities	47
Zueva L.E. Features of the economic development of ancient Russian and German cities in the XII – first third of the XIII century	60
Bogomolova D.K. Serbian-Montenegrin relations and the prospect of the creation of the Balkan Union in 1904-1905	70
Subbotin V.I. Discussions on the social role of political lyrics and "tendentious" poetry in German literary criticism of the Pre-Mart era	83
Alekseev T.V., Belenovich O.V. Military shipbuilding in the Volga region (XVIII-early XX centuries) in Russian historiography	94
Zasedateleva N.N. On the history of the creation of the Old Moscow Commission: what the archival documents told about	118
Albogachiev M.M. The date of the foundation of the first permanent Ingush settlement in the area of modern Nazran	130
Karagodin A.V., Petrova M.M. S.V.Rachmaninov and his circle on the Southern Coast of Crimea: new pages of the history of Russian musical culture of the late XIX – early XX century.	149
IDAHOSE S., Egesi B. Comparative Foreign Policy Analysis (CFP) of Nigeria and South Africa: An overview	164
Kleitman A.L., Savka O.G. At the origins of the system of extracurricular activities in technical universities in Russia. Extracurricular work with students of the Navigation School in 1701-1705.	181
Volgin E.I. The problem of countering political extremism in the Russian Federation in the early 1990s.	189
Metadata in english	204

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Гатин М.И. История антикастровских террористических организаций и их связи с правительством США // Исторический журнал: научные исследования. 2024. № 3. DOI: 10.7256/2454-0609.2024.3.70351 EDN: WNSTCC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70351

История антикастровских террористических организаций и их связи с правительством США

Гатин Михаил Игоревич

ORCID: 0009-0005-6546-0168

аспирант кафедры новой и новейшей истории Исторического факультета Московского Государственного Университета имени М. В. Ломоносова

119296, Россия, г. Москва, Ломоносовский проспект, 18, кв. 60

✉ edgarhover77@gmail.com

[Статья из рубрики "Проблемы войны и мира"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2024.3.70351

EDN:

WNSTCC

Дата направления статьи в редакцию:

03-04-2024

Дата публикации:

21-04-2024

Аннотация: Статья посвящена истории террористических организаций, возникших в качестве ответной реакции на Кубинскую революцию 1959 года, приход к власти Фиделя Кастро и политику его правительства в течение последующих десятилетий. Не последнюю роль в создании, финансировании и поддержке данных организаций играли люди, прямо или косвенно связанные с американскими спецслужбами и политическим руководством США. Деятельность кубинских террористов-контрреволюционеров привела к трагическим последствиям, включая гибель невинных людей, причем не только кубинцев, но и представителей других латиноамериканских стран. Использование террористических методов в политических целях является крайне актуальной проблемой в XXI веке, а потому обращение к истории данного явления объективно необходимо для эффективной борьбы с этим злом. История террористической активности противников

режима Кастро представляет интерес как для историков и политологов, интересы которых включают изучение Карибского региона, историю внешней политики и деятельности спецслужб США, так и для специалистов по международным отношениям в целом. Методологическую основу исследования составляют принципы историзма, научной объективности и системности. Это позволяет рассмотреть изучаемую проблему как целостную систему, где факты анализируются во всей их совокупности и взаимосвязи. Необходимыми для проведения исследования являются общенаучные (анализ и синтез, индукция и дедукция, описательный) и общеисторические (историко-сравнительный, историко-системный) методы исследования. Настоящее исследование обладает научной новизной, поскольку опирается на ранее не использованные в отечественной научной литературе источники. Значительная часть корпуса источников, использованных автором статьи – засекреченные до недавнего времени документы ЦРУ. В известной степени работа с подобными массивами информации это не только историческое, но и политологическое исследование, позволяющее лучше понимать реалии современной geopolитики. Что касается выводов настоящего исследования, то они сводятся к следующим пунктам: 1) США как минимум в недавнем прошлом являлись непосредственным спонсором международного терроризма; 2) деятельность антикастровских террористических группировок в XX веке по сей день мешает процессу восстановления дипломатических отношений США и Кубы; 3) насильственная смена власти в государстве неизбежно порождает цикл насилия, увиливаящий риск вмешательства во внутренние дела страны извне.

Ключевые слова:

Фидель Кастро, терроризм, Хорхе Мас, Джон Кеннеди, Куба, США, Орландо Бош, Луис Посада, Эскамбрай, КОРУ

Кубинская революция 1959 года как и любая другая революция, сметающая прежнюю власть и принципиально меняющая политический, экономический и социальный строй, не могла не повлечь недовольства и непринятия в самых разных формах. Политические процессы, включающие вооруженную борьбу, способствуют радикализации общественных настроений и неизбежно приводят к циклу насилия, выход из которого может занять не одно поколение. В случае с Кубой этот цикл насилия был подкреплен внешним вмешательством со стороны Соединенных Штатов Америки, стремившихся свергнуть режим Кастро руками кубинских контрреволюционеров с воздействием своей собственной военной и экономической мощи. Данная политика Вашингтона не в последнюю очередь способствовала избранию революционными властями Кубы социалистического пути развития и союза с СССР, что в свою очередь не смогли принять многие соратники Кастро по борьбе с диктатурой Фульхенсио Батисты. Такие видные кубинские революционеры как Гутьеррес Менойо и Мануэль Артиме вскоре после свержения прежнего режима выступили против Кастро с оружием в руках. Многие офицеры кубинской армии, члены религиозных организаций и сообществ, представители дореволюционной элиты и ярые противники коммунизма присоединились к вооруженной борьбе против революционного правительства как самостоятельно, так и по наущению американских спецслужб и агентов влияния [5, с. 17]. В этой борьбе рождались многочисленные организации и группировки, ставившие своей целью свергнуть режим Кастро насильственным путем, прибегая при этом к самым различным методам и практикам вооруженной и политической борьбы. Важно отметить, что в рамках статьи приводятся примеры различных антикастровских организаций, поголовно

идентифицируемые правительством Кубы как террористические, хотя далеко не каждая из них прибегала к систематическим акциям устрашения и насилия против гражданских лиц, что и определяет террористическую деятельность в классическом значении этого слова.

Первым серьезным испытанием для революционного правительства Кубы стало Восстание Эскамбрай или Война с бандитами как его официально окрестили власти Кубы. Этот конфликт начался в 1959-1960 гг. и продолжался до 1965 года, когда сопротивление повстанцев было окончательно сломлено [2]. Многие лидеры восстания были вчерашними союзниками кастрровского Движения 26 июля и активистами Революционного директората 13 марта, боровшегося против диктатуры Батисты в 1956-1959 гг. Так, например, Освальдо Рамирес, который был революционером с 1952 года, в то же время являлся ярым антикоммунистом. По этой причине он разорвал отношения с Кастро после начала экспроприаций фермерских земельных наделов и ушел в горы Эскамбрайа (охватывает территорию трех кубинских провинций в центральной части острова) в октябре 1959 года, чтобы вести партизанскую борьбу против нового режима [4, с. 8]. Поначалу он возглавлял малочисленный отряд, совершивший нападения на военные конвои и региональных полицейских и чиновников. После того как Кастро официально объявил о коммунистическом характере новой власти в 1961 году, Рамирес возглавил Кубинскую антикоммунистическую армию, созданную путем объединения всех партизанских отрядов в регионе. В 1962 году он был убит в перестрелке с провластными ополченцами Эскамбрайа. Еще одной примечательной личностью среди участников восстания являлся американский авантюрист Уильям Морган, присоединившийся к революционной борьбе на Кубе в 1957 году. После революции он некоторое время исполнял обязанности военного советника Фиделя Кастро и работал над созданием более благоприятного имиджа новой кубинской власти среди американцев. Морган, однако, был сторонником парламентской демократии и после усиления позиций коммунистов Че Гевары и Рауля Кастро в революционном правительстве присоединился ко Второму Национальному фронту, который стал движущей силой антикастрровской борьбы в Эскамбре [5, с. 47]. Лидером же Второго национального фронта являлся Элой Гутьеррес Менойо, который хотя и сотрудничал с Фиделем в годы революционной борьбы, всегда выступал с антикоммунистических позиций и с подозрением относился к Че Геваре, который последовательно отстаивал построение коммунистической диктатуры как конечной цели революции. Уильям Морган был схвачен органами госбезопасности Кубы уже осенью 1960 года и в марте 1961-го расстрелян. Его соратник по борьбе Менойо смог сбежать с территории Кубы, чтобы продолжить борьбу против режима. В кубинской историографии принято считать участников Восстания Эскамбрай бандитами, эксплуататорами (среди них действительно было немало состоятельных фермеров, недовольных экспроприацией их земли) и агентами ЦРУ [3, с. 50]. Последний пункт довольно противоречив: хотя американская разведка и оказывала некоторую поддержку восставшим, обе стороны в этом партнерстве исходили из принципа враг моего врага – мой друг [1, с. 9]. Более того, прямая поддержка повстанцев Эскамбрай со стороны американского правительства фактически прекратилась после неудачной высадки в заливе Свиней в апреле 1961 года. На смену ей пришло сотрудничество с кубинскими эмигрантами, которые осуществляли набеги на Кубу, не представляющими стратегической угрозы для кубинского правительства в отличие от Эскамбрайа.

Высадка в заливе Свиней стала точкой невозврата, после которой Фидель Кастро окончательно встал на путь сближения с СССР и построения коммунизма на Кубе. Оба этих фактора обрекли восстание в Эскамбре, подавление которого хотя и потребовало

задействования большего количества военных ресурсов, чем борьба с Батистой, в конце концов завершилось полным разгромом Антикоммунистической армии и гибелью в бою или казнями ее лидеров [2]. Жестокость в рамках этого конфликта проявлялась с обеих сторон, а террористические атаки повстанцев не были системными: так, Рамирес запретил своим бойцам убивать безоружных сторонников Кастро, если они не были причастны к преступлениям против повстанцев. Данный приказ последовал после расстрела антикоммунистами чернокожего сельского учителя, гибель которого правительственная пропаганда активно использовала для дискредитации "бандитов из Эскамбрея". С другой стороны нередко практиковались расстрелы пленных повстанцев без суда и следствия – именно таким образом, например, был убит легендарный повстанец Маргарито Ланса Флорес, более известный как Тондике. Считается, что приказ о его расстреле на месте отдал команданте Виктор Дреке, долгие годы впоследствии занимавший высокие посты в вооруженных силах Кубы [4, с. 21].

Если конфликт в Эскамбре продлился более пяти лет, то куда более известная в мире высадка в заливе Свиней (также известная как высадка в бухте Качинос) продолжалась лишь пять дней. Высадка осуществлялась получившими подготовку на американских военных базах кубинскими бойцами-антикоммунистами из Бригады 2506 (получила свое название в честь порядкового номера бойца бригады, погибшего во время обучения) при поддержке авиации США и специальных агентов ЦРУ [5, с. 103]. Это была наиболее серьезная попытка со стороны американского правительства свергнуть режим Кастро. Впрочем изучение рассекреченных недавно документов доказывает, что оперативники ЦРУ среднего звена с самого начала предупреждали свое руководство о том, что задействованных сил будет недостаточно, а расчет на полное уничтожение кубинской авиации при столь ограниченной бомбардировке острова едва ли оправдается [6]. Администрация Кеннеди, получившая бригаду 2506 и существенное количество людей из американской разведки, сотрудничающих с мафией и кубинской оппозицией, в наследство от Эйзенхауэра, стремилась как можно быстрее разобраться с кубинской проблемой, минимально при этом вмешиваясь во всю эту откровенную авантюру. Результат оказался самым негативным из возможных: скрыть прямое участие правительства США в высадке оказалось невозможно после попадания большого количества бойцов бригады 2506 в плен, а у Кастро появился идеальный предлог для окончательного разрыва с Вашингтоном и объявления Кубы первой коммунистической страной Западного полушария [3, с. 48].

Высадка, подготовка кубинских командос, сотрудничество ЦРУ с кубинской оппозицией (например, со Вторым национальным фронтом), многочисленные планы по физическому устранению Фиделя Кастро, разрабатываемые в Лэнгли – все это было результатом одного единственного документа, подписанного президентом Эйзенхауэром в марте 1960 года [6]. Документ назывался "Программа тайных действий по противодействию режиму Кастро" (в ноябре 1961 года данная программа получила официальное название – операция "Мангуст" [11, с. 83]). Основной целью программы было предотвращение потенциального союза между Кубой и СССР против США, а повышенная секретность была связана с очевидной незаконностью предпринимаемых правительством США действий и желанием скрыть их от ООН и международной общественности. В рамках программы была собрана загадочная группа кубинских активистов, работавших на ЦРУ и занимавшихся планированием и осуществлением политических убийств сторонников Кастро, а также предателей в своих собственных рядах. Данная группа получила кодовое название "Операция 40" [12, с. 25]. О ее деятельности известно крайне мало из

официальных источников, в основном впечатление о ней строится на основе воспоминаний людей, имевших прямое или косвенное отношение к деятельности группы (например, оперативника ЦРУ и фигуранта знаменитого «Уотергейтского скандала» Фрэнка Стерджиса). Контроль над деятельностью группы со стороны политического руководства США был возложен непосредственно на вице-президента Ричарда Никсона [7].

В режиссерской версии художественного фильма Оливера Стоуна "Никсон" директор ЦРУ Ричард Хелмс так отзыается об операции "Мангуст": «Это была не столько операция, сколько органический феномен. Она разрасталась, меняла очертания и приобретала аппетиты. В таких случаях не является необычным, что ничего конкретного не остается на бумаге» [8]. И хотя мы не можем всерьез рассматривать творческие фантазии в качестве исторического источника, данная цитата на удивление хорошо согласуется с информацией из рассекреченных документов ЦРУ по Кубе. "Программа", подписанная Эйзенхауэром, является практически единственным официальным документом, связывающим политическое руководство страны с операциями американской разведки, направленными на свержение режима Кастро путем террористических атак и диверсий. Более того данная программа действительно постоянно меняла свои приоритеты, методы, руководство и масштаб активности [4, с. 3]. Нет никаких точных данных о том, когда операция "Мангуст" завершилась и завершилась ли вообще. Известно, что операция была приостановлена во время Кубинского кризиса в октябре 1962 года и впоследствии американская активность на этом направлении существенно снизилась по сравнению с 1960-1962 гг. Также считается, что после расследования знаменитой "комиссии Чёрча" о превышении полномочий и сокрытии чувствительной информации от Конгресса разведывательным сообществом США данная операция была окончательно свернута [12, с. 144]. Прямых доказательств этому не существует и известно, что ЦРУ продолжало поддерживать связь с антикастровскими террористами в 1980-1990-е гг. и вероятно даже оказывало им поддержку.

Вне зависимости от меняющейся политической конъектуры в Вашингтоне одно обстоятельство оставалось неизменным – большое число кубинцев по-прежнему не принимали режим Кастро и жаждали вести с ним борьбу до победного конца. Неудавшуюся высадку в заливе Свиней и подавление восстания Эскамбрай они воспринимали как досадные, но не решающие поражения. Холодная война и борьба США с распространением коммунистического влияния по всему миру также создавали для их деятельности благоприятный фон. В этих обстоятельствах возникновение антикастровских террористических организаций с участием ветеранов вооруженной борьбы на Кубе было практически неизбежным явлением.

Единства среди многочисленных антикастровских организаций однако не было. Так, например, кубинский инженер и участник революции 1959 года Мануэль Риверо, несколько месяцев занимавший пост министра общественных работ в первом революционном правительстве, еще в 1960 году создал антикастровскую организацию "Движение народа". В нее вступали все недовольные усилением коммунистов во власти, ее отделения были созданы во всех кубинских провинциях. Движение было левым по своей сути и не выступало за отмену земельных и социальных законов, принятых после революции. Поэтому когда под давлением Гаваны Риверо со своими сторонниками эмигрировал в США, многие противники Кастро, уже обосновавшиеся во Флориде и готовившиеся к свержению революционного правительства, фактически отказались с ним сотрудничать. Тем не менее, по просьбе президента Кеннеди Риверо вступил в

Кубинский Революционный Совет – объединение видных кубинских политиков, бежавших в США и помогавших ЦРУ в подготовке высадки на Кубу^[9]. После бесславного завершения этой авантюры Риверо покинул Совет и публично раскритиковал его членов и американские власти за плохую подготовку операции. Он также был недоволен сотрудничеством ЦРУ с представителями режима Батисты и американскими гангстерами, включая видных мафиозных боссов Джона Роселли и Санто Траффиканте, которых впоследствии будут подозревать в причастности к убийству Джона Кеннеди^[7]. В итоге Риверо основал собственную повстанческую группировку, получившую название Кубинская Революционная Хунта (в честь движения революционера Хосе Марти, боровшегося с испанской колониальной администрацией в 1890-е гг.). В 1963-1965 гг. члены группировки базировались на одном из необитаемых Багамских островов, откуда совершали набеги на территорию Кубы. Точное количество жертв этих атак неизвестно. Финансирование и оружие они получали от ЦРУ, но с другими антикастровскими движениями не сотрудничали. Их деятельность прекратилась после того как Багамские власти провели операцию, в результате которой члены Хунты были арестованы и депортированы в США, а их оружие и амуниция конфискованы^[4, с. 20]. После этого инцидента Риверо окончательно отошел от вооруженной борьбы с Кастро и поселился в Пуэрто-Рико, где занимался строительным бизнесом и активно участвовал в местной политической жизни.

Также как и "Хунта" Риверо антикастровской организацией левого толка являлась группировка Альфа 66. Ее название происходит от количества учредителей организации и первой буквы греческого алфавита, что символизировало начало борьбы против коммунистической диктатуры. Альфа 66 была образована в Пуэрто-Рико осенью 1961 года при активном участии лидера Второго национального фронта Гутьерреса Менойо^[10]. К тому моменту участники фронта несли тяжелые потери в Эскамбрае, и после неудавшейся высадки на Кубу надежды на скорую победу над коммунистическим режимом быстро таяли. Менойо, поклявшийся отомстить Кастро за расстрел своего близкого соратника и друга Уильяма Моргана, рассчитывал изменить сложившуюся ситуацию. В 1962-1963 гг. Альфа 66 проводила атаки на кубинские и советские суда, перевозившие сырье, оружие, продовольствие, медикаменты и иные важные для кубинского государства поставки на остров^[10]. Морские атаки были прекращены по настоянию президента Кеннеди, не желавшего продолжать провоцировать Гавану и Москву после только что преодоленного Карибского кризиса. Члены организации также осуществляли рейды на побережье Кубы и оказывали поддержку восставшим в Эскамбрае. В 1964 и 1970 гг. группировка осуществила две относительно крупных высадки на Кубу с целью поднять общенародное восстание и при возможности убить Фиделя Кастро, но обе попытки были неудачными – большинство боевиков Альфа 66 были убиты в бою или попали в плен. Впоследствии организация предпринимала попытки создать сеть подпольных ячеек по всей Кубе, но результативность этой деятельности была невысока. Численность группировки несколько возросла благодаря массовому исходу с Кубы всех желающих в 1980 году, но в то же время была окончательно заблокирована какая-либо возможность создавать активное подполье на территории острова^[7]. По этой причине в 1990-е гг. организация перешла к попыткам экономического давления на Гавану, сделав своими мишенями туристические агентства, занимающиеся турами на Кубу. В отличие от ультраправых противников Кастро они не совершали на них непосредственные террористические нападения, ограничиваясь телефонными угрозами и саботажем. Формально организация существует по сей день. В 1990-2000-е гг. ее члены продолжали проходить военную подготовку на территории США

[\[14\]](#). В наши дни однако Альфа 66 отказалась от курса на вооруженное свержение кубинского коммунистического режима, заявляя лишь, что придет на помощь кубинскому народу, если он попытается свергнуть свое правительство.

Наиболее известный лидер Альфы 66 Гутьеррес Менойо в конце 1964 года был арестован кубинскими спецслужбами. Он был приговорен к смертной казни, замененной на 30 лет заключения после того как под давлением сделал публичное заявление о своих связях с американскими властями и признал правительство Кастро подлинным выразителем интересов кубинского народа [\[3, с. 60\]](#). В тюрьме он провел 22 года и после многочисленных призывов со стороны лидеров различных государств (прежде всего Испании, откуда он был родом) освобожден и депортирован в Мадрид, откуда прибыл в Майами в марте 1987 года. Он продолжал считать себя противником режима Кастро, но теперь выступал за ненасильственную борьбу с его режимом и даже поддержал диалог с кубинскими властями. Он встречался с Фиделем Кастро в 1990-е гг., а в 2003 и вовсе переехал в Гавану [\[7\]](#). Репрессиям он больше не подвергался, но и убедить кубинского диктатора легализовать парламентскую оппозицию он так и не смог. Элой Гутьеррес Менойо скончался 26 октября 2012 года в Гаване.

Теперь стоит перейти к ультраправым антикастровским организациям, чья деятельность скорее напоминает террористическую нежели военно-повстанческую. Например, группировка Омега 7 (название очевидно было выбрано в пику левой Альфа 66), которая никогда не была многочисленной и начала свою деятельность на довольно позднем этапе, смогла провести немало громких акций во второй половине 1970-х гг. Как и следует из названия, число ее учредителей равнялось семи, и по некоторым данным численность организации никогда не превышала 20 человек [\[15\]](#). Она была учреждена в 1974 году неким Эдуардо Ароценой, эмигрировавшим с Кубы профессиональным рестлером и работником склада в Нью-Джерси. Ароцена в молодости занимался актами саботажа на индустриальных и сельскохозяйственных предприятиях, имеющих критическое значение для кубинской экономики. После возникновения угрозы ареста он бежал в США, где завел семью и получил работу, но не бросил идею сопротивления коммунистической диктатуре [\[15\]](#). По собственному утверждению Ароцены он проходил специальное обучение в тренировочных лагерях ЦРУ в 1967 году. Испытывая недовольство из-за того, что борьба кубинских эмигрантов с Кастро фактически сошла на нет, он принялся искать единомышленников среди ветеранов высадки 1961 года и членов различных политических и полувоенных организаций антикастровского толка. К 1974 году у него было шесть верных соратников, с которыми он основал свою организацию и приступил к активной фазе своего замысла [\[15\]](#).

В феврале 1975 года группировка осуществила свой первый теракт, подорвав консульство Венесуэлы в Нью-Йорке в отместку за поддержание политических контактов с правительством Кастро этой страной. Вскоре был убит официальный переговорщик между Вашингтоном и Гаваной по вопросам обмена пленными Хосе Негрин. Самой громкой акцией группировки стало убийство официального кубинского представителя в ООН Феликса Родригеса в сентябре 1980 года [\[7\]](#). Также Омега 7 поддерживала контакты с контрабандистами наркотиков во Флориде, получая от них финансирование в обмен на оказание различных услуг, включая рэкет и ликвидацию конкурентов. Наркомафия однако не была основным спонсором их деятельности – эту нишу заняли влиятельные бизнесмены кубинского происхождения, большая часть которых так и не были идентифицированы [\[15\]](#). Основным исполнителем терактов, совершенных Омегой 7, был кубинский ветеран Педро Ремон. Остальные члены группировки, как правило,

занимались второстепенными задачами, а Ароцена отвечал за выбор целей и общее планирование. Финансирование также шло через лидера организации [7]. В связи с этим неудивительно, что когда Ароцена был арестован агентами ФБР в июле 1983 года, организация практически перестала функционировать, а вскоре и вовсе прекратила свое существование. На суде лидер Омеги 7 утверждал, что подвергался похищению и пыткам со стороны ФБР, а также настаивал на том, что ЦРУ завербовало его еще в 1960-е гг. Он также полностью отрицал участие в планировании и осуществлении террористических атак на территории США. При этом он рассказывал, что работал американским шпионом на Кубе, помогал ЦРУ раскрывать "коммунистические заговоры" и распылял на территории острова "биологическое оружие". В 1984 году он был приговорен к пожизненному заключению с правом освобождения [7]. Эдуардо Ароцена вышел на свободу в 2021 году в возрасте 78 лет.

Самая известная и жестокая антикастровская террористическая организация носила название Координация Объединенных Революционных Организаций (на испанском – КОРУ). Это была так называемая зонтичная группировка, объединяющая более мелкие группы (включая Альфу 66 и Омегу 7), действующие автономно, но при этом в координации с другими членами КОРУ. Лидерами этого конгломерата антикастровских боевиков стали ультраправые активисты со связями в ЦРУ Орландо Бош и Луис Посада [13]. Оба террориста в юности учились с Фиделем Кастро в одном университете и были с ним знакомы, а Бош даже участвовал в партизанской борьбе против Батисты. Тем не менее, и Бош, и Посада очень быстро разочаровались в послереволюционной политике Фиделя и уехали в США. Луис Посада обучался военному делу в тренировочных лагерях ЦРУ, участвовал в высадке в заливе Свиней. После провала высадки он некоторое время продолжал службу в Вооружённых Силах США. В этот период он познакомился с будущим строительным магнатом Хорхе Масом, который в 1980-1990-е гг. будет активно спонсировать различную антикастровскую деятельность (вероятно, в том числе и террористическую, хотя прямых доказательств этому нет) [3, с. 26]. Разочаровавшись в смене политического курса США в отношении Кубы, Посада начал сотрудничать с различными повстанческими группировками (например, некоторое время он тренировал бойцов "Хунты" Риверо), но и их деятельность казалась ему недостаточно радикальной. Он непосредственно участвовал в контрабанде оружия и иной нелегальной деятельности в 1964-1968 гг., поддерживал связь с видными представителями американского криминального мира, в том числе с легендарным букмекером и пособником чикагской мафии Фрэнком Розенталем [13]. Некоторое время американские власти закрывали на это глаза в связи с тем, что Посада работал осведомителем ЦРУ и передавал своим кураторам ценную информацию о настроениях в среде кубинской диаспоры в Майами. В конце концов его криминальная деятельность на американской территории перешла разумные границы, и он был вынужден реплицироваться в Венесуэлу [13]. Там он стал ценным сотрудником венесуэльской разведки и продолжал при этом поддерживать связь с ЦРУ. В 1974 году он пригласил в Венесуэлу своего знакомого и ветерана антикастровской борьбы Орландо Боша.

На тот момент Бош находился в Чили. В отличие от Луиса Посада он не участвовал в высадке на Кубу, но в начале 1960-х гг. выступал в качестве одного из организаторов и координаторов "Повстанческого движения революционного восстановления", которое преимущественно занималось нападениями на промышленные объекты на территории Кубы. Бош также сотрудничал с ЦРУ в этот период, но судя по всему не так тесно как Посада. К 1968 году Бош имел на своем счету множество арестов за хранение и контрабанду взрывчатых веществ и иного оружия, а также за участие в ракете [7]. В

1968 году он был арестован и осужден за нападение на польское торговое судно (он посчитал, что оно направляется на Кубу) с помощью базуки у берегов Флориды [7]. Бош был приговорен к 10 годам заключения, но не без помощи влиятельных покровителей (в том числе губернатора Флориды Клода Кирка) получил условно-досрочное освобождение в 1972 году. По его собственному признанию в 1973 году он создал и возглавил небольшую группировку под названием "Кубинское действие", ответственную за серию нападений на кубинские дипмиссии в ряде стран Латинской Америки [1. с. 6]. Скрываясь от очередного ареста по подозрению в убийстве, Бош бежал в Венесуэлу в апреле 1974 года, где некоторое время находился под протекцией своего товарища по антикастровской борьбе Луиса Посады, возглавлявшего в тот период Национальное управление разведки и превентивных мер [13]. Считается, что вскоре после прибытия Бош организовал два теракта в Каракасе, направленных на срыв светских мероприятий с участием официальных кубинских представителей. Он был арестован и выслан из страны на Курасао, откуда вскоре перебрался в Чили. Сам Бош заявлял, что его целью, начиная с конца 1960-х, было проведение кампании террора против кубинских дипмиссий и гражданской авиации с целью вынудить Кастро выпустить из тюрем диссидентов и пойти на переговоры с вооруженной оппозицией [4, с. 17]. Тем не менее, оказавшись в Сантьяго, он стал желанным гостем чилийского диктатора Аугусто Пиночета, для которого он также выполнял грязную работу в рамках печально известной операции "Кондор": безуспешно охотился на племянника бывшего президента Чили Андреса Альенде, а также организовал убийство чилийского диссидента Орландо Летельера непосредственно в американской столице Вашингтоне. По утверждению некоторых журналистов он даже планировал покушение на госсекретаря США Генри Киссинджера в 1976 году, но этому нет никаких доказательств [7].

В начале 1976 года Бош был арестован в Коста-Рике по подозрению в причастности к террористической активности и депортирован в Доминиканскую республику. Там он и основал КОРУ совместно с воссоединившимся с ним Луисом Посадой (на тот момент он был уже уволен со всех постов президентом Венесуэлы Карлосом Пересом, а ЦРУ прекратили с ним сотрудничество на фоне расследования "комиссии Черча" [13]) и малоизвестным на тот момент антикастровским активистом Гаспаром Хименесом. Через несколько месяцев Хименес предпримет попытку похищения кубинского консула в Мексике, за что будет арестован и осужден, но в итоге сбежит из тюрьмы и доберется до Майами, где будет несколько лет спустя пойман и депортирован обратно в Мексику. Последний раз его имя пропремит в 2000 году, когда он будет арестован в Панаме за хранение более 100 килограммов тротила, которые он предположительно планировал использовать для покушения на Фиделя Кастро во время его визита в страну [13]. Также КОРУ продолжала традиционные атаки на кубинские дипмиссии в ряде стран континента, подрывала представительства кубинских авиакомпаний и занималась похищениями кубинских дипломатов. Эффекта впрочем политика террора, исповедуемая Бошем и Посадой, практически не имела: Кастро не шел ни на какие уступки или переговоры с террористами [7]. Наконец, 6 октября 1976 года группировка совершила свою самую известную и смертоносную террористическую атаку: подрыв кубинского гражданского самолета DC-8, выполнявшего рейс 455 с Барбадоса на Ямайку. Все находящиеся на борту пассажиры погибли – всего 73 человека, включая кубинскую национальную сборную по фехтованию [13].

Спустя несколько часов после атаки два венесуэльца были арестованы полицией Тринидада. Они зарегистрировали свой багаж на рейс 455, но покинули самолет перед

его отправлением. На допросах они признались, что действовали по приказу Луиса Посады, которого в свою очередь идентифицировали как ближайшего сподвижника лидера КОРУ Орландо Боша. И Бош, и Посада вскоре были арестованы в Венесуэле. На специальной конференции стран Карибского бассейна, так или иначе затронутых террористической такой, было принято решение о том, что суд над террористами будет проведен в Венесуэле, поскольку все обвиняемые имели гражданство этой страны. Поначалу дело рассматривалось венесуэльским военным судом, который оправдал всех обвиняемых. Тогда прокуратура подала апелляцию и перевела рассмотрение их дела в гражданский суд. В 1985 году исполнители Фредди Луго и Гернан Рикардо были приговорены к 20 годам тюремного заключения. Накануне оглашения приговора Луис Посада сбежал из венесуэльской тюрьмы и через Панаму перебрался в США [13]. Несмотря на неоднократные попытки Венесуэлы добиться экстрадиции Посады, он так и не был выдан американцами. Орландо Бош был оправдан судом, поскольку не было собрано достаточно доказательств, доказывающих его прямую связь с терактом. В 1987 году он был отпущен на свободу после 11 лет нахождения под арестом [7]. Он также вернулся в США, где был арестован и посажен в тюрьму за нарушение условий своего условно-досрочного освобождения в 1972 году. В 1990 году он был помилован президентом США Джорджем Бушем-старшим.

После ареста своих лидеров КОРУ практически прекратило свою деятельность, взяв ответственность лишь за несколько атак на туристические агентства, сотрудничающие с Кубой в 1979 году. Луис Посада, после побега, который, как он сам признавался, был организован лидером Кубино-американского национального фонда Хорхе Масом [7], некоторое время сотрудничал с агентом ЦРУ Феликсом Родригесом [12, с. 202]. Родригес был одной ключевых фигур незаконной операции американской разведки по снабжению оружием ультраправых повстанцев в Никарагуа [12, с. 203] и привлек к этой деятельности Посаду. В 1986 году Посада занимался уничтожением улик, доказывающих причастность американского правительства к снабжению никарагуанских контрас оружием, но весь мир все равно узнал об этом, что привело к самому знаменитому политическому скандалу, связанному с администрацией Рейгана – делу "Иран-Контрас". В 1997-1998 гг. он был организатором серии взрывов на курортах Кубы, в результате которых погиб один гражданин Италии и еще несколько человек были ранены. В 2000 году он была арестован в Панаме вместе с Гаспаром Хименесом по подозрению в подготовке покушения на жизнь Фиделя Кастро во время его официального визита в эту страну [13]. В 2004 году он был помилован президентом Панамы и в 2005-ом вернулся в США [7]. Он скончался в Майами в 2018 году. В отличие от него Бош в целом отошел от террористической деятельности после окончательного освобождения в 1990 году и больше не покидал США, получив в 1992 году вид на жительство. Он написал мемуары, в которых отрицал свою причастность к организации теракта на борту рейса 455, но при этом до конца своих дней утверждал, что не считает жертв террористических атак КОРУ и других антикастревских организаций невинными гражданскими, поскольку "все они коммунисты" [7]. Он скончался в 2011 году в Майами.

Проследив историю различных террористических организаций, которые вели борьбу против социалистической Кубы и ее союзников в 1960-1990-х гг., прежде всего стоит отметить, что их стратегия претерпевала существенные изменения с годами. Высадка 1961 года и восстание Эскамбрай были по сути элементами гражданского конфликта, являвшегося прямым следствием прихода Фиделя Кастро к власти и его решения избрать коммунистическую однопартийную диктатуру в качестве формы политической власти в

островном государстве [2]. Вся последующая деятельность таких группировок как Омега 7, Альфа 66 и КОРУ по сути является попытками запугивания правительства, населения и стран-партнеров Кубы на континенте с целью добиться не столько свержения Кастро, сколько его согласия на участие оппозиции в политической жизни Кубы [4]. Прямая связь ЦРУ с террористами, их поддержка на различных уровнях американского правительства, включая президентов США, спонсирование Вашингтоном партизанской активности на острове не привела к изменению политического режима на Кубе. При этом все эти действия фактически уничтожили любое доверие к американцам со стороны официальной Гаваны и в значительной степени населения Кубы, которое не восстановлено по сей день [4].

Начиная с 2000-х гг., смена поколений и приоритетов внешней разведки США способствовала созданию нового статуса-кво: Вашингтон окончательно смирился с социалистической Кубой как неизбежным злом и отказался от попыток свергнуть действующий режим насильственным путем, но при этом сохранил неимоверное санкционное давление на островное государство. Представители американской элиты давно научились использовать Кубу во внутриполитических играх, а потому не заинтересованы в переменах на этом направлении, чему свидетельством является потерпевшая крах Американо-кубинская оттепель, проводимая президентом Бараком Обамой в 2014-2017 гг. Ситуация вряд ли изменится до тех пор пока принципиально не трансформируется кубинская политическая система (приход к власти Мигеля Диас-Канеля поначалу вызывал оптимизм в этом отношении, но на сегодняшний день президентские реформы имеют крайне ограниченный размах). А следовательно Вашингтон продолжает терпеливо ждать, когда существующий режим рухнет, а ему на смену придет власть, которая окажется приемлемой для американского истеблишмента и политически влиятельной кубинской диаспоры. Вот только поддержанные ЦРУ террористические атаки против Кубы и ее граждан вряд ли будут забыты, а соответственно неизбежно будут продолжать оказывать влияние на динамику отношений двух стран и после того как наследие братьев Кастро окончательно станет частью истории.

Библиография

1. Cohn, M. (2009). A History of U.S. Terrorism against Cuba. (pp. 1-12). Hanoi: Congress of International Association of Democratic Lawyers.
2. Encinosa, E. G. (1989). Escambray: La Guerra Olvidada: Un Libro Historico De Los Combatientes Anticastristas En Cuba (1960-1966). Ann Arbor: University of Michigan.
3. Franklin, J. (2016). Cuba and the U.S. Empire: a chronological history. (pp. 45-63). New York: Caribbean Quarterly.
4. García, M. C. (1998). Hardliners v. "Dialogueros": Cuban Exile Political Groups and United States-Cuba Policy. (pp. 3-28). Chicago: Journal of American Ethnic History.
5. Johnson, H. (1964). The Bay of Pigs: The Leaders' Story of Brigade 2506. New York: W. W. Norton & Company.
6. Kirkpatrick, L. B. (2020). Inspector General's Survey of the Cuban Operation (October 1961). [DX Reader version]. Retrieved from <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB341/IGrpt1.pdf>
7. Mcpherson, A. (2018). Long View: How the Fight Against Castro Once Terrorized U.S. Cities. New York: Americas Quarterly.
8. Nixon (1995) HQ "Do you ever think of death, Dick?" (2011). Retrieved from <https://www.youtube.com/watch?v=JWRVyaKnGcA&t=231s>
9. Pfeiffer, J. B. (1979). Evolution of CIA's Anti-Castro Policies, 1951 – January 1961.

- Retrieved from <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB355/bop-vol3.pdf>
10. Released CIA document referencing Alpha 66 (1999). Retrieved from https://web.archive.org/web/20170123154635/https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/DOC_0000386756.pdf
11. Shackley, T., Finney, R. (2006). Spymaster: My Life in the CIA. Sterling: Potomac Books.
12. Smith Jr., W. T. (2003). Encyclopedia of the Central Intelligence Agency. New York: Facts on File.
13. The Posada File: Part II. (2005). Retrieved from <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB157/index.htm>
14. The US Soldiers Fighting To Bring Down Castro (1997). Retrieved from <https://www.youtube.com/watch?v=MX9uBrNyAoA>
15. Treaster, J. B. Suspected head of Omega 7 terrorist group seized. (1983). New York: The New York Times.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Остров свободы Куба еще с 1960-х гг. оказался в центре внимания не только отечественных специалистов, но и всего советского общества: несколько десятилетий советско-кубинские отношения отличались глубокой дружбой. Однако, и сегодня на наших глазах в условиях крушения монополярного мира во главе с США российско-кубинские отношения характеризуются режимом благоприятствования. В этой связи вызывает важность изучения различных аспектов истории Республики Кубы после событий 1959 г.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой являются антиправительственные террористические организации на Кубе. Автор ставит своими задачами проанализировать роль США в формировании антиправительственных групп на Кубе, раскрыть отдельные факты эволюции бывших соратников Кастро по борьбе против режима Ф.Батисты, а также показать влияние организованных ЦРУ террористических атак на память кубинского общества.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать историю антикастровских террористических организаций и их связи с правительством США.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя 15 различных источников и исследований. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежной англоязычной литературы, что определяется самой постановкой темы. Собственно именно на англоязычной литературе и базируется работа автора - это связано с тем, что тема, рассматриваемая автором фактически не освещалась в отечественной литературе. Из привлекаемых автором исследований отметим труды Е. Эспинозы и Д. Франклина, в центре внимания которых находятся различные аспекты кубинско-американского противостояния. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам

по её теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как кубинско-американскими отношениями, в целом, так и подрывной деятельностью американских спецслужб на Кубе. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи. Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что "многие офицеры кубинской армии, члены религиозных организаций и сообществ, представители дореволюционной элиты и ярые противники коммунизма присоединялись к вооруженной борьбе против революционного правительства как самостоятельно, так и по наущению американских спецслужб и агентов влияния". Автор обращает внимание на отсутствие единства среди противников Кастро, хотя они и зависели от помощи ЦРУ. Так, в работе показана и деятельность антикастровских групп левого толка, например,

"Движение народа", Альфа 66 и др. Автор обращает внимание на то, что "прямая связь ЦРУ с террористами, их поддержка на различных уровнях американского правительства, включая президентов США, спонсирование Вашингтоном партизанской активности на острове не привела к изменению политического режима на Кубе".

Главным выводом статьи является то, что поддержанные ЦРУ террористические атаки против Кубы "будут продолжать оказывать влияние на динамику отношений двух стран и после того как наследие братьев Кастро окончательно станет частью истории".

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по новой и новейшей истории, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале "Исторический журнал: научные исследования".

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Барановский А.В. Количественные показатели подготовки курсантов Иркутского пожарно-технического училища в 1968-1993 гг. // Исторический журнал: научные исследования. 2024. № 3. DOI: 10.7256/2454-0609.2024.3.70386 EDN: KHASQN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70386

Количественные показатели подготовки курсантов Иркутского пожарно-технического училища в 1968-1993 гг.

Барановский Андрей Валерьевич

преподаватель, кафедра физической подготовки, Восточно-Сибирский институт МВД России

664035, Россия, Иркутская область, г. Иркутск, ул. Дальневосточная, 148

✉ Bav_expert073@mail.ru

[Статья из рубрики "Исторические факты, события, феномены!"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2024.3.70386

EDN:

KHASQN

Дата направления статьи в редакцию:

07-04-2024

Дата публикации:

02-05-2024

Аннотация: Предметом исследования научной статьи, являются особенности процесса подготовки пожарных кадров на базе Иркутского пожарно-технического училища МВД СССР в период деятельности данного учебного заведения с 1968 по 1993 гг. на территории Иркутской области. В настоящей публикации на основе ранее не опубликованных и не введенных в научный оборот архивных материалов исследуются исторические данные относительно количественных изменений в комплектовании и подготовки курсантов Иркутского пожарно-технического училища за период своей образовательной деятельности. Автором рассмотрены вопросы организации вступительных испытаний для поступающих абитуриентов, отмечены значимые события в образовательной деятельности курсантов, а также обобщены данные по количеству

окончивших обучение специалистов. В статье были выявлены особенности образовательного процесса на базе училища, позволившие сформировать профессиональный кадровый состав пожарных в регионах Сибири и Дальнего Востока.

Методология исследования включает в себя конкретно-исторический подход (М.В. Астахов, И.Д. Ковальченко, В.Ф. Коломийцев, А.П. Пронштейн и т.д.), а также обобщение, сравнение, синтез, классификацию, конкретизацию; анализ архивных документов, законодательства и научной литературы; ретроспективный анализ; метод исторических аналогий. Новизна данной научной статьи заключается в том, что при проведении научного исследования выявлены и обобщены историко-педагогические источники, архивные данные, подробно описывающие историю становления и развития структуры комплектования училища курсантами, а также подробный отчёт о количественно-качественных показателях выпускников пожарного училища по годам выпуска. Проведённое исследование представляет интерес для широкого круга читателей, так как изучение учебной деятельности училища, структурно-организационные мероприятия по набору и выпуску специалистов пожарных является очень важной составляющей в изучении становления и развития ведомственного образования системы МВД СССР на территории Прибайкалья в XX веке. Рассмотрен перечень руководителей данных структурных подразделений на этапе становления и развития Иркутского пожарно-технического училища МВД СССР.

Ключевые слова:

история Прибайкалья, пожарное дело, курсанты-пожарные, профессиональная подготовка, пожарное училище, тушение пожаров, выпуск специалистов, пожарное образование, система подготовки, подготовка специалистов

Деятельность Иркутского пожарно-технического училища по подготовке специалистов среднего командного звена для подразделений пожарной охраны МВД СССР и Российской Федерации осуществлялась в период с 1968 по 1993 гг.

В контексте изучения данной темы вызывают интерес научные работы М.Н. Агапитова, С.Н. Чащина, В.В. Черных [1, 2, 3, 8] – представителей научного сообщества Иркутской области, изучавших исторические аспекты становления и развития ведомственного образования правоохранительных органов и военных организаций на территории Сибирского региона в XIX-XX в.

Методология исследования включает в себя конкретно-исторический подход (М.В. Астахов, А.П. Пронштейн и т. д.) а также обобщение, сравнение, синтез, классификацию, конкретизацию; анализ архивных документов, законодательства и научной литературы; ретроспективный анализ; метод исторических аналогий [4, 7].

Основной целью данной научной статьи, является историческое обобщение практической деятельности Иркутского пожарно-технического училища, в вопросах комплектования училища курсантами их обучения и выпуска молодых специалистов для территориальных подразделений пожарной охраны, за период своей учебно-профессиональной деятельности.

Важно отметить, что к периоду создания пожарного училища на территории г. Иркутска в 1968 г., на территории СССР действовали:

1. Высшая инженерная пожарно-техническая школа МВД СССР (г. Москва, РСФСР);
2. Ленинградская высшая пожарно-техническая школа МВД СССР (г. Ленинград, РСФСР);
3. Ивановское пожарно-техническое училище МВД СССР (г. Иваново, РСФСР);
4. Свердловское пожарно-техническое училище МВД СССР (г. Свердловск, РСФСР);
5. Львовское пожарно-техническое училище МВД СССР (г. Львов, УССР);
6. Харьковское пожарно-техническое училище МВД СССР (г. Харьков, УССР).

Учитывая географическое расположение самого восточного учебного заведения пожарной охраны к 1968 г. на территории РСФСР в г. Свердловске (ныне г. Екатеринбург), стоит отметить что на период конца 1960-х гг. возникла острая нехватка квалифицированных специалистов для территориальных подразделений пожарной охраны МВД СССР, дислоцированных на территориях Сибири и Дальнего Востока [\[1, 9, с. 23\]](#).

В целом учитывая специфику промышленного и экономического развития регионов Сибири и Дальнего Востока в общем и территории Прибайкалья в частности, идея о создании Иркутского пожарно-технического училища возникла ещё в 1932 г.

Но возможность реализовать данную идею появилась только в 1961 г, в связи с решением постановления Совета Министров РСФСР. При этом претендентами на создание пожарно-технического училища помимо г. Иркутска, были г. Омск, г. Красноярск, г. Хабаровск и Владивосток.

Выбор г. Иркутска в создании на его территории пожарно-технического училища был вполне очевиден. Во-первых на территории г. Иркутска к периоду конца 1960-х гг., действовала разветвлённая образовательная система учебных заведений среднеспециального и высшего-технического звена, что обуславливало возможность, на этапе становления обеспечить комплектование пожарно-технического училища кадрами с техническим образованием из числа местных работников.

Во-вторых г. Иркутск имел удобное географическое расположение, находясь равноудалённо как от территории Урала, так и Дальневосточного региона страны, что обеспечивало равномерный приток абитуриентов к месту учёбы.

В-третьих г. Иркутск являлся важным транспортным узлом, имеющим на своей территории аэропорт, железнодорожный вокзал, автовокзал и.тд. Данный фактор обеспечивал удобную логистическую составляющую в передвижении.

В-четвёртых принципиальная позиция начальника управления пожарной охраны УВД по Иркутской области полковника внутренней службы К.Н. Шейчика, который на уровне главного управления пожарной охраны МВД СССР смог отстоять позиции г. Иркутска, как места создания нового пожарно-технического училища.

Надо отметить, что к выбору площадки для строительства и проектированию зданий имел прямое отношение начальник Ленинградского пожарно-технического училища, полковник М.П. Захаров. Начало строительства зданий и корпусов Иркутского пожарно-технического училища началось в 1965 г. и было окончено в 1968 г. [\[6, с. 6\]](#).

26 марта 1968 г. по приказу Министерства охраны общественного порядка СССР № 0117 было образовано Иркутское пожарно-техническое училище. В конце 1968 г. при

очередной реорганизации Министерства охраны общественного порядка, ему было возвращено прежнее название Министерство внутренних дел отменённое в 1960 г. [\[5, с. 21\]](#). Данная реорганизация всецело повлияло на изменения в названиях структурных подразделений входящих в состав министерства в целом и Иркутского пожарно-технического училища в частности

Первым начальником Иркутского пожарно-технического училища был назначен инженер-майор А.П. Алифанов, в этой должности он прослужил до 1978г.

Комплектование Иркутского пожарно-технического училища переменным составом курсантов осуществлялось ежегодно в летне-осенний период. Регионами комплектования училища абитуриентами, были территориальные подразделения пожарной охраны из Сибири и Дальнего Востока.

Например в компании по поступлению абитуриентов 1970 г. в Иркутское пожарно-техническое училище на очную форму обучения можно выделить следующие этапы:

- Июль 1970 г., создание экзаменационной комиссии для приёма вступительных экзаменов от кандидатов поступающих на 1-курс училища. В состав приёмной комиссии вошли: А.П. Алифанов (начальник Иркутского пожарно-технического училища), а также представители служб и отделов училища: И.В. Дёгтев, С.С. Зырянов, Б.В. Оносов, В.А. Карпов, Н.А. Трещёв, Е.И. Хмельницкий, М.А. Деревсков, В.В. Лыхин.

Для приёма вступительных экзаменов, были созданы экзаменационные комиссии в составе:

По математике (устно):

Первая комиссия: В.В. Лыхин, О.К. Тарнопольская.

Вторая комиссия: Л.П. Березиков, В.А. Камлов.

По русскому языку и литературе письменно (сочинение)

1-й экзаменатор: Е.Д. Горин.

2-й экзаменатор: Э.Н. Назаров.

Также рассматривая организационные элементы в подготовке проведения мероприятий по поступлению абитуриентов важно отметить, что отделом кадров училища были подготовлены списки групп кандидатов на поступление (из расчёта 30 чел. в группе). А также были оформлены учебные дела установленной формы с фотокарточкой поступающих. На основании данных документов, по представлению сотрудника-куратора училища абитуриент допускался к сдаче вступительных экзаменов.

- Август 1970 г., с целью изучения профессиональных качеств и психологических особенностей поступающих на учёбу кандидатов, а также проведения воспитательной работы, за группами абитуриентов были закреплены сотрудники училища из числа лиц преподавательского и начальствующего состава:

1 гр. майор К.И. Хмельницкий; 8 гр. лейтенант А.Д. Зарецкий;

2 гр. лейтенант Г.К. Картавцев; 9 гр. майор Б.В. Оносов;

3 гр. капитан А.Н. Арзамазов; 10 гр. капитан Ю.С. Черепанов;

4 гр. лейтенант В.Г. Воробьёв; 11 гр. капитан Н.А. Трещёв;

5 гр. лейтенант М.П. Пономаренко; 12 гр. лейтенант А.Ф. Суслов;

6 гр. лейтенант Л.Л. Голубь; 13 гр. лейтенант Е.А. Столяров.

7 гр. лейтенант А.В. Евдокимов;

Учитывая численность каждой группы в 30 абитуриентов, общая численность кандидатов на поступление в Иркутское пожарно-техническое училище в 1970 г. составила 390 человек.

Также важным подготовительным этапом перед поступлением кандидатов, было прохождение обязательной повторной медицинской комиссии в стенах Иркутского пожарно-технического училища. В состав комиссии входили девять медицинских работников по направлениям: дерматолог, терапевт, хирург, стоматолог, окулист, отоларинголог, психотерапевт, невропатолог, фельдшер-секретарь. По результатам прохождения данной медицинской комиссии абитуриенты получали разрешение на прохождение вступительных испытаний.

- Сентябрь 1970 г., сдача вступительных экзаменов кандидатами на загородной базе в пос. «Московщина».

30 сентября 1970 г., состоялось зачисление на 1 курс Иркутского пожарно-технического училища 196 абитуриентов. 194 кандидата не прошедшие вступительные испытания убыли по местам дислокации комплектующих подразделений.

Подобный алгоритм проведения вступительных компаний в Иркутское пожарно-техническое училище проводился на постоянной основе в период деятельности данного учебного заведения.

Отслеживая учебную деятельность курсантов Иркутского пожарно-технического училища набора 1970 г., важно отметить, что после трёхлетнего периода обучения, 30 июня 1973 г. из стен училища выпустилось 173 молодых специалиста. Решением Государственной квалификационной комиссии выпускникам была присуждена квалификация «Пожарный техник». А также приказом МВД СССР присвоены звания техник-лейтенант.

Всем выпускникам училища были выданы нагрудные знаки установленного образца с отметкой в дипломах.

Двое выпускников училища:

- техник-лейтенант В.М. Зворыгин;

- техник-лейтенант М.К. Колосов: [\[10\]](#)

За успехи в учёбе и безупречную дисциплину занесены на «Доску почёта» Иркутского пожарно-технического училища.

Практика выпуска специалистов осуществлялась в стенах Иркутского пожарно-технического училища 23 раза в период с 1971 по 1993 гг.

За годы своей образовательной деятельности с 1968 по 1993 гг. в Иркутское пожарно-техническое училище на очную форму поступили и закончили обучение по годам следующее количество курсантов:

поступило: выпустилось:

1968 г. – 190

1969 г. – 193

1970 г. – 196

1971 г. – 194 1971 г. – 152 (*первый выпуск*)

1972 г. – 187 1972 г. – 179

1973 г. – 201 1973 г. – 173

1974 г. – 196 1974 г. – 161

1975 г. – 172 1975 г. – 155

1976 г. – 184 1976 г. – 152

1977 г. – 196 1977 г. – 156

1978 г. – 198 1978 г. – 156

1979 г. – 186 1979 г. – 157

1980 г. – 195 1980 г. – 156

1981 г. – 193 1981 г. – 173

1982 г. – 189 1982 г. – 166

1983 г. – 194 1983 г. – 179

1984 г. – 190 1984 г. – 171

1985 г. – 190 1985 г. – 159

1986 г. – 311 1986 г. – 186

1987 г. – 267 1987 г. – 155

1988 г. – 239 1988 г. – 270

1989 г. – 284 1989 г. – 226

1990 г. – 215 1990 г. – 171

1991 г. – 186 1991 г. – 215

1992 г. – 231 1992 г. – 226

1993 г. – 160 (*последний выпуск*)[\[11\]](#)

Итоговые показатели по общему количеству поступивших на обучение в Иркутское пожарно-техническое училище абитуриентов в период с 1968 по 1993 гг. составило – 5531 курсантов.

За период с 1971 по 1993 гг. обучение в Иркутском пожарно-техническом училище закончили – 4054 курсанта. Из них с отличием обучение окончили 54 курсанта. 5

курсантов за период учебной деятельности училища были награждены государственными наградами, медалями "За отвагу на пожаре".

За период учебной деятельности училища 1477 курсантов были отчислены по причинам нарушения служебной дисциплины, не успеваемости, по собственному желанию и т.д.

В 1993 г. Иркутское пожарно-техническое училище прекратило свою учебную деятельность и вошло в состав Иркутской высшей школы МВД Российской Федерации, в качестве факультета пожарной безопасности.

Подводя итог деятельности Иркутского пожарно-технического училища в подготовке специалистов для практических подразделений пожарной охраны, стоит отметить, что вклад который внесло данное учебное заведение в обеспечение пожарной безопасности регионов Сибири и Дальнего Востока носило важнейший стратегический характер. И по мнению автора данной научной статьи, вопрос о воссоздании подобного учебного заведения на территории Сибирского региона должен обсуждаться и воплощаться в жизнь, учитывая современные реалии опасности пожаров и чрезвычайных ситуаций.

Библиография

1. Агапитов М.Н. ИПТУ 25 памятных лет. Иркутск. Изд-во: Оперативная типография «На Чехова», 2003. 129 с.
2. Агапитов М.Н. Конечная остановка, страницы истории (воспоминания). Иркутск. Изд-во: Оперативная типография «На Чехова», 2013. 39 с.
3. Агапитов М.Н., Чащин С.Н. Пожарное дело в истории освоения и развития Восточной Сибири (1661-1950). Иркутск. Изд-во: Оперативная типография «На Чехова», 2006. 504 с.
4. Астахов М.В. Основы системного понимания исторического процесса. Самара. Изд-во: Самарский государственный университет, 2009. 172 с.
5. Васильев М.А. Становление Иркутского пожарно-технического училища МВД СССР: историко-педагогическая ретроспектива // Современное образование. Москва. Изд-во: «Нота Бене» 2020. – № 1. – С. 1-7.
6. Деревсов М.А. Памятное и пламенное: к 30-летию Иркутского пожарно-технического училища и к 5-летию Иркутской высшей школы // Вестник Иркутской высшей школы МВД России. - № 4. Иркутск: Изд-во: «ВСИ МВД России», 1998. С. 5-8.
7. Пронштейн А.П. Методика исторического исследования. Ростов. Изд-во: Ростовского университета, 1971. 468 с.
8. Черных В.В. История пожарного дела Иркутской области (1800-1990-е гг.). Иркутск. Изд-во: «ВСИ МВД России», 1998. 223 с.
9. Чернов А.В. История подготовки кадров пожарной охраны Сибири и Дальнего Востока. // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России, юбилейный выпуск (1993-2008). Иркутск. Изд-во: «ВСИ МВД России», 2008. С. 22-30.
10. Архив Восточно-Сибирского института МВД России (АВСИ МВД РФ). Ф. 74 Оп. 1. Д. 1. Л.146, 156, 180,187. Ф. 93 Оп. 1. Д. 1. Л.136-138.
11. Архив Восточно-Сибирского института МВД России (АВСИ МВД РФ). Ф. 69 Оп. 1. Д. 1. Л. 99; Ф. 74 Оп. 1. Д. 1. Л. 188; Ф. 83 Оп. 1. Д. 1. Л. 88, 126; Ф. 87 Оп. 1. Д. 1. Л. 85-197.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

О том насколько важной является работу по предупреждении и ликвидации чрезвычайных ситуаций говорит хотя бы повседневная деятельность Министерства по чрезвычайным ситуациям Российской Федерации. Поэты, произошли, другие деятели культуры воспевают пожарных, работников правоохранительных органов, спасателей.

Но вместе с тем развитие современных служб быстрого реагирования невозможно без переосмысления предшествующего опыта.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является подготовка курсантов Иркутского пожарно-технического училища в 1968-1993 гг. Автор ставит своими задачами показать географию пожарно-технических училищ в середине 1960-х гг., выявить причины создания пожарно-технического училища в Иркутске, проанализировать количественные данные подготовки курсантов Иркутского пожарно-технического училища.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор на основе различных источников стремится охарактеризовать количественные показатели подготовки курсантов Иркутского пожарно-технического училища в 1968-1993 гг.

Научная новизна определяется также привлечением архивных материалов.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его разносторонность: всего список литературы включает в себя 11 различных источников и исследований. Из привлекаемых автором источников отметим документы из фондов Восточно-Сибирского института МВД России. Из используемых исследований укажем на работы М.А. Васильева и М.А. Деревскова, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения истории Иркутского пожарно-технического училища. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по её теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется, как историей пожарно-технического образования, в целом, так и Иркутским пожарно-техническим училищем, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что регионами комплектования Иркутского пожарно-технического училища абитуриентами были территориальные подразделения пожарной охраны из Сибири и Дальнего Востока. Автор показывает, что за период деятельности училища в него поступило 5531 курсанта, а выпустилось 4054 курсанта. Автор обращает внимание на стратегический характер деятельности училища, поскольку за Уралом это было единственное учебное заведение пожарной охраны.

Главным выводом статьи является то, что

"вопрос о воссоздании подобного учебного заведения на территории Сибирского либо Дальневосточного региона должен обсуждаться и воплощаться в жизнь, учитывая современные реалии опасности пожаров и чрезвычайных ситуаций".

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России, так и в различных спецкурсах.

В тоже время к статье есть замечания:

1) Автор излишне тяготеет к описательности. Следует показать, почему площадкой для

училища был выбран именно Иркутск, а также обозначить причины прекращения деятельности училища в 1993 г.

2) Необходимо дополнить количественный анализ, так автор не показывает какое количество выпускников получило дипломы с отличием и т.д.

3) Следует вычитать текст, так, у автора значится: "Сибири и Дальнего Востока советского союза".

После исправления указанных замечаний статья может быть рекомендована для публикации в журнале "Исторический журнал: научные исследования".

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования обозначен в названии и разъяснен в тексте статьи.

Методология исследования. При работе над статьей автор опирался на конкретно-исторических подход. Кроме того, в работе применены анализ, синтез, обобщение, конкретизация, анализ архивных документов, научной литературы, законодательных документов; ретроспективный анализ; метод исторических аналогий.

Актуальность исследования обусловлена тем, что для борьбы с таким стихийным бедствием как пожары, наносящие колоссальный ущерб народному хозяйству, природе и людям необходимы наряду с техническими средствами борьбы с пожаром готовить высококвалифицированных специалистов. От умения, квалификации, мужества специалистов пожарного дела зависит как будет организовано тушение пожара, а также профилактическая работа по предотвращению пожаров. Социально-экономическое развитие региона Сибири и Прибайкалья в 1930-е годы требовало подготовки кадров для борьбы с пожарами, а в 1960-е годы, отмечает автор статьи, возникла «острая нехватка квалифицированных специалистов для территориальных подразделений пожарной охраны МВД СССР, дислоцированных на территориях Сибири и Дальнего Востока». Острую нехватку кадров в этом регионе не могли решить, расположенные в основном в европейской части страны учебные заведения, необходимость подготовки кадров по пожаротушению в Сибири было очевидно. Потому в 1968 г. по приказу Министерства охраны общественного порядка СССР № 0117 было образовано Иркутское пожарно-техническое училище (в 1968 г. Министерство охраны общественного порядка вновь стало Министерством внутренних дел). Актуальность темы статьи очевидна, актуально также изучение вопроса о количестве специалистов подготовленных данным учебным заведением в исследуемый период времени с точки зрения проблем в пожарном деле в настоящее время и определения необходимого количества специалистов в современный период.

Научная новизна статьи определяется подстановкой проблемы и задач исследования.

Научная новизна также определяется тем, что в статье всестороннее изучено как шла подготовка специалистов пожарного дела, дан их количественный анализ в исследуемый период.

Стиль, структура, содержание. Стиль статьи в целом можно отнести к научному, но доступному не только специалистам, но и широкому кругу читателей, всем, кого интересует организация пожарного дела в Сибири и вопросы подготовки специалистов по пожарному делу в Иркутском пожарно-техническом училище в 1968-1993 годы. Структура работы направлена на достижение цели статьи и показать Деятельность Иркутского пожарно-технического училища, в вопросах привлечения молодежи в данное учебное заведения их обучения и подготовки специалистов для территориального

подразделения пожарной безопасности, расположенных в Сибири за исследуемый период (1968-1993 годы). В тексте статьи много интересных данных о численности выпускников, о числе отчисленных по неуспеваемости или поведения, численности тех, кто с отличием окончил училище, о преподавателях, об экзаменах и т.д. Раскрыт вопрос почему именно в Иркутске было решено открыть данное училище и другие интересные вопросы. Текст статьи логично выстроен и последовательно изложен.

Библиография статьи состоит из 11 источников (9 из них это работы по теме и смежным темам), а также архивные документы из Архива Восточно-Сибирского института МВД России (АВСИ МВД РФ), часть из которых впервые вводится в научный оборот.

Апелляция к оппонентам. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации и проведенного анализа по теме исследования.

Выводы, интерес читательской аудитории. Статья написана на актуальную тему, выводы объективны и она не останется без внимания специалистов и всех, кто интересуется вопросами подготовки специалистов для подразделений пожарной охраны в нашей стране.

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Синцеров Л.Л. Образ Чеченской войны на страницах американской ежедневной газеты The New York Times: обзор заголовков // Исторический журнал: научные исследования. 2024. № 3. DOI: 10.7256/2454-0609.2024.3.70450 EDN: JPPEPH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70450

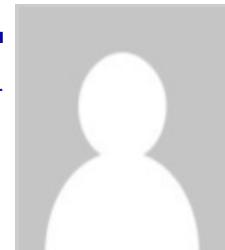
Образ Чеченской войны на страницах американской ежедневной газеты The New York Times: обзор заголовков

Синцеров Леонид Леонидович

аспирант, кафедра источниковедения, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

119192, Россия, г. Москва, ул. Ломоносовский Проспект, 27 к4, каб. 400

✉ sincerov.leonid@yandex.ru

[Статья из рубрики "Проблемы войны и мира"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2024.3.70450

EDN:

JPPEPH

Дата направления статьи в редакцию:

14-04-2024

Дата публикации:

03-05-2024

Аннотация: Предметом исследования в статье является образ Первой и Второй чеченской войны, созданный журналистами газеты The New York Times в 1990ые гг. и отражающий взгляды американской демократической общественности. В качестве объекта исследования выступают относящиеся к указанной теме заголовки статей в американской ежедневной газете The New York Times. В конце XX в. периодическая печать продолжала играть значительную роль в общественной жизни, в том числе формируя новостную повестку и создавая имидж тех или иных событий. Зачастую журналисты стремились навязать своё видение российской политики читателю. Авторитетные издания, избегая приемов «желтой прессы», использовали более тонкие и неочевидные манипуляционные формы. К подобным манипуляциям можно отнести выбор газетой лексических единиц с определённой коннотацией и частотность их

употребления. В данном исследовании, автором предпринята попытка эксплицировать скрытую информацию, которая заложена в заголовках издания The New York Times. Для анализа выявленной автором информации в заголовках газеты The New York Times в статье были использованы такие методы, как историко-сравнительный и количественный контент-анализ. Новизна исследования заключается в том, что заголовки газеты The New York Times указанного периода впервые рассмотрены как источник анализа трансформирующегося взгляда американской демократической прессы на события Первой и Второй чеченских войн. По результатам исследования были сделаны следующие выводы: образ чеченского конфликта 1990ых гг. в американской прессе претерпел значительные изменения. Если Первая чеченская война в газете The New York Times предстает как легитимная борьба российских властей с сепаратистским движением в Чечне, пусть и с рядом критических замечаний, то образ Второй чеченской войны кардинально отличается от предыдущей кампании. Газета представляет события Второй чеченской кампании как новоколониальную войну, при этом акценты были смешены в сторону критики российского руководства за нарушение прав и свобод человека в Чеченской Республике, а также прямое влияние на дестабилизацию в регионе Северного Кавказа.

Ключевые слова:

образ, Чеченская война, газета Нью-Йорк Таймс, источниковедение, манипуляционные приёмы, заголовки газеты, контент-анализ, анализ прессы, американская пресса, периодическая печать

Средства массовой информации давно стали неотъемлемой частью нашей повседневной жизни. Они в значительной степени формируют информационное пространство, в котором живет современный человек, в том числе определяют информационную повестку, влияют на представление людей об окружающем их мире, формируют взгляды аудитории, задают тренды, создают новых героев или же, наоборот, разрушают репутацию старых. Несомненно, важную роль в этом играет и периодическая печать, которая помогает человеку сформировать свое отношение к событиям повседневности, направить мнение публики в определенное русло.

Если во второй половине XX в. тиражи газет увеличивались, то начиная с 2010-ых гг. тиражи печатных изданий неуклонно сокращаются, а им на смену приходят цифровые сервисы [1]. Авторитетные мировые издания не сопротивляются этой тенденции, а стремятся возглавить новый тренд на диджитализацию [2]. Важно уточнить, что несмотря на общую цифровизацию, основные принципы работы редакций не претерпели значительных изменений в отношении работы журналистов, этические и профессиональные основы, заложенные еще в период гегемонии печатной прессы, актуальны и по сей день.

Вышеизложенные факторы определяют и интерес к изучению прессы в качестве исторического источника, кроме того, информационные возможности периодики не изучены в полной мере.

Для данной работы автором в качестве источника были выбраны материалы авторитетной американской газеты The New York Times, которая в конце XX века достигла пиковых показателей по тиражам газеты – более 1 млн. экземпляров в день, а также окончательно завоевала статус общенационального издания [3]. Исследования

показывают, что читатели газеты The New York Times в среднем наиболее образованные и обеспеченные американские граждане [4, 5]. В исследуемый период (и по сей день) The New York Times имела корреспондентский пункт в Москве, где одновременно трудились несколько журналистов, которые ездили по стране и могли воочию наблюдать многие события. Кроме того, The New York Times традиционно считается изданием с демократическим уклоном. Так как в исследуемый период президентом США был Билл Клинтон, который избирался от демократической партии, можно предположить, что взгляды газеты на события мировой политики могли значительно совпадать с мнением администрации президента [6, с. 92-104], [7].

Объектом исследования стали заголовки газеты, посвященные Первой и Второй войнам в Чеченской республике. Так как размер газеты The New York Times в воскресные дни достигал нескольких сотен страниц, то даже самые любопытные и преданные читатели не могли осилить такой объем. Зачастую газету пролистывали и останавливались либо на излюбленных, либо на заинтересовавших читателя темах. Именно в этом аспекте и важны заголовки газеты, которые не только должны были мотивировать читателя ознакомиться с публикацией, но и заложить в его сознание уже готовую мысль, определённый взгляд на событие, законченный образ. Для этих целей журналистами издания и редакцией использовались приёмы речевого манипулирования, которые позволяли сделать воздействие на читателя неочевидным, даже скрытым.

В этом отношении следует вспомнить работы академика И.Д. Ковальченко, который отмечал растущую потребность в выявлении сведений, напрямую не выраженных в историческом источнике, в том числе за счёт повышения его информативной отдачи [8]. В данной статье эта цель будет достигнута благодаря исследованию выбора определённых лексических единиц газетой The New York Times в описании конфликта в Чеченской республике, а также анализу количества их использования и тональности.

Не случаен и выбор темы для исследования. Начатая в середине 1990-х гг. операция по восстановлению конституционного порядка в Чеченской республике переросла в полномасштабную войну, которая на долгие годы дестабилизировала этот регион Северного Кавказа. Для России конфликт обернулся большими гражданскими и военными потерями, десятками тысяч беженцев, вынужденных покинуть неспокойный регион, разрушенной инфраструктурой в населенных пунктах на территории Чечни. Наконец, в результате боевых действий активизировались группировки боевиков, которыми впоследствии был инициирован целый ряд террористических актов во многих других регионах России [9].

Конфликт в Чеченской республике приковал к себе внимание не только российской общественности, но и зарубежной. Не случайно войну в Чечне называют «первой телевизионной войной», ведь ее события подробно освещались журналистами практически в прямом эфире телевещания [10]. Безусловно, реакция на конфликт была достаточно бурной как в общественной среде, так и среди политиков. В период Первой чеченской войны российские и иностранные журналисты получали широкий доступ к работе в зоне боевых действий, благодаря чему мировое сообщество имело возможность узнавать в подробностях о событиях с передовой на Северном Кавказе [11]. Именно поэтому можно говорить о том, что журналисты новостных изданий из разных стран мира стали непосредственными свидетелями войны в Чеченской республике, а их взгляды отразились в телевизионных репортажах и текстах газет, которые затем широко транслировались среди общественности за рубежом.

Исследователи указывают, что образ России в США носил волнообразный характер и зависел от политической конъюнктуры. После долгих лет Холодной войны, когда наша страна представлялась американцами как соперник и даже враг, с началом политики Перестройки отношения между странами начали улучшаться. Поэтому с уверенностью можно сказать, что выбранный период для исследования как раз является примером значительного потепления в отношениях США и России [\[12\]](#).

Трансформации, которые проходила в России в конце XX в., безусловно, носили революционный по своей сути характер, так что в США с большим любопытством наблюдали за главными событиями общественно-политической жизни нашей страны. Именно поэтому за Военным конфликтом в Чеченской республике в США следили одновременно с интересом и тревогой.

В историографии выбранной темы можно выделить два направления исследования:

1. Работы, посвященные образу войны в отечественных СМИ, которые в дальнейшем помогут понять, как этот образ соотносится с представлением американских журналистов.
2. Работы, посвященные взгляду на Чеченскую войну из США, тому, как ее воспринимали политические элиты, как события войны транслировали американские СМИ. Эти исследования также помогут понять, насколько внешняя политика США и СМИ соотносятся между собой

К первой группе историографии относится диссертация историка В. Ф. Цветковой «Чеченский конфликт в отечественной периодической печати», где автор отмечает, что Первая чеченская война проходила в условиях максимальной открытости, так как СМИ имели возможность полноценно освещать боевые действия практически без ограничений [\[13\]](#). Журналисты активно критиковали действия центральных властей, что привело к угасанию общественной поддержки боевых действий и к тотальному их неприятию. Однако ситуация изменилась к началу Второй чеченской компании, когда, по мнению автора, государство стало контролировать информационное поле, что привело к признанию второй военной компании российской общественностью в качестве «антитеррористической операции». К подобным же выводам приходит И. Э. Калоева в своей диссертации: если во время первой военной компании на Северном Кавказе власти столкнулись с полной информационной неподготовленностью российского общества к положительному восприятию разразившейся войны, то к началу Второй чеченской кампании ошибки были учтены. Удалось не только консолидировать российское общество вокруг идеи борьбы с терроризмом на Северном Кавказе, но и, что важнее, легитимизировать в общественном сознании боевые действия в Чечне [\[14\]](#).

В статье «Первая Чеченская война в материалах российских СМИ» Марков Е. А. приводит примеры из наиболее авторитетных российских газет исследуемого периода и высказанные там точки зрения относительно конфликта в Чечне. Автор отмечает, что для СМИ была характерна критика решений, принимаемых российскими властями, и самих боевых действий, также медиа подчеркивали антагонистическую сущность войны. По мнению автора, российское руководство не успело подготовить общественное сознание к необходимости ведения военных действий в Чечне, вследствие чего как в обществе, так и в СМИ, а также среди членов правительства и парламента отсутствовало единство взглядов, необходимое для поддержки военных действий. Однако Е. А. Марков, указывает, что к началу Второй чеченской войны ошибки, допущенные в первую кампанию, были учтены. В поддержку военной операции выступали и СМИ, и

значительная часть российского общества, а новая чеченская кампания прошла под лозунгами «ликвидации сепаратистских вооруженных формирований» [\[15\]](#).

Таким образом, исследователи сходятся во мнении, что в период Первой Чеченской войны большинство российских СМИ находились в оппозиции официальной государственной линии и жестко критиковали действия власти, однако уже к началу Второй чеченской войны руководству страны удалось проделать «работу над ошибками» и консолидировать общество вокруг темы борьбы с терроризмом на Северном Кавказе, благодаря чему действия армии в Чеченской республике в итоге получили народное одобрение [\[16\]](#).

Вторая группа исторических исследований, отражает взгляд на Чеченский конфликт в США. Примечательно, что он не оставался единым и неизменным на протяжении обеих Чеченских кампаний. Так, например, в монографии А. В. Малащенко, Д. В Тренина «Время юга. Россия в Чечне, Чечня в России», выпущенной институтом Карнеги, говорится о различиях в отношении руководства США к Чеченским войнам. Так, например, во время Первой Чеченской кампании руководство США в целом снисходительно относились к действиям ельцинской администрации на Северном Кавказе. Спустя четыре года ситуация изменилась, и в США уже открыто осудили неадекватное, с их точки зрения, применение силы федеральными войсками в ходе контртеррористической операции [\[17, с.216\]](#).

Подобную точку зрения можно встретить и в материалах архива национальной безопасности, где, ссылаясь на отчеты разведывательного управления министерства обороны США, говорится о том, что руководство США воздерживается жесткой критики действий России на Северном Кавказе и однозначных оценок в период Первой чеченской войны [\[18\]](#). По всей видимости, это делается для того, чтобы избежать возможного ослабления имиджа президента Ельцина, которого в США считают демократическим «союзником» [\[19\]](#).

В работе американского исследователя Майка Боукера «Западные взгляды на чеченский конфликт», автор отмечает различия в восприятии войны в Чеченской республике среди политиков и журналистов. М. Боукер пишет, что Запад отказывался признавать претензии Чечни на независимость и признавал право России защищать свою территориальную целостность. Критика действий российской власти в Чечне была связана в большей степени с нарушением солдатами прав и свобод человека и агрессивными методами ведения войны. В тоже время, по мнению М. Боукера, Западные СМИ стремились показать войну в Чечне как национально-освободительную и всячески симпатизировали чеченцам, при этом жестко критикуя действия российских властей [\[20\]](#).

Важными для данной статьи стали исследования Б. Хэнлона, где автор попытался воссоздать образ чеченского конфликта на основе публикаций крупных американских газет. Б. Хэнлон останавливает своё внимание на лексике, которую выбирают американские журналисты для описания конфликта в Чечне. Так, по мнению автора, в 1999 г., после целого ряда терактов в России, ответственность за которые была возложена на чеченских боевиков, американские журналисты избегали использования формулировок, характеризующих их как террористов, в большой степени акцентируя внимание на их причастность к сепаратистскому движению [\[21\]](#).

Переходя непосредственно к образу Чеченской войны в заголовках газеты The New York Times необходимо ответить на вопрос: была ли тема России важной и интересной для

газеты и читателей в 1990-ые гг.? Какое место по отношению к другим мировым новостям занимала Россия?

Для этого на основе цифрового архива The New York Times, который содержит все новости, когда-либо публиковавшиеся в газете, были произведены подсчеты публикаций с упоминанием России в разделе международных новостей за период с 1992 г. по начало 2000 г. Подсчеты показали, что в среднем Россия упоминается в 10% от всех новостей мировой политики. Для сравнения Франция и Великобритания также упоминаются в среднем в 10% всех международных новостей, соседняя для США Канада занимала в газете не более 5% [22].

Однако за весь исследуемый период было выявлено порядка 15 месяцев, когда средний показатель значительно превышается, достигая при этом 15% новостей о России от общего числа публикаций. Это говорит о том, что были определенные периоды, когда события в России вызывали наибольший интерес американских читателей и редакции The New York Times, это были в том числе месяцы активной стадии боев в Чеченской Республике – декабрь 1994-го г., январь 1995-го г., декабрь 1999-го г., когда количество новостей с упоминанием России превышало средний показатель. В дальнейшем был проведен качественный анализ материалов газеты, который подтвердил связь пиковых показателей с событиями в Чеченской Республике.

Что касается отражения образа Чеченской войны в американской периодической печати и трансформации этого образа, то одним из ключевых аспектов для изучения служат заголовки новостных публикаций по соответствующей теме. Важно напомнить, что объем ежедневных газет периода 1990-х гг. достигал нескольких сотен страниц, вследствие чего у читателя зачастую не было возможности подробно прочитывать все статьи, посвященные не только событиям в Чеченской Республике, но и всей международной повестки. Именно поэтому заголовки новостных публикаций несут значительный исследовательский потенциал, как наиболее сконцентрированная форма донесения до читателя ключевой информации, имеющая сильнейший манипуляционный потенциал.

Таким образом, для выявления особенностей трансформации образа военного конфликта в Чечне на основе заголовков газеты The New York Times был составлен исследовательский план из следующих задач:

1. Определение равнозначных по размеру и содержанию временных отрезков, относящихся к Первой и Второй Чеченским войнам, за которые можно изучить заголовки The New York Times;
2. Выявление количества заголовков с прямым упоминанием конфликтов в Чечне за выбранные временные периоды;
3. Подсчет лексических единиц, которые описывают противостоящие федеральным войскам силы;
4. Расчет соотношения лексических единиц, употребляющихся в выбранные временные отрезки;
5. Установление особенностей трансформации образа военного конфликта в Чечне на основе использования журналистами специфических лексических единиц.

Для того чтобы определить, как менялись заголовки, посвященные Чеченскому конфликту в The New York Times, были выделены для проведения контент-анализа два месяца наиболее активной фазы боевых действий в течение Первой Чеченской войны и также два месяца в течение Второй Чеченской войны. Таким образом, выбраны следующие временные промежутки: декабрь и январь 1994-1995-го гг., относящиеся к первой Чеченской войне и представляющие собой период активной стадии боев за город

Грозный; и декабрь и январь 1999-2000 гг., относящиеся ко Второй Чеченской войне и представляющие период окружения Грозного и наступательной операции федеральных войск.

Далее в каждом временном отрезке был проведен подсчет количества заголовков, где упоминался конфликт в Чечне, а также были проведены расчеты относительно количества различных лексических единиц, описывающих участников конфликта.

	Общее количество заголовков по теме войны в Чеченской Республике	Сколько раз /Какие лексические единицы использовались для описания чеченской стороны?
	Всего 147 заголовков	Rebels Chechy Secessionist Grozny Civilians Chechen Refugee Caucasus
01-31.12.1994	36 заголовков	16 раз 19 раз 1 раз
01-31.01.1995	39 заголовков	14 раз 26 раз 0 раз
Всего за два месяца	75 заголовков	30 раз 45 раз 1 раз
Процент использования лексических единиц от общего количества заголовков	40%	60% 1,30%
01-31.12.1999	40 заголовков	3 раза 35 раз 7 раз
01-31.01.2000	32 заголовка	6 раз 31 раз 1 раз
Всего за два месяца	72 заголовка	9 раз 66 раз 8 раз
Процент использования лексических единиц от общего количества заголовков	12,50%	91,60% 11%

Таблица 1. В таблице указаны выбранные временные отрезки для исследования, количество заголовков с упоминанием войны в Чеченской республике в каждый период времени, а также количество лексических единиц используемых для описания сил, противостоящих федеральной власти.

На основе изученных заголовков была составлена Таблица 1, где представлены расчеты, отражающие выбор американскими журналистами определённых лексических единиц в наименовании сил, противостоящих федеральным войскам России, а также частоту их упоминания. Так, в период с декабря по январь 1994-1995 гг. в 40% заголовках, посвященных Первой Чеченской войне, использовались слова «Rebels» или «Secessionists», что можно перевести как «сепаратисты», «повстанцы» и «мятежники». С точки зрения государственной власти, можно сказать, что данные лексические единицы имеют, скорее, негативную коннотацию, так как обозначают группу лиц, которая стремится отделиться от государства, используя не только политические, но и силовые механизмы. Однако нас в большей степени интересует, какие смыслы закладывают журналисты The New York Times, используя подобную лексику. Так например, журналисты газеты используют слова «Rebels» или «Secessionists» при описании йеменских хуситов, которые в 2024 г. в США внесены в список глобальных террористов особого назначения (SDGT) [23]. То есть с уверенностью можно сказать, что данная лексика используется журналистами The New York Times в негативном ключе.

В 60% заголовков упоминаются слова, акцентирующие внимание на национальных, этнических и территориальных особенностях – это слова «Чечня/чеченский», «Кавказцы/кавказский», «Грозный» (столица Чеченской республики). Так как американский читатель мало знаком с причинами конфликта, его особенностями и главными действующими лицами, то данная лексика используется журналистами, чтобы раскрыть суть происходящих событий: где находится Чеченская республика, кто ее лидер, где эпицентр боевых действий.

Стоит обратить внимание, что в течение выбранного временного отрезка чуть более, чем в 1% заголовков упоминаются слова «Civilians» и «Refugees», что переводится как «гражданские лица» и «беженцы» соответственно. То есть заголовки газеты почти не касаются темы гражданского населения, которое, безусловно, страдает с самого начала вооруженного конфликта.

На основе заголовков и частоты упоминания лексических единиц, читатель The New York Times может сделать вывод, что почти в половине случаев журналисты указывают на противостояние федеральных сил России и незаконных вооруженных формирований, что способно легитимировать действия российских военных в глазах читателя. Кроме того, упоминания лексики, обозначающей беженцев и мирных граждан сведено к минимуму, что выводит эту тему из поле зрения аудитории. Слова, носящие национально-этнический смысл, используются для разъяснения сути конфликта.

С декабря по январь 1999-2000 гг., в период активной фазы Второй Чеченской войны, частота использования лексических единиц меняется: только в 12% заголовков используются слова, обозначающие повстанцев, сепаратистов и мятежников («Rebels» или «Secessionists»), что более чем в 3 раза реже, чем в период Первой Чеченской войны. Однако использование слов, обозначающих этническую принадлежность, вырастает с 60% до 91%. Также в 11% заголовков используется лексика, обозначающая гражданских лиц или беженцев. Отметим, что в заголовках нет каких-либо лексических единиц, обозначающих преступников или террористов, хотя к началу 2000-х гг. в России произошел целый ряд террористических актов и убийств, ответственность за которые взяли на себя чеченские полевые командиры.

Исходя из использования журналистами лексических единиц в заголовках в данном временном отрезке, читатель может сделать вывод, что российские военные сражаются в первую очередь с народом Чеченской республики, а не с отдельно взятыми вооруженными формированиями. Так как лексика, обозначающая сепаратизм, минимизирована, то значительно увеличено количество лексики, обозначающей национальную принадлежность. Таким образом, конфликт в Чечне приобретает образ новоколониальной войны, где Россия пытается подчинить себе чеченский народ, что в целом способно вызвать эмпатию у американского читателя по отношению к чеченской стороне. Кроме того, выбор лексических единиц косвенно указывает на то, что российские войска ведут войну против гражданских лиц, в том числе, так как в 10 раз чаще используются слова, обозначающие мирных граждан.

Таким образом, на основе изучения лексических единиц, используемых журналистами The New York Times в заголовках статей, посвященных Первой и Второй чеченским войнам, можно сделать ряд выводов об изменении формирования образа Чеченского конфликта. Если в период Первой чеченской войны американские журналисты отмечали, что российские войска борются с силами сепаратистов, то использование лексических единиц в период второй Чеченской войны указывает на то, что борьба идет уже с гражданским населением, в результате чего страдают мирные жители и беженцы покидают регион. Согласно изученной историографии, подобная трактовка журналистами The New York Times событий в Чечне соответствует общей риторике руководства США: в период первой Чеченской войны руководство США отмечало легитимность борьбы российских властей с сепаратистскими настроениями и применения армии, тогда как в период второй Чеченской войны акценты были смешены в сторону критики российского руководства за излишнее использование вооруженных сил против гражданского населения, нарушение прав и свобод человека в Чеченской Республике, а также прямое влияние на дестабилизацию в регионе Северного Кавказа.

Кроме того, можно провести параллель с тем, как менялось освещение войны в Чеченской республике в отечественных СМИ. Если американские СМИ перешли от частичного принятия войны к её критике, то в Российской журналистике процесс был обратный – от критики войны до ее принятия и частичного одобрения.

Библиография

1. Newspapers Fact Sheet. [Электронный ресурс] Режим доступа:
<https://www.pewresearch.org/journalism/fact-sheet/newspapers/> (Дата обращения: 10.04.2024).
2. Watson, A. Number of paid subscribers to New York Times Company's digital only news product from 1st quarter 2014 to 1st quarter 2023. [Электронный ресурс] Режим доступа:<https://www.statista.com/statistics/315041/new-york-times-company-digital-subscribers/> (Дата обращения: 10.04.2024).
3. The New York Times. History. [Электронный ресурс] Режим доступа:
<https://www.nytco.com/company/history/> (Дата обращения: 10.04.2024).
4. Roper, W. Party Affiliation Defines News Sources. // Statista. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.statista.com/chart/21328/party-affiliation-by-news-source/> (Дата обращения: 10.04.2024).
5. Average Salary in the U.S. (2024) [Электронный ресурс] Режим доступа:
<https://www.jobted.com/salary> (Дата обращения: 10.04.2024).
6. Новгородова, А. И. The New York Times: уникальный опыт семейного бизнеса/ А. И. Новгородова// Меди@льманах, издательство НП "Партнерство фак. журналистики". 2020. М., № 2-3, с. 92 –104.
7. Седая леди на покой не торопится. Юбилей New York Times. Газета «Коммерсантъ» 31.08.1996. [Электронный ресурс] Режим доступа:
<https://www.kommersant.ru/doc/238691> (Дата обращения: 10.04.2024).
8. Ковальченко, И. Д. Методы исторического исследования/ И. Д. Ковальченко; Отделение историко-филологических наук. 2-е издание. – М.: Наука, 2003. – 486 с.
9. Оганджанов И. День памяти: самые кровавые теракты в России. 3 сент 2016. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://russian.rt.com/article/319338-den-pamyati-samye-krovavye-terakty-v-rossii> (Дата обращения: 10.04.2024).
10. Первая телевизионная война. [Электронный ресурс] Режим доступа:
<http://www.yeltsinmedia.com/articles/chechnya/>(Дата обращения: 10.04.2024).
11. Котов, Ю. М. Военные действия в Чечне и российские средства массовой информации. [Электронный ресурс] Режим доступа:
https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/91035/1/puv_1997_037.pdf (Дата обращения: 10.04.2024).
12. Кошкин, П. Г. Американская журналистика и постправда [Текст] / П.Г. Кошкин. – М. : Весь мир, 2019. – С.288.
13. Цветкова, В. Ф. Чеченский конфликт в отечественной периодической печати[Текст] : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02: Защищена 25.10.2007/ Цветкова Валентина Федоровна. – СПб., 2007. [Электронный ресурс] Режим доступа:
<https://www.dissercat.com/content/chechenskii-konflikt-v-otechestvennoi-periodicheskoi-pechatи> (Дата обращения: 10.04.2024).
14. Калоева И.Э. Особенности освещения в СМИ вооруженных конфликтов: Чеченская республика: 1994-2004 гг. [Текст] : дис. ... полит. ист. наук : 10.01.10: Казань, 2004. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/osobennosti-osveshcheniya-v-smi-vooruzhennykh-konfliktov-chechenskaya-respublika-1994-2004-g>(Дата обращения: 10.04.2024).

15. Марков, Е. А. Первая Чеченская война в материалах российских СМИ// Теория и практика общественного развития: Политические науки. Вып.: 2, 2011.
16. процентов россиян не поддерживают войну в Чечне. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2002/08/09/poll/>(Дата обращения: 10.04.2024).
17. Малашенко, А. В., Тренин, Д. В. Время юга: Россия в Чечне. Чечня в России [Текст] / А. В. Малашенко, Д. В Тренин; М.: Гендальф, 2002. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://carnegieendowment.org/files/pub-35864.pdf> (Дата обращения: 10.04.2024).
18. Chechnya, Yeltsin, and Clinton: The Massacre at Samashki in April 1995 and the US Response to Russia's War in Chechnya <https://nsarchive.gwu.edu/briefing-book/russia-programs/2020-04-15/massacre-at-samashki-and-us-response-to-russias-war-in-chechnya> (Дата обращения: 10.04.2024).
19. Sciolino, E. Administration Sees No Choice but to Support Yeltsin NYT. [Электронный ресурс] Режим доступа:<https://www.nytimes.com/1995/01/07/world/administration-sees-no-choice-but-to-support-yeltsin.html?searchResultPosition=22>(Дата обращения: 10.04.2024)
20. Bowker, M. Western Views of the Chechen Conflict. In. Chechnya. From Past to Future. Ed. R. Sakwa Published online by Cambridge University Press: 05 March 2012[Электронный ресурс] Режим доступа:<https://www.cambridge.org/core/books/abs/chechnya/western-views-of-the-chechen-conflict/1AB2D183902BA90836D93F0C2F9956E8>(Дата обращения: 10.04.2024)
21. Hanlon, B. R. Shifting Perspectives: A Study of US Print Media Perceptions of the RussoChechen Conflict Before and After September 11, 2001 // University of Pittsburgh 2016. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://d-scholarship.pitt.edu/27772/1/hanlonbr_etd2016.pdf (Дата обращения: 10.04.2024)
22. New York Times Article Archive.1851–Present. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://archive.nytimes.com/www.nytimes.com/ref/membercenter/nytarchive.html> (Дата обращения: 10.04.2024).
23. Houthi Attacks and U.S.-Led Strikes Dash Hopes for Quick Yemen Peace Deal. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2024/02/06/world/middleeast/yemen-peace-deal.html?searchResultPosition=11> (Дата обращения: 10.04.2024).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В современном мире средства массовой информации - газеты, журналы, радио, телевидение, интернет-ресурсы - не просто являются выражителями общественного мнения, они прямо формируют его. Напомним, в этой связи американский фильм "Хвост виляет собакой", в котором показаны различные способы манипуляции общественным мнением СМИ. В этой связи вызывает важность обратиться к изучению различных аспектов формирования образа России западными СМИ.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является образ Чеченской войны на страницах американской ежедневной газеты The New York Times. Автор ставит своими задачами рассмотреть историографию вопроса, проанализировать трансформацию заголовков, посвященных Чеченскому конфликту в The New York Times, а также провести параллель параллель с тем, как менялось освещение войны в Чеченской республике в российских СМИ.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать трансформацию образа военного конфликта в Чечне на основе использования журналистами специфических лексических единиц.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя свыше 20 различных источников и исследований. Специфика тематики исследования обусловило привлечение зарубежной англоязычной литературы. Источниковая база статьи представлена прежде всего материалами издания издания "The New York Times". Из привлекаемых автором исследований отметим работы И.Э. Калоевой, Е.А. Маркова и В.Ф. Цветковой, в центре внимания которых находятся различные аспекты освещения чеченского конфликта российскими СМИ. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по её теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что "исследуемый период (и по сей день) The New York Times имела корреспондентский пункт в Москве, где одновременно трудились несколько журналистов, которые ездили по стране и могли воочию наблюдать многие события". Автор обращает внимание на то, что если "в период Первой чеченской войны американские журналисты отмечали, что российские войска борются с силами сепаратистов, то использование лексических единиц в период второй Чеченской войны указывает на то, что борьба идет уже с гражданским населением, в результате чего страдают мирные жители и беженцы покидают регион". Автор пишет, что "если американские СМИ перешли от частичного принятия войны к её критике, то в Российской журналистике процесс был обратный – от критики войны до ее принятия и частичного одобрения".

Главным выводом статьи является то, что

"трактовка журналистами The New York Times событий в Чечне соответствует общей риторике руководства США: в период первой Чеченской войны руководство США отмечало легитимность борьбы российских властей с сепаратистскими настроениями и применения армии, тогда как в период второй Чеченской войны акценты были смешены в сторону критики российского руководства за излишнее использование вооруженных сил против гражданского населения, нарушение прав и свобод человека в Чеченской Республике, а также прямое влияние на дестабилизацию в регионе Северного Кавказа". Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, снабжена таблицей, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в учебных курсах, так и в рамках изучения образов России, создаваемых зарубежными СМИ.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале "Исторический журнал: научные исследования".

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования -образ Чеченской войны на страницах американской ежедневной газеты The New York Times: обзор заголовков

Методология исследования основывается на таком довольно широко распространенном методе контент анализа, который применяется в работах такого типа. В данной работе контент анализ используется для анализа заголовков газеты, и как отмечает автор работы это в определенной мере обусловлено тем, что воскресные номера этой газеты составляли не одну сотню статей и даже самые любопытные читатели не могли бы осилить весь номер газеты, а потому они ориентировались на его заголовки, которые составлялись так, чтобы привлечь внимание читателей.

Актуальность. Первая и вторая чеченские войны приковали к себе внимание не только российской, но и мировой общественности. Начатая в 1994 году операция по восстановлению конституционного порядка в скором времени переросла в войну, на долгое время дестабилизировавшая регион Северного Кавказа и негативно сказалась на общественно-политической ситуации не только на Северном Кавказе, но и в прилегающих регионах, вызвала отток русскоязычного населения и также активизировало боевиков. Конфликт в Чеченской республике стал одной из наиболее актуальных тем для СМИ и особенно ТВ, потому возникло название первая телевизионная война. Автор пишет, что журналисты "новостных изданий из разных стран мира стали непосредственными свидетелями войны в Чеченской республике, а их взгляды отразились в телевизионных репортажах и текстах газет, которые затем широко транслировались среди общественности за рубежом". Чеченская война не теряет своей актуальности и в настоящее время и она стала определенным уроком для самых разных сил. Изучаемая тема также актуальна в силу того, что в ней исследуется вопрос как эта тема освещалась на страницах газеты The New York Times.

Научная новизна статьи определяется постановкой темы и задач исследования. Новизна также обусловлена тем, что в нейдается очень качественный и всесторонний анализ заголовков газеты периода двух чеченских войн и показывается особенности первой и второй чеченской кампаний.

Стиль, структура, содержание. Стиль статьи научный, язык ясный и четкий. Несмотря на то, что стиль статьи научный он доступен для понимания и широкими читательскими кругами. Структура работы направлена на достижение цели статьи, логично выстроена. Текст статьи насыщен интересными материалами и деталями, автор дает хороший историографический обзор по теме, что несомненно является одним из достоинств этой статьи.

Библиография. Библиография статьи состоит из 23 работ (это работы известных исследователей Ковалченко И.Д. по методологии, а также статьи, посвященные непосредственно исследуемой теме, в их числе работы Котов Ю. М., Кошкина П. Г., Цветковой В. Ф., Калоева И.Э. и др. а также статьи на английском языке по теме. Библиография и сам текст статьи показывают, высокий профессионализм автора и хорошее знание предмета исследования.

Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной в ходе работы над темой информации и библиографии работы.

Выводы, интерес читательской аудитории Статья написана на актуальную тему. Она не останется без внимания читателей журнала "Исторические исследования", всех тех, кто интересуется вопросами отражения в СМИ актуальных событий в целом и двумя чеченскими войнами, которые привели к большим человеческим жертвам и вызвали интерес не только в нашей стране, но и за ее рубежами.

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Сизенов П.И. Роль вооруженных сил в попытке государственного переворота в Венесуэле в апреле 2002 года // Исторический журнал: научные исследования. 2024. № 3. DOI: 10.7256/2454-0609.2024.3.70663 EDN: TGJVSY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70663

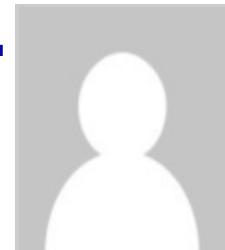
Роль вооруженных сил в попытке государственного переворота в Венесуэле в апреле 2002 года

Сизенов Павел Игоревич

аспирант, кафедра новой и новейшей истории, Московский Государственный Университет

127591, Россия, г. Москва, ул. 800-Летия москвы, 11 к. 6

✉ sizenovp@mail.ru

[Статья из рубрики "Факторы исторического процесса"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2024.3.70663

EDN:

TGJVSY

Дата направления статьи в редакцию:

01-05-2024

Дата публикации:

08-05-2024

Аннотация: В статье рассматривается проблема влияния представителей Национальных вооруженных сил (ВС) Венесуэлы на ход и итоги государственного переворота в апреле 2002 года. Актуальность темы определяется тем, что неудавшийся путч стал ключевой точкой в первом этапе правления У. Чавеса и во многом определил политику президента в сторону дальнейшего установления личного контроля над всеми институтами власти, а также окончательно обозначил жесткий антиамериканский вектор политики боливарианцев. Акцент именно на действиях военных чинов в перевороте позволяет определить их реальную значимую роль в апрельских событиях. В данной связи уделяется внимание влиянию на политические процессы в Венесуэле института армии в целом и отдельных офицеров в частности. Методологическую базу в статье обеспечивают общенаучные (описательный, анализ и синтез), а также исторические

(хронологический) и политологические (институциональный) методы исследования. В отечественной историографии эпизод с переворотом, как правило, рассматривался в рамках глобальных исследований об У. Чавесе и чавизме в целом. Поэтому в рамках работы больший упор делается на зарубежную историографию. Данные факты обуславливают новизну работы, заключающуюся как в привлечении к исследованию ранее неиспользуемых материалов, так и в конкретизации на теме переворота и роли в нем ВС Венесуэлы. Исходя из проанализированных данных, в выводах работы указывается, что фактическое вмешательство высших офицеров в политический кризис в стране вначале принесло кресло президента путчистам, а затем и лишило их почти захваченной власти, обеспечив возвращение У. Чавеса во дворец Мирофлорес. Кроме того, подчёркивается самостоятельность в действиях военных в условиях хаоса и вакуума власти наступившего 11 апреля 2002 года. В этой связи также указывается, что конкретно высшие офицеры действовали спонтанно и не были активно вовлечены в реально существовавшие заговорщицкие круги, готовившие государственный переворот. Поэтому, когда наиболее значимые для переворота военные увидели, что меры, предпринимаемые путчистами, не отвечали их видению, они лишили правых своей поддержки и фактически не противостояли тому, чтобы уже другая группа боевых офицеров вернула законно избранного президента в должность.

Ключевые слова:

Венесуэла, государственный переворот, вооружённые силы, Национальные ВС Венесуэлы, Уго Чавес, генерал Васекс Веласко, генерал Рауль Бадуэль, венесуэльский государственный переворот, план Авила, розовый прилив

Победа Уго Чавеса на президентских выборах 1998 года в Венесуэле ознаменовала начало значимых перемен во всей Латинской Америке и послужила катализатором к старту «розового прилива» (левого поворота) в регионе. После инициации своих первых шагов на посту главы государства, среди которых было и изменение конституции страны, уничтожившее большую часть существовавшей системы сдержек и противовесов, Чавес ожидало встретил сопротивление со стороны «правой» политической элиты упустившей власть в Венесуэле. Помимо этого, Уго Чавес начал стремительно менять политico-экономический курс страны, а также подход к международным отношениям (налаживались связи с Кубой и другими левыми на тот момент государствами) [1, 2, 3]. Кроме того новый лидер сделал упор на помочь малообеспеченным слоям населения, ставшим его основной избирательной базой. Безусловно, данные шаги вызвали сопротивление со стороны бизнеса, представителей транснационального капитала, высшего и среднего класса, несогласных с реформами нового главы государства.

Относящиеся крайне негативно к новому лидеру круги, противящиеся осуществлению курса левоориентированного капитализма, рассчитывали вернуться на путь неоконсерватизма. Учитывая наличие у правых рычагов воздействия на социально-политическую ситуацию в стране, а также сохраняющуюся в средних слоях общества поддержку, попытка сместить находящегося в начале своих изменений Чавеса назревала. В свою очередь значительная разница во взглядах между оппозицией и правительством обусловила тот факт, что институциональный выход из обостряющейся конфронтации стал маловероятным [4, с. 30].

Катализатором к протестам и путчу послужили: законы об аграрной реформе и

углеводородах, направленные на увеличение бюджета государства и принятые в 2001 году, а также, учитывая значимость контроля в Венесуэле над нефтепромышленностью, попытка усиления государственного контроля над нефтяной компанией PDVSA, когда в начале 2002 года Чавес сначала заменил ряд должностных лиц на своих сторонников, а затем уволил руководство PDVSA (часть из которого он недавно и назначил) [5, 6]. Данные события и стали фактической отправной точкой кульминации противостояния и государственному перевороту 11 апреля 2002 года [7].

Значительную роль, как в первичном успехе переворота, так и в его итоговой неудаче сыграли представители Национальных вооруженных сил Венесуэлы, под воздействием которых Уго Чавес сначала снял с себя полномочия главы государства, а затем, пользуясь их поддержкой, вернулся во дворец Мирофлорес. Однако прежде чем рассматривать «вклад» армии во всю эпопею с переворотом стоит в целом рассмотреть, что собой представляли ВС Венесуэлы в тот момент.

С учетом того, что венесуэльские военные неоднократно играли существенную роль в политической жизни страны, инициируя перевороты, подавляя антиправительственные восстания, а также просто участвуя в управлении государством, их влияние почти всегда оставалось крайне существенным [5, 8, 9]. Поэтому для руководителей страны в целом было действительно важным получить лояльность военных кругов, поддержка которых могла стать решающим фактором в критических условиях. При этом за последние 15 лет до случившегося в апреле 2002 года армия, так или иначе, участвовала в двух значимых политических событиях для Венесуэлы: массовые протесты 1989 года «Каракасо», а также 2 попытки переворота в 1992 году, осуществленные «Революционным боливарианским движением – 200» (одна из них под предводительством полковника У. Чавеса).

В контексте переворота 2002 года действия военных могут сравниваться именно со временем «Каракасо», в ходе которого президентом К.А. Пересом был инициирован разработанный военными Венесуэлы на случай чрезвычайных ситуаций план «Авила». Тогда войска Национальной гвардии Венесуэлы и другие воинские подразделения участвовали в подавлении протестов и открыли огонь по несогласным с действиями правительства. По итогам противостояния погибло несколько сотен венесуэльцев, при этом события «Каракасо» впоследствии повлекли за собой еще большую политическую нестабильность и сформировали запрос в обществе, в особенности среди бедняков, на новую политическую элиту (которую в дальнейшем создал Чавес), взамен той, что нарушила негласно существовавший после революции 1958 года социальный пакт между властью и гражданами [9, с. 194-226]. Таким образом, участие военных и их лояльность тогдашней власти оказали воздействие на последующее историческое развитие страны.

Что касается непосредственного состояния ВС Венесуэлы к апрельскому перевороту, то по данным ежегодника «Military Balance» на 2001 год в Национальных вооруженных силах Венесуэлы (Fuerza Armada Nacional de Venezuela) состояло около 82 тыс. человек, в том числе 31 тыс. нацгвардейцев, отвечающих за обеспечение внутренний безопасности страны и способных оперативно, в отличие от непосредственно армейских частей, приступить к решению задач внутри страны [10]. Вместе с тем о боеспособности и военно-техническом состоянии ВС Венесуэлы в данном контексте рассуждать не имеет смысла, поскольку вне зависимости от качественного состава и технико-тактических характеристик вооружения и военной техники, при гипотетической эскалации конфликта армейские части все равно имеют безусловное преимущество перед толпой, даже вооруженной.

Что касается значимости вооруженных сил страны, то следует отметить – в своих будущих реформах полковник Чавес планировал опираться на военных, поэтому институциональная роль армии за 3 года нахождения у власти социалистического президента уже выросла [1] [1, 11]. При этом, поскольку Чавес сам был выходцем из армии – его популярность в войсках также была немалой. Однако внутри вооруженных сил существовало и критическое отношение к президенту из-за «кумовства» и политизации в армии, а также лояльной позиции Чавеса к колумбийской леворадикальной группировке FARC, имевшей лагерь на территории Венесуэлы [6, с.126]. Более того, несмотря на назначение Чавесом на ряд значимых постов своих сподвижников в целом вооруженные силы Республики Венесуэла на 2002 год пока еще мало подверглись изменениям в своем кадровом составе после смены политического курса страны. Учитывая тот факт, что значительная часть офицеров тогдашней армии Венесуэлы проходили подготовку либо в военных академиях США либо у американских инструкторов – их предпочтения по большей части должны были быть на стороне противников Чавеса [11]. Таким образом, в рядах ВС оставалось значительное количество сторонников прошлой власти – особенно среди высшего командного звена.

Так или иначе, именно высшие офицеры, пользующиеся достаточным авторитетом в войсках, должны были сыграть определяющую роль в принятии армией той или иной стороны конфликта. Среди них наиболее важными фигурами для ВС Венесуэлы в целом выступили командующий сухопутными силами Эфраин Васкес Веласко, а также Мануэль Росендо – глава Объединенного командования национальных вооруженных сил (КУФАН). Кроме того, в последующем путче, учитывая широкое его освещение в СМИ, значимые медийные роли сыграют вице-адмирал Рамирес Перес, один из изначальных инициаторов заговора с целью свергнуть Чавеса среди военных [6], а также генеральный инспектор ВС Венесуэлы – Лукас Ринкон Ромеро. Помимо них, на ситуацию впоследствии окажут влияние и офицеры, руководившие отдельными элитными подразделениями венесуэльской армии: командиры Президентской почетной гвардии и воздушно-десантной бригады «Арагуа» Хесуса Морао Кардона и Рауль Бадуэль, будущий командующий сухопутными войсками Венесуэлы.

Высокий авторитет и влияние отдельных высокопоставленных военных и одновременная разность их взглядов относительно будущего Боливарианской Республики, привели к тому, что в рядах вооруженных сил не существовало единого мнения относительно переворота. Таким образом, в преддверии апрельских событий среди армейских офицеров отсутствовало единое консолидированное мнение относительно уже активно развивавшегося кризиса власти, приведшего к путчу.

Существовавший раскол и послужил причиной временного успеха переворота. Когда 11 апреля 2002 года обстановка приближалась к пику напряженности и всеобщий марш противников Чавеса двигался в сторону дворца Мирофлорес, вооруженные силы в большинстве своем все еще ждали приказов. Однако, трагические события в Пуэнте-Льягуно [2], информация о которых была оперативно разнесена частными СМИ, возложившими ответственность за стрельбу на Чавеса и его сторонников, укрепили позиции противников режима и сторонников путча. Последующий приказ президента Венесуэлы активировать план «Авила» только усугубил возникший между Чавесом и военными «разрыв» [6, с. 123]. Отказ Э. Васкеса Веласко и М. Росендо выполнять данный приказ обозначил четкий раскол внутри военных, приближенных к Чавесу (в тот момент фактически единственный готовый к реализации «Авилы» генерал Хорхе Гарсия Карнейро будет заблокирован в форте Тиуна) [6, с. 129]. Тогда же произошел поворотный

момент в перевороте: командующий сухопутными силами генерал Э. Вассес Веласко, заручившись поддержкой колеблющихся и «античавистских» офицеров, заявил в своем телеобращении в окружении офицеров, что не будет подчиняться президентским директивам о подавлении антиправительственных демонстраций и реализовывать план «Авила», а также приказал всем своим войскам оставаться на базах. В своей речи он охарактеризовал приказы президента Чавеса как незаконные, и вскоре старшие генералы Национальной гвардии и адмиралы ВМФ повторили его мнение в радио- и телепередачах [5, 6]. На тот момент даже близкие к Чавесу офицеры, такие как Р. Бадуэль и Л. Ринкон также не согласились с инициацией плана «Авила» [6, с.123, 131]. Таким образом, среди военных сложился некоторый временный консенсус в пользу, как минимум, временного ограничения действий президента Чавеса, основанный на общем убеждении офицеров в том, что им не следует участвовать в подавлении гражданских антиправительственных демонстрантов [6, 11]. В тот же момент наиболее активные противники действий Чавеса, наблюдая колебание офицеров лояльных президенту, выступили за его отставку с поста главы государства. Таким образом, президент фактически временно потерял контроль над армией, а присоединившиеся к golpe военные обеспечили преимущество путчистам. В сложившейся ситуации, в том числе чтобы избежать дальнейшего кровопролития (а также возможной собственной смерти), У. Чавес принимает требования противников президента и соглашается с отставкой. В данном контексте стоит отметить, что военные не позиционировали себя не участниками переворота, а подчёркивали свою роль, как блюстителей демократического порядка в стране [6, 11]. Это подтверждалось и ночным заявлением Л. Ринкона, в котором указывалось, что именно командование Национальных вооруженных сил Венесуэлы «попросило президента республики подать в отставку со своего поста, на что он согласился» [12]. Некоторое время спустя, Чавес был доставлен из президентского в форте Тиуна в сопровождении М. Росендо, а должность президента временно занял один из основных заговорщиков, представитель бизнеса Педро Кармона. Таким образом, переворот, казалось бы, успешно произошел.

После этого, 12 апреля провозглашенный президент П. Кармона практически сразу приступает к разрушению «наследия Чавеса», однако его действия выглядели сумбурными, непоследовательными и создавали предпосылки для скатывания страны в еще больший хаос. Кармона распустил Национальную ассамблею, Верховный суд, Генеральную прокуратуру страны и объявил Конституцию 1999 года недействительной. Он также назначил новый состав кабинета министров, при этом, не включив в него ни одного из поддержавших путч высших офицеров, в том числе – реального лидера не подчинившихся президенту – генерала Вассеса Веласко [11]. Исключение составляет только участник заговора – вице-адмирал Рамирес Перес, приближенный к верхушке венесуэльского бизнеса и изначально открыто выступавший против Чавеса [6, с. 198, 13]. Фактически эти действия Кармона были попыткой закончить с «чавизмом» максимально быстро, в один день.

Далее поверившие в свое возвращение представители правых сил допускают еще одну ошибку, заявляя о полной реструктуризации высшего командования вооруженных сил, фактически увольняя многих высокопоставленных генералов, включая Вассеса Веласко [5, с. 232]. Это обоснованно вызывает недовольство военных, у которых складывается впечатление, что их просто использовали для возвращения правых к власти [6, 11]. Радикальная программа крайне отрицательно воспринимается многими офицерами армии страны. Данные обстоятельства вносят разлад в уже сформировавшуюся часть

заговорщиков из военных, а также заставляют сомневающихся, снова менять предпочтения и склоняться больше в сторону сохранения текущих институтов власти и поддержки законно избранного президента. При этом армейские офицеры, в подавляющем большинстве до сих пор не выражали своей открытой позиции, предпочитая не вмешиваться в кризис и лишь выполняя приказы вышестоящих начальников [5].

В этот момент выясняется, что государственный переворот, изначально воспринятый У. Чавесом как хорошо организованный и подготовленный, в реальности имеет массу проблем [6]. При этом то, что военные не контролировали переворот начал понимать и не полностью изолированный от внешнего мира Чавес, а, следовательно, у него сохранялась возможность продолжить борьбу против путчистов. Для заговорщиков ситуация усугублялась еще и тем, что Чавес не подписал документы об отставке и до сих пор являлся общепризнанным главой государства.

Однако, чтобы вернуть военных на свою сторону, Чавесу был нужен голос от несогласных – выступление личностей, пользующихся авторитетом среди командного состава вооруженных сил и готовых к решительным действиям. Подобное выступление в поддержку Чавеса было необходимо, чтобы консолидировать разрозненных военных в условиях отсутствия призванного президента. Тем более что на стороне боливарианского лидера находился глава Почетного караула президента, охраняющего дворец Мирафлорес полковник Х. Морао Кордона, готовый обеспечить Чавесу контроль над резиденцией и его безопасное возвращение туда [6, 13]. Одним из первых, объединившихся вокруг себя верных Чавесу военных, стал близкий президенту по MVR-200 командир элитной бригады ВДВ Р. Бадуэль, возглавивший военных в Маракайбо и связавшийся с Х. Морао, чтобы приступить к восстановлению конституционного порядка. Помимо него, от лица вооруженных сил выступил, ранее заблокированный в форте Тиуна, генерал Гарсия Карнейро, заявивший, что вооруженные силы страны не признают переворот [5, с. 233-236].

Тем временем офицеры-путчисты, а также присоединившиеся к ним раскололись в связи с действиями Кармона. Генерал Васкес Веласко, еще недавно определивший отстранение от власти У. Чавеса, выступил с заявлением о фактическом непризнании действий новой власти [6]. Таким образом, Кармона и соратники лишились поддержки колебавшейся части армии и остались лишь с теми офицерами, которые изначально были в заговоре. Этих сил определенно было недостаточно для сохранения власти в своих руках, поэтому судьба наиболее рьяных путчистов в этот момент была решена. Однако нельзя не отметить, что полное падение путча произошло не только после того, как военные отказались поддерживать путчистов, но и после восстановления контроля чавистов над государственным каналом, по которому впоследствии населению известили, что Чавес остался законным президентом [14].

В свою очередь военные согласные с Васкесом Веласко в этот момент установили временный консенсус с чавистами в столице страны, нашли скрывавшегося вице-президента страны Диосдадо Кабелью и привели его к присяге в качестве главы государства, надеясь при этом, что передача власти Чавесу обратно не состоится [6]. Параллельно с этим в Маракайбо Р. Бадуэль, не имеющий полной информации о событиях в Каракасе, получает записку от У. Чавеса, в которой президент подчеркивал, что «не отказывался от законной власти» и является главой Венесуэлы [6, с. 244]. Это позволяет Бадуэлю 14 апреля силами своей бригады организовать спасательную

операцию по вызволеню президента с военно-морской базы на острове Ла-Орчилла, где он находился в заключении и был готов отправиться в изгнание на Кубу. После этого военные вертолеты с У. Чавесом на борту отправляются в уже контролируемый президентской гвардией дворец Мирофлорес, где законный глава государства в окружении своих военных и гражданских сторонников возвращает власть в свои руки [5, 6]. Таким образом, переворот завершается провалом, и власть восстанавливается в руках Чавеса и его сторонников.

В итоге, как первоначальный успех переворота, так и его дальнейший провал, обеспечили представители вооруженных сил страны. Несмотря на значительное влияние СМИ в освещении событий для масс, именно принятые военными решения оказались наиболее значимыми как в ходе временного низложения президента Венесуэлы, так и в последующем возвращении Чавеса во дворец Мирофлорес, уже подконтрольный бойцам верной ему Президентской гвардии. Сначала действия верхушки армии несогласной с активацией плана «Авила» сыграли полностью на руку путчистам, но как только для военных стал очевиден неконституционный характер переходного правительства путчистов, которые ко всему действовали не в интересах высших офицеров, консенсус между армией и ними распался. При этом в реальности все группы военных, как за, так и против Чавеса, действовали по большей части самостоятельно в условиях вакуума власти и общего хаоса, с разницей лишь в конечных бенефициарах их действий. Так, высшее командование, вставшее изначально на сторону путчистов, фактически позволило небольшому числу военных и гражданских заговорщиков на короткий срок захватить власть. В свою очередь военные-чависты, по большей части представители реальных боевых частей, некоторое время не зная где находится их лидер, были готовы к решительным действиям, чтобы не допустить возвращения страны на путь неоконсерватизма, вне зависимости с Чавесом или без него. Вместе с тем, исходя из данного разделения, можно предположить, что военное восстание в реальности никогда не распространялось далеко за пределы верхних чинов офицерского корпуса, а непосредственно мятежные элементы вооруженных сил почти не контролировали боевые подразделения, наиболее важные из которых были дислоцированы в Маракайбо и поддерживали чавистов [11]. При этом также нельзя забывать о том, что средний и низший командный состав также остался в основном верен Чавесу, который передал записку своим сторонникам именно через простого солдата [6, с. 244].

Несмотря на провал путча оппозиция имевшая контроль над Верховным судом страны, смогла уберечь от привлечения к ответственности четырех высокопоставленных офицеров, принимавших непосредственное участие в попытке путча [5, с. 238-244, 6]. Решение Верховного суда Венесуэлы, освободившего от ответственности военных, позволило в дальнейшем предпринять еще несколько попыток по смещению У. Чавеса в том числе опираясь на определенную, пусть уже значительно снизившуюся, поддержку в рядах вооруженных сил Республики [4, 6]. Как итог, после переворота в течение нескольких лет, напряженность в обществе вкупе с наличием экономических проблем привела к сохранению противостояния между Чавесом и оппозицией на достаточно высоком уровне вплоть до 2004 года, когда президенту Венесуэлы пытались вынести вотум о недоверии [15]. Однако не все смогли избежать наказания и для ВС Венесуэлы попытка путча не осталась безответной. Несмотря на достаточно мягкую реакцию в отношении ряда военных, после случившегося Чавес все же приступил к перекомпоновке высшего командного звена, заменив офицеров поддержавших оппозицию, на лояльных и сохранивших верность конституционному строю [5, 6]. Таким

образом, Чавес еще больше политизировал армию, против чего в том числе и выступали заговорщики. Генералы Васкес Веласко и Росendo хоть и смогли избежать тюремного заключения, но на этом их военная карьера закончилась [16].

Впоследствии Чавес и его сторонники также высказывались о том, что переворот был согласован с США, поскольку официальные представители Штатов в Венесуэле проводили активные консультации с путчистами, в том числе по линии военных атташе. Более того, исходя из имеющейся информации федеральные структуры Соединенных Штатов знали о готовящейся эскалации противостояния и как минимум не препятствовали процессу [5, 17]. В свою очередь согласно части исследовательского сообщества США в целом были причастны к организации переворота против неугодного им президента Чавеса [3, 13, 18, 19, с. 165-172], в том числе и потому, что в «Совет восставших» входили офицеры военной миссии США в Каракасе, а также военный атташе посольства Венесуэлы в Вашингтоне, генерал Энрике Медина Гомес [5, с. 228]. Помимо вмешательства США, поднимался также вопрос участия Кубы в возвращении Чавеса во власть. Однако, хотя президент и связывался с Фиделем Кастро после своей «отставки», но, кроме консультаций и распространения информации о том, что президент Венесуэлы в реальности не отрекся от власти [5, 6], Республика Куба и ее лидер не оказали заметного влияния на разрешение апрельского кризиса.

События первой половины апреля 2002 года стали кульминацией противостояния между Чавесом и старой венесуэльской элитой за контроль над страной. Учитывая непримиримость противоборствующих сторон – Чавеса и крупных монополистов и предпринимателей, выступавших против умеренных социалистических преобразований президента, становится очевидным, что успех переворота означал бы полный реванш бывшей венесуэльской элиты времен Четвертой Республики. Лояльность ряда значимых армейских офицеров полковнику Чавесу и наличие в обществе активных сторонников, а также крайне неудачные шаги временного правительства в ходе нахождения у власти определили провал переворота и возвращение законного президента во дворец Мирафлорес спустя 47 часов после смещения.

Сама же попытка государственного переворота в 2002 году послужила катализатором к радикализации, пока еще умеренного лево-демократического курса президента Чавеса. Если до этих событий, Уго Чавес не был абсолютным противником США (хотя и критиковал политику Штатов с антиимпериалистических позиций) и выступал в первую очередь за суверенитет Венесуэлы во внутренних и внешних делах, то после случившегося переворота отношения с США и их союзниками в регионе резко обострились [5, 6, 11], а боливариансское правительство ускорило смену вектора развития страны от капиталистической модели к социалистической, но «нового XXI века» [20].

При этом сами по себе события апреля 2002 года получились крайне сумбурными и спонтанными, как и начальное участие в них вооруженных сил. Ключевым офицерам армии пришлось фактически «импровизировать» и быстро принимать решения в условиях кризиса власти. В этой связи следует отметить высокую вероятность того, что общеармейского заговора все-таки не было, в отличие от реально существовавшей небольшой группы путчистов связанных с крупным капиталом, а катализатором к отстранению военным командованием Чавеса от власти послужило именно желание президента жестоко подавить протестующих посредством активации Плана Авилла, с чем были не согласны большинство офицеров [6, 15].

В дальнейшем вооруженные силы страны превратились в одну из главных опор боливарианцев, продолжающих управлять страной уже на протяжении 25 лет. При этом военные структуры стали еще более политизированы и подконтрольны социалистам, что проявилось в пиковые моменты кризиса 2019 года в стране, когда Национальные боливарианские вооружённые силы, за частными исключениями, остались верны режиму Н. Мадуро и не поддержали Х. Гуайдо и его сторонников.

[1] Так, например, новая конституция 1999 года разрешила военным войти в правительство страны

[2] Неустановленная стрельба, приведшая к гибели как протестующих, так и сторонников Чавеса

Библиография

1. Дабагян, Э.С Государства – сколько необходимо, рынка – сколько возможно. // Латинская Америка. 2005, № 11.
2. Кусакина, М.В. «Боливарианский проект» развития Венесуэлы. // Власть 2007, №11, с. 114-117.
3. Fernandez, J.M Sobre la participacion de Espana y de EEUU en el golpe de estado de Venezuela 2004 Retrieved from <https://www.elmundo.es/elmundo/2004/11/24/espana/1101319375.html> (дата обращения 27.04.2024)
4. López Maya, M. Venezuela 2001-2004: actores y estrategias en la lucha hegemónica // Cuadernos del Cendes 2004, Augus, p. 23-48.
5. Gott, R. Hugo Chávez and the Bolivarian Revolution. – London: Verso, 2005.-315p.
6. Nelson, Brian A. The silence and the scorpion : the coup against Chávez and the making of modern Venezuela. – New York: Nation Books, A Member of the Perseus Books Group, 2009.-355p.
7. Николаева, Л.Б. Нефть и национальные интересы // Латинская Америка 2005, №12.
8. Rey, J.C. Consideraciones políticas sobre un insólito golpe de Estado. 2002. Retrieved from https://web.archive.org/web/20090103201015/http://www.analitica.com/bitblioteca/juan_carlos_rey/insolito_golpe.asp (дата обращения 27.04.2024)
9. Velasco, A. Barrio Rising: Urban Popular Politics and the Making of Modern Venezuela. – California: University of California Press, 2015-344p.
10. Ежегодный бюллетень Международного института стратегических исследований The Military Balance 2001. Routledge, 2001.
11. Trinkunas, Harold A. Civil-Military Relations in Venezuela after 11 April: Beyond Repair? // Strategic Insights, 2002, Volume I, Issue 3. Retrieved from <https://web.archive.org/web/20071116161754/http://www.ccc.nps.navy.mil/si/may02/latinAmerica.asp> (дата обращения 27.04.2024)
12. Колесников, А. Чавес во власти 1998-2003. Восстановление нефти. Всеобщая забастовка. Глава из книги: «В поисках энергии: Ресурсные войны, новые технологии и будущее энергетики» Дэниел Ергин. 2020. <https://smart-lab.ru/blog/618939.php> (дата обращения 27.04.2024)
13. Голингер, Э. Поведение Вашингтона было «прозрачным, как вода» // Латинская Америка 2011, №1, с. 71-88.
14. Матанцев-Воинов, А.Н. Как США пожирают другие страны мира. Стратегия анаконды. Венесуэла. <https://pub.wikireading.ru/36597> (дата обращения 27.04.2024)
15. REVIEWS. Retrieved from [https://www.cambridge.org/Core/services/aop-cambridge-core](https://www.cambridge.org/core/services/aop-cambridge-core)

- core/content/view/2FDCA944986E0D6ED7841CA610BD9A60/S0003161500005794a.pdf/the_silence_and_the_scorpion_the_coup_against_chavez_and_the_making_of_modern_venezuela_by_brian_a_nelson_new_york_nation_books_2009_pp_xv_355_illustrations_maps_appendix_glossary_notes_index_2695_cloth.p (дата обращения 27.04.2024)
16. Venezuelan President Changes Military Leadership. Retrieved http://en.people.cn/200204/16/eng20020416_94133.shtml (дата обращения 27.04.2024)
 17. A Review of U.S. Policy Toward Venezuela November 2001-April 2002 Report Number 02-OIG-003, July 2002. Retrieved from <https://mronline.org/wp-content/uploads/2018/06/13682.pdf> (дата обращения 27.04.2024)
 18. Сапожников К.Н. Уго Чавес. – М.: Издательство «Молодая гвардия», 2013.-482 с.
 19. Строганова Е.Д. США и левые режимы Латинской Америки (вторая половина XX — начало XXI в.). – М.: Издательство «Весь Мир», 2017.-288 с.
 20. Белоглазов, А.В. Масленников, А.В. Феномен «левого поворота» в странах Латинской Америки в 1998–2012 годах // Вестник Чувашского университета 2013, №1, с. 3-11.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Известно, что маятник политической жизни Латинской Америки склонен к серьезным колебаниям: пожалуй, нигде как в этом регионе в начале XXI в. проходит борьба между правыми и левыми силами. Особняком здесь стоит Венесуэла, в которой приход к власти Уго Чавеса ознаменовал собой довольно быстрый переход от левоцентристской политики к идеологии «социализма XXI века», в рамках которой Каракас установил тесные связи с Гаваной. В современных условиях поэтапной трансформации монополярного мира в мир многополярный представляется важным обратиться к изучению венесуэльской политической системе, сконструированной Чавесом, а также обозначить основные вехи истории построения боливарианского социализма.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является роль вооруженных сил в попытке государственного переворота в Венесуэле в апреле 2002 года. Автор ставит своими задачами определить позицию вооруженных сил Венесуэлы в событиях апреля 2002 г., раскрыть причины усиления антиамериканской риторики У. Чавеса, а также выявить обстоятельства провала переворота.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Автор использует также сравнительный метод.

Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор на основе различных источников стремится охарактеризовать попытку государственного переворота в Венесуэле в апреле 2002 г. и роль военных в нем.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя 16 различных источников и исследований. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежной литературы, в том числе на английском и испанском языках. Из используемых автором источников укажем на Ежегодный бюллетень Международного института стратегических исследований, а также различные интернет-ресурсы. Из привлекаемых автором исследований отметим работы

Е.Д. Строгановой, М.В. Кусакиной, К.Н. Сапожникова, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения как феномена левого поворота в Латинской Америке, в целом, так и деятельности У. Чавеса, в частности. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как боливарианским режимом Венесуэлы, в целом, так и внутриполитической борьбой в Каракасе, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что «высокий авторитет и влияние отдельных высокопоставленных военных и одновременная разность их взглядов относительно будущего Боливарианской Республики, привели к тому, что в рядах вооруженных сил не существовало единого мнения относительно переворота». Как отмечается в рецензируемой статьи, именно отсутствие единства послужило причиной временного успеха переворота. Автор обращает внимание на то, что «если до этих событий, Уго Чавес не был абсолютным противником США (хотя и критиковал политику Штатов с антиимпериалистических позиций) и выступал в первую очередь за суверенитет Венесуэлы во внутренних и внешних делах, то после случившегося переворота отношения с США и их союзниками в регионе резко обострились, а боливарианское правительство ускорило смену вектора развития страны от капиталистической модели к социалистической, но «нового XXI века».

Главным выводом статьи является то, что в апреле 2002 г. «общеармейского заговора все-таки не было, в отличие от реально существовавшей небольшой группы путчистов связанных с крупным капиталом, а катализатором к отстранению военным командованием Чавеса от власти послужило именно желание президента жестоко подавить протестующих посредством активации Плана Авила, с чем были не согласны большинство офицеров».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, насыщена фактологическим материалом, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по новой и новейшей истории, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Genesis: исторические исследования».

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Мамонова Ю.О. Иностранные военные журналисты в Маньчжурии в 1904-1905 гг.: особенности повседневной деятельности // Исторический журнал: научные исследования. 2024. № 3. DOI: 10.7256/2454-0609.2024.3.70660 EDN: UDSKAB URL: https://nbppublish.com/library_read_article.php?id=70660

Иностранные военные журналисты в Маньчжурии в 1904-1905 гг.: особенности повседневной деятельности

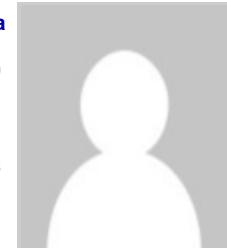
Мамонова Юлия Олеговна

ORCID: 0000-0003-1283-5729

независимый исследователь,

630008, Россия, г. Новосибирск, ул. Белинского, 6

 iulia.mamonova@gmail.com

[Статья из рубрики "Проблемы войны и мира"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2024.3.70660

EDN:

UDSKAB

Дата направления статьи в редакцию:

05-05-2024

Дата публикации:

18-05-2024

Аннотация: Автором рассматриваются некоторые аспекты повседневной деятельности иностранных военных корреспондентов, сопровождавших Маньчжурскую армию в Русско-японской войне 1904-1905 гг. Статья основана на опубликованных журналистами текстах, материалах зарубежной периодической печати, документации военного и внешнеполитического ведомств. Внимание уделяется как бытовому своеобразию условий профессиональной деятельности аккредитованных журналистов в Маньчжурии, так и характеристикам социальной среды, оказавшим существенное влияние на процесс сбора информации на театре военных действий. Затрагиваются вопросы взаимодействия зарубежных корреспондентов с представителями русской армии, местным китайским населением и другими репортёрами, что тесным образом связано с их владением соответствующими иноязычными компетенциями. Анализируется динамика численности

иностранных военкоров на театре войны и её связь с ходом боевых действий. Применение историко-сравнительного метода позволило выявить общее и особенное в положении зарубежных репортёров и других гостей Маньчжурии. Выявленные в характеристиках повседневной деятельности различия между иностранными военными корреспондентами и представителями российской прессы, как правило, были связаны с наличием у иностранцев языкового барьера, а также с большей недоверчивостью к ним со стороны цензурных органов. В сравнении с положением военных атташе военкорами отмечалась полная самостоятельность журналистского корпуса в решении бытовых вопросов в Маньчжурии. В динамике численности иностранных репортёров на театре войны в ходе исследования было выделено несколько этапов. Выявлена и продемонстрирована корреляция темпов утверждений корреспондентов с событиями на фронте. Установлено, что кампания 1904 года, в особенности летние и осенние её события, удостоились наиболее пристального внимания иностранных журналистов. Впервые очерчивается круг вопросов, для изучения которых наследие иностранных военных корреспондентов может обладать наибольшей научно-познавательной ценностью.

Ключевые слова:

Русско-японская война, военные корреспонденты, военная журналистика, иностранные корреспонденты, Маньчжурия, военная цензура, русская армия, периодическая печать, европейская пресса, аккредитация журналистов

Одно из ключевых внешнеполитических событий начала XX века — столкновение интересов России и Японии в 1904–1905 гг. — вместе с войсками противоборствующих сторон привело в Маньчжурию большое количество гостей со всего мира из числа некомбатантов. Многие из них в различных формах и с разной степенью подробности фиксировали свои впечатления о происходящем на Дальнем Востоке. Среди них были и «профессиональные очевидцы» — военные корреспонденты, прибывшие с целью собрать материал для новостных агентств и редакций периодических изданий. Ценные журналистские наблюдения иностранцев можно обнаружить не только на страницах газет: возвратившись домой, авторы нередко публиковали подборки корреспонденций с театра войны. Вся совокупность оставленного ими творческого наследия не становилась самостоятельным объектом изучения, но отдельным журналистским текстам и их авторам в последние два десятилетия всё же стали посвящаться исследовательские работы [1–7]. Наибольшего внимания удостоились британские репортёры, при этом значительная часть свидетельств военкоров осталась за бортом исторических изысканий.

Обогащённый вследствие антропологического поворота исследовательский инструментарий позволяет взглянуть на научно-познавательную ценность свидетельств иностранных военных корреспондентов под другим углом, открывая новые пути для привлечения данных текстов в качестве основы источников базы или дополнения к ней.

Корреспонденции освещавших Русско-японскую войну журналистов затрагивают большой спектр тем и могут выступить как самостоятельным объектом исследования, так и важным источником для изучения событий войны, состояния её участников, отношения к ней общественности в России и в мире, а также обогатить источниковую базу историко-имагологических исследований. Обращение к текстам корреспондентов способно внести вклад в изучение истории цензуры, мировой прессы, и знакомство с условиями

профессиональной деятельности авторов может обладать в данной плоскости первостепенным значением. Война 1904–1905 гг. разгорелась в период, справедливо названный в исследовательской литературе расцветом военной журналистики [8]. Сенсационные репортажи повсеместно переносили кровопролитные сражения с театра военных действий прямиком в гостиные читателей [9], а наличие военного корреспондента на месте событий стало для любой газеты делом престижа [10, Р. 23]. Изучение обстоятельств создания записей корреспондентов выполняет множество функций, в том числе позволяет оценить информационную ёмкость в отношении каждого из анализируемых исследователями вопросов.

На страницах своих книг представители европейской прессы охотно делились впечатлениями о непростых условиях повседневной деятельности репортёра в Маньчжурии. Зачастую встреченные трудности побуждали авторов сравнивать своё положение с созданными для других гостей театра войны условиями. В частности, в рассуждениях о проблемах взаимодействия с цензурой взор иностранных журналистов мог направиться на представителей российской периодики. Некоторые иностранцы признавали, что соревноваться с ними в профессиональном плане вряд ли представлялось возможным: действия российских журналистов были в меньшей степени стеснены и чаще поощрялись властями, в результате чего новостные тексты отправлялись ими быстрее и в больших объёмах [11, С. 356]. В корпусе представителей прессы иностранцы действительно занимали особое положение, так как к соотечественникам в войсках относились с меньшим подозрением, и сотрудники цензурного отделения располагали большей вариативностью форм контроля над их корреспонденциями.

В некоторых случаях имелась возможность повлиять на публикацию тех или иных сведений даже после процедуры цензурирования в случае допущения цензорами каких-либо ошибок. В частности, в апреле 1904 г. заведующий цензурным отделением при штабе Главнокомандующего Е. Ф. Пестич в телеграмме издателю газеты «Новое время» А. С. Суворину указывал на нежелательность печатания некоторых пропущенных «по недоразумению» телеграмм военкора И. А. Ладыженского [12]. С телеграммами же зарубежных гостей у цензоров не было права на ошибку, контроль их деятельности с самого начала признавался военными властями особенно затруднительным [13, С. 301]. Он требовал тщательного надзора, многочисленных превентивных мер и большей компетенции со стороны работающих с военкорами лиц, что в совокупности с чужеродностью среди, требовавшей от зарубежных репортёров выдающегося адаптационного потенциала и изобретательности, осложняло условия их труда и действительно могло несколько отличать положение иностранцев от условий деятельности представителей российской периодики. Тем не менее, некоторые иностранные журналисты обретали среди последних друзей и разделяли с ними тяготы военного быта. Иллюстрацией этому могут послужить приятельские отношения ирландца Ф. Маккалага из «New York Herald» и А. М. Рыкачёва, корреспондента газеты «Наша жизнь» [14, Р. 229-230].

Опубликованные журналистами материалы демонстрируют, что им не было чуждо чувство единения благодаря общим проблемам, и время от времени действовали они совместно. На страницах книг встречаются упоминания о коллективных поисках наилучшего решения возникших бытовых проблем и совместных передвижениях по позициям, некоторые случаи взаимовыручки. Однако характер взаимоотношений в среде иностранных военных корреспондентов мог иметь и другой оттенок — в

профессиональном сообществе встречались случаи конкуренции. Объединялись военкоры чаще со своими соотечественниками, в особенности это характерно для представителей английской и американской прессы. Данная тенденция даёт некоторые основания для условного деления корпуса иностранных репортёров на два лагеря: один из них составляли англичане и американцы, другой — подданные остальных государств. И если первые могли и вовсе не уделять внимание в своих свидетельствах коллегам из других стран и их методам работы, то сотрудники прочих европейских изданий эпизодически высказывались о профессионализме британских и американских журналистов, и зачастую довольно критично.

Так, репортёр германской «*Berliner Tageblatt*» Р. Гедке упоминал о «высосанных из пальца» сообщениях английских военкоров [11, S. 207]. Француз Р. Рэкули из «*Le Temps*» считал, что факт его несанкционированной поездки с несколькими коллегами по армейским позициям мог бы стать известным цензурному отделению именно благодаря жалобам англичан и американцев по причине профессионального соперничества [15, P. 105]. Представитель венгерского немецкоязычного издания «*Pester Lloyd*» А. Спаич обращал внимание на слова одного из своих собеседников об их большом заработка, заслуженном одним лишь фактом пребывания в Маньчжурии. Кроме того, отмечалось нежелание англичан и американцев покидать театр военных действий добровольно: из-за сохранения финансирования от редакций перспектива быть выдворенными выглядела для них куда более привлекательной [16, S. 165]. Судя по всему, включённые в профессиональную конкуренцию репортёры также не упускали возможности подчеркнуть добросовестность коллег-соотечественников. Так, шотландец Д. Стори, журналист «*Daily Express*», внёс в канву своего повествования полученную от главного цензора в Маньчжурии похвалу в отношении представителей английской прессы, на тот момент ещё ни разу не нарушивших инструкции цenzурного отдела: «один только британский корреспондент, кажется, ставит свою личную честь выше своих профессиональных интересов» [17, P. 176-177]. Бывали и исключения: непростые обстоятельства, расстояние и изоляция были способны сгладить возникавшие на национальной почве обиды [10, P. 28], а конкуренция могла вспыхнуть и между соотечественниками. Например, полковник Ф. Е. Огородников сообщал о жалобе репортёра американской «*Collier's Weekly*» Дж. Ф. Арчибальда на его соотечественников, журналистов Ф. Маккорника и А. Г. Симпсона [18, L. 579]. Тем не менее корреспонденты пытались по возможности действовать обособленно, используя «особые и сверхсекретные методы» [19, S. 42], пытаясь получить доступ к неизвестным другим сведениям и постепенно обрасти сетью связей, полезных с точки зрения получения такой информации.

Что касается взаимодействия авторов с представителями вооружённых сил, то материалы свидетельств иностранцев изобилуют примерами весьма благожелательного к ним отношения и множество адресованных российским военнослужащим слов благодарности. К примеру, лорд Брук из «*Reuter's Telegram Co.*» посвятил своё собрание материалов солдатам и офицерам русской армии «в память об их доброте и гостеприимстве». Англичанин М. Бэринг, журналист «*Morning Post*», также назвал гостеприимство распространённым в России вне зависимости от социального положения и прочих характеристик качеством [20, P. 67-68], с удовольствием вспоминая случаи проявления к себе заботы со стороны военнослужащих. Притом неимение у них самого необходимого не являлось этому помехой: невзирая на трудности, с военкорами повсеместно делились провиантами. К схожему выводу пришёл и ирландец Ф. Маккалаг, ставший свидетелем подобных ситуаций, происходивших, к его удивлению, в любое

время суток [14, Р. 114-115].

Разумеется, не все были рады иностранным гостям: делопроизводственные материалы хранят не только опасения (зачастую небезосновательные) со стороны работавших с ними цензоров, но и со стороны командного состава. Так, начальник Восточного отряда Ф. Э. Келлер находил значительное число журналистов весьма стеснительным для своего подразделения [18, Л. 349]. В опубликованных текстах иностранцев немногочисленные эпизоды с проявленным к ним недоверием также встречаются. В некоторых случаях виной тому было предубеждение — тот же М. Бэлинг отмечал наличие сковывающего эффекта и первоочередную негативную реакцию собеседников от признания в своей национальной принадлежности и в том, корреспондентом какой газеты он являлся («Morning Post», по его мнению, считалась наиболее русофобской [20, Р. 68]). В других — конкретные инциденты. Например, О. фон Шварц, сославшись на рассказ одного из офицеров, писал о том, как английские репортёры помешали Восточному отряду Ф. Э. Келлера, а именно планировавшемуся в ходе боёв неожиданному нанесению удара во фланг японцам. Враг не должен был обнаружить батальон и батарею за холмом, но «внезапно, Бог знает откуда», на возвышенности появилось два английских корреспондента с огромными пробковыми шлемами и в белых тропических костюмах, оказав таким образом услугу японцам в обнаружении русских войск [19, С. 61]. Случались и явные конфликтные ситуации. С такими столкнулись француз Л. Нодо из «Le Journal», которого русские солдаты приняли за шпиона [21, С. 271-274], и Р. Ульрих из немецкой «Kölnische Zeitung», имевший дело с обозлившимися на немецкую речь военнослужащими [22, С. 197]. Однако острые углы часто сглаживались, и отчасти это происходило не только благодаря совместно пережитым на фронте трудностям, но и по причине консолидирующего европейцев эффекта «войны с другими». По отношению к иностранцам в войсках зачастую проявлялась словоохотливость, любопытство в тылу (отвечавший за приём иностранных военных агентов в Маньчжурии генштабист А. А. Игнатьев отмечал даже бес tactность любопытства к иностранцам в тылу [23]) и приветливость на передовой. Лорд Брук, к примеру, отмечал, что офицеры тепло приветствовали военкоров, были рады их видеть и не упускали возможности продемонстрировать технические возможности вооружения, обсудить те или иные новости [24, Р. 57].

Именно в военной среде иностранные военные корреспонденты находили основные источники информации о положении дел на фронте, черпали сведения об эмоциональном состоянии военнослужащих, пристально изучали их взгляды на происходящее. Репортёры всячески старались расширять круг интервьюируемых: среди них оказывались как высокопоставленные лица (Д. Стори, в частности, сумел побеседовать с Наместником на Дальнем Востоке Е. И. Алексеевым [17, Р. 286-288]), до рядовых — для знающих русский язык корреспондентов. В числе последних был и проявивший чрезвычайный интерес к «простым людям» М. Бэлинг. Лорд Брук с восхищением наблюдал за применением им на практике превосходных знаний русского языка, сделавших репортёра «Morning Post» главным переводчиком для своих британских товарищей [24, Р. 21]. Владение русским языком было важным конкурентным преимуществом. Так, корреспондент немецкой «Tägliche Rundschau» М. Т. Берманн подчёркивал исключительность своего профессионального опыта, базировавшегося на отличном знании России, её народа и языка, отметив, что всё это позволило «услышать немало из того, что не было услышано большинством иностранцев» [25, С. 3-4]. О. фон

Шварц, тоже владевший русским языком и подписывавший по-русски все необходимые документы, также отмечал необходимость языковых знаний (наравне с военными) для правильной оценки обстановки военкорами, попутно указав на то, что часть журналистов их не имела [19, С. 302]. Действительно, незнание иностранных языков, по словам исследователя М. Мартена, являлось в это время одной из ведущих для французских корреспондентов характеристик [10, Р. 281], а потому офицеры, владевшие европейскими языками, значительно лидировали в количественном отношении среди интервьюированных военкорами лиц. Число умевших изъясняться по-русски, судя по всему, было невелико: помимо вышеупомянутых репортёров, согласно записям журналистов и некоторым документам цензурного отделения, русским языком владели также Ф. Маккорник, Р. Ульрих, Ф. Маккалаг. Знания китайского языка оказались ещё менее распространёнными среди военных журналистов, и многие военкоры рисковали составить впечатление об увиденном исключительно на основе общения с наиболее образованной частью общества. Однако на помощь им мог прийти личный опыт других иностранцев, посредничество и прочие источники информации.

Описание трудностей в быту на страницах книг зарубежных военкоров зачастую дополнялось сравнением с бытовыми условиями других представителей иностранного контингента в Маньчжурии, которых было немало: помимо журналистов и ряда гражданских лиц, относившихся преимущественно к медицинскому персоналу, на театре военных действий присутствовали военные атташе, и материалы журналистов демонстрируют их активное взаимодействие между собой. Некоторые репортёры особенно акцентировали внимание читателя на полной самостоятельности журналистов в решении продовольственного и жилищного вопросов, что существенным образом отличало их положение в Маньчжурии от военных агентов [19, С. 302]. Жить в гостиницах и китайских фанзах было возможным лишь в начале пути к фронту. Как правило, чаще иностранцы располагались на биваках в палатках и постоянно находились в поиске лучших для ночлега вариантов. Так, многие из них порой прибегали к помощи своих соотечественников, миссионеров, которых было нелегко найти: «пожалуй, высадиться на Луне было бы столь же просто, как найти ночлег в Ляояне» [15, Р. 61]. Оказавшиеся на театре войны иностранцы, как и прочие гости Маньчжурии, мерились с холодом, отсутствием всяческих удобств, теснотой, бесконечными «тучами жадной мошкарьи» и крысами, необходимостью заботиться о собственной безопасности в случае возможных, в том числе хунхузских, покушений. И, конечно, репортёры помнили о многочисленных рисках, связанных непосредственно с боевыми действиями или санитарно-эпидемиологической обстановкой. Были зафиксированы многочисленные случаи заболеваний дизентерией, солнечные удары, лихорадки и заражения местными инфекциями в журналистской среде.

Война с Японией 1904–1905 гг. унесла жизни некоторых военных корреспондентов. Двое иностранцев не вернулись домой: капитан германского ландвера Карл Барон Биндер фон Кригльштайн из «Berliner Lokal Anzeiger» и подданный Великобритании, сотрудник «Associated Press Agency», Г. Миддлтон [13, Приложение № 36]. Последний скончался летом 1904 г. от дизентерии в Ляндясяне, и связанные с этим фактом эпизоды нашли отражение в свидетельствах его британских коллег Д. Стори [17, Р. 136-140] и лорда Брука [24, Р. 44-47]. Однако лишь документальные материалы позволяют пролить свет на обилие связанных с этим событием трудностей. Прошение о разрешении сопровождать тело погибшего в качестве душеприказчика подал американец, сотрудник того же агентства Ф. Маккорник [18, Л. 347], имевший благодаря множеству связанных с его именем

скандалов и нарушений порядка сомнительную в армейских кругах репутацию [\[13\]](#). [Приложение №76](#). Власти всерьёз опасались возможных провокаций при вывозе тела. К примеру, и. д. начальника походной дипломатической канцелярии наместника на Дальнем Востоке Г. А. Плансоном указывалось на необходимость «наблюсти, чтобы этим случаем не воспользовались иностранцы для посторонних целей» [\[18, л. 285-285 об.\]](#).

Так что же видели иностранные военные корреспонденты и какие события войны застали? Здесь на помощь текстам репортёров для возведения каркаса и формирования поверхностного представления о том круговороте, в который были вовлечены их авторы, приходит делопроизводственная документация военного ведомства. В частности, важной её составляющей стали списки иностранных военных корреспондентов в Маньчжурии, ведшиеся при Штабе главнокомандующего. Документы содержат имена репортёров, даты их прибытия или утверждения, время прекращения деятельности. В некоторых из версий возможно обнаружить и другие данные — например, сведения о количестве лошадей и сопровождавшей репортёров прислуги [\[18, л. 265-266 об.\]](#). Правда, точное количество корреспондировавших поддавалось учёту с трудом: некоторые из них пользовались исключительно почтой, а потому не нуждались в звании военного корреспондента, оставаясь цензуре неизвестными. Другие же могли иметь временное разрешение корреспондировать ввиду отсутствия полного комплекта документов, а затем выбывали с театра войны, так и не получив столь желанный ими ранее статус [\[13, с. 31\]](#). Следует помнить о том, что преобразования системы цензурных органов также тянули за собой множество делопроизводственных проблем и ошибок в документах. В списках можно не обнаружить некоторых дат прибытия и выбытия журналистов, и фигурирующие в различных источниках сведения нередко противоречат друг другу.

К иллюстрации последнего можно отнести неясность с очерёдностью допуска военкоров к линии фронта. Шотландец Д. Стори утверждал, что именно он был первым аккредитованным иностранным корреспондентом в Маньчжурии, а с учётом представителей российской прессы — четвёртым. В своей книге, вышедшей в конце 1904 года, он опубликовал письмо заведующего цензурным отделением Е. Ф. Пестича с констатацией данного факта [\[17, Р. 63\]](#). Однако все стадии утверждения цензурой он проходил не один — его постоянным спутником был упомянутый выше Г. Миддлтон [\[26, л. 12, 14\]](#). Коллеги действовали в начале своего пути сообща и были аккредитованы одновременно. Кроме того, в списках цензурного отделения значатся имена репортёров, опередивших Д. Стори. Первым иностранцем в них числится П. Жиффар, корреспондент французской «Le Matin». Уже 8 марта 1904 года он прибыл в Харбин, а спустя 2 дня был аккредитован [\[27, л. 72\]](#). Вплоть до апрельского наплыва представителей прессы, согласно документам, репортёр оставался единственным официально утверждённым зарубежным журналистом на театре военных действий. Уже в июле 1904 г., будучи уверенным в грядущей победе России, он вернулся домой [\[28\]](#). Неизвестно, были ли подобные расхождения следствием каких-либо делопроизводственных ошибок или же свидетельствами содействия цензоров некоторым своим подопечным. Однако всё же необходимо принять во внимание особое положение Д. Стори: согласно данным ему Г. А. Плансоном характеристикам, он снискал симпатии всех, кому приходилось иметь с ним дело [\[26, л. 24\]](#). Журналист стремился продемонстрировать соотечественникам невыгодность враждебного отношения к России, возникшего, как он считал, по вине английских публицистов, желал указать общественности «на хорошие стороны России» и общие интересы двух стран. Покидая Маньчжурию, писатель заявлял о своём намерении издать книгу под названием «Первый фазис войны», в чём он, возможно, мог найти

поощрение и поддержку, планировал заехать в Петербург и явиться в МИД [\[26, л. 25\]](#). Так, сопоставление текстов военкоров с другими источниками может предоставить множество сюжетов для дальнейшего изучения.

В динамике численности присутствовавших в Маньчжурии иностранных журналистов возможно выделить несколько этапов. Первый из них охватывает временной промежуток с первых дней войны до апреля 1904 г. Отсутствие аккредитованных иностранцев (в списках цензурного отделения, как уже говорилось выше, значился лишь один француз), недостаточность документальной базы, неясность порядка аккредитации и цензурирования дают основания считать эту фазу скорее подготовкой к предстоящему приёму иностранных гостей. Запросы на утверждение в качестве военных корреспондентов при армии поступали с первых дней боевых действий: уже 29 января этот вопрос поднимался Главным штабом в отношении нескольких иностранцев и одного представителя российской прессы [\[13, с. 30\]](#). Здесь важно помнить о том, что время прибытия военкора не всегда коррелировало с его утверждением. К примеру, аккредитованный в апреле 1904 г. американец из «Associated Press» и «The Reuter's Telegram Company» Ф. Маккорник в письме цензору писал, что возбудил вопрос о корреспондировании первым, но утверждён был последним из «первоходцев»: «Я вовсе не жалуюсь, но хочу отметить этот факт <...> это ставит меня в неловкое положение, которое я должен немедленно разъяснить по телеграфу в Лондон» [\[13, 79\]](#). Другой пример — французский подданный Л. Нодо, который незадолго до начала военных событий уже успел отправить телеграмму из Маньчжурии [\[29\]](#). Несмотря на то, что в это время по случайному стечению обстоятельств он оказался в Порт-Артуре, официально к армии француз присоединился значительно позже — спустя несколько месяцев [\[13, с. 35\]](#). Следовательно, следует помнить о том, что численность аккредитованных военкоров на театре военных действий является не только мерилом интереса мировой общественности к событиям на Дальнем Востоке. Прежде всего, эти данные служат показателем готовности военных властей с этим интересом считаться и вступать в борьбу за влияние на общественное мнение, пусть журналистов к войскам и наделив их правом корреспондировать.

С середины апреля до середины июля 1904 г. наблюдался всплеск аккредитаций, что позволяет провести нижнюю границу следующего этапа — этапа неуклонного роста численности представителей прессы, активного взаимодействия военных властей с репортёрами, подвижек в регулировании деятельности последних путём проб и ошибок. Однако этот рубеж преодолевался с трудом: прибывшие журналисты не могли пробраться к фронту в связи со сосредоточением сил и подготовкой театра войны. Даже с выдачей соответствующих пропусков, прибытием военкоров и их покорным ожиданием от военных властей дальнейших решений, дискуссии о целесообразности их присутствия всё ещё не утихали. Так, весной первого года войны стало известно, что командующий армией А. Н. Куропаткин уже и вовсе не желал присутствия иностранных корреспондентов в районе боевых действий, в связи с чем они вынуждены были оставаться в Мукдене [\[18, л. 527-527 об\]](#). В результате майских обсуждений А. Н. Куропаткин всё же согласился с необходимостью их пребывания, но поставил совершенно невыполнимое для многих условие — корреспондировать лишь на немецком или французском языках ввиду отсутствия в армии лиц, владевших английским на достаточном уровне. Иностранцев уведомили об этом уже непосредственно перед их отправлением в Ляоян, что вызвало бурную реакцию. Однако позднее в переписке между начальниками штабов Маньчжурской армии и Наместника на Дальнем Востоке выяснилось, что данное распоряжение стало следствием недопонимания и на самом

деле силы не имело [18, л. 541]. Среди цензоров всё же были знатоки английского языка. Кроме того, подобные действия в политическом отношении признавались нежелательными.

Корреспонденции иностранцев указывают, что на условиях журналистской деятельности иностранцев Маньчжурии подобные недоразумения сказывались в виде проволочек на всех стадиях рабочего процесса, особенно часто они встречались в первое время после аккредитации. В частности, результатом вышеуказанного инцидента был запоздалый допуск к передовым частям англичан и американцев, в то время как военкоры остальных стран уже могли приступить к выполнению своих профессиональных обязанностей. Составители отчёта о применении цензуры отмечали, что двойственность в управлении, сохранившаяся до октября 1904 года, вероятно, служила основным источником подобных ситуаций — на свободе доступа корреспондентов к фронту сказывались столкновения Командующего Армии и Штаба Наместника из-за желания каждой стороны контролировать утверждение и направление военкоров в войска самостоятельно [13, с. 36]. В июле 1904 г. в корреспондентском корпусе в Маньчжурии наблюдалось наибольшее количество аккредитованных иностранцев — 20 человек, т. е. более половины от их общей численности за весь период войны. Количество кратковременно находившихся в Маньчжурии представителей прессы (прибывших и оставивших русскую армию в течение одного месяца) в июле также было особенно высоким.

За июльским пиком последовал постепенный отток иностранных журналистов. Эта тенденция сохранялась до конца февраля 1905 г. Снижение численности журналистов при войсках происходило неравномерно — вплоть до осени доля контингента оставалась значительной, с ноября же темпы покидающих Маньчжурию несколько ускорились. Отчасти это объяснялось политикой редакций — некоторые из них отзывали своих сотрудников, уже не рассчитывая на серьёзные военные действия зимой и сомневаясь в том, что получаемые от корреспондентов сведения окупят траты на их присутствие на Дальнем Востоке. К тому же, согласно свидетельствам некоторых репортёров, даже в изменившихся условиях попасть в их ряды всё ещё было не так просто. Например, прибывший на театр военных действий в конце января 1905 года австро-венгерский подданный А. Спаич зафиксировал следующее признание заведующего цензурного отделения: «с давних пор другим корреспондентам с подобными просьбами проникнуть на театр военных действий мы отказываем» [16, с. 161]. С другой стороны, и журналисты в это время зачастую сами изъявляли желание отправиться домой по причине усталости и связанными с предстоящей суворой зимой страхами [27, л. 285]. Данный период видится наиболее протяжённым: верхней его границей выступило Мукденское сражение, обединившее состав репортёров в войсках за счёт оставшихся в занятом японцами Мукдене журналистов. В японском плену оказалось четыре иностранных военных корреспондента: француз Л. Нодо, американец Р. Литтл, ирландец Ф. Маккалаг и немец фон Кригльштайн [14, р. 371]. Отправление изданиями на фронт журналистов на замену тем, кто по каким-либо причинам с него выбыл, было на данном этапе уже редким явлением. С февральских событий 1905 г. до конца войны численность военных корреспондентов не претерпевала существенных изменений, в 4 раза уступая июльскому показателю. Опасения редакций отчасти оправдались: на театре военных действий действительно наблюдалось затишье, не способствовавшее росту интереса мировой общественности к войне. Соответственно, всё это привело к снижению корреспондентской активности.

Итак, согласно рассмотренной динамике численности иностранных военных

корреспондентов, их свидетельства могут быть наиболее информативными в отношении эпизодов, связанных с боями на Янзелинском перевале, при Ташичао, Симучене, Ляояне; незначительно отстают сражения у Вафангоу и Шахэйское. Наименьшее количество иностранных военных корреспондентов оказалось в Маньчжурии в дни Тюренченского боя и событий кампании 1905 года. Не все корреспонденты, находившиеся в данные промежутки времени на театре войны, стали свидетелями тех или иных сражений, однако во многих случаях указанное обстоятельство не являлось помехой для создания целых глав и отдельных параграфов с описанием боевых действий различной степени подробности. Для их составления привлекались официальные сообщения, материалы интервью непосредственных участников событий, очевидцев, хорошо осведомлённых о происходящем военных атташе, хотя источники сведений указывались корреспондентами не всегда. Личные наблюдения репортёров, оказавшихся в удалённых от эпицентра событий боевых подразделениях, также полезны для понимания положения в них. В качестве примера можно привести записи репортёра А. Спаича, находившегося на театре военных действий в период Мукденского сражения, но не ставшего свидетелем активных боевых действий в завершающие его дни. Весть об отступлении застала отряд, к которому присоединился автор, вдали от мест решающих боёв: «казачьи сотни, пожалуй, не могли знать здесь, в горах, о том, что <...> собственный центр уже был оттеснён...» [\[16, S. 289\]](#). Незнание положения дел у других спешно отступающих армий, а также успешно выполненные казачьими отрядами задачи вызывали их недовольство приказом об отступлении и непонимание причин данного решения. Отставной полковник германского генштаба Р. Гедке на страницах своих воспоминаний рассуждал о том, насколько незначительным может быть опыт, полученный очевидцем-одиночкой, ведь он являлся свидетелем лишь отдельных фрагментов битвы [\[11, S. 297-298\]](#). К подобным мыслям его подтолкнуло приподнятое настроение возвращавшихся во время Шахэйского сражения военнослужащих, внушившее автору уверенность в безусловном успехе русской армии, что оказалось ошибочным предположением. Подобного рода рассуждения встречаются и у Л. Нодо: «сражения ясны только издали, а в непосредственной живой близости они темны, туманны, хаотичны, в особенности же необъятны, как океан» [\[21, С. 317\]](#). Репортёры сталкивались с невозможностью сделать выводы даже относительно небольшого увиденного ими фрагмента. Тот же Л. Нодо писал о Янтайской битве, признаваясь в том, что «ничего не понял, абсолютно ничего», хотя был в совсем в передовых местах [\[21, С. 251\]](#). Всё это вновь указывает на необходимость опоры на целый комплекс источников в противовес погружению лишь в некоторые из них.

Таким образом, условия профессиональной деятельности иностранных военных корреспондентов на театре военных действий в силу социального и обыденно-бытового своеобразия требовали от представителей прессы выдающегося упорства и изобретательности, психологической устойчивости, бесстрашия, готовности к многочисленным ежедневным рискам. Далеко не во всех случаях репортёры становились свидетелями ключевых событий на театре войны. Сопоставление хода боевых действий и темпов вовлечения корреспондентов в информационное противостояние позволяет обнаружить некоторую корреляцию, основанную на сплаве нескольких компонентов: открытости военных властей для представителей прессы, воплощённой в указаниях цензорам и действиях последних; подпитки для притока военкоров — международного интереса к событиям войны, сказавшихся на пожеланиях редакций. Кроме того, следует принимать во внимание и личную волю журналистов, которые могли как беспрекословно следовать указаниям начальства, согласовывать с ним свои шаги, так и в отдельных случаях вовсе действовать самостоятельно. Кампания 1904 года, в особенности летние и

осенние её события, удостоились наиболее пристального внимания иностранных журналистов, что представляется полезным учитывать при подборе источников по принципу приоритетности для каждого вопроса, интересующего исследователя.

Библиография

1. Towle P. British war correspondents and the war // Kowner R. Rethinking the Russo-Japanese War: 1904-5. Folkestone: Global Oriental, 2007. Vol. 1. Pp. 320-331.
2. Nordlund A. M. A War of Others: British War Correspondents, Orientalist Discourse, and the Russo-Japanese War, 1904–1905 // War in History. 2015. Vol. 22, No. 1. Pp. 28–46.
3. Horgan J. 'The great war correspondent': Francis McCullagh, 1874-1956. Irish Historical Studies, Vol. 36, No. 144 (November 2009), pp. 542-563.
4. Зашихин А. Н. "...Армия была хорошей, а система-плохой". Русская армия в Маньчжурии глазами английского военного корреспондента Мориса Бэлинга // История в подробностях. 2014. № 2 (44). С. 70-77.
5. Королева С. Б. В поисках настоящей России (сложный выбор Мориса Бэлинга) // Имагология и компаративистика. 2016. № 2 (6). С. 68-90.
6. Грищенко Н. А. М. Бэлинг о России // Современные исследования социальных проблем, 2017. № 3. С. 268-276.
7. Володько А. В. «Непостижимая связь между нами»: Морис Бэлинг и Россия // Диалог со временем. 2018. Вып. 64. С. 165-178.
8. Knightley, Ph. The First Casualty: The War Correspondent as Hero and Myth-Maker from the Crimea to Kosovo. 2nd ed. Baltimore; London, 2000. P. 43.
9. Hildebrand, Klaus: „Eine neue Ära der Weltgeschichte“. Der historische Ort des Russisch-Japanischen Krieges 1904/05, in: Der Russisch-Japanische Krieg (1904/05) / Hrsg. von Josef Kreiner. Göttingen: V&R unipress, 2005. S. 45.
10. Martin M. Les grands reporters français durant la guerre russo-japonaise // Le Temps des médias. 2005. № 4. Pp. 22-33.
11. Gädke R. Kriegsbriefe aus der Mandschurei. Berlin und Leipzig, 1905.
12. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 459. Оп. 2. Д. 568. Л. 1.
13. Война 1904–1905 г. Отчет о применении цензуры на театре войны / Сост.цензурным отделением Штаба главнокомандующего под редакцией генерал-квартирмейстера. Харбин, 1905.
14. MacCullagh F. With the Cossacks. London, 1906.
15. Recouly R. Dix mois de guerre en Mandchourie: impressions d'un témoin. Paris, 1905.
16. Spaits, A. Mit Kosaken durch die Mandschurei: Erlebnisse im russisch-japanischen Kriege. Vienna, 1906.
17. Story D. The Campaign with Kuropatkin, London, 1904.
18. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 846. Оп. 16. Д. 29293.
19. Schwartz, O. von. Zehn Monate Kriegskorrespondent beim Heere Kuropatkins. Persönliche Erlebnisse und kritische Betrachtungen aus dem russisch-japanischen Kriege. Berlin, 1906.
20. Baring, M. With the Russians in Manchuria. London, 1905.
21. Нодо Л. Письма о войне с Японией. Санкт-Петербург, 1906.
22. Ullrich R. Die Feuerprobe der Russischen Armee. Tagebuchblätter aus dem Hauptquartiere des 17. Armeekorps niedergeschrieben im Kriege 1904/1905. Berlin, 1910.
23. Игнатьев А. А. На фронте. 50 лет в строю. М., 2013.
24. Brooke, L. G. F. M. G. Earl. An Eye-witness in Manchuria. London, 1905.
25. Behrmann M. Th. S. Hinter den Kulissen des mandschurischen Kriegstheaters. Lose

- Blätter aus dem Tagebuche eines Kriegskorrespondenten, Berlin, 1905.
26. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 150 (Японский стол). Оп. 493. Д. 476.
27. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 10566.
28. Giffard P. Roubles et Roublards: Voyage aux pays russes. Paris, 1904. Р. 298.
29. Le Journal, 24 janvier 1904.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

О том насколько сегодня велика роль средств массовой информации говорят различные специалисты - философы, социологи, политологи, экономисты. Однако резкий рост влияние СМИ относится еще к концу XIX - началу XX века, когда "газетные короли" усилиями репортеров доносили различные сообщения из горячих точек: это относится и к тем локальным конфликтам, которые предшествовали Первой мировой войне. Одним из таких конфликтов была русско-японская война, которая проходила как раз в то время расцвета газетного дела. Примечательно, что похождения французского репортера в Маньчжурии описаны в беллетристической форме Луи Буссенара.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой являются военные журналисты в Маньчжурии в 1904-1905 гг. Автор ставит своими задачами рассмотреть роль репортеров в описании событий в Маньчжурии, определить отношение к ним со стороны военных командиров, а также показать условия профессиональной деятельности.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор отмечает, что совокупность оставленного журналистами в Маньчжурии "творческого наследия не становилась самостоятельным объектом изучения". Научная новизна статьи заключается также в привлечении архивных материалов.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя 29 различных источников и исследований. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежной литературы, в том числе на английском, французском и немецком языках. Источниковая база статьи представлена прежде всего опубликованными работами иностранных корреспондентов в Маньчжурии, цензорными отчетами, а также документами из фондов Архива внешней политики Российской империи, Российского государственного военно-исторического архива, Российского государственного архива литературы и искусства. Из используемых автором исследований укажем на труды В.А. Володько, Н.А. Грищенко, С.Б. Королевой, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения биографий военных корреспондентов. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по её теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто

интересуется как работой журналистов на фронте, в целом, так и в рамках русско-японской войны, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что "численность аккредитованных военкоров на театре военных действий является не только мерилом интереса мировой общественности к событиям на Дальнем Востоке", скорее "эти данные служат показателем готовности военных властей с этим интересом считаться и вступать в борьбу за влияние на общественное мнение, пустив журналистов к войскам и наделив их правом корреспондировать". В работе показано, что журналисты использовали не только личные наблюдения, но и "официальные сообщения, материалы интервью непосредственных участников событий, очевидцев, хорошо осведомлённых о происходящем военных атташе, хотя источники сведений указывались корреспондентами не всегда".

Главным выводом статьи является то, что

"условия профессиональной деятельности иностранных военных корреспондентов на театре военных действий в силу социального и обыденно-бытового своеобразия требовали от представителей прессы выдающегося упорства и изобретательности, психологической устойчивости, бесстрашия, готовности к многочисленным ежедневным рискам".

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале "Исторический журнал: научные исследования".

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Зуева Л.Е. Особенности экономического развития древнерусских и немецких городов в XII – первой трети XIII века // Исторический журнал: научные исследования. 2024. № 3. DOI: 10.7256/2454-0609.2024.3.70843 EDN: BFJFMD URL: https://nbppublish.com/library_read_article.php?id=70843

Особенности экономического развития древнерусских и немецких городов в XII – первой трети XIII века

Зуева Любовь Евгеньевна

кандидат исторических наук

доцент, кафедра социально-гуманитарных и правовых наук, Муромский институт (филиал) Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

602264, Россия, Владимирская область, г. Муром, ул. Орловская, 23, каб. 316а

 lyuba_evg@list.ru

[Статья из рубрики "Сравнительно-исторические исследования"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2024.3.70843

EDN:

BFJFMD

Дата направления статьи в редакцию:

24-05-2024

Дата публикации:

01-06-2024

Аннотация: Предметом исследования является хозяйственная жизнь города Древней Руси и средневекового города Германии. Объектом исследования является древнерусский и западноевропейский город в XII - первой трети XIII вв. Уже не первое столетие продолжается спор о том, идет ли Россия по своему особому пути развития, отличному от западного, или же наша страна развивается в общем русле всемирного исторического процесса, в силу различных причин отставая от западноевропейских государств. Обращение к экономическим проблемам города обусловлено исключительной важностью экономической сферы жизнедеятельности, именно она определяет ход всех процессов, происходящих в социуме, влияя на остальные подсистемы общества. Для сравнения мы выбрали один из главенствующих

политических центров Руси эпохи раздробленности - Владимиро-Суздальское княжество и города Германии, являющиеся классическим образцом средневекового города Западной Европы. В работе использовался сравнительно-исторический метод, позволяющий выявить общие и специфические черты развития экономической сферы городских центров Древней Руси и средневековой Европы с целью раскрытия многогранности феномена древнерусского города. Древнерусский и средневековый немецкий город в XII – первой трети XIII века имели глубокую связь с близлежащей сельскохозяйственной округой и носили аграрный характер. Несмотря на это, важнейшим направлением хозяйственного развития городов Владимира-Суздальской земли и средневековой Германии являлось их развитие как торгово-ремесленных центров. В обеих странах действуют объединения купцов, осуществляются активные торгово-кредитные операции. И тот, и другой города отличали дифференцированность ремесла и его узкая специализация. Новизна исследования заключается в том, что был проведен сравнительный анализ уровня экономического развития значительного количества древнерусских и немецких средневековых городов. В результате исследования был сделан вывод о том, в немецких городах эпохи Высокого Средневековья складывается особый городской мир, отличающийся строгой регламентацией практических всех сторон жизни горожан. Древнерусские же города, напротив, не выработали специфического городского права, которое действовало бы только в пределах городских стен.

Ключевые слова:

древнерусский город, Владимиро-Суздальская Русь, политическая раздробленность, средневековая Германия, средневековое ремесло, немецкий город, сравнительная история, сельская округа, торговля, корпорация

Древнерусский город в течение продолжительного периода времени является значимым объектом изучения исторической науки. Дореволюционные историки [17] [18] [24], исследуя феномен города, определили магистральные направления его изучения: генезис городских поселений; место вече в системе городского управления; роль и функции князя в древнерусском городе.

В предвоенный период становления советской исторической науки публикуется ряд работ краеведческого характера, посвященных изучению Владимира-Суздальского княжества, затрагивающих, в том числе и тему древнерусского города [22] [6].

М.Н. Тихомиров в труде «Древнерусские города» первым из отечественных исследователей обращает внимание на сходство направления развития городов Древней Руси и Западной Европы, указывая на негативную роль монголо-татар, разрушивших большинство древнерусских городских центров, что помешало им стать столь значимой силой, какой являлись города Западной Европы [31].

С М.Н. Тихомировым соглашается И.Н. Данилевский, указывая на тот факт, что несмотря на специфику природно-климатических условий, оригинальность культуры и быта восточных славян, генезис городских центров на Руси и в Европе имеет сходные черты [11].

Авторы коллективной монографии «Город в средневековой цивилизации Западной Европы», напротив, полагают, что городские центры Руси серьезно отличались от европейских, так как в них отсутствовали цеха ремесленников и другие корпоративные

объединения, составившие в дальнейшем фундамент европейского гражданского общества [7].

В.Б. Кобрин и А.Л. Юрганов, поддерживают данную точку зрения, указывая на серьезную зависимость городского поселения от князя и факт отсутствия здесь бурггерского патрициата [19].

Феномен древнерусского города находится в центре внимания как отечественных, так и зарубежных исследователей. Стержневой проблемой является выявление черт сходства и различия путей развития городских центров в разных географических пространствах.

Так, У. Блэкьюэлл [39] констатирует принципиальное сходство русских и западноевропейских городов, лишь указывая на такую специфическую черту городов Руси как подчиненность центральной администрации с целью взимания налогов и контроля.

Немецкие историки Х. Рюсс и П. Ниче в концептуальном плане определяют древнерусское государство как неотъемлемую часть Европы [38], указывая, однако, на факт отсутствия в городских центрах Руси специфического городского управления и записанных в хартиях вольностей и привилегий горожан (за исключением Новгорода и Пскова). Р. Хаммель-Кизов сравнивая особенность топографии Новгорода и немецкого Любека, фиксирует её сходство, но отмечая специфику внутренней застройки городов [36, с.236].

Таким образом, среди отечественных и зарубежных исследователей нет единства по вопросу сходства и различия древнерусских и западноевропейских городов: одна группа ученых их отождествляет, другая настаивает на оригинальности каждого из городских феноменов.

Древнерусский город с момента своего возникновения являлся центром административной и духовной власти, ремесла и торговли, стягивающим сельскохозяйственную округу [15, с.66].

И.Я Фроянов [35] и П.П. Толочко [32], изучая проблему генезиса городских центров на Руси, акцентируют внимание на их взаимосвязи с сельской округой. «Будучи порождением сельскохозяйственной стихии, древнерусский город с породившей его земледельческой округой был связан тысячами зрымых и незримых нитей. Для нее он был естественным хозяйственным, административно-политическим и культурным центром» [32, с.115]. П.П. Толочко полагал, что древнерусский город не являлся автономной хозяйственной единицей, отделившейся от сельской округи [33, с.99]. Археологические находки сельскохозяйственных орудий труда (кос, серпов, цепов и др.) демонстрируют важность занятия земледельческим трудом для древнерусских горожан [33, с.116].

Животноводство играло значимую роль в хозяйственной жизни города, о чем свидетельствуют многочисленные археологические находки костей крупного и мелкого домашнего скота [33, с. 117]. Значимость скотоводства в городах подтверждает и древнейший свод законов - Русская Правда, содержащий статью о штрафе в случае кражи сена [27, ст.5].

Несмотря на значимую роль сельского хозяйства в городской жизни, сущность города определяли торговля и ремесло. XII век для Владимира и Суздаля характеризуется

бурным ростом городских посадов, заселенных, в основном своем большинстве, ремесленным людом. Данный факт подтверждают археологические находки множества ремесленных мастерских, сделанные Н.Н. Ворониным, а также, обнаруженное М.В. Седовой и Д.А. Беленькой ограждение оборонительными сооружениями территории Сузdalского посада [\[26\]](#) [\[3\]](#).

«Для обозначения людей, занятых ремеслом, в Древней Руси употреблялись названия: «ремесленники», «рукодельные люди». Однако упоминания эти сравнительно редки, так как древнерусские летописцы чаще обозначали все городское население общими понятиями: «людье», «чадъ». Ремесленники входили в их число наравне с остальным городским населением, которое, таким образом, мало дифференцировалось летописцами» [\[31, с.142\]](#). «Русская Правда», включающая в себя множество статей, посвящённых торговле и кредиту, ни разу не упоминает ремесленников, указывая только на существование городников и мостников.

Но этот факт вовсе не отрицает наличия упоминаемой категории горожан. Так, М.Н. Тихомиров, высказывает мнение, что ремесленных специальностей здесь было не менее трех десятков [\[31, с.88-89\]](#), а Б.А. Рыбаков, в свою очередь, расширяет этот перечень до 64 [\[28, с.509-510\]](#). Авторы коллективной монографии «Древняя Русь: город, замок, село», предполагают, что число ремесленных профессий в крупных городах значительно превышало сотню [\[14, с.244\]](#).

Большинство средневековых производств не могло существовать вне профессиональных объединений. Их возникновение связано с сосредоточением ремесленного люда в определённых частях города, чье название отражало специфику рода занятий проживающих здесь людей. Так в исторической топографии Владимира сохранились названия «Ременники» и «Гончаръ».

Хозяйственное лицо древнерусских городов во многом определяла торговля. Нам известно о существовании двух видов торговли – внутренней и внешней. Применительно к торговцам внутри страны использовали понятие «купец», тех, кто вел торговлю с иноземными державами, традиционно величали «гость». Широкие торговые связи Сузdalской земли фиксируют как письменные источники, так и памятники материальной культуры. Ипатьевская летопись под 1175 годом упоминает, что во Владимир «приходили купцы из Южной Руси, Константинополя, Западной Европы и Волжской Болгарии, называет «гостей» «из Царягорода и от иных стран», «Болгаре и Жидове» [\[16, стб.591\]](#). Седова, проводя раскопки в Суздале, отмечает частые находки фрагментов среднеазиатской и болгарской керамики, а также стеклянной посуды и шиферных пряслиц из Южнорусских княжеств [\[29, с.111\]](#).

Статьи Пространной Русской Правды позволяют реконструировать облик купца, особенности его хозяйственной деятельности. Древний свод законов определяет за убийство купца штраф: «Если убьет человек человека, ... то положить за него 40 гривен; если (он) будет русин, гридин, купец...» [\[27, ст.1\]](#). Это свидетельство позволяет предполагать, что купцы входили в привилегированную социальную группу вместе с княжескими дружинниками.

Как отечественные купцы, так и «гости» имели высокий социальный статус, находясь под особой защитой князя. Князь Владимир Всеволодович в «Поучении детям» советует своим потомкам почтительно относиться к иноземным купцам: «более же всего чтите гостя, откуда бы к вам ни пришел, простолюдин ли, или знатный, или посол; если не

можете почтить его подарком, - то пищей или питьем: ибо они, проходя, прославят человека по всем землям, или добрым, или злым» [\[23, с.100\]](#).

Купцы, обладающие значительным капиталом, не могли быть вне политической жизни города. После убийства Андрея Боголюбского последовал период междукняжия, сопровождавшийся противостоянием Ростова и Суздаля, с позиции старших городов и «младшего» Владимира. В пленах владимирцев, возглавляемых князем Всеволодом Юрьевичем, оказались Мстислав и Яропolk Ростиславичи – племенники убитого князя от старшего брата. Расправы над ними настойчиво требовали представители городской верхушки – купцы и бояре – поэтому князь вынужден был отдать пленников им [\[21, стб.385\]](#). Участвовали купцы и в важных церемониях – проводах сына князя на княжение в другой город (Константин Всеволодович в 1206 году отправлялся в Новгород). Провожали Константина «и все бояре отца его, и все купцы» [\[21, стб.428\]](#). Вышеназванные факты позволяют рассуждать о высоком положении купцов в социальной иерархии города.

В изучаемый период на Руси возникают первые корпорации купцов. Устав одного из них – Иванского сто сохранился. Объединение было монополистом в сфере продажи воска, а также хранителем торговых мер вес, объема и длины, разделяя эту обязанность с архиепископом Новгорода. Наличие купеческих корпораций в городах Владимиро-Суздальского княжества не подтверждается документами напрямую. Можно лишь предполагать о существовании здесь купеческих вооруженных караванов для перевозки товаров, так как разбойные нападения в ту эпоху являлись рядовым событием. Из сведений Лаврентьевской летописи (погодная запись 1216 года) узнаем, что в Переславль-Залесский «прибыли 150 новгородцев и 15 смоллян для торговли «гостьюбою» [\[21, стб.474\]](#).

Итак, не смотря на тесную связь древнерусского города с сельским хозяйством, его хозяйствственный облик определяли ремесло и торговля. В городах наблюдаются зачатки торговых и ремесленных корпораций, но время их существования оказалось незначительным, поскольку монгольское нашествие нанесло городским центрам разрушительный урон.

Схожим были и основные сферы экономической жизни средневековых городских центров Германии. Так же, как и на Руси, наблюдается неразрывная связь города с близлежащей земледельческой округой. В средневековом европейском городе проживало довольно большое количество крупных собственников земли, которые вели рыночно ориентированное сельское хозяйство. «Землю в городе и городской округе имели многие, чаще всего, используя ее для производства продуктов, необходимых для личных нужд, но также и для сбыта на местном рынке» [\[8, с.22\]](#). Городские хартии содержат многочисленные свидетельства фактов наличия усадеб у горожан. Например, статья 15 Второго городского права Страсбурга начинается со слов: «если кто-либо, войдя в чей-либо дом или усадьбу...» [\[5, ст.15\]](#).

Сеньор частновладельческого или епископского города имел обширные земельные владения, располагавшиеся как за городскими стенами, так и внутри самого городского поселения. Резиденция и усадьба страсбургского сеньора-епископа располагались в самом городе. К компетенции городского судьи, кроме прочего, относилось обеспечение сеньориальной усадьбы рабочим скотом и орудиями труда. «На господский двор, находящийся внутри города, шульгейс пусть дает для плугов епископа 13 быков ...и 1

лошадь, на которой магистр двора будет ездить, и возить семена в поле» [\[13, ст.94\]](#). Вероятно, земельные владения сеньора города занимали значительную площадь, так как городская хартия содержит обязательство городских жителей отрабатывать барщину в течение пяти дней в году.

Городское законодательство стремилось к строгой регламентации жизни внутри стен поселения, заботясь о благоустройстве городского пространства. Животноводство, будучи одним из важных занятий горожан, вынуждало городские власти устанавливать правила содержания скота. «Никто не должен иметь в городе свиней, если не поручит их пастуху» [\[13, ст.86\]](#). Даже в торговом центре европейского масштаба, которым являлся Страсбург, была особая территория, где разрешалось пасти свиней [\[13, ст.87\]](#). «В пределах города никто не должен кормить свиней вне своего дома» [\[5, ст.32\]](#), а в случае бесконтрольного выгула свиней в городе, владелец был обязан уплатить штраф [\[5, ст.32\]](#).

Можно объяснить наличие столь тесной связи с земледельческим трудом и занятием скотоводством довольно низким уровнем дохода основной массы населения, а также слабой товарностью сельского хозяйства округи.

Торговая концепция возникновения средневековых городов определяет торговлю стержнем городской хозяйственной жизни. Рынок или торг находился под особой защитой верховной власти – короля. В средневековом обществе данный факт означал более суровое наказание для тех, кто посмел этот мир нарушить – вплоть до смертной казни. Городская конституция Медебаха фиксирует: «Мы (архиепископ Кельна Рейнгольд) крепко-накрепко приказали, чтобы на рынке Медебаха сохранялся мир» [\[10, ст.25\]](#). Торг аккумулировал в себе значительное число материальных ценностей и капитала, подталкивая, таким образом, к совершению здесь преступлений. Высшая охрана торгового места со стороны главы государства обеспечивала условия для безопасного проведения торговых сделок.

Средневековые немецкие города с момента своего возникновения концентрировали торговлю в своих пределах. Для более эффективного ведения торговой деятельности купцы создавали профессиональные объединения. Городское право Зоеста и Медебаха даёт нам информацию, о том, что здесь начиная с XII века возникают первые купеческие корпорации. Права и обязанности членов корпорации фиксировались городскими хартиями. Из конституции Медебаха мы узнаем о существовании в городе слоя купцов, занимавшихся внешней торговлей с Данией или Древней Русью, которые для осуществления торговых операций брали в долг у ростовщика [\[10, ст.15\]](#).

Подобные сведения встречаются в городских хартиях с завидным постоянством, что позволяет сделать вывод о существовании в средневековых городах развитой кредитно-ростовщической системы.

Хозяйственную жизнь средневекового города нельзя представить без существования торговли, но, тем не менее, стержнем городской экономики стоит считать ремесло. Ремесленники, которые составляли большинство городских жителей, изготавливали продукцию на продажу, создавая основу для торгового обмена. В Страсбурге - крупном торговом центре европейского региона, уже в начале XIII века существовало несколько десятков объединений ремесленников – предшественников будущих цехов, а купеческая гильдия, была лишь одна. Таким образом, ремесленный труд, породивший мелкотоварное производство обеспечивали городу новое качество как места средоточия профессионального ремесла и торговли.

Значительный объем сведений о дифференциации городского ремесла и наличии профессиональных ремесленных объединений предоставляют Древнейшее городское и Второе право Страсбурга. Другие городские хартии практически не включали статьи, посвящённые ремесленному люду, что позволяет считать вышеназванные документы уникальным. Они упоминают пятнадцать самых распространенных ремесленных специальностей, хотя ученые и археологические данные позволяют утверждать, о существовании более сотни городских ремесел. «Только в городе имелись условия для совершенствования мастерства, обмена производственным опытом» [\[37, S.234\]](#).

В начале XII века возникают первые цеховые объединение городских ремесленников. Членство в цехе позволяло в ремесленнику изготавливать определенный вид товара по строго регламентированной процедуре, а также гарантировало право их продажи в пределах городской черты.

«В средневековом городе к началу XIII в. почти не осталось «свободного» ремесла: все ремесленники в той или иной степени входили в состав объединений. В традиционном, сословном, корпоративном обществе средневековья конституирование любой деятельности успешнее всего происходило через объединение занимающихся этой деятельностью в признанный обществом коллектив» [\[9, с.118\]](#).

Не смотря на то, что окончательное становление цехового строя (связанное с принятием уставов объединений) происходило на рубеже XIII-XIV веков, в городских конституциях более раннего периода появляются статьи, частично регламентирующие труд ремесленников. Второе городское право Страсбурга, записанное в 1214 году, вводит определенные требования к качеству ткацкой продукции. «Серые сукна, не имеющие в ширину двух локтей с четвертью, должны быть сожжены. И если к сукну подмешан волос, то оно точно также подлежит сожжению» [\[5, ст.56\]](#). Определенные требования предъявлялись к бондарям – они должны «изготавливать бочки до 40 ам [ам – средневековая мера объема] и без коры» [\[5, ст.41\]](#).

Оформление профессиональных объединений купцов и ремесленников свидетельствовало о такой характерной черте европейского Средневековья как корпоративность.

Таким образом, средневековый немецкий город предстает перед нами единым организмом, объединяющим множество корпораций и живущим по документально зафиксированным правилам, члены которого обстоятельно защищают свои вольности и привилегии. Древняя Русь в XII -первой трети XIII в. лишь вставала на путь, уже пройденный европейскими городами, но попадание северо-восточных русских земель под власть Золотой Орды привело к замедлению социально-экономических процессов, происходивших в древнерусском городе, вследствие чего вектор развития отечественного города серьезно изменился.

Библиография

1. Археология Сузdalской земли: материалы полевых исследований 2001-2019 гг. в Суздалском Ополье: в 2 т. / РАН, Ин-т археологии; отв. ред.: Н.А. Макаров. – Москва ; Вологда : Древности Севера, 2023. Т. 1 : Расселение и культурный ландшафт. – 2023. – 287 с. Т. 2 : Культура, общество, идентичность. – 2023. – 424 с.
2. Воронин Н.Н. Владимир, Боголюбово, Сузdal, Юрьев-Польской. Книга-спутник по древним городам Владимирской земли. – М.: Искусство, 1967.-309 с.
3. Воронин Н.Н. Оборонительные сооружения Владимира XII века. // Материалы и

- исследования по археологии СССР (МИА). – № 11. – М., 1940. – С. 195 – 218.
4. Воронин Н.Н. Социальная топография XII – XIII вв. и «чертеж» 1715 г. // Советская археология. Т. 8. – М., 1946.-С. 145-174.
5. Второе городское право Страсбурга // Средневековое городское право.-Саратов, 1989.-С. 107-113.
6. Галкин В.А. Сузdalльская Русь.-Иваново, 1939. – 210 с.
7. Город в средневековой цивилизации Западной Европы Т. 1-4. М: Наука,, 1999-2000.
8. Город в средневековой цивилизации Западной Европы.-Т. 1.-М., 1999. – 390 с.
9. Город в средневековой цивилизации Западной Европы.-Т. 2. – М., 1999. – 345 с.
10. Городское право Медебаха // Средневековое городское право. – Саратов, 1989.-С. 48-51.
11. Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX-XII вв.). Курс лекций.-М.: Аспект-Пресс, 1998. – 399 с.
12. Древнейшее городское право Зоеста // Средневековое городское право. – Саратов, 1989.-С. 116-123.
13. Древнейшее городское право Страсбурга // Средневековое городское право. – Саратов, 1989.-С. 96-107.
14. Древняя Русь: город, замок, село. – М.: Наука, 1985. – 432 с.
15. Дубов И.Д. Северо-восточная Русь в эпоху раннего Средневековья. – Л., 1982.
16. Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 2.-М.: Языки русской культуры. – 1998. – 648 с.
17. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях.-М.: Наука, 1991. – 127 с.
18. Ключевский В.О. Курс русской истории.-Т. 1-М., 1956. – 428 с.
19. Кобрин В.Б., Юрганов А. Л.Становление деспотического самодержавия в Средневековой Руси (К постановке проблемы) // История СССР. 1991. №4.-С. 54-64.
20. Куза А.В. Малые города Древней Руси. – М.: Наука, 1989. – 168 с.
21. Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т.1.-М.: Языки русской культуры. – 1997. – 733 с.
22. Насонов А.Н. Князь и город в Ростово-Сузdalльской земле // Века, Петроград. 1924. №1.-С. 3-27.
23. Поучение Владимира Мономаха // Древнерусская литература. М.: ШКОЛА-ПРЕСС, 1996.-С. 94-110.
24. Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси.-М.: Наука, 1993. – 635 с.
25. Привилегия, данная Генрихом V г. Шпайеру // Средневековое городское право. – Саратов, 1989.-С. 35-37.
26. Раппопорт П.А. Очерки по истории русского военного зодчества X-XIII вв. – М.-Л.: Наука, 1956. – 184 с.
27. Русская Правда пространной редакции // Памятники права Киевского государства X-XII вв.-М.: Гос. изд-во юридической литературы, 1952.-С. 121-136.
28. Рыбаков Б.А. Ремесло Древней РусиРуси.-М.-Л: Издательство АН СССР, 1948. – 792 с.
29. Седова М.В., Беленькая Д.А. Окольный город Суздаля // Древнерусские города. – М.: Наука, 1981. – С. 95-115.
30. Седова М.В. Сузdalль в X – XV вв. – М.: Наука, 1997. – 236 с.
31. Тихомиров М.Н. Древнерусские города.-М.: Госполитиздат, 1956. – 477 с.
32. Толочко П.П. Город и сельскохозяйственная округа на Руси в IX-XIII вв. // Древние славяне и Киевская Русь. Сборник научных трудов.-Киев: Наукова Думка, 1989.-С. 115 – 124.
33. Толочко П.П. Древнерусский феодальный город. – Киев: Наукова Думка, 1989. – 254

- с.
34. Толочко П.П. Откуда пошла Русская земля: монография. – М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2023. – 272 с.
 35. Фроянов И.Я. Киевская Русь.-Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1980. – 325 с.
 36. Хаммель-Кизов Р. Новгород и Любек. Структура поселений двух торговых городов в сравнительном анализе // История и археология.-1994.-№8.-С. 234-236.
 37. Ennen E. Die europäische Stadt des Mittelalters. Göttingen, 1975. – 349 s.
 38. Handbuch der Geschichte Russlands. Bd. 1. Stuttgart, 1981.-483 s.
 39. The City in Russian History. University Press of Kentucky, 1976. – 349 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Тысячелетняя история России насыщена героическими победами и отдельными трагическими неудачами. Куликово поле, Бородино, Прохоровка - эти и многие другие места славы навсегда вошли в русскую историю. Рассматривая древнерусский период, стоит обратить внимание на что именно ордынское нашествие нарушило социально-экономический прогресс Древней Руси. В этой связи вызывает интерес проанализировать развитие древнерусского города и города западноевропейского.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является экономическое развитие древнерусских и немецких городов в XII – первой трети XIII века. Автор ставит своими задачами показать генезис древнерусских городов, а также сравнить развитие древнерусских городов с немецкими. Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Автор также использует сравнительный метод.

Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать становление экономического развития древнерусских и немецких городов в XII – первой трети XIII вв.

Рассматривая библиографический список статьи как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя до 40 различных источников и исследований. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежной литературы на английском и немецком языках. Источниковая база статьи представлена летописями, а также правовыми документами. Из используемых автором исследований укажем на труды В.Б. Кобрина и А.Л. Юрганова, Б.А. Рыбакова, П.П.Толочко, М.Н.Тихомирова и И.Н. Данилевского, которые рассматривают различные аспекты развития древнерусского города. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как историей Древней Руси, в целом, так и древнерусским городом, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что "феномен древнерусского города находится в центре внимания как отечественных, так и зарубежных исследователей", а ключевой проблемой "является выявление черт сходства и различия путей развития городских центров в разных географических пространствах". Автор на основе различив в документах справедливо отмечает, что "средневековый немецкий город предстает перед нами единым организмом, объединяющим множество корпораций и живущим по документально зафиксированным правилам, члены которого обстоятельно защищают свои вольности и привилегии".

Главным выводом статьи является то, что

"Русь в XII - первой трети XIII в. лишь вставала на путь, уже пройденный европейскими городами, но попадание северо-восточных русских земель под власть Золотой Орды привело к замедлению социально-экономических процессов, происходивших в древнерусском городе, вследствие чего вектор развития отечественного города серьезно изменился".

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, написана в живой, полемичной форме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России, так и в различных спецкурсах. В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале "Исторический журнал: научные исследования".

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Богомолова Д.К. Сербско-черногорские отношения и перспектива создания Балканского союза в 1904–1905 гг.
// Исторический журнал: научные исследования. 2024. № 3. DOI: 10.7256/2454-0609.2024.3.70835 EDN:
COGXJH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70835

Сербско-черногорские отношения и перспектива создания Балканского союза в 1904–1905 гг.

Богомолова Дарья Константиновна

аспирант; исторический факультет; Московский Государственный Университет

115409, Россия, г. Москва, ул. Кошкина, 13к1

✉ bogomolova.dasha@gmail.com

[Статья из рубрики "Регионы мира в мировом историческом процессе"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2024.3.70835

EDN:

COGXJH

Дата направления статьи в редакцию:

24-05-2024

Дата публикации:

01-06-2024

Аннотация: Статья посвящена анализу перспектив создания Балканского союза в 1904–1905 гг., идея которого возникла под влиянием обострения международной политической обстановки в связи с Восточным вопросом, а также ввиду начала Илинденского восстания в Македонии. Это стало первой в XX в. попыткой молодых славянских государств объединиться и согласовать совместные цели внешней политики в борьбе против Османской империи. Основными источниками послужили дипломатические документы балканских стран, а также донесения российских дипломатов, анализ которых позволил прийти к выводу, что достигнутые договоренности в ходе переговоров между Сербией, Болгарией и Черногорией, хотя и не привели к окончательному формированию альянса, в дальнейшем все же сыграли большую роль и легли в основу Балканского союза 1912–1913 гг., а также подчеркнули роль Российской

империи как арбитра в межбалканских отношениях. Основное внимание в статье уделяется анализу сербско-черногорских переговоров, направленных на заключение союзного договора между странами и укрепление двусторонних отношений, что стало возможным после смены правящей династии в Сербии. Несмотря на то, что поначалу сербскими и черногорскими политиками высоко оценивалось значение возможных договоренностей, позднее переговоры были провалены по причине серьезных разногласий между сторонами по вопросу будущего территориального разграничения в случае победы над Османской империей и невозможностью выработки компромиссного текста договора. Проведенное исследование позволило значительно дополнить и расширить картину сербско-черногорских и межбалканских переговоров 1904-1905 гг. и прийти к выводу, что в этот период еще не сложились условия для сближения и координации внешнеполитических целей между славянскими странами Балканского полуострова, а начало переговоров о формировании Балканского союза было продиктовано в большей степени временным обострением обстановки в связи с восстанием в Македонии.

Ключевые слова:

Сербия, Черногория, Болгария, дипломатические отношения, внешняя политика, сербско-черногорские отношения, межбалканские отношения, Российская империя, Балканский союз, Илинденское восстание

Неудавшийся Балканский, и как его составная часть, сербско-черногорский союз 1904-1905 гг. стали первыми в ХХ в. попытками славянских стран полуострова преодолеть взаимные противоречия и согласовать совместные цели внешней политики. В его основу впервые закладывался принцип «Балканы – балканским народам», ставший затем полноценной идеей, девизом Первой балканской войны. Под влиянием новых противоречий в европейской политике, Сербия и Болгария с одной стороны, Сербия и Черногория с другой, решают объединить усилия для борьбы за свои интересы в европейских областях Турции, населенных славянами, и защиты от попыток Австро-Венгрии усилить экспансию на Балканском полуострове. Начальным этапом этого объединения должны были выступить секретные двусторонние соглашения. По ряду причин договориться удалось лишь Сербии и Болгарии. Затянувшиеся переговоры между сербским королем и черногорским князем результата не дали. Таким образом, в этот период создание балканского союза не увенчалось успехом. Особенности переговоров между Сербией и Черногорией подробно рассмотрены в работах таких исследователей, как Л. Алексич-Пейкович, Н. Ракочевич и Н. И. Хитрова [1, с. 327-357; 2, с. 18-38; 3, с. 185]. Однако, в упомянутых исследованиях историки сосредотачивались, в основном, на внутренних факторах, повлиявших на неудачный исход переговорного процесса.

Представляется интересным дополнить этот сюжет анализом того, как в этот период воспринималась и трансформировалась идея сближения среди сербских и черногорских политиков, и каким образом повлияла на это перемена политической ситуации на Балканском полуострове и в целом Европе.

К началу ХХ в. Османская империя стремительно теряет влияние на своих европейских территориях, превратившихся в арену экономического и геополитического соперничества великих держав, активно формирующих военно-политические альянсы. Значительным образом усиливается и балканский фактор – вышедшие из-под османского владычества молодые государства всеми силами стремятся реализовать свои

национальные программы и стать равноправными субъектами международных отношений в Европе, что было бы невозможным без освобождения той части христианского населения, которая до сих пор жила под гнетом османов.

Во второй половине 90-х гг. XIX в. на фоне волнений на о. Крит и последующей за ними греко-турецкой войны весной 1897 г. вновь остро в европейской политической повестке встает т.н. восточный вопрос и проблема Проливов. Российская империя в этот период значительно активизирует свою политику на Дальнем Востоке, отдавая приоритет именно этому направлению, в результате чего происходит и корректировка ее курса по отношению к Балканам, где становилось все труднее экономически конкурировать с европейскими державами. Таким образом, наиболее приемлемой российскому МИД и министру А. Б. Лобанову-Ростовскому виделась политика равновесия, баланса между Францией и Троицким союзом. Поэтому, желая обезопасить себя от необходимости, в случае обострения, действовать «на два фронта», но сохранить свое влияние в регионе, Россия в апреле этого же года, в нарушение исторической традиции, идет на заключение договора с Австро-Венгрией о сохранении статус-кво на Балканском полуострове. «Нам надо было поставить Балканы под стеклянный колпак, пока мы не разделаемся с другими, более спешными делами» – писал по этому поводу министр иностранных дел [\[4, с. 288\]](#). Соглашение было весьма спорным – основные противоречия заключались в желании Австро-Венгрии закрепить за собой право на аннексию территории Боснии и Герцеговины, находившихся с 1878 г. под австрийской оккупацией, и захват Новопазарского санджака. Отдельным пунктом стоял план по созданию независимого албанского государства. В ответ на эти неприемлемые для России пункты, МИД выдвинул ответные пожелания, в результате чего соглашение свелось к гарантиям поддержания в регионе существующего к этому моменту положения.

В то же время, Россия не стремилась отказаться от своей исторической миссии по защите христианского населения европейских территорий Турции, и по мере сил пытаясь дипломатическим путем способствовать южнославянским государствам, в первую очередь, Болгарии и Сербии, в осуществлении их национальных задач. Этой цели служила успешная работа сети российских консульств на территории Македонии (в Скопье и Битоле) и Старой Сербии (Призрен). Своего рода продолжением русско-австрийского сотрудничества в регионе стало Мюрцштегское соглашение, заключенное осенью 1903 г., после того как турецкими властями было подавлено Илинденское восстание в Македонии. Жестокие карательные меры османской администрации привели к непосредственному вмешательству европейской дипломатии, в результате чего Россия и Австрия потребовали незамедлительно провести целый ряд административных, политических и судебных реформ под наблюдением европейских представителей.

Обострившаяся обстановка в регионе взволновала правительства балканских государств, которые расценивали произошедшие события как новый виток кризиса и борьбы великих держав за влияние на Балканах. Оправданными были опасения, что в эту борьбу могут быть втянуты и славянские страны. В разгар восстания в Македонии сербский посол в России М. Спалайкович телеграфировал руководству о том, что программа российской внешней политики в восточном вопросе входит в новую фазу и даже не исключал в недалеком будущем войны России с Турцией [\[5, с. 302\]](#). «Консервативная и терпеливая политика России, ее опыт и последствия во внутренней жизни из-за последней войны с Турцией, политический хаос и переменчивость во взглядах и поступках отдельно взятых балканских государств – все это до сих пор вынуждало Россию сперва исчерпать все меры мирной политики по отношению к Турции, прежде чем решиться приступить к окончательному разгрому Османской империи в

Европе», – писал Спалайкович [5, с. 303-304]. Среди причин подобных перемен посол особым образом выделял убийство в августе 1903 г. турецким жандармом албанского происхождения российского консула в Битоли А. А. Ростковского. Это убийство положило конец терпению Петербурга. Все показные попытки Порты принести извинения не увенчались успехом: в России уже не были готовы простить убийство дипломата и легко замять кризис, как в марте 1903 г., когда во время албанского мятежа смертельные ранения получил российский консул в Косовской Митровице Г. С. Щербина.

Энергичные меры, предпринятые российским МИД в попытках призвать к ответственности турецкие власти, и целый ряд ультимативных требований, показали, что Россия готова, как и раньше, жестко отстаивать свои интересы. В подтверждение своих намерений в турецкие воды 11 августа была направлена эскадра из четырех кораблей Черноморского флота [6, с. 147]. Тем не менее, все эти действия не означали готовность предоставить карт-бланш балканским государствам на поддержку сепаратизма в европейских областях Османской империи. Министр иностранных дел России В. Н. Ламздорф, как и прежде, настаивал на строгом сохранении статус-кво и призывал славян (в первую очередь болгар) не препятствовать принятой политической программе по принуждению Турции к строгому проведению реформ в вилайетах [6, с. 148]. Появление русских броненосцев у турецких берегов обеспокоило дипломатов и создало опасный прецедент, который мог серьезно осложнить все дальнейшие переговоры. Сербский посол в Константинополе Й. Христич полагал, что это еще больше подстегнет бунтовщиков к беспорядкам и убедит их в неизбежности войны, и писал, что «Россия не должна медлить с отводом своего флота, если не хочет, чтобы восстание охватило всю Турцию» [5, с. 331, 357]. 23 августа, после расследования убийства А. А. Ростковского и публичной казни виновных в этом преступлении, русские корабли действительно спешно были отзваны обратно [6, с. 148].

Илинденское восстание оказалось весьма значимое влияние на взаимоотношения славянских стран Балканского полуострова. Его размах и темпы во многом явились неожиданностью для балканской дипломатии, но вскоре стали получать все больше откликов. Первой откликнулась Болгария, где сразу же поддерживали действия македонских повстанцев отправляя к ним добровольцев и оружие, оказывая им материальную помощь. Затем тайную поддержку стали оказывать сербы и черногорцы. Благодаря организованной в Сербии среди местных македонцев агитации, которую не удавалось погасить сербскому министерству внутренних дел, в Македонию с территории королевства регулярно отправлялись многочисленные четы [5, с. 443-444]. Сербский посол в Болгарии сообщал о приезде в страну черногорского офицера, который должен был, якобы по прямому поручению черногорского правительства, установить связь с македонскими повстанцами, а также о переговорах одного из болгарских офицеров с правительством Сербии [5, с. 363]. Активное участие в черногорско-болгарских переговорах, согласно донесению посла, принимал болгарский посол в Черногории Д. Ризов.

Отношение к Болгарии в этих условиях со стороны великих держав и России начинает стремительно портиться, ее все чаще оценивают как подстрекателя, так как из-за ее поддержки Илинденского восстания вполне реальной становилась угроза болгаро-турецкой войны. Это могло в одночасье разрушить статус-кво, над которым столько бились и в Петербурге, и в Вене. При этом, необходимо отметить, что мнения российских дипломатов по этому вопросу отличались до противоположности, о чем упоминал в своих мемуарах известный английский дипломат Дж. Бьюкенен. Так, посол России в Константинополе настаивал на немедленном подавлении македонского движения, а

посол в Софии убеждал руководство как можно скорее оказать ему помощь [\[7, с. 58\]](#). Не желая терять симпатии Российской империи, официальные Сербия и Черногория стремились дистанцироваться от македонских проблем. Своей опорой на Балканах в это время в российском МИД начинают считать именно Сербию. В начале сентября 1903 г. в беседе с прибывшим в Петербург выдающимся сербским политическим деятелем С. Новаковичем, министр иностранных дел В. Н. Ламздорф особенно подчеркнул корректную позицию Сербии и заявил, что «каждый отдает должное зрелости и умеренности сербского народа и Сербии, и что сегодня, более, чем когда-либо, в разговорах между великими державами считаются с ее правами» [\[5, с. 413\]](#). В Болгарии же поняли, что никто из балканских держав официально ее не поддержит, а бороться с Турцией в одиночку страна была совершенно не готова.

В то же время, новый виток противоречий между великими державами и Портой, не мог не вызывать озабоченности на Балканах, где все больше задумывались о своей роли в условиях этого противостояния. Несмотря на ненадолго установившееся равновесие после заключения Мюрцштегского соглашения, события августа-сентября 1903 г. подтолкнули балканских соседей к налаживанию связей и сотрудничества перед лицом кризиса, который, как им казалось, неизбежен, и впервые наметилась тенденция к координации действий между славянами в борьбе против внешней экспансии. В Сербии, Болгарии и Черногории не питали иллюзий относительно того, чем может грозить новое австро-русское соглашение, воспринимавшееся, во первых, как удар по славянским интересам, а во вторых, как своего рода «полумера», которая может лишь осложнить как саму суть македонской проблемы, так и реальное положение христианского населения [\[8, с. 72, 86\]](#). Весьма подробно писал об этом сербский посланник в Турции Й. Христич: «Без всякого сомнения, таким образом, что она (Австрия – Д.Б.) не откажется так легко от этого договора, который ей дает, в каком-то смысле, право вмешиваться в дела региона; право, которое Россия так упорно оспаривала, а сейчас явно признает и совместно с ней делит перед целой Европой. <...> Мы должны особенно обращать внимание на этот факт и им руководствоваться. Действовать иначе, особенно сегодня, в такой серьезный и, быть может, судьбоносный для нас момент – значит идти против интересов Сербии. <...> Россия, прежде всего, заботится о своих, исключительно русских интересах, и им она никогда не предпочтет никакие интересы славянские» [\[5, с. 320-330\]](#). Солидарен с этими положениями и свидетель настроений в болгарском обществе Дж. Бьюкенен: «Хотя некоторые из этих мер были приняты болгарским правительством с удовлетворением, весь план в целом был испорчен в его глазах тем фактом, что проведение его возлагалось на Австрию и Россию, на двух наиболее реакционных и эгоистических членов европейского концерта держав. <...> в данный же момент, кроме боязни самоизоляции на случай поражения, правительство Болгарии было озабочено мыслью о том, что, воспользовавшись русской разрухой, Австрия оккупирует северные округа Македонии» [\[7, с. 59\]](#). Подобного мнения относительно опасности принятой программы и последствий русского-австрийского сотрудничества в виде усиления экспансионистской политики Вены придерживались и в Черногории.

На этом фоне, в сентябре 1903 г. были предприняты первые попытки сербских и черногорских политических деятелей наладить диалог после длительного противостояния Обреновичей и Негошей-Петровичей. Необходимо отметить, что в июле того же года Сербия временно отозвала своего посла из Цетинье и не возвращала его в течение следующих четырех лет [\[2, с. 21\]](#). Черногория же не имела своего представителя в Белграде вплоть до 1913 г. По этой причине дипломатические контакты между странами были сильно осложнены и происходили либо на основе прямой переписки

между министрами иностранных дел, либо путем встреч сербских и черногорских дипломатов в других иностранных миссиях.

Одна из таких встреч произошла в сентябре 1903 г. в Константинополе между главой черногорского МИД Г. Вуковичем и сербским послом в Османской империи С. Груйичем. Дипломаты обменялись мнением относительно политической ситуации на фоне македонского восстания и нового плана реформ и пришли к выводу, что «она губительна как для нашего народа в Турции, так и для двух сербских государств» [\[5, с. 805\]](#). Оба дипломата выступили инициаторами улучшения сербско-черногорских отношений и согласились с необходимостью заключения военно-политического соглашения между странами. В это же время между Болгарией и Сербией также начались переговоры о возможном союзе. Однако в это время идея соглашения Сербии с Черногорией не получила дальнейшего развития. Вернувшись в конце сентября в Белград, С. Груйич занял пост председателя правительства и столкнулся с рядом внутриполитических сложностей, требующих немедленного решения [\[5, с. 805\]](#). Налаживание отношений с Цетинье отшло на второй план вплоть до конца 1903 – начала 1904 гг. и возобновилось, когда на Балканах стали опасаться, что, занятая подготовкой к войне с Японией, Россия едва ли сможет защитить интересы славян.

В конце декабря 1903 г. Г. Вукович шлет письмо С. Груйичу с напоминанием о достигнутых договоренностях и предложением перейти к конкретным действиям по заключению соглашения. «Не удивляйтесь нашему нетерпению. Неопределенность в наших отношениях в таких условиях становится не только невыносима, но и в крайней степени опасна для обеих стран» – писал министр [\[5, с. 805\]](#). Содержание письма также весьма примечательно и тем, что в нем находят отражение и личные политические убеждения Г. Вуковича, одного из наиболее выдающихся политических деятелей Черногории, ближайшего помощника и близкого друга князя Николы. Вукович являлся искренним сторонником идеи южнославянского объединения, и никогда не отделял черногорцев от сербов, признавая при этом главенствующую роль Сербии в деле собирания славян под эгидой единого государства [\[8, с. 145\]](#). В этом письме он еще раз подтверждает эту точку зрения, расценивая грядущий союз как крайне важный и даже судьбоносный для всех славян. «Давайте же приготовимся ко всем жертвам, которые от нас по праву ждет целый сербский народ. <...> Если мы не устроим все это как можно скорее, представьте себе, какую страшную ответственность за будущее сербского народа мы на себя примем» – заключает Г. Вукович [\[5, с. 805-806\]](#).

Сербы откликнулись на призыв Черногории и в январе отправили в страну королевского адъютанта подполковника Драгашевича, чтобы тот выразил готовность правительства Сербии к переговорам о союзе [\[5, с. 921\]](#). 10 февраля Г. Вукович передал согласие князя Николы на все пункты прелиминарного соглашения [\[5, с. 921-922\]](#), и началась разработка текста основного договора, который было решено держать в тайне. И хотя на этом этапе между сторонами было достигнуто взаимопонимание, позднее ситуация показала, насколько по-разному к союзу относились в Сербии и в Черногории, и почему в итоге договор так и остался на бумаге.

Стоит сказать, что поначалу возможный союз не рассматривался сербскими политиками серьезно и виделся лишь как один из возможных тактических шагов в борьбе за освобождение европейских территорий Турции и как защита от возможных попыток Австрии аннексировать Новопазарский санджак в момент, когда Россия отвлечена войной. При этом, сербское правительство строго придерживалось русских

рекомендаций и разделяло необходимость поддержания статус-кво, что не раз подчеркивал Н. Пашич, занявший в начале февраля 1904 г. пост министра иностранных дел. 1 февраля в письме своему другу, сербскому послу в Вене М. Вуйичу он подчеркивал, что основа сербской внешней политики – это «поддержание мира» и «помощь в реформах, которые предложили Россия и Австрия» и писал, что и дальше будет в этом духе развивать дружественные отношения со странами [5, с. 943].

В Черногории в этот период придерживались противоположного мнения, однако на то были причины. В беседах с российским военным агентом в Цетинье Н. М. Потаповым Князь Никола в этот период крайне негативно отзывался о Мюрцштегских реформах и русско-австрийском сотрудничестве: «Я трепещу <...> при мысли о том, что Россия, втянутая в войну с Японией может предоставить дело умиротворения Македонии одной Австро-Венгрии. Уж лучше бы дать возможность самим балканским славянам свести счеты с их исконным врагом, турками, чем передавать это в руки австрийцев, бесконечно более для них ненавистных, чем даже турки!» [9, с. 97]. Весьма своеобразно оценивал правитель и перспективы сербо-черногорского и в целом, общеславянского сотрудничества, не упуская случая обратить на себя внимание России. «Доложите, полковник, своему начальству, – продолжал князь Николай, – что Черногория с ее князем является в настоящее время единственным оплотом южнобалканского славянства. Ни король Петр сербский, ни Фердинанд болгарский не пользуются среди местных славян таким престижем, как я. Пусть правительства Сербии и Болгарии по интригам врагов России будут настроены против нашей великой покровительницы. Но верьте мне, полковник, одного моего слова будет достаточно для того, чтобы не только сербы Боснии, Герцеговины, Старой Сербии и нынешнего королевства поднялись против своих правительств и присоединились к нам для общей борьбы за славянское дело, но даже большая часть болгар примкнула бы к нам с этой целью...» – цитировал слова правителя в одном из своих донесений января 1904 г. военный агент [9, с. 97-98].

Подобная, крайне резкая риторика черногорского правителя объяснялась, прежде всего, оправданными опасениями, что Австро-Венгрия готовится к аннексии территорий Новопазарского санджака, буферной зоны, отделяющей Черногорию от Сербии, а также являлась своеобразной попыткой князя Николы напомнить России о своей преданности. Российский посол А. Н. Щеглов сообщал руководству: «Его крайне тяготит полная неизвестность, в котором он находится в настоящие трудные времена относительно будущности его княжества. Со всех сторон доходят до него известия о приготовлениях Австрии к активной политике на Балканах и слухи о готовящихся весной кровавых смутах по соседству с Черногорией. Между тем Россия не говорит ему определенно, должен ли он готовиться к войне или сидеть смирно, чтобы ни произошло в Европе» [9, с. 112]. МИД, однако, был на этот счет лаконичен и спокоен, передавая, что Черногории «вообще нечего беспокоиться» [9, с. 114].

Но в княжестве продолжали получать неудовлетворительные известия, свидетельствующие об увеличении численности австрийских войск вдоль черногорских границ в Санджаке и Боснии и Герцеговине, регулярных поставках вооружения и запасов продовольствия. Военный агент Н. М. Потапов докладывал в Генеральный штаб о том, что австрийцы оказывают поддержку местным албанским племенам, а также ведут тайную агитационную работу, расклеивая в пределах Новопазарского санджака различные прокламации [9, с. 121].

Беспокойство постепенно передавалось и сербским дипломатам, чьи донесения в этот

период практически полностью сводятся к попыткам обратить внимание министерства иностранных дел на происходящее. Из информации, приходившей в феврале-марте из сербских консульств в Македонии, следовало, что реформы никаких успехов не имели; в то же время неуклонно возрастало влияние Австрии, а российское – падало [5, с. 954]. Помимо этого, налицо были попытки Австро-Венгрии воспользоваться ст. 25 Берлинского трактата, по которому за ней фактически закреплялось право оккупации Новопазарского санджака, столь важного для национальных сербо-черногорских интересов. Первым шагом в этом направлении были попытки Вены вывести эти территории из-под действия Мюрцштегской программы реформ.

Сербский посол в Вене М. Вуйич писал Н. Пашичу, что «здесь военные и общественные круги не только не верят в возможность успешного осуществления программы реформ, более того, надеются на осложнения, которые привели бы их к желаемой аннексии – и далее, к оккупации и за пределами Митровицы» [5, с. 911]. Кроме того, он отмечал различие в оценке ситуации и среди русских дипломатов. В частности секретарь российского посольства в Белграде (временно замещавший функции посла вследствие отъезда Н. В. Чарыкова) В. В. Муравьев-Аpostол-Коробын придерживается «совершенно такого же мнения» о планах Двуединой монархии, а вот бессменный посол России в Австрии с 1895 г. П. А. Капнист «хотел верить в полную искренность Австро-Венгрии в балканском соглашении, а всякую негативную новость сразу воспринимает, как спекуляцию балканских народов на австро-русских различиях» [5, с. 912]. Об этом же писал и дипломат А. Н. Щеглов: «проездом через Вену я виделся с нашим послом в Австрии, и граф Капнист сказал мне, что по его убеждению Габсбургская империя ничего не предпримет ныне к нарушению «status quo» на Балканах, если ее не вынудят к тому происки сербов, черногорцев и болгар в оккупированных провинциях или в Старой Сербии» [9, с. 113].

Необходимо отметить, что П. А. Капнист еще в 90-е гг. XIX в. выступал как один из горячих сторонников сближения двух империй, но при этом полагал, что простое поддержание статус-кво не отвечает русским интересам на Балканах, и, в связи с этим, выдвигал план по совместному с Австрией разделу европейских территорий Турции между балканскими государствами. Министр иностранных дел В. Н. Ламздорф подверг критике предложения Капниста, заявив, что это диаметрально расходится с миролюбивой политикой, которую выбрала Россия. Поэтому одной из важных задач дипломата на посту в Вене являлось удержание молодых балканских стран от опрометчивой политики, которая могла бы втянуть страну в крупный военный конфликт.

Наряду с М. Вуйичем, большое внимание этой проблеме уделял еще один выдающийся сербский политический деятель М. Милованович, в разные годы занимавший должности министра юстиции, министра финансов и премьер-министра королевства Сербия. В 1904 г. он представлял страну в Италии и работал над тем, чтобы добиться расположения Италии в контексте балканского вопроса и формирования военно-политических альянсов [1][2, с. 27]. Милованович придерживался мнения, что балканские страны должны вместе, общими усилиями остановить дальнейшее развитие македонского движения, так как это может помешать всем остальным народам на Балканах в решении своих национальных задач, поскольку они к этому еще не готовы. Именно в этом и видел дипломат основную цель зарождающегося балканского союза. «Мое мнение, которое я вижу своим долгом Вам сообщить, – что сейчас, когда Япония уже бросила перчатку России, и когда Россия вынуждена собирать все свои силы на Дальнем Востоке, первая, самая необходимая задача состоит в том, чтобы сделать все, чтобы между Сербией,

Черногорией и Болгарией было достигнуто соглашение не ради решения македонского вопроса, а исключительно на практическом поле защиты совместных интересов против чужаков» – писал он Н. Пашич [\[5, с. 925\]](#). В то же время, однако, Милованович с недовольством замечал, что каждая из балканских стран «тянет одеяло на себя», а также подчеркивал опасность того факта, какое сильное влияние имеет Австрия среди албанского населения [\[5, с. 944\]](#).

Н. Пашич с большим вниманием отнесся к оценкам М. Миловановича и его впечатлениям от общения с итальянскими правящими кругами. Кроме того, в конце февраля министру иностранных дел пришла информация о том, что благодаря интригам Вены, в Скопье, Куманово и ряде других районов Косовского вилайета поставлены для наблюдения не русские жандармы, как это предполагалось изначальным планом реформ, а австрийские [\[5, с. 967\]](#).

Этот факт убедил сербское руководство поспешить с разработкой текста союзного договора, который был отправлен в Черногорию 27 апреля 1904 г. В его основу закладывался принцип «Балканы – балканским народам», а также определялся основной круг территориальных притязаний обоих государств. Так, в сферу интересов Сербии входили: Сеница, Нови-Пазар, Митровица, Скопье до Вардара, Битоль и Охрид, а Черногории: Плевля, Беране, Печ, Призрен, Скадар и Драч [\[10, с. 276\]](#). Помимо этого, стороны договаривались совместно пресекать какую-либо интервенцию в решение албанского вопроса применительно к району Скадара, и употреблять для этого, если потребуется, силу оружия. Интересным представляется подчеркнуть тот факт, что к этому моменту Сербия решила признать претензии Черногории на Печ и Призрен, ранее являвшиеся предметом серьезных споров между князем Николой и королем Александром.

Несмотря на то, что этот проект был, в целом, принят черногорским правителем, он посчитал нужным внести в него ряд изменений. В частности, он полагал обязательным внести пункт о роли России как своего рода инициатора и наблюдателя при заключении договора, а также предлагал подчеркнуть особую роль Скадара как исконно сербской территории. Вполне справедливо в данном случае утверждение Н. Ракочевича о том, что это было сделано князем в стремлении обеспечить интересы своей династии от возможных намерений Италии и Австро-Венгрии включить эти территории в состав независимой Албании [\[2, с. 29\]](#). Попытка включить в текст соглашения Россию едва ли была необходимостью (так как в договоре уже фигурировал пункт о том, что она будет выступать третейским судьей в возможных сербско-черногорских спорах), а скорее свойственной князю Николаю политической хитростью. Подобным шагом он как бы показывал преданность и верность русскому императору. В то же время, именно это и стало, по всей видимости, камнем преткновения между Черногорией и Сербией.

С данными поправками был ознакомлен и российский представитель в Цетинье А. Н. Щеглов, а затем копия проекта была отправлена в МИД и императору Николаю II, который его полностью одобрил, так как сербско-черногорский союз под покровительством России, еще более подчеркнул бы степень ее присутствия и влияния на Балканах [\[11, с. 455\]](#).

В Сербии же сочли поправки излишними и не меняющими суть договора, а включение в него пункта, касающегося России, вообще невозможным. Как писал Н. Пашич в ответном письме черногорскому МИД 3 июня 1904 г., это не имеет никакого значения в деле поддержания статус-кво, но накладывает, в то же время, ненужную ответственность на

Петербург за все то, что предпримут в дальнейшем балканские страны. Хорошо понимая политику князя Николая, он довольно колко замечал: «Русским приятно видеть, как мы работаем в согласии с курсом их политики, но не когда им говорят, что все это делается лишь из стремления им угодить, так как в этом они видят лукавство своих младших братьев, которые действуют, исходя из корысти чтобы связать долгом брата старшего» [\[10, с. 374\]](#).

Тем не менее, князь Никола предпочел твердо оставаться на выраженных им принципах и уточнения сербской стороны не принял. В дальнейшем был предпринят ряд попыток все-таки добиться подписания союзного договора, к которому позднее Черногория предлагала добавить и торговый [\[10, с. 727\]](#). Без особого успеха переговоры продолжались еще около года, при этом нисколько не сдвигаясь с мертвой точки. Не улучшило ситуацию и присутствие черногорской делегации на коронации Петра Карагеоргевича в Белграде осенью 1904 г.

В свою очередь Россия, занятая войной с Японией, на некоторое время перестала вмешиваться в балканские проблемы, а МИД не давал никаких рекомендаций своим сотрудникам относительно того, следует ли способствовать налаживанию отношений между балканскими странами.

Сами российские дипломаты на местах придерживались различного мнения как о необходимости, так и возможности заключения сербо-черногорского союза, а позднее, вероятно опасаясь ненужных осложнений на Балканах, и вовсе перестали его поддерживать. Как отмечается в монографии Н. И. Хитровой, А. Н. Щеглов и П. А. Капнист в этом вопросе занимали позицию Черногории и полностью одобряли вносимые Черногорией в текст соглашения поправки [\[3, с. 204\]](#). Весной 1905 г. Щеглову пришлось покинуть Цетинье, а его место ненадолго занял дипломат Ю. Я. Соловьев, который открыто заявил министру иностранных дел Г. Вуковичу о том, что кроме покровительства России, стране вообще не нужны никакие другие союзы [\[2, с. 361\]](#). В то же время, вполне вероятно, это было частное мнение Соловьева, достаточно резкого в высказываниях человека, о чем свидетельствует дипломатический скандал, после которого он был отзван из Черногории [\[3\]\[12, с. 162\]](#).

Н. Ракочевич, опираясь в своей работе на мемуары Г. Вуковича, пишет, что министр иностранных дел и князь Николай восприняли эту позицию как демарш русского правительства, и видят в этом главную причину, по которой договор так и не был подписан [\[2, с. 37\]](#). Н. И. Хитрова, основываясь на российских дипломатических документах, не подтвердила эту версию и выразила мнение, что виной всему были неразрешимые территориальные споры между соседями [\[3, с. 205\]](#). В то же время, это утверждение не в полной мере соответствует действительности, так как сравнение всех проектов договора показывает, что стороны, в целом, очертили круг желаемых территорий и на тот момент пришли к взаимопониманию, а возможные споры по разграничению должны были решаться уже после их приобретения.

Подводя итог, можно еще раз отметить, что зародившиеся под влиянием македонского национально-освободительного движения надежды на сближение Сербии и Черногории, не оправдались. В виду осложненной коммуникации между странами в виду отсутствия дипломатических представителей как в Сербии, так и в Черногории, и вследствие этого, ограниченности источников, на сегодняшний день представляется трудным в полной мере характеризовать все причины, по которым союз между Сербией и Черногорией, предполагавшийся одним из шагов к балканскому союзу, так и не был заключен.

Большую роль, несомненно, оказали жесткие позиции и даже упрямство политиков обеих сторон. «Провал переговоров показал, что нереальными были ожидания, что с изменениями в Сербии отношения двух стран улучшатся» – пишет Р. Распопович в своей монографии, посвященной черногорской дипломатии [11, с. 456]. Он заключает, что сербско-черногорские отношения в этот период стали даже хуже, чем в период правления Александра Обреновича, что подтверждается отсутствием сербского посла в Цетинье. Подобного мнения придерживался и Р. Люшич на основе анализа мемуаров Г. Вуковича, где приведено немало свидетельств о плохих личных отношениях между двумя правителями – Петром Карагеоргиевичем и Николой Петровичем-Негошем [8, с. 148-149]. Без сомнения, исследователи правы в этом вопросе. Вплоть до событий Боснийского кризиса 1908 г. отношения между двумя странами будут лишь ухудшаться, апогеем чего станет т.н. «процесс о бомбах», когда черногорский правитель обвинил официальный Белград в подготовке покушения на него.

Тем не менее, в официальных отношениях между странами находилось место и конструктивному сотрудничеству. С 1903 г. на регулярной основе путем личной переписки между министрами иностранных дел Н. Пашичем и Г. Вуковичем шли сербско-черногорские переговоры по общим текущим проблемам. В ходе них Сербии и Черногории удалось урегулировать назревающий миграционный кризис, связанный с большим количеством черногорцев, желающих переселиться в Сербию, договориться о новых таможенных тарифах и подписать торговую конвенцию [10, с. 535]. Несмотря на то, что военный союз не был заключен, страны официально скоординировали основное направление политики по отношению к Австро-Венгрии и Турции, выразили стремление продвигать принцип «Балканы – балканским народам», который позднее официально поддержит Россия. Кроме того, впервые были подчеркнуты значение и опасность албанского вопроса по отношению к национальным сербо-черногорским интересам.

В то же время, основная причина неудачного результата переговоров, как нам кажется, состояла в том, что внешняя политика обоих государств переживала период трансформации, и к тому моменту ее курс по отношению к балканской проблеме был выработан лишь в самом общем смысле, без учета всех значимых факторов, исключительно под влиянием слухов о возможных попытках Австрии захватить сербские территории. Таким образом, мысль о союзе была продиктована актуальной политической потребностью. И если риторика князя Николы в беседах с дипломатами нередко была воинственной по отношению к своим исконным врагам, то в Сербии, напротив, стремились сохранять статус-кво как можно дольше, и получив успокоительные гарантии, что Вена не стремится к аннексии Новопазарского санджака [13, с. 700], перестали рассматривать военный союз с Черногорией необходимым. Об этом свидетельствуют и донесения российского посла в Сербии К. А. Губастова. «<...> Король сказал, что он более всего желает, чтобы в этом году не было серьезных замешательств на Балканском полуострове, которые для Сербии совершенно несвоевременны» – сообщал он российскому МИД в апреле 1905 г. [14, с. 396].

Должно было пройти еще немало времени, чтобы обе страны оказались готовы совместно с другими силами на Балканском полуострове начать борьбу за свои национальные устремления.

Библиография

1. Алексић Љ. О српско-чрногорским преговорима о Савезу 1904–1905. Историја XX века. Зборник радова. Т. I. 1959.

2. Ракочевић Н. Политички односи Црне Горе и Србије 1903–1918. Цетиње, 1981.
3. Хитрова Н.И. Россия и Черногория в 1878–1908 годах. Ч. 1. М., 1993.
4. Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XX в. Отв. Ред. Киняпина Н.С. М.: Наука, 1978.
5. Документи о спољној политици Краљевине Србије 1903–1914. Књига 1, Свеска 1. Београд: САНУ, Одељење историјских наука. 1991.
6. Айрапетов О. Р. История внешней политики Российской империи. 1801–1914 гг.: в 4 т. Т. 4. Внешняя политика императора Николая II. 1894–1914.–М.: Кучково поле, 2018.
7. Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата: Пер. с англ. — 2-е изд. — М.: Международные отношения, 1991. — 344 с. — (Россия в мемуарах дипломатов).
8. Љушић Р. Добри брат и кум Никола или Гавро Вуковић о црногорско-србијанским односима // Перо и повест: Српско друштво у сећањима. Београд, 1999.
9. Н.М. Потапов. Русский военный агент в Черногории. Т. I. Н.М. Потапов. Русский военный агент в Черногории. М.; Подгорица, 2003.
10. Документи о спољној политици Краљевине Србије 1903–1914. Књига 1, Свеска 2. Београд: САНУ, Одељење историјских наука. 1998.
11. Raspopović R. Istorija diplomatiјe Crne Gore 1711–1918. Univerzitet Crne Gore, Podgorica, 2009.
12. Соловьев Ю.Я. Воспоминания дипломата. 1893–1922. М.: Соцэкиз, 1959
13. Документи о спољној политици Краљевине Србије. 1903–1914. Књ. 1. Св. 3/1. Београд: САНУ, Одељење историјских наука. 2014.
14. Русские о Сербии и сербах. Том II (архивные свидетельства). М.: «Индрик», 2014.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Находящийся на перекрестке Европы и Азии Балканский полуостров с древнейших времен находился в центре внимания различных политических сил. В конце XIX в. в условиях резкого ослабления "большого человека" Европы - Османской империи - в регионе набирает силу движение югославянских народов за независимость: особенно ярко союз южных славян отразился в рамках Первой Балканской войны. К сожалению, внутренние распри и внешние факторы не способствовали сплочению Болгарии и Сербии, что, в конечном итоге, привело к кризису Второй Балканской войны. Тем интереснее проследить как в начале XX в. формировались отношения между Сербией и близкой ей ментально Черногорией.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой являются сербо-черногорские отношения в начале XX в. Автор ставит своими задачами показать роль России в поддержке славянских народов Балканского полуострова, рассмотреть характер отношений между Сербией и Черногорией в этот период, определить причины, по которым союз этих государств не был сформирован.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает историко-генетический метод, в основе которого по определению академика И.Д. Ковалченко находится "последовательное раскрытие свойств, функций и изменений изучаемой реальности в процессе ее исторического движения", а его отличительными сторонами выступают конкретность и описательность.

Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор на основе

различных источников стремится охарактеризовать проблемы становления в 1904-1905 гг. сербско-черногорского военного союза.

Рассматривая библиографический список статьи как позитивный момент следует отметить его разносторонность: всего список литературы включает в себя 14 различных источников и исследований. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежных материалов, в том числе на сербском языке. Из привлекаемых автором источников укажем на опубликованные документы и воспоминания, в частности, Дж. Бьюкенена, Ю.Я. Соловьева и др. Из используемых исследований укажем на труды Н.И. Хитровой и О.Р. Айрапетова, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения международных отношений на рубеже XIX - XX вв. Заметим, что библиография обладает важностью, как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме.

В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется, как историей славянских народов Балканского полуострова, так и их борьбой против Османской империи, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи. Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что "под влиянием новых противоречий в европейской политике, Сербия и Болгария с одной стороны, Сербия и Черногория с другой, решают объединить усилия для борьбы за свои интересы в европейских областях Турции, населенных славянами, и защиты от попыток Австро-Венгрии усилить экспансию на Балканском полуострове". Автор подробно рассматривает позицию сербских и черногорских властей по вопросу военного союза. Примечательно, что "если риторика князя Николы в беседах с дипломатами нередко была воинственной по отношению к своим исконным врагам, то в Сербии, напротив, стремились сохранять статус-кво как можно дольше, и получив успокоительные гарантии, что Вена не стремится к аннексии Новопазарского санджака, перестали рассматривать военный союз с Черногорией необходимым". В то же время вызывает интерес, что "впервые были подчеркнуты значение и опасность албанского вопроса по отношению к национальным сербо-черногорским интересам".

Главным выводом статьи является то, что

"основная причина неудачного результата переговоров, как нам кажется, состояла в том, что внешняя политика обоих государств переживала период трансформации, и к тому моменту ее курс по отношению к балканской проблеме был выработан лишь в самом общем смысле, без учета всех значимых факторов".

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале "Исторический журнал: научные исследования".

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Субботин В.И. Дискуссии об общественной роли политической лирики и «тенденциозной» поэзии в немецкой литературной критике эпохи Предмарта // Исторический журнал: научные исследования. 2024. № 3. DOI: 10.7256/2454-0609.2024.3.70910 EDN: DUZYQK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70910

Дискуссии об общественной роли политической лирики и «тенденциозной» поэзии в немецкой литературной критике эпохи Предмарта

Субботин Владислав Игоревич

аспирант; Исторический факультет; Московский Государственный университет

111397, Россия, г. Москва, ул. Новогиреевская, 44/28

✉ vladislavsubbotin98@yandex.ru

[Статья из рубрики "Культура и культуры в историческом контексте"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2024.3.70910

EDN:

DUZYQK

Дата направления статьи в редакцию:

26-05-2024

Дата публикации:

02-06-2024

Аннотация: Статья посвящена обсуждению немецкой литературной общественностью 1830-х-1840-х гг. художественной и общественной роли политической лирики. Работа стремится представить разнообразные суждения видных публицистов, теоретиков литературы и писателей эпохи, таких как Людвиг Берне, Генрих Гейне, Роберт Эдуард Пруц. Автор разделяет устоявшееся в немецкой историографии представление о том, что литературно-критическая дискуссия эпохи Предмарта дает более полное представление о генезисе политического сознания немцев и протекавших в Германии общественно-политических процессах. Внимание автора сосредоточено на дискуссии, касавшейся эстетических и идеально-политических представлений литературного сообщества о месте поэзии в пространстве культуры, ее функциях и претензий писателей на

непосредственное участие в политической жизни Германии. Методологической основой настоящей работы стали теоретические установки научно-исследовательских направлений "истории понятий" и интеллектуальной истории. В статье высказывается предположение о том, что время резкой политизации немецкой художественной культуры в 1830–1840-е гг. совпало с пересмотром прежних принципов художественного творчества, ускорило его и одновременно усложнило, придав обоим процессам более конфликтный и нелинейный характер, зафиксировав отсутствие среди немецких авторов либерально-демократических взглядов, стоявших в авангарде литературной теории, общих, ясно сформулированных эстетических ориентиров. Тем не менее, происходит легитимация политической поэзии на теоретическом уровне, однако до конца не снимается противоречие между сферами политики и эстетики. А литературные дискуссии постепенно выходят из художественно-эстетической сферы в сферу практической политики: умеренные либеральные взгляды сталкиваются с демократическим радикализмом, национально-патриотические идеи вступают в полемику с космополитическими.

Ключевые слова:

Предматр, политическая лирика, тенденциозная поэзия, немецкая литературная критика, Роберт Эдуард Пруц, Генрих Гейне, Людвиг Бёрне, Георг Гервег, партийность, художественный период

Вводные замечания: проблемное поле дискуссии

Тридцатые и сороковые годы XIX столетия сопровождались последовательным ростом политической активности немецкой общественности. Обостренное внимание к общественно-политической проблематике было связано с двумя вызовами, стоявшими перед Германскими государствами. Первый носил национальный характер и был связан с актуализацией вопроса о единстве немцев и их интеграции в единое гражданское сообщество. Второй — политико-правового толка, касался проблемы демократизации политической системы Германских государств. Концептуальное осмысление процесса политизации публичной сферы и различных областей искусства нашло место в пространстве немецкой литературной критики, которая к тому моменту начинает осмыслять себя в качестве важного института общественного мнения [\[18\]](#).

Обращение заметной части авторов к политической тематике регулярно встречало резкое противодействие со стороны властей, боровшихся с ангажированной литературой путем усиления цензуры, запретов на печать произведений отдельных авторов и целых литературных объединений. К печати регулярно не допускались сочинения Г. Гейне, А. Гофмана фон Фаллерслебена, Ф. Фрейлигата, Ф. Дингельштедта и др. По решению Франкфуртского Бундестага в декабре 1835 г. под запретом оказались сочинения авторов, причисленных к литературному движению "Молодая Германия". Среди них были такие писатели как Г. Лаубе, К. Гуцков, Т. Мундт, Л. Винбарг. В постановлении Бундестага приводились морально-этические аргументы в пользу запрета произведений, в которых цензоры обнаружили "дерзкие нападки на христианскую религию, дискредитацию существующих социальных отношений, разрушение благопристойности и нравственности" [\[6, S. 398\]](#).

Тем не менее, дискуссия относительно роли политического в художественной литературе и в поэзии, в частности, продолжала активно вестись. И она имела глубокие культурные

основания. Молодое поколение писателей 1830-1840-х. бросило много сил на "развод" с предшествующей художественной традицией. Главными темами многих сочинений стало критическое переосмысление роли центральной фигуры немецкой литературы рубежа XVIII-XIX веков И.В. фон Гёте и его творческого наследия, а также переоценка художественных установок романтического искусства. Примеры неприятия прежних художественных принципов романтизма обнаруживаются в цикле статей А. Руге и Т. Эхтермейера, издателей журнала "Галесские ежегодники", которые выходили под общим заглавием "Протестантизм и романтизм" (1838-1840-е гг.) [4].

Однако отличительной чертой многих представителей немецкой литературной теории стала слабость позитивной программы, выступая с критикой романтизма и политически индифферентного творчества, они редко предлагали убедительную эстетическую альтернативу [35]. Пожалуй, единственным внятно сформулированным лозунгом долгое время оставалась необходимость поворота к современности, к достоверному изображению реальности и разработке общественно важных тем [19, Р. 152]. Последовательное утверждение реалистического принципа и социальной направленности встречается в художественном творчестве и публицистике Г. Бюхнера, в прозе К.Л. Иммермана, В. Алексиса, драматургии К.Д. Граббе и К. Гуцкова.

Для немецкоязычной публики символической цезурой стала смерть И. В. фон Гёте 22 марта 1832 года. Его уход воспринимался как закат целой художественной и даже шире культурной эпохи, которую Г. Гейне называл "художественным или классическим периодом" [13]. Наравне с другими авторами Г. Гейне заявил о том, что нынешнее время требует от художника новых принципов обращения с формой и содержанием своих произведений [13, S. 153]. Под понятием "художественный период" Г. Гейне объединял поэтические сочинения классицизма и романтизма [19, Р. 153]. Оба эти художественных направления, как он сам полагал, уделяли недостаточно внимания событиям современности, и в конце концов в глазах своих читателей растеряли свой авторитет, поскольку были неискренни в своем отношении к реальности. Их же влияние на аудиторию и риторическая сила оказались едва заметны. Можно сказать, что Г. Гейне свойственен специфический род художественного прогрессизма, когда он утверждает, что современная поэзия обязана «соответствовать своему времени» и должна способствовать "борьбе за движение вперед", добавляя, что "аристократический период литературы [...] подходит к концу [...], и начинается демократический" период" [12, S. 70].

Таким образом, в литературно-критических кругах разворачивается дискуссия, которая, хотя и касалась первоначально вопросов эстетического характера, приобрела важное общественное значение. В немецкой историографии эта тема активно разрабатывается [10,11, 18, 29, 31], отдельные аспекты ее освещены также в отечественных работах, преимущественно советского периода, которые, между тем, в основном рассматриваются в рамках более общих тем [33,35].

Центральный вопрос дискуссии, развернувшейся в 1830—1840 е гг., состоял в том, насколько поэзия способна и вообще должна отвечать веяниям времени, обращаться к современности, может ли она решать по преимуществу общественно-политические задачи, при этом оставаясь произведением искусства и сохраняя свою эстетическую ценность?

Эта проблематика распадалась на три круга тем:

1) Первый касался вопроса о легитимации политической поэзии в качестве

самостоятельного жанра лирики;

2)Второй включал размышления о необходимости обращения к общественно-политической проблематике и функциональной значимости политической поэзии;

3)Третий был связан с осмыслением проблемы открыто декларируемой партийности автора и явления так называемой “тенденциозной поэзии” [\[29, S. 125\]](#).

Сущность вопроса, связанного с первым комплексом проблем, удачно сформулировал литературный критик и поэт Р.Э. Пруц: “Общеизвестно, что у нас, немцев, поэзия и политика рассматриваются как решительные и совершенно непримиримые противоположности, и поэтому политическая поэзия у нас обычно считается вещью, которая либо невозможна, либо не существует, либо, как вещь недопустимая, вещь, которая не должна существовать” [\[28, S. 253\]](#). В нынешние времена же разрушается ревностно оберегаемая авторами классиками автономия художественного произведения, поэзия начинает служить риторическим задачам, превратившись в инструмент коммуникации, нацеленной на убеждение. Проще говоря именно прагматические цели лишают стихи в глазах многих авторов статуса “настоящей поэзии” [\[28, S. 253\]](#).

Возникшее противоречие между сферами эстетического и риторического как раз и пытаются решить Р. Пруц, задавшись целью придать политической поэзии прочный легитимный статус. В разговор о политической поэзии он вводит историческое измерение, доказывая значимость политической поэзии как явления современной эпохи. Затруднительные взаимоотношения между риторикой и эстетикой Р.Э. Пруц изящно решает через доказательство о приверженности политической поэзии принципам особого рода эстетики — так называемой “эстетики воздействия” [\[28, S. 259\]](#).

Споры о партийности в литературе и «тенденциозной» поэзии

В 1830-е гг. в среде литературной общественности в ходу оказались понятия “тенденция” и “тенденциозная поэзия”, ставшие пренебрежительными ярлыками для модных произведений, имевших отчетливую общественно-политическую направленность и, как правило, сочиненных молодыми литераторами «на злобу дня» [\[35\]](#).

С одной стороны, аргументы против тенденциозных авторов лежали в той же плоскости эстетико-риторических споров, что и дискурс о политической поэзии в целом. Даже такой открыто ангажированный автор как Г. Гервег в 1839 году в своем очерке о современной литературе признает, что красота художественного произведения “часто приносится в жертву тенденциозности” [\[16, S. 296\]](#).

Среди авторов, признававших легитимность и даже общественную значимость политической поэзии, развернулся спор о “допустимых” и «недопустимых», «полезных» и «вредных» её формах. В частности, публицист Ф. Т. Вишер пытался провести разграничение между эстетически и риторически ориентированной политической поэзией. Как он полагает, “настоящую политическую поэзию” отличает интерес к вопросам прошлого народа, размышления над самой идеей государства и нации, “тенденциозная поэзия”, напротив, обращается к модусу сиюминутной повседневности и является откликом на актуальные события [\[32, S.25\]](#).

Размышления над “литературой тенденции” занимали и Г. Гейне. В стихотворении “Тенденция” он иронизирует над авторами подобного рода поэзии: “Труби, громи, уничтожай заразу, // Пока последний враг не убежит; // Лишь в этом находи своё

призвание, // Но придержи поэта дарование // И говори возможно в общих фразах! [\[13, S. 330-331.\]](#) Претензия со стороны Гейне имела двойную природу: во-первых, она касалась формальной стороны — эстетических качеств подобного рода поэзии, а во-вторых, ее содержания и прагматического значения. За большинством стихов он обнаруживает лишь пустые, мало значение и бесплодные фразы, не способные подвигнуть читателя на поступок.

Другой публицист Й. Фрауенштаф исходил из другого, он полагал, что партийность поэта лишает его объективности, поскольку обрывает связь с вечными ценностями. В пример он приводит извечно актуальные произведения Гомера, поэта "нерасчлененного мира", который видел значимость каждой вещи, тогда как «современная поэзия в угоду времени может с восторгом восприниматься сегодня, но не будет иметь ценности для потомков» [\[8, S. 169-173.\]](#).

В заочный спор с подобным взглядом вступает Л. Берне с его чеканным лозунгом: «Нельзя требовать от писателя, чтобы он без ненависти и любви, возносясь над всеми тучами эгоизма, слышал грозу под собою» [\[33\]](#). Л. Берне вполне откровенен в своей непрятательности на объективность. Искренность — это, пожалуй, единственное качество, которого, по мысли Берне, стоит непременно требовать от автора [\[33\]](#).

Известный литературный спор на почве политического стихотворчества и литературной публицистики разгорелся между Л. Бёрне и известным критиком и историком литературы В. Менцелем, автором "Немецкой литературы" 1828 г. и редактором журнала "Литератур-блат".

На рубеже 1820-30-х гг. В. Менцель был известен как представитель умеренного либерального лагеря. В его истории немецкой литературы можно найти следующие суждения: «Либеральная партия - это партия, которая определяет политический характер нового времени, в то время как так называемая сервильная партия все еще действует в основном в духе средневековья [...] Вся литература - это триумф либерализма, ибо его врагам даже приходится фехтовать его оружием» [\[14\]](#).

Ряд современников и исследователей отмечали поверхность его либерализма и закономерным поворот к консервативным взглядам в середине 1830-х гг. Именно его критические выпады в сторону авторов "Молодой Германии" были широко известны, во многом благодаряnim последовал запрет произведений авторов близких движению. А когда Л. Бёрне начал издавать журнал "La Balans" и критически откликаться на новое направление мысли и творческой деятельности Менцеля, которое сопровождалось националистическими выпадами в сторону его оппонентов. Особенно заметна его статья "Галлофобия М. Менцеля". Последний воспринял ее содержание как личное оскорблениe. Особенно яростным нападкам Бёрне подвергся в статье "Бёрне и немецкий патриотизм", помещенной в "Литератур-Блат" в 1836 году [\[23\]](#), в которой он обвиняет Бёрне в национальном предательстве. Л. Бёрне в свою очередь отвечает на обвинения знаменитой статьей "Менцель-французоед", которая кроме своего полемического назначения с особой ясностью изложила его космополитические идеалы.

Л. Бёрне задаётся вопросом: "Неужели эгоизм государства не такой же порок, как эгоизм отдельного человека? Разве справедливость перестает быть добродетелью, как скоро ее применяют к чужому народу?" [\[33, С. 57\]](#).

Видно, что авторы разошлись не только в своих оценках роли политических сюжетов в

литературе, но скорее, общественного состояния в Германских государствах. Центральным узлом спора становится размышление обоих авторов о природе патриотизма. Их столкновение выглядит уже как в прямом смысле идеологическое, это дискуссия национально заряженного патриотизма и демократически ориентированного космополитизма.

Спор о "партийности" поэзии приобретал также форму прямой поэтической полемики. Пожалуй, наиболее широкий резонанс получила своеобразная "дуэль в стихах" Ф. Фрейлиграта с Г. Гервегом. В растиражированных финальных строчках поэмы Ф. Фрейлиграта «Из Испании» (1842) слышится извинительный тон за обращение к политической теме: «Поэт на башне более высокой, // чем вышка партии стоит» [9, S.13]. Г. Гервег отозвался стихотворением «Партия» (1842), обосновывая необходимость политической ангажированности искусства: «О партия! Для нас ты – мать всех свершений! / Желаем, чтобы ты к победам нас вела / Ты делаешь слова сильней и совершенней, / Преображая их в великие дела!» [17, S. 31].

Спор необычайно взволновал немецкую общественность и не завершился простым обменом "поэтическими ударами" — между Фрейлигратом и Гервегом завязывается переписка. Ф. Фрейлиграт в одном из своих писем лаконично пояснил свою позицию, которая бы пришлась по вкусу сторонникам «классической школы»: "Поэзия как раз и должна придерживаться вечного, непреходящего" [11], Гервега же он упрекал в откровенном субъективизме. В свою очередь Гервег парировал указанием на то, что его стихи не стоит понимать как субъективные суждения, напротив, в них надо видеть отклик поэта на объективное положение вещей. Не смотря на высокий градус дискуссии, спор носил поначалу вполне умеренный и даже приятельский характер. Г. Гервег признавался: "Если бы мы двое могли пойти по одному пути и быть связанны узами одной веры, сколь бы это было прекрасно, сколь желанно для меня!" [11].

Проблема спора усугублялась обманчивой ясностью предмета полемики. Дело в том, что понятие "партия" в немецком языке обозначало не политическую ассоциацию и объединение, а более или менее определенное направление мысли. В словаре И.Г. Кампе можно было найти следующее определение партии: "Сообщество людей, которые придерживаются одинаковых взглядов, принципов, веры". В качестве синонимов "партии" автор словаря приводил ученое латинское слово «факция» и религиозно окрашенное понятие «секта» [3, S. 587]. Само слово "партия", по всей видимости, носило отчетливо негативную окраску, а кроме того, представляло собой довольно размытое понятие. Как пишет в своем исследовании Т. Шидер, до революции 1848 года "партии были более или менее мысленными образованиями, диалектическими моментами в процессе интеллектуальной истории, но не реальными политическими группами" [30, S. 117].

Даже "Политика" Ф.К. Дальмана, пожалуй, важнейшее произведение немецкого либерализма, вполне обходится без обращения к партийной терминологии [29, S. 149]. В политическом дискурсе либерально-демократической общественности господствовал принцип «всебытности», метафоры не разобщения, но интеграции, которые порой приобретали архаически-просвещенческий космополитический характер. Так, Л. Отто в стихотворении, посвященном А. Мейснеру писал, что нужно "нести счастье всему человечеству", а не партиям [29, S. 151].

Здесь себя и обнаруживает проблема в трактовке понятий. Долгое время считалось, что

Г. Гервег нацелил свое требование на создание партии нового типа. Но, по всей видимости, он едва ли мог иметь в виду партийность в современном смысле этого слова, а, скорее, говорил о недопустимости политической поэзии, лишенной всякого характера и абсолютно безразличной позиции по отношению к общественно-политическим проблемам Германии [29, S. 148]. Постепенное изменение в значении и словоупотреблении слова "партия" можно увидеть в словаре братьев Гримм. Там партия имеет уже более ясно артикулируемое значение. В качестве одного из основных значений партий можно найти следующее: "Совокупность единомышленников и направление, которое они представляют в религиозных, политических, социальных или научных вопросах, в отличие от других единомышленников и в борьбе с ними". Важно отметить, что в этом определении появляется ясно выраженный деятельностный компонент и идея конкуренции.

В спор Фрейлиграта и Гервега, однако, вмешалась третья сторона. К поэтической и эпистолярной дискуссии подключился еще один видный лирик той эпохи Э. Гейбель. Он выступил на стороне Ф. Фрейлиграта, претендую на объективность и беспристрастность, объявил, что "служит одной только истине". Э. Гейбель выводит спор из эстетической плоскости в пространство актуальной политики, обвиняя Г. Гервега в политическом радикализме: "Известно ли тебе, / Что твои песни призывают к бунту? / Что каждый в своем сердце / Их в худшем свете истолкует [11].

Ф. Фрейлиграт в стихотворении "Письмо" поддержал позицию Э. Гейбеля и подчеркнул неосмотрительность своего оппонента. Признавая его благородное стремление к свободе, он одновременно осудил его методы, которые грозят, по его мнению, нанести общему немецкому делу лишь вред:

За тобой, как неуклюжие жнецы, следует

Едва слышный шелест;

Это побегов дрожь

На юном дереве свободы!

Дрожь почек и побегов,

Которые его радостно украшали!

Которые, к несчастью, ударами

Ты едва все не поломал [11].

И Гейбель, и Фрейлиграт призывают Г. Гервега к умеренности, подчеркивая, что он своими стихами не способствует преумножению свободы, а становится препятствием на пути дела, за которое взялся бороться. Хотя показателен тот факт, что впоследствии Фрейлиграт перейдет на сторону Г. Гервега и превратится в одного из самых заметных политических стихотворцев эпохи. К этому его могла подтолкнуть как личная встреча с прусским королем Фридрихом Вильгельмом IV и последовавшее за ней разочарование в устремлениях прусских властей, так и личные наблюдения за усиливающейся в Германии политической реакцией, а также дискуссиями, которые он вел со своими коллегами по ремеслу. Известно, что он тесно общался с А. Гофманом фон Фаллерслебеном [11]. В предисловии к сборнику "Символ веры" (1844) он напишет: "Худшее, в чем они (его критики – прим. В.С.) могут обвинить меня, возможно, ограничится одним лишь тем, что я

все же спустился с высокой сторожевой башни на зубчатую стену партии" [\[1\]](#).

Еще один автор близкий «Молодой Германии», К. Гуцков уже в послереволюционную пору скажет в одной из своих статей, что “тенденциозная поэзия по праву должна считаться поэзией девятнадцатого столетия” [\[29, S. 154.\]](#). К. Гуцков верит, что поэзия осознанно или нет служила внеэстетическим целям на протяжении всей своей истории: “Она (политика-прим. В.С.) использует поэтические формы только тогда, когда воображение превращает себя в союзницу какой-либо мысли, более или менее связанной с положением человечества” [\[29, S. 154.\]](#).

Заключение

Как видно, заметным явлением эпохи 1830-1840-х гг., предшествовавшей новой волне европейских революций, становится утверждение новых принципов в оценке литературных произведений, затрагивающих общественно-политическую проблематику.

Во-первых, наблюдается окончательное утверждение принципа историзма. Обращение к политическим и социальным сюжетам расценивается авторитетными авторами как закономерное следствие развития немецкого общества и ответ не вызовы, стоящие перед ним.

Во-вторых, происходит легитимация политической поэзии на теоретическом уровне, однако до конца не снимается мучительное для многих писателей противоречие между политикой и эстетикой.

В-третьих, литературные дискуссии постепенно выходят из художественно-эстетической сферы в сферу практической политики. Заслугой поэзии и литературной критики стало воспитание среди читательской аудитории привычки к обсуждению общественно важных тем, и подготовка пространства для публичной дискуссии о свободе и единстве нации.

Среди видных литераторов, обращавшихся в политической лирике, можно выделить две позиции:

- 1) Признание приоритета политических задач художественного произведения над эстетическими или по меньшей мере согласие на их паритет (это авторы отчетливо леволиберальных взглядов Г. Гервег, Ф. Фрейлиграт).
- 2) Отрицание любой возможности приоритета политического содержания над эстетическими задачами лирики, но не отказ ангажированной лирике в независимом статусе (Подобную неоднозначную позицию занимал, например, Г. Гейне).

В свою очередь, в литературно-критические споры начинает проникать и прямая политическая полемика: умеренные реформистские взгляды сталкиваются с радикально-демократическими и революционными, национально-патриотическая риторика вступает в спор с космополитической.

Предварительный, но, вероятно, не вполне устойчивый консенсус складывается в среде либерального и демократически настроенного немецкого литературного сообщества. Его на первый взгляд излишне абстрактный, но определяюще важный принцип, пожалуй, лучше всего описывает фраза Л. Бёрне из эпистолярного сборника «Письма из Парижа» (1830—1833): «Тот, кто почитает искусство как божество, грешит против самого искусства» [\[38, С. 67\]](#). Насколько же успешно он будет реализован на практике в скором времени покажет опыт политической лирики уже в революционные 1848-1849 годы.

Библиография

1. 150 Jahre "Ein Glaubensbekenntniß" (Ferdinand Freiligrath) Rede zum Festakt im Hansensaal auf Burg Rheinfels/St. Goar am 23. September 1994 von Jürgen Helbac. [Electronic resource]: URL: <http://www.jhelbach.de/freiligr/reprint.htm> [дата обращения 20.01.2024].
2. Börne L. Menzel der Franzosenfresser, Frankfurt a. M., 1848.
3. Campe J.H. Wörterbuch der deutschen Sprache Band 3, Braunschweig, 1809.
4. Der Protestantismus und die Romantik. Zur Verständigung über die Zeit und ihre Gegensaetze. Ein Manifest von Theodor Echtermeyer und Arnold Ruge. Hallische Jahrbuecher fuer deutsche Wissenschaft und Kunst. Nachdruck; Gerstenberg, Hildesheim 1972.
5. Die romantische Schule. // Heine H. Historisch-kritische Gesamtausgabe der Werke. Hrsg. von Manfred Windfuhr. Bd. 8/1. Hamburg, 1979.
6. Diplomatisches Archiv für die deutschen Bundesstaaten: grösstentheils nach officiellen Quellen // Hrsg. Miruss A. Bd. 3, Leipzig, 1848.
7. Eke N.-O. Hoffmann von Fallersleben und der Vormärz // August Heinrich Hoffmann von Fallersleben im Kontext des 19. Jahrhunderts und der Moderne. Internationales Symposium Fallersleben 2017 / Hrsg. Berghahn C.-F., Henkel G., Schuster K. Bielefeld, 2019. S. 295-314.
8. Frauenstädt J. Aesthetische Fragen. Dessau, 1853.
9. Freiligrath F. Werke in sechs Teilen. Band 2, Berlin, 1909.
10. Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft. Berlin, 1971.
11. Häntzschel G. Das Ende der Kunstperiode? Heinrich Heine und Goethe // Goethes Kritiker. Hrsg. Eibl K., Scheffer B., Paderborn, 2001. S. 57-70.
12. Heine H. Werke und Briefe in zehn Bänden. Band 1, Berlin und Weimar, 1972.
13. Heine H. Die deutsche Literatur von Wolfgang Menzel. 2 Theile. Stuttgart, bei Gebrüder Frankh. 1828. // Neue allgemeine politische Annalen, Bd. 27, Heft 3 (1828), S. 284-298.
14. Die deutsche Literatur von Wolfgang Menzel. 2 Theile. Stuttgart, bei Gebrüder Frankh. 1828. Neue allgemeine politische Annalen. Bd. 27, 1828, Heft 3, [Mitte Juni], S. 284-298.
15. Herwegh G. Werke in einem Band, hg. von Hans-Georg Werner. 2., Berlin/Weimar 1975.
16. Herweghs Werke in drei Teilen. Band 2, Berlin, Leipzig, Wien, Stuttgart, 1909.
17. Hoffmann von Fallersleben A.H. Deutsche Lieder aus der Schweiz, Hildesheim/New York 1975.
18. Hohendahl P. U. Franciscono R.B. Building a National Literature: The Case of Germany, 1830-1870. Cornell University Press, 1989.
19. Kuhne F.G. *Gesammelte Schriften* (12 Bände). Leipzig/Berlin 1862-1867.
20. Margraff H. Politische Gedichte aus Deutschlands Neuzeit, von Klopstock bis auf die Gegenwart. Leipzig, 1843.
21. Menzel W. Die deutsche Literatur. Hallberg, Stuttgart, 1836.
22. Menzel W. Herr Börne und der deutsche Patriotismus // Literaturblatt vom 11. April 1836.
23. Moritz K.P. Werke. Schriften zur Kunst und Mythologie, Frankfurt/M. 1981.
24. Mundt T. Aesthetik. Die Idee der Schönheit und des Kunstwerks im Lichte unserer Zeit. Berlin., 1845.
25. Mundt T. Allgemeine Literaturgeschichte. Dritter Band: Die Literatur der Revolutionsperiode (Neunzehntes Jahrhundert). Berlin., 1846.
26. Mundt T. Allgemeine Literaturgeschichte. Vierter Band: Die Literatur der Revolutionsperiode (Neunzehntes Jahrhundert). Berlin., 1846.
27. Prutz R.E. Die Politische Poesie der Deutschen. Leipzig, 1845.
28. Rudorf F. Poetologische Lyrik und politische Dichtung: Theorie und Probleme der

- modernen politischen Dichtung in den Reflexionen poetologischer Gedichte von der Aufklärung bis zur Gegenwart, Frankfurt am Main, 1988.
29. Schäfer-Hartmann G. Literaturgeschichte als wahre Geschichte: Mittelalterrezeption in der deutschen Literaturgeschichtsschreibung des 19. Jahrhunderts und politische Instrumentalierung des Mittelalters durch Preußen. Frankfurt am Main, 2009.
30. Schieder T. Die Theorie der Partei im älteren deutschen Liberalismus // Staat und Gesellschaft im Wandel unserer Zeit, Studien zur Geschichte des 19. und 20. Jahrhunderts, München 1958.
31. Tschopp S.S. Von den Aporien politischen Dichtens im Vormärz: Robert Eduard Prutz // Euph 95/1 (2001). S. 39–67.
32. Vischer F.T. Shakspeare in seinem Verhältniß zur deutschen Poesie, insbesondere zur politischen, in: Ders, Kritische Gänge. Neue Folge, Heft 2, Stuttgart 1861. S. 1-61.
33. Порозовская Б.Д. Людвиг Бёрге. его жизнь и литературная деятельность. СПбг., 1893.
34. Словарь основных исторических понятий: Избранные статьи в 2-х т. Т. 1. М., 2014.
35. Тураев С. В. Литература 1830-1849 гг.: Берне. Бюхнер. Гейне периода эмиграции. «Предмартовская поэзия и публицистика» // История Всемирной литературы: в 9 т., Т. 6. М., 1989. С. 65-78.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования обозначен в названии статьи и разъяснен в тексте.

Методология исследования. Автор в статье не раскрывает методологию на которую он опирался. Но из текста работы ясно, что статья базируется на общенаучных (анализ, синтез, сравнение) методах исследования. Кроме того, в работе использованы историко-культурный и историко-сравнительный и др. методы.

Актуальность темы определена тем, что дискуссия об общественной роли политической лирики и «тенденциозной» поэзии в немецкой литературной критике 30-40-х годов XIX в. дает возможность изучить особенностей развития общественно-политических и национальных идей в Германии того периода.

Научная новизна работы определяется постановкой проблемы и задач исследования. Научная новизна также обусловлена тем, что в статье проведен анализ дискуссии относительно политической лирики, отражающую общественно-политические идеи в Германии в первой половине XIX в.

Стиль, структура, содержание. Стиль статьи в целом следует отнести к научному, при этом доступному для широкого круга читателей. Язык статьи точный и ясный. Структура статьи направлена на достижение цели и задач исследования. Структура статьи состоит из следующих разделов: Вводные замечания: проблемное поле дискуссии; Споры о партийности в литературе и «тенденциозной» поэзии; Заключение. В разделе «Вводные замечания: проблемное поле дискуссии» автор статьи пишет о причинах дискуссии и пишет, что в 30-40-ые годы XIX в. отмечается рост активности немцев в политической сфере. И причина этого была в том, что Германское государство столкнулось с двумя вызовами: один носил «национальный характер и был связан с актуализацией вопроса о единстве немцев и их интеграции в единое гражданское сообщество, другой же был «политико-правового толка» и касался проблемы демократизации политической системы Германских государств». И эти вызовы проявились в сфере литературной критики, которая была своеобразным институтом общественного мнения. Дискуссия проходила в

период достаточно строгой цензуры со стороны властей, но тем не менее шла достаточно активно. Автор отмечает, что важность дискуссии в общественно-политической сфере и подчеркивает, что центральный вопрос дискуссии был в том, «насколько поэзия способна и вообще должна отвечать веяниям времени, обращаться к современности, может ли она решать по преимуществу общественно-политические задачи, при этом оставаясь произведением искусства и сохраняя свою эстетическую ценность?». Выделены три круга тем, по которым шла дискуссия. В следующем разделе «Споры о партийности в литературе и «тенденциозной» поэзии названы имена основных участников дискуссии, дан анализ их воззрений и показаны по каким вопросам их взгляды разнятся. В заключении автор приводит выводы по теме исследования. Текст статьи логично выстроен и последовательно изложен.

Библиография работы состоит из 35 источников по теме исследования и смежным темам на русском и немецком языках.

Апелляция к оппонентам представлена собранной в ходе работы над статьей информации и в библиографии.

Выводы, интерес читательской аудитории. Статья написана на актуальную тему и будет интересна читателям журнала «Исторический журнал: научные исследования».

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Алексеев Т.В., Беленович О.В. Военное судостроение в Поволжье (XVIII-начало XX вв.) в отечественной историографии // Исторический журнал: научные исследования. 2024. № 3. С. 94-117. DOI: 10.7256/2454-0609.2024.3.69309 EDN: MGFAIZ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69309

Военное судостроение в Поволжье (XVIII-начало XX вв.) в отечественной историографии

Алексеев Тимофей Владимирович

ORCID: 0000-0002-0809-2400

доктор исторических наук

профессор кафедры истории и философии, Военно-космическая академия имени А.Ф.Можайского
Министерства обороны Российской Федерации

197198, Россия, Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург, ул. Ждановская, 13

✉ timofey1967@mail.ru

Беленович Олег Вениаминович

младший научный сотрудник, Военно-космическая академия имени А.Ф. Можайского

197198, Россия, Санкт-Петербург область, г. Санкт-Петербург, ул. Ждановская, 13

✉ timofey1967@mail.ru

[Статья из рубрики "Историография и источниковедение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2024.3.69309

EDN:

MGFAIZ

Дата направления статьи в редакцию:

12-12-2023

Аннотация: Статья посвящена проблеме возникновения и развития в Поволжье промышленной базы военного судостроения в дореволюционной России. Целью ее является анализ работ отечественных исследователей по данной проблеме, выявление на этой основе особенностей судостроительной отрасли в регионе, создание цельной картины ее формирования и развития. Исследование проводилось в рамках предложенных автором отдельных периодов, основаниями для выделения которых

послужили как колебания во внешнеполитическом курсе России в регионе Каспийского моря, так и изменения технико-технологических аспектов самого судостроения. Особое внимание уделено возникновению и деятельности двух важнейших центров поволжского судостроения – адмиралтейств в Казани и Астрахани, обращено внимание на развитие их производственной инфраструктуры, а также их кадровое и материально-техническое обеспечение. В ходе исследования использованы как общефилософские методы анализа и восхождения от конкретного к абстрактному, так и специально-исторические методы: хронологический, периодизации и сравнительно-исторический. Выявлено, что организованное государственное военное судостроение в Поволжье возникло как для реализации целей восточной политики России, так и для обеспечения потребностей в кораблестроительных материалах строившегося на Балтийском море флота. Ограниченностю внешнеполитических целей в регионе Каспийского моря предопределила специфический облик сформированной в Поволжье судостроительной отрасли. Сделан вывод о соразмерном развитии судостроительной базы в Поволжье тому уровню угроз национальной безопасности России, который существовал в регионе Каспийского моря в исследуемый период. Подчеркивается, что специфической чертой сложившейся в Поволжье производственной и логистической инфраструктуры судостроительной отрасли стала ее нацеленность на обеспечение стратегическими материалами других кораблестроительных центров России, прежде всего работавших в интересах Балтийского флота. Показаны проблемы и вопросы истории военного судостроения в Поволжье, требующие дальнейшего изучения.

Ключевые слова:

судостроение, судостроительная промышленность, адмиралтейство, верфь, Каспийская флотилия, военный флот, лесозаготовки, корабельные леса, военная промышленность, Каспийский регион

Введение. Вопросы возникновения и развития военного судостроения дореволюционной России в Поволжье неоднократно поднимались отечественными исследователями. Однако разбросанные по десяткам работ материалы не дают возможность составить общей картины данного процесса. Отсутствуют и специальные историографические исследования, за исключением кратких историографических обзоров в монографиях И.З. Файзрахманова, касавшихся либо истории судостроения только в Казани [\[1, с. 5-8\]](#), либо развития мануфактурной промышленности города в целом [\[2, с. 8-21\]](#).

Междуд тем созданная в Поволжье совокупность производственных мощностей представляла из себя один из центров военного судостроения России. С этих позиций обозначенная проблема имеет значение для создания цельной картины становления и развития военного судостроения в России как одной из важнейших отраслей военной промышленности в целом.

Целью статьи является анализ работ отечественных исследователей по проблеме возникновения и развития военного судостроения в Поволжье и попытка создания на этой основе обобщенной картины формирования регионального сегмента судостроительной промышленности с присущими ему специфическими чертами.

Методология. Методологическую базу исследования составляет совокупность общефилософских (анализ и восхождение от конкретного к абстрактному) и специально-исторических методов (хронологический, периодизация и сравнительно-исторический).

Метод восхождения от конкретного к абстрактному позволил выявить в процессе возникновения и развития военного судостроения наиболее существенные черты и на этой основе представить общую картину данного процесса. Совокупное применение специально-исторических методов дало возможность рассмотреть процесс становления и развития военного судостроения в Поволжье последовательно в рамках выделенных периодов на основе сравнения взглядов исследователей различных направлений и эпох.

Используемые в статье термины «судостроение», «военное судостроение», «кораблестроение» являются тождественными и рассматриваются как составная часть судостроительной промышленности, осуществляющей проектирование и строительство кораблей для военно-морского флота (Советская военная энциклопедия. В 8 тт. Т. 7. М.: Воениздат, 1979. С. 593). Под Каспийской флотилией понимается формирование военно-морского флота дореволюционной России, созданного по указу императора Петра I в ноябре 1722 г. (Военный энциклопедический лексикон / под ред. Л. Зедлера. Ч. 7. СПб., 1845. С. 44-48; Энциклопедия военных и морских наук / под гл. ред. Г.А. Леера. В 8 тт. Т. IV. СПб.: тип. В. Безобразова и Ко, 1889. С. 166-167; Советская военная энциклопедия. В 8 тт. Т. 4. М.: Воениздат, 1977. С. 113)

Рассмотрение истории судостроительной промышленности в Поволжье целесообразно рассматривать в хронологической перспективе, выделив в ней ряд периодов. Взяв за основу периодизацию, предложенную И.З. Файзрахманова применительно к судостроению в Казани [3, с. 22-23], представим свой вариант уже применительно к государственному судостроению в масштабах всего Поволжья: конец XVII в. – 1718 г.; 1718 – конец 1740-х гг.; конец 1740-х – конец 1770-х гг.; конец 1770-х – начало 1820-х гг.; начало 1820-х гг. – начало ХХ в.

В современной российской историографии существуют точки зрения о гораздо более раннем, нежели традиционно считалось, возникновении военного судостроения в Поволжье. Так, М.А. Кирокосьян относил начало строительства кораблей для плавания по Каспийскому морю в Астрахани к 1557 г. [4, с. 6]. Более того, он утверждал, что «верфь с комплексом необходимых сооружений в Астрахани существовала задолго до исхода XVI в.» [4, с. 7]. А «... с 1624 года астраханская верфь известна как «Деловой двор», руководил которым особый голова, «товарищ», то есть заместитель воеводы. К этому времени судостроение и судоходство на Каспийском море принимает вполне организованный характер» [4, с. 15].

Весьма тенденциозные сведения приводила А.А. Воронова о том, что «... судостроительная верфь в г. Астрахани была заложена в 1667 г. Это была вторичная попытка постройки парусных военных судов по западному образцу и теперь уже на постоянной государственной основе. В постройке каждого отдельного судна участвовали иноземные специалисты: мастер, два подмастерья, плотник и кузнец» [5, с. 242]. Сомнение в достоверности этого утверждения вызывает явное несоответствие авторской ссылки на «Доклад комиссии под председательством Л.Э. Нобеля по вопросу о содействии к постройке морских и речных судов» физическим характеристикам данного источника [6].

В целом, наличие давней традиции судоходства и судостроения в волжском бассейне было убедительно показано еще в работе И.А. Шубина [7]. М.А. Кирокосьян совершенно обоснованно отмечал, что «в отличие от северного пути в Европу, по которому движение товаров и в XVII веке осуществлялось исключительно на судах европейской постройки,

на Каспийском море русское правительство инициирует развитие собственного судостроения» [\[4, с. 6\]](#). Однако подавляющее большинство отечественных исследователей склонны говорить об организованном государственном военном судостроении в Поволжье только начиная с эпохи Петра I.

Конец XVII в. – 1718 г. С.П. Саначин, анализируя имеющиеся сведения о начале казанского судостроения, писал: «... что-то на кустарном уровне производилось при царе Алексее Михайловиче... Продвинутая же сборка морских военных судов в Казани началась в эпоху Петра I. Причем развернулась она еще до общепризнанной условной даты основания Казанского адмиралтейства в 1718 году». Подтверждением этому автор считал свидетельство голландского путешественника К. де Бруина о наличии в Казани верфи уже в 1703 г. [\[8, с. 177\]](#).

Причины возникновения кораблестроения в Казани на рубеже XVII-XVIII вв. Н.Н. Петрухинцев видел «... в восточной политике Петра конца XVII века – в том еще неясном клубке «восточных планов» царя, которые весьма туманно читаются в первых намётах его реформ [\[9, с. 280\]](#). Ссылки на внешнеполитические факторы возникновения кораблестроения в Поволжье, наряду с наличием соответствующей сырьевой базы, звучали и в диссертации В.В. Кистенева [\[10, с. 16\]](#).

Наиболее ранние сведения о строительстве военных судов в Казани приводил С.И. Елагин. При создании кумпанств для строительства Азовского флота Петр I и члены царского дома как крупные землевладельцы также приняли участие в «корабельной складке». Однако «эти взносы с дворцовых волостей не были обращены на строение судов, предназначаемых для Азовского моря, но по всей вероятности послужили средствами для постройки судов на Волге (в 1697 г. под ведением Приказа Казанского дворца там были заложены 10 судов)» [\[11, с. 55\]](#). И.В. Богатырев называл эти суда баркалонами и указывал как на место их строительства село Совита [\[12, с. 58\]](#). М.А. Кирокосьян также упоминал о строительстве в Казани специального отряда судов – яхт «для морского хода», предназначенного для борьбы с пиратством на Каспии [\[4, с. 38\]](#). Правда при этом он говорил о 13 яхтах, которые в 1700 г. были приведены в Астрахань и сорганизованы в две эскадры [\[4, с. 39\]](#). Местом же их строительства автор называл верфь в устье реки Казанки [\[4, с. 39\]](#).

Однако подлинное начало сооружения судов морского класса в казанском крае большинство авторов относило к 1701 г. Ф.Ф. Веселаго первым указал на закладку в Казани и в близлежащем с. Услонь в 1701-1702 гг. около 80 грузовых судов (катов, шмаков и капера) [\[13, с. 358\]](#). Эти данные неоднократно фигурировали и в других работах, чего нельзя сказать об освещении дальнейшего хода судостроения.

И.А. Шубин писал о том, что казанские плотники вызывались в Петербург в 1703 и 1715 гг., а в самой «Казани было сосредоточено строительство судов чуть ли не для всех наших морей» [\[7, с. 385\]](#). И.И. Яковлев утверждал, что с 1706 г. под руководством вице-губернатора Н.А. Кудрявцева в Казани началось строительство военные суда для Балтики, наряду с заготовкой и отправкой в Санкт-Петербург корабельного леса [\[14, с. 78\]](#). И.В. Богатырев полагал, что помимо достройки и оснащение заложенных ранее 80 грузовых судов, продолжавшихся в течение 1702-1706 гг., в 1702-1703 гг. на освободившихся стапелях было заложено еще около 40 шняв [\[12, с. 58\]](#). В то же время еще Ф.Ф. Веселаго указывал, что в 1706 г. посланный Петром I капитан А. Рейс

осматривал в Казани 121 судно, из которых он, правда, признал годными для военных целей всего 25 [13, с. 359]. Анализ этих сведений наряду с данными голландского путешественника К. де Бруина о наличии в Астрахани не менее 17 судов, спущенных туда по Волге еще в 1703 г., дал возможность Н.Н. Петрухинцеву утверждать, что общий объем судостроения на казанских верфях в начале XVIII в. составил около 140 судов [9, с. 289].

Осознание масштабов казанского судостроения в начале XVIII в. подвигло современных исследователей к выяснению его причин и оценке его результатов. И.З. Файзрахманов считал, что «несмотря на ненадежность построенных первых судов..., все-таки это была первая попытка строительства морских судов в Казани» [1, с. 11]. А.И. Ногманов характеризовал как впечатляющие масштабы кораблестроительных работ и рассматривал их как подготовку к завоеванию Каспия, отложенного из-за начавшейся Северной войны [15, с. 265]. Более детально данную позицию обосновал Н.Н. Петрухинцев. «Судя по количеству и размерам кораблей, по масштабам работ, казанское кораблестроение 1701-1703 гг. уступало в период 1700-1707 гг. лишь азовскому (но вряд ли существенно уступало балтийскому)» [9, с. 284]. Решая вопрос о характере строившихся в Казани в самом начале XVIII в. судов, автор пришел к выводу, что «следует все-таки говорить о военно-морском судостроении в Казани – тем более, что Каспийское море и по своей глубине, и по отсутствию флотов у вероятных противников не требовало линейных кораблей, и «шмаки-флейты» могли стать своеобразным эрзац-заменителем малый фрегатов» [9, с. 286]. В результате, «Казань (хотя и с некоторыми оговорками), вероятно, следует считать одним из трех первых очагов строительства русского военно-морского флота...» [9, с. 287]. Однако «... построенный в Казани в первые годы XVIII в. флот с крушением начальных «восточных планов» Петра и прекращением строительства Волго-Донского канала был для Каспия явно избыточным» [9, с. 288].

Учитывая это обстоятельство, а также стремясь в какой-то мере оправдать затраты на судостроение в Казани, правительство приняло решение об использовании сооружённых там кораблей для усиления Балтийского флота [15, с. 266]. О неудачной попытке проводки в Санкт-Петербург двух отрядов судов в 1706-1713 гг. писали Ф.Ф. Веселаго [13, с. 360], В.С. Гусев [16, с. 56], И.В. Богатырев [12, с. 58]. Более подробно этот сюжет исследован А.И. Ногмановым [15, с. 266-273] и Н.Н. Петрухинцевым [9, с. 290-297]. Первый из этих авторов писал: «Несмотря на отсутствие видимых успехов, плавания П. Дорнкваста, П. Фанреса и К. Декера (командиры отрядов судов – Авт.) дали неоценимый опыт адмиралтейскому начальству. Они продемонстрировали, что возможности Казани как центра морского судостроения ограничены природными факторами. Построить здесь крупный военный корабль не являлось проблемой, проблема заключалась в его доставке к месту будущей службы» [15, с. 274].

Н.Н. Петрухинцев также полагал, что «... долголетняя, затратная и трудоемкая эпопея с проводкой на Балтику первых казанских судов не дала ожидаемого результата... Весьма существенные материальные и людские ресурсы были затрачены практически впустую» [9, с. 298]. Вместе с тем, этот автор выявил целый ряд положительных моментов «балтийской эпопеи» казанских судов: «...в ходе нее был получен бесценный (хотя и негативный) опыт, который заставил Петра окончательно отказаться от первоначальной программы военно-морского судостроения для Балтийского и Азовского морей на крупных реках», «... стали очевидны трудности «канальных» проектов для переброски

глубокосидящих военно-морских судов из одного морского бассейна в другой с использованием речных систем», дальнейшее стимулирование получило совершенствование Вышневолоцкой системы каналов и, наконец, правительство вынуждено было «... принять более рациональную стратегию строительства флота» с использованием казанского корабельного леса, в транспортировке которого на Балтику был приобретен бесценный опыт [9, с. 298].

Неслучайно к самому разгару «балтийской эпопеи» – к 1709 г. – исследователи традиционно относили начало превращения Казани в главный центр поставки леса для петербургского кораблестроения, заготовка которого с 1712 г. была поручена казанскому вице-губернатору Н.А. Кудрявцеву [12, с. 59]. А.С. Шишков под 1713 г. упоминал об отправке в Санкт-Петербург 100 буеров и 50 верей с грузом в 4 480 деревьев и 4 420 пиленных досок для строительства кораблей [17, с. 38]. И.И. Яковлев отмечал отправку с 1713 по 1722 гг. лесоматериалов, достаточных для постройки 57 кораблей, фрегатов и судов других типов [14, с. 78]. И.З. Файзрахманов оценивал объем ежегодных поставок в размере потребности для сооружения трех больших кораблей и ряда мелких судов [3, с. 22].

После «залпового строительства» [9, с. 284] судов в начале первого десятилетия XVIII в. И.В. Богатырев отмечал в 1706-1711 гг. практически полное отсутствие государственного судостроения в Поволжье [12, с. 59]. Возобновление его автор относил к лету 1712 г., когда под руководством голландца корабельного мастера К.Я. Труина и подмастерья В. Шипилова началось строительство 100 буеров и 50 vereek. Позже они строили 2 флейты, несколько катов, яхту «Казанскую», приведенную в 1713 г. в Санкт-Петербург [12, с. 59]. А.С. Шишков упоминал об отправке в 1714 г. из Санкт-Петербурга в Казань подмастерья М. Черкасова для строительства 15 скампавей [17, с. 114].

В 1714-1716 гг. на верфи в Казани строились суда для двух экспедиций князя А. Бековича-Черкасского [17, с. 158; 13, с. 361-363; 18, с. 234]. Причем, по утверждению И.В. Богатырева, в состав второй экспедиции входили только суда новой конструкции [12, с. 59]. Помимо этого в 1716-1718 гг. под руководством шлюпочного мастера Р. Хэдли начало развиваться шлюпочное судостроение и начались поставки шлюпок в Санкт-Петербург. Наконец, с 1717 г. началось строительство нового для волжского бассейна типа судов – тялок [12, с. 59].

Оценивая рассматриваемый период казанского судостроения в целом, К.З. Насыров полагал, что Казани отводилась роль вспомогательного производства для нужд Санкт-Петербургского адмиралтейства и одновременно главная роль в строительстве судов для Каспийской флотилии [19, с. 209]. Н.Н. Петрухинцев считал, что «ранее кораблестроение» «... заложило практические основы и, видимо, сформировало кадры мастеров и работников для прочной кораблестроительной традиции в Казани, продолжавшейся и дальше свое почти непрерывное развитие и приведшей, в конце концов, к созданию крупного судостроительного центра в России, получившего наименование «Казанское адмиралтейство» [9, с. 299].

1718 – конец 1740-х гг. В отечественной историографии еще с XIX в. сложилось устойчивое представление о том, что Казанское адмиралтейство было учреждено в соответствии с указом Петра I на имя казанского вице-губернатора Н.А. Кудрявцева от 31 января 1718 г. [20, с. 115; 21, с. 158; 7, с. 385; 22, с. 69; 16, с. 56; 12, с. 59; 10, с. 16]. Однако в

последнее время ряд авторов выдвинули свои, отличные от традиционной, точки зрения на датировку этого события. С.П. Саначин утверждает, что основание Казанского адмиралтейства в 1718 году документально не подтверждено [8, с. 177]. Автор подчеркивает тот факт, что в документах первых двух десятилетий XVIII в. не встречается даже такой термин как «Казанская верфь». Первое же официальное упоминание в документах морского ведомства о Казанском адмиралтействе С.П. Саначин датирует 1727 г. [8, с. 178]. Что касается указа от 31 января 1718 г., то он, по мнению автора, только регламентировал заготовку в Казанской губернии корабельного леса и положил начало слободе заготовщиков леса – будущей Адмиралтейской [8, с. 179].

К.З. Насыров напротив отодвигает дату основания адмиралтейства в Казани к концу XVII в., а именно к 31 марта 1697 г., когда Петром I был издан «наказ» окольничему князю Львову, определенному воеводой в Казань «Об управлении казенными и земскими делами» [19, с. 211]. Относительно указа от 31 января 1718 г. автор солидаризируется с С.П. Саначиным и считает его основанием для учреждения Казанской адмиралтейской слободы [19, с. 214].

В какой-то степени примирить различные точки зрения на дату учреждения Казанского адмиралтейства может мнение А.И. Ногманова: «... образование Казанского адмиралтейства следует рассматривать как сугубо бюрократическое мероприятие, своеобразную смену вывески, последовавшую за учреждением в декабре 1717 г. Адмиралтейств-коллегии и реорганизацией морского ведомства» [15, с. 277]. В то же время И.З. Файзрахманов настаивал на том, что «... подготовка к Персидскому походу потребовала создания не просто верфи, а крупной производственной судостроительной базы с соответствующей материальной основой..., определенным штатом постоянных рабочих и служащих» [23, с. 355]. Подобная позиция представляется не лишенной смысла, так как ряд исследователей склонны были преувеличивать сам факт учреждения адмиралтейства, придавать ему характер «спускового механизма» в активизации военного судостроения в Поволжье [20, с. 115].

Между тем в 1717-1719 гг. в Казани продолжилось сооружение судов прежде всего для обеспечения экспедиций по описанию восточного побережья Каспийского моря. Среди заложенных и построенных в эти годы судов исследователи называли боты, тялки [17, с. 223, 284], гукор, яхты, дамшоуты, шлюпки [12, с. 60], галиоты, галеры, шмаки [16, с. 56]. В эти же годы произошли качественные изменения в организации судостроительных работ и составе судостроительной базы в Поволжье. Прежде всего это касалось кадрового обеспечения судостроения. Уже М.Н. Пинегин показал переход в 1718 г. к заготовке корабельного леса с привлечением служилого инородческого населения, вызванного дорожившей использованием для этих работ наемного труда [21, с. 158]. И.В. Богатырев упоминал о наборе 280 плотников для лекальных работ по теске корабельного леса, еще об одном наборе в 1718 г. 150 плотников, 30 кузнецов и 100 пильщиков, обучением которых занимались специально присланные из Санкт-Петербурга адмиралтейские мастеровые [12, с. 59]. Набранные таким образом мастеровые люди вместе с семьями были поселены на землях казанского Зилантова монастыря и составили первоначальное население Адмиралтейской слободы [24, с. 101].

И.З. Файзрахманов, наиболее глубоко изучивший вопрос кадрового обеспечения казанского судостроения, полагает, что до 1718 г. его главным способом была мобилизация местного населения по трудовой повинности [25, с. 239]. После учреждения

адмиралтейства началось формирование постоянного кадра путем набора рекрутов в пределах Казанской и Нижегородской губерний. Для восполнения недостатка в кадрах в период активизации работ прибегали к найму, к принудительному привлечению населения [25, с. 240], к переводу адмиралтейских работников из других адмиралтейств, чаще всего из Санкт-Петербурга. И.З. Файзрахманов отмечал роль в организации судостроения первого руководителя адмиралтейства Н.А. Кудрявцева, а также иностранных специалистов (корабельный подмастерье Джонстон, мастер Р. Гардли и др.): «... в начальный период казанского судостроения отмечается организующая и обучающая роль иностранцев, которая была действительно велика. Они принесли с собой богатый опыт европейского судостроения» [1, с. 47].

Важным фактором кадрового обеспечения являлась и подготовка квалифицированных кораблестроителей. Этой цели служила адмиралтейская школа, относительно даты основания которой в Казани в историографии существует солидный разброс мнений. А.И. Дубравин называл 1720 г. [26, с. 66], Ю.В. Мансуров – 28 февраля 1714 г. [27, с. 15]. Окончательную ясность в данный вопрос внес И.З. Файзрахманов. Он выяснил, что в Казани действовали две цифирные школы: первая была основана в 1716 г. и вскоре слилась с гарнизонной школой [1, с. 83]; второй стала как раз адмиралтейская школа, открытая по инициативе Н.А. Кудрявцева в 1726 г. [1, с. 84] и просуществовавшая до конца XVIII в.

Адмиралтейская форма организации судостроительных работ предполагала и создание соответствующей производственной и вспомогательной инфраструктуры. В.С. Гусев отмечал сооружение на отведенном под адмиралтейство участке земли на берегу р. Казанки семи эллингов, складов, сараев, казарм, кузнечной, такелажной, чертежной, шлюпочной и др. мастерских [16, с. 56]. К построенной еще в 1717 г. для верфи пильной мельнице на двух рамках в 1719 г. была добавлена водяная пильная мельница на 3 рамках [1, с. 13]. Помимо этого в ведение Казанского адмиралтейства была передана пильная мельница на р. Пьяне в Нижегородском уезде, работавшая с 1713 г. По утверждению И.З. Файзрахманова к 1720 г. сооружение основных производственных помещений было завершено [1, с. 14]. К числу вспомогательных производств следует отнести и казенный помповый (кожевенный) завод, занимавшийся выделкой кожевенного товара для изготовления корабельных помп. Основан он был в 1719 г. [20, с. 116]. После посещения завода Петром I в 1722 г. было принято решение о приглашении английского мастера, который наладил работу предприятия, доведя производительность до 300-400 выделанных кож в год [21, с. 157].

Активизация судостроительных работ и расширение их географии были вызваны подготовкой к Персидскому походу русских войск 1722-1723 гг. И.И. Голиков впервые отметил наличие верфи в Нижнем Новгороде, а также подробно остановился на именном указе Петра I, предписывавшем строительство судов, пригодных для плавания как по реке, так и по морю, отправку в Нижний Новгород из петербургского Адмиралтейства мастеров судового, мачтового, блочного, парусного дела, а также «... мачты, парусы, якори и прочий такелаж делать в Нижнем Новгороде, и для того учинить верфь с геленгом, кранами и прочим, что надлежит» [28, с. 178].

Ф.Ф. Веселаго, а вслед за ним и И.А. Шубин конкретизировали ход и объемы судостроения, указав на сооружение зимой 1722 г. в городах Вышнем Волочке, Твери, Угличе и Ярославле силами дислоцированных там армейских полков 200 «островских

лодок», 60 «новоманерных романовок» и ластовых судов для перевозки войск [13, с. 368; 7, с. 104]. Кроме этого 20 ластовых судов строились в Нижнем Новгороде [7, с. 104], а в Казань был послан ботовый мастер для сооружения большого бота, шлюпок и отделки царской яхты [13, с. 368].

Ряд деталей был уточнен И.В. Богатыревым. В частности, расширен список мест строительства судов силами войск: помимо упомянутых Ф.Ф. Веселаго и И.А. Шубиным городов еще Кашин и Романов. Отмечено, что прототипами строившихся при этом «островских лодок» были финские ботики, а получили они название романовок по имени города Романова. Уточнен объем работ, выполнявшихся в Казани ботовым мастером В. Шипиловым: строительство трех корабельных и одного большого палубного бота, 2-3 шлюпок и отделка царской яхты «Эсперанс». Наконец, И.В. Богатырев упомянул о деятельности адмиралтейского интенданта И. Потемкина и корабельного мастера Г.А. Меньшикова по строительству: в 1721-1722 гг. в Казани, Астрахани и Нижнем Новгороде судов нового для Волги типа – эверсов, а с 1722 г. на нижегородской верфи – галиотов, насадов и романовок [12, с. 60].

Новый толчок судостроению был дан Петром I в октябре 1722 г. после его возвращения из Персидского похода. И.И. Голиков писал о распоряжении императора по поводу строительства гекботов в Нижнем Новгороде и Казани [28, с. 284]. А.С. Шишков уточнил численность этих судов – 30 единиц, а также указал на строительство дополнительно нескольких бусов и галиотов [17, с. 299]. Ф.Ф. Веселаго детализировал эти сведения, отметив, что в обоих городах строилось по 15 гекботов [13, с. 376], а в Казани еще 6 больших ботов и около 60 баркасов и шлюпок. При этом якоря и такелаж для судов делались в Нижнем Новгороде, а рангоут и паруса – в Казани [13, с. 382].

Еще одной мерой, предпринятой Петром I, стало отданное им 4 ноября 1722 г. распоряжение о строительстве верфи в Астрахани, ближе к театру военных действий [29, с. 108]. Как отмечал А.П. Соколов, сооружение продвигалось медленно из-за нехватки рабочих и материалов, а после смерти императора в 1725 г. и вовсе было остановлено. Вместо этого 6 июня 1726 г. последовал указ Адмиралтейств-коллегии о строительстве адмиралтейства на новом месте, которое с гидрографической точки зрения оказалось очень неудачным [29, с. 109]. И.А. Шубин и вовсе утверждал, что в 1722 г. Петр намеревался перевести адмиралтейство из Казани в Астрахань, но до конца жизни не успел осуществить свое намерение [7, с. 386]. Среди современных исследователей нет единой точки зрения на создание Астраханского адмиралтейства. Так, В.В. Кистенев считал датой его учреждения 1722 г. [10, с. 16]. А вот М.А. Кирокосьян полагал, что после окончания Персидского похода все судоремонтные и судостроительные работы продолжались на издавна существовавшем Астраханском деловом дворе и только в 1727 г. во исполнение распоряжения Адмиралтейств-коллегии было построено Астраханское адмиралтейство [30, с. 125].

Результаты судостроительной деятельности в Астрахани были весьма скромными. А.П. Соколов писал о сооруженных здесь в 1722-1723 гг. одном гукоре, двух гальютах, четырех прамах, трех шлюпках, двух почтовых и 26 «островских» лодок [29, с. 112]. Ф.Ф. Веселаго оценивал объемы строительства в Астрахани за 1722-1725 гг. в один гукор и шесть палубных ботов [13, с. 505]. М.А. Кирокосьян настаивал на том, что строительство судов в Астрахани продолжалось и после 1725 г. [30, с. 125], хотя у него, как и у других

исследователей конкретных данных об этом нет. А вот В.Г. Чубинский полагал, что после учреждения адмиралтейства в Астрахани производился только ремонт судов, строившихся преимущественно в Казани [\[31, с. 78\]](#).

В послепетровский период, в отличие от Балтийского моря, судостроение в Поволжье отнюдь не претерпело существенных сокращений, несмотря на утверждения некоторых авторов [\[12, с. 61\]](#). Со времен А.П. Соколова это объяснялось необходимостью обеспечения потребностей войск Низового корпуса, размещенных по западному и южному побережью Каспийского моря [\[32, с. 466\]](#). Для поддержания корабельного состава Каспийской флотилии в связи с малой продолжительностью срока службы судов в 1724 г. было принято решение о ежегодном строительстве пяти гекботов. В результате за 1725-1735 гг., по данным А.П. Соколова, было построено: 51 гекбот, пять гальотов, восемь гукоров, один прам, 12 шмаков, три пакетбота [\[32, с. 467\]](#). Проблемой оставалось качество судов, решить которую было призвано предложение главного командира Астраханского порта И.А. Сенявина о строительстве гекботов из дубовых лесоматериалов вместо сосновых [\[33, с. 175\]](#). Но М.А. Кирокосьян выяснил, что дуба не хватало на все кораблестроительные программы и уже с декабря 1727 г. из этого материала стали делать только фор- и ахтерштевни для каспийских судов [\[4, с. 59\]](#).

Основным местом строительства судов оставалась Казань. И.З. Файзрахманов обратил внимание на организацию производственного процесса на верфи, предусматривавшего, например, в 1727 г. наличие среди мастеровых более 10 основных специальностей, число которых в течение XVIII в. увеличивалось [\[1, с. 57\]](#). Однако большинство работ выполнялось вручную, что требовало большого числа работников и создавало постоянную проблему пополнения рабочего состава [\[1, с. 58\]](#). Так, уже к 1727 г. численность работников в адмиралтействе составила более 1 000 человек [\[3, с. 23\]](#). Положительным моментом стала замена отечественными специалистами в качестве руководителей судостроительных работ иностранцев, последний из которых – корабельный мастер Р. Гардли, был уволен со службы в самом конце 1720-х гг. [\[1, с. 46\]](#).

К данному периоду относятся упоминания о предприятиях-смежниках Казанского адмиралтейства. В их числе И.З. Файзрахманов называл канатный завод в Нижнем Новгороде, переведенный в 1727 г. в Казань (такелаж), Олонецкие Петровские заводы, а позднее казенные горные заводы Урала (якоря и вооружение), горные заводы Демидовых (железо), Московскую парусную фабрику (парусные полотна) [\[1, с. 26\]](#).

После возвращения Персии по договорам 1732 и 1735 гг. ранее занятых русскими войсками земель по западному и южному побережью Каспия судостроительная активность в Поволжье резко сокращается. А.П. Соколов показал, что рядом определений Кабинета 1735-1737 гг. было решено содержать на Каспийском море три бота для почтовых сообщений и два гекбота «для сыску воров», а остальные суда продать или безвозмездно передать купцам [\[32, с. 468\]](#). Однако активность персидского правителя Надир-шаха в каспийском регионе в начале 1740-х гг. заставила активизировать и отечественное судостроение. По свидетельству того же А.П. Соколова, были достроены начатые еще в 1735 г. суда и к 1740 г. в Астрахани было сосредоточено пять гекботов и семь шмаков, а в Казани заложены еще три прама [\[32, с. 470\]](#).

Новый виток напряжения был вызван деятельностью англичанина Эльтона по организации персидского флота. Ответные меры российского правительства подробно

исследовал И.В. Торопицын. Решением Сената от 24 февраля 1744 г. было разрешено строительство в Казани десяти гекботов, 50 каек и 40 лодок [34, с. 334]. По ходу изменения внешнеполитической ситуации ход реализации этой программы корректировался: летом того же 1744 г. Сенат одобрил сооружение трети из запланированного количества судов, а в декабре - еще одной трети [34, с. 335-336]. Кроме этого А.П. Соколов указывал на строительство вместо сгнивших в Казани прамов трех шняв и реквизицию всех коммерческих судов на Каспийском море [32, с. 472]. В целом, И.В. Тропицын оценивал результаты реализации судостроительной программы 1744 г. в построенные семь гекботов, 34 кайки, 17 лодок, семь ялботов и семь шхерботов [34, с. 337]. После смерти в 1747 г. Надир-шаха и последующей гибели Эльтона деятельность Каспийской флотилии вновь была свернута. Указом от 26 июня 1750 г. в Астраханском порту было положено содержать всего три шнявы [32, с. 473].

Конец 1740-х – конец 1770-х гг. На протяжении всего периода с середины XVIII в. до второй половины 1770-х гг. штатная численность судов для Каспийского моря составляла до трех шняв или ботов. По оценке И.З. Файзрахманова, за это время было построено всего 5 мореходных судов. В связи с этим автор сетует на недальновидную политику правительства, не учитывавшую ближайшие и дальние перспективы развития флота. «Правительство впадало из одной крайности в другую: то выносились решения об оставлении минимального количества судов на Каспийском море, то форсировалось строительство судов. Политика правительства в отношении военно-морского флота была непоследовательной, что приводило к неравномерному развитию, а то и упадку флота» [3, с. 23].

Несмотря на практически полное отсутствие судостроительной деятельности в Казанском и Астраханском адмиралтействах, данные предприятия продолжали существовать. По поводу последнего А.П. Соколов только и мог сказать, что «Адмиралтейство, исподволь и уже давно построенное, стояло на том же месте...» [32, с. 474]. Что касается Казанского адмиралтейства, то здесь продолжалась заготовка корабельного леса и продолжал функционировать помповый завод. По утверждению М.Н. Пинегина, к 1774 г. его мощность даже увеличилась до 500 выделанных кож в год [21, с. 157]. В 1770 г. Адмиралтейств-коллегия ввиду неудобства расположения завода вблизи суконной фабрики предписало перенести его на другое место, но этот проект был реализован только в 1812 г. [20, с. 116]. Численность адмиралтейских мастеровых сократилась в 1757 до 280, а в 1764 г. до 210 человек [25, с. 241].

Конец 1770-х – начало 1820-х гг. Возобновление активной судостроительной деятельности в Поволжье во второй половине 1770-х гг. было обусловлено факторами внешнеэкономического и геополитического характера. Это было показано, пусть и несколько завуалированно, уже в работе А.П. Соколова. Автор говорил о затруднениях торговли Англии с Индией вследствие восстания североамериканских колоний и об усилении российско-индийской торговли через Среднюю Азию, намекал при этом на роль Г.А. Потемкина [35, с. 228]. Те же мотивы о стремлении России, воспользовавшись отвлечением внимания Англии на североамериканском театре и нестабильной внутриполитической обстановкой в Персии, установить прямые торгово-экономические отношения с Индией и распространить свое влияние на Каспий звучат и в работах современных исследователей [3, с. 23; 4, с. 79]. Г.А. Гребенщикова автором данного проекта называет Г.А. Потемкина [36, с. 398].

Строительство морских военных судов новых типов было возобновлено в Казани в 1778 г. М.А. Кирокосьян отмечал требования к этим судам: возможность их использования в качестве транспортных средств для сдачи в наем купцам в периоды умиротворения обстановки в регионе. В конкурсе на проект такого корабля, проводившемся в 1777 г., участвовали корабельные мастера Ямес, А.С. Катасанов и галерный мастер Корчебников [4, с. 81]. Предпочтение было отдано Катасанову, разработавшему проекты фрегата и бомбардирского судна [36, с. 399]. Результаты развернувшегося в 1778-1780 гг. строительства снова разнятся в работах исследователей [32, с. 475; 4, с. 82]. Наиболее вероятными представляются данные Г.А. Гребенщиковой, писавшей о сосредоточении в Астраханском порту к концу лета 1780 г. флотилии из трех фрегатов, бомбардирского судна и семи палубных ботов [36, с. 399]. На поддержание штатной численности Каспийской флотилии, установленной в 1779 г. в составе трех фрегатов, бомбардирского корабля и малых судов [3, с. 23], и была направлена в дальнейшем деятельность Казанского адмиралтейства, достигшего в этот период своего наивысшего развития.

И.З. Файзрахманов существенно глубже структурировал состав адмиралтейства, нежели это делали предшествовавшие ему исследователи [21, с. 243]. Помимо собственно адмиралтейства в Казани он включил в него около 40 корабельных пристаней и более 120 мест заготовки корабельного леса в Поволжье [37, с. 5]. На центральной площадке в городе были сосредоточены основные производственные объекты: семь эллингов, позволявших одновременно закладывать 14 морских судов, не считая малых лодок и шлюпок к ним; чертежный, шлюпочный, лесной, лекальный сараи; столярная, купорная, блоковая, парусная, фонарная, брандспойтная, слесарная, токарная, резная, котельная, малярная и две такелажные мастерские, кузница и магазины. Помимо этого в ведении адмиралтейства находились: канатный прядильный завод, вместо которого на территории самого адмиралтейства со временем была организована прядильня; помповый завод, который в 1812 г. был также переведен на территорию адмиралтейства [1, с. 21-23].

Несомненной заслугой И.З. Файзрахманова является основательное исследование самых различных аспектов деятельности Казанского адмиралтейства. Большое внимание этот автор уделил вопросам кадрового обеспечения судостроения, материального положения работников, условиям их труда. По его словам, «... мастеровые и работные люди казанской верфи представляли одну из важных групп казенных рабочих. Их экономическое и правовое положение было общим с положением работников других адмиралтейств и прочих казенных предприятий России, т.е. развитие судостроительной промышленности в Казани всецело было связано с крепостным трудом, на предприятии превалировали крепостнические методы поддержания рабочей дисциплины» [25, с. 244].

Показано значение Казанской адмиралтейской школы для подготовки квалифицированных кадров. Несмотря на ряд характерных недостатков – низкий уровень подготовки учителей, плохое финансирование – «школа являлась начальной ступенью в подготовке специалистов для отечественной судостроительной промышленности как низшей, так и средней, и высшей квалификации» [1, с. 100].

Анализируя деятельность Казанского адмиралтейства на завершающем этапе существования, И.З. Файзрахманов отметил, что главной его задачей стала заготовка и отправка корабельного леса в Санкт-Петербургское Адмиралтейство, а с начала XIX в. – и в Архангельск. «При этом строительство собственных судов отходило на второй план. Даже в годы отсутствия в Казани корабельного мастера на строительстве судов, на

заготовке корабельного леса такой мастер обязательно должен был присутствовать» [\[2, с. 102\]](#). По сведениям автора, с 1709 по 1856 гг. в поволжских лесах было вырублено около 2 млн. наиболее высококачественных дубовых деревьев [\[1, с. 136\]](#). Кроме этого в Казани было налажено и изготовление стройматериалов для судостроения [\[38, с. 123\]](#). По словам И.З. Файзрахманова, «для сокращения объемов перевозок многие детали корпуса судна изготавливали по лекалам (шаблонам) на местах заготовок и подвозили их на верфи почти в готовом виде. Это значительно снижало затраты на транспортировку и ускоряло сушку» [\[1, с. 134\]](#). Важную особенность производственной деятельности в адмиралтействе отметил С.П. Саначин. По его словам, важнейшим корабельным продуктом, изготавливаемым в Казани для столичного адмиралтейства, были нагели – большие дубовые гвозди для скрепления деталей судов. Технология их изготовления включала вымачивание в соленой воде и просушку, для чего в адмиралтействе был оборудован Соляной канал [\[8, с. 183\]](#).

К проблеме заготовки корабельного леса тесно примыкала проблема лашманов. По мнению И.З. Файзрахманова, «... после многочисленных попыток привлечения наемных работников для заготовки и вывозки корабельных лесов, которые не увенчались успехом, государство пошло по не раз испытанному пути – по пути принуждения» [\[1, с. 126\]](#). Уже упомянутым выше именным царским указом от 31 января 1718 г. нерусское служилое население Казанской, Нижегородской, Воронежской губерний и Симбирского уезда было приписано к Адмиралтейству для заготовки корабельного леса [\[37, с. 4\]](#). Численность лашманов по данным VI ревизии 1811 г. достигла 943 139 душ мужского пола [\[37, с. 7\]](#). В целом, несмотря на серьезные недостатки в системе управления, многочисленные нарушения на местах, частые изменения в составе, численности, административно-территориальной принадлежности лесозаготовщиков, институт лашманов сыграл исключительно важную роль в обеспечении сырьем и материалами балтийского судостроения [\[23, с. 373\]](#).

Сосредоточенность Казанского адмиралтейства на лесозаготовках сказывалась на его судостроительной деятельности. Авторы отмечают проблемы с качеством изготовленных на его верфи судов практически на протяжении всего периода существования. А.П. Соколов упоминал об этом относительно судов, участвовавших в экспедиции графа М.И. Войновича в 1781-1782 гг., которые «... через один год службы их и через четыре года от постройки оказались сгнившими» [\[35, с. 235\]](#). И.З. Файзрахманов среди важнейших причин такого положения называл: неопытность и недостаток специалистов на первоначальном этапе [\[1, с. 40\]](#); использование сырых лесоматериалов, спешка и большие объемы работ, нарушения технологии крепления частей корпусов [\[1, с. 41\]](#); использование в судостроении остаточных материалов, так как лучшие отвезлись в Санкт-Петербург [\[1, с. 42\]](#). Автор не называет в числе причин еще одно обстоятельство, хотя и упоминает о нем в другом контексте. Речь идет о неравномерном развитии судостроения в Казани, его высокую зависимость от внешнеполитической активности России в Каспийском регионе [\[3, с. 24\]](#). Не говоря уже о практически полном свертывании работ в 1747-1778 гг., длительные перерывы происходили и в дальнейшем, например, с 1785 по 1794 гг. или с 1798 по 1805 гг. [\[39, с. 644-687\]](#). Скачкообразный характер хода судостроительных работ не мог не приводить к снижению квалификации судостроителей всех уровней, а это и отражалось на качестве.

В целом, «возможности Казанского адмиралтейства позволяли строить намного большее

количество судов. Однако увеличению заказов воспрепятствовала двойственная и непоследовательная политика правительства, считавшего разумным уменьшение расходов на строительство и поддержание военно-морских сил, и лишь возникающие время от времени военные угрозы заставляли увеличивать затраты на флот» [\[3, с. 25\]](#).

Астраханское адмиралтейство длительно время оставалось в тени Казани и практически не принимало участие в судостроении. А.П. Соколов отмечал плохое состояние портовых строений в Астрахани в целом, в т.ч. и элементов судостроительной инфраструктуры, сложившееся к началу 1790-х гг. [\[40, с. 5\]](#). В 1793 г. началось проектирование строительства нового порта с адмиралтейством, однако из-за нехватки средств подготовленный проект в следующем году был отклонен [\[4, с. 97\]](#). К вопросу о восстановлении Астраханского адмиралтейства возвратились в начале XIX в. Только в 1806 г. было выделено чуть более 34 тыс. руб. на ремонт существующих сооружений [\[40, с. 5\]](#). Несмотря на это, по утверждению М.А. Кирокосьяна, верфь в Астрахани все-таки была восстановлена. В 1793 г. из Санкт-Петербурга в Астрахань была направлена бригада судостроителей, а в 1794 г. здесь началось строительство военных судов – пакетботов «Летучий» и «Сокол» [\[4, с. 98; 18, с. 429\]](#). И все-таки «... в первой трети XIX в. суда для Каспийской флотилии продолжали строиться в Казани, достройка, оснастка и плановый ремонт, в том числе кильевание, кренгование и тимберовка, проходили в Астрахани» [\[30, с. 128\]](#).

Русско-персидская война вызвала активизацию судостроения, особенно после назначения главнокомандующим русскими войсками на Кавказе князя П.Д. Цицианова. По его требованию состав Каспийской флотилии был увеличен и началось строительство новых судов, в т.ч. бомбардирского корабля в Астрахани [\[40, с. 7\]](#). Всего за период с 1805-1806 гг. для Каспийской флотилии было построено 16 судов: по два бомбардирских корабля и корвета, по четыре брига, транспорта и люгера [\[39, с. 644-687\]](#).

После окончания русско-персидской войны вновь поднимался вопрос о сооружении Астраханского адмиралтейства, и снова ограничились полумерами. Как писал А.П. Соколов, ввиду потребностей в ремонте судов флотилии, «так как в Казани не доставало ни рук, ни материальных средств на беспрестанно требовавшиеся новые постройки», было решено построить в Астрахани на р. Царев эллинг для ремонта, который и был оборудован к 1815 г. [\[40, с. 15\]](#). И.А. Быховский утверждал, что на р. Царев инженером А.А. Поповым была сооружена верфь, на которой были оборудованы два крытых эллинга: один – для ремонта старых, другой – для постройки новых небольших судов. На новой верфи Поповым по собственному проекту сразу же был заложен бомбардирский корабль «Белка» [\[41, с. 76\]](#). Однако в связи с изменением военно-политической обстановки на Каспийском театре в 1817 г. было принято решение впредь строить для флотилии только бриги и тендера [\[40, с. 16\]](#). В связи с этим строительство «Белки» не было завершено. Вместо этого в 1819-1820 гг. на царевской верфи было сооружено пять мореходных расшив для Астраханского провиантского комитета [\[30, с. 129\]](#), а также 8-пушечный пакетбот [\[40, с. 16; 4, с. 135\]](#). Ввиду обмеления р. Царев эллинги на его берегу работали только до 1824 г., а затем были перенесены на Волгу [\[30, с. 129\]](#).

И все же к началу 1820-х гг. все очевиднее становилось неудобство размещения основной верфи в Казани и необходимость ее переноса ближе к морю, т.е. в Астрахань. А.П. Соколов называл инициатором этого назначенного в 1821 г. главным командиром в Астрахань генерал-майора П.Г. Орловского, а главными причинами «...большую трату,

употребляемую на проводку строящихся для Каспийского моря в Казани судов, медленность проводки – был теряем целый год службы, неудобство заглазной постройки и неподручность средств в быстром, когда бы потребовалось, увеличении флотилии...» [40, с. 18]. Е.И. Аренс полагал, что главными причинами неисправного состояния Каспийской флотилии являлись постройка судов в значительно удаленной от моря Казани и обмеление Астраханского порта [42, с. 53]. Такой же позиции придерживались и исследователи более позднего времени [16, с. 56; 3, с. 24].

Однако решение вопроса затягивалось. А.П. Соколов видел причину в косности руководства Казанского адмиралтейства [40, с. 18]. Е.И. Аренс также сетовал, «... что и сочувствие к этому делу морского министра не в силах было спасти его от бесконечной волокиты, тянувшейся в течение всего царствования императора Александра» [42, с. 53]. Только в 1824 г. были выделены средства «для улучшения астраханского адмиралтейства и приспособление его для надобностей судостроения» [42, с. 53], а в Казани в 1821-1823 гг. строятся последние суда [4, с. 135]. К 1823 г. А.П. Соколов относил начало развертывания активных судостроительных работ в Астрахани, когда были построены транспортные «Яик» и «Волга». Вслед за ними в 1824 г. были спущены бриг «Петр» и яхта «Марфа», а в 1825 г. – несколько транспортов для Кавказского корпуса [40, с. 18].

Современные исследователи И.З. Файзрахманов и К.З. Насыров видят важную роль в окончательном решении проблемы переноса адмиралтейства в работе экспертно-ликвидационной комиссии во главе с вице-адмиралом П.М. Рожновым, работавшей в Астрахани в 1826 г. [19, с. 216]. Комиссией было ясно показано, что несмотря на более низкую стоимость строительства судов в Казани, даже с учетом расходов на проводку и доделку, существовали и важные недостатки: местоположение верфи, спуск кораблей с которой возможен был только весной; нерегулярность строительства судов, что приводило к нерациональным расходам на содержание адмиралтейств в периоды простоя; все корабли отправлялись из Казани недоделанными [1, с. 36-37]. Важными преимуществами Астрахани с точки зрения судостроения отмечались более благоприятные гидрографические условия Волги в районе города, более мягкий климат и возможность вести строительство судов и спускать их на воду практически в течение всего года [19, с. 219].

Начавшаяся в 1826 г. новая война с Персией, по мнению А.П. Соколова и С.Ф. Огородникова, ускорила решение вопроса [40, с. 18; 43, с. 108]. Проект закрытия Казанского адмиралтейства, составленный по результатам работы комиссии вице-адмирала П.М. Рожнова, был одобрен императором Николаем I в декабре 1827 г. Реализация же его растянулась на три года из-за необходимости решения судьбы помпового завода [19, с. 220]. Между тем все оборудование казанской верфи и мастерских было переведено в Астрахань. М.А. Кирокосьян отмечает и отправку в Астрахань части мастеровых [30, с. 131]. Однако значительная часть работников упраздненного в 1830 г. Казанского адмиралтейства до 1860-х гг. продолжало заниматься заготовкой леса для столичных верфей [3, с. 24]. Продолжил свою работу и помповый завод [38, с. 150].

Начало 1820-х гг. – начало XX в. Выделенный нами последний период истории волжско-каспийского судостроения весьма слабо освещен в отечественной

историографии.

По сведениям И.А. Шубина, строительство всех зданий Астраханского адмиралтейства было завершено к 1830 г. Но и после этого эллинги неоднократно переносились с одного места на другое по причине снижения уровня воды в устье Волги [\[7, с. 826\]](#). Важную роль в налаживании судостроительных работ сыграли главный командир Астраханского порта генерал-майор П.Г. Орловский и прибывший вместе с ним в 1821 г. на должность управляющего адмиралтейством С.А. Бурачек. Исследователи отмечают заслуги последнего в организации строительных работ в адмиралтействе, оснащении мастерских новым оборудованием, внесении важных изменений в технологию строительства судов [\[4, с. 137\]](#). На время пребывания С.А. Бурачека в Астрахани пришелся пик судостроительной активности, вызванный прежде всего происходившими в 1826-1829 г. войнами России с Персией и Турцией. Под его руководством до 1831 г. для Каспийской флотилии было построено восемь бригов, несколько транспортных судов и первые на Каспии пароходы [\[44, с. 13\]](#). После перевода С.А. Бурачека из Астрахани его дело было продолжено его учениками Бибиковым и Неверовым [\[45, с. 249\]](#). Всего за 1823-1842 гг., когда Астраханское адмиралтейство оставалось единственной судостроительной базой Каспийской флотилии, здесь было сооружено 35 боевых и транспортных судов, включая четыре парохода [\[30, с. 132\]](#). Как следует из работы Ф.Ф. Веселаго, после 1842 г. Астраханское судостроение прекращает заниматься судостроением. И только в 1857-1859 гг. здесь были построены четыре паровые транспорта [\[39, с. 666-667\]](#).

Постепенный переход вначале к паровому, а затем и железному судостроению оказал существенное влияние на саму конфигурацию судостроительной промышленности Поволжья. Это выразилось, с одной стороны, в возникновении здесь новых предприятий, строивших суда не только для Каспийской флотилии, но и для других морских театров, а с другой стороны, в расширении источников пополнения корабельного состава самой Каспийской флотилии.

Как уже отмечалось, первые два колесных парохода были построены по проекту С.А. Бурачека в Астраханском адмиралтействе в 1828 г. Затем до 1853 г. флотилия получила еще десять пароходов для портовых нужд и для плавания по Каспийскому морю. Из них четыре деревянных парохода были также построены в Астрахани, два железных – на Воткинском заводе и еще четыре железных – на верфях Англии и Голландии. П. Мордвинов указывал, что два из этих пароходов были вооружены пушками [\[46, с. 51\]](#).

Воткинский казенный завод горного ведомства, согласно И.И. Яковлева, начал строить железные суда для Каспийской флотилии с 1847 г. [\[14, с. 152\]](#). Однако еще Ф.Ф. Веселаго утверждал, что первый железный пароход был построен этим предприятием в 1845 г. [\[39, с. 650\]](#).

Еще одним новым центром судостроения становится Сормовский завод. Созданная в 1849 г. компания Нижегородской машинной фабрики построила близ Нижнего Новгорода завод и верфь, а в навигацию 1850 г. спустила свой первый пароход [\[47, с. 293\]](#). По утверждению В.М. Михалева с 1852 г. завод стал выполнять заказы Морского ведомства на колесные пароходы, а также построил три винтовые шхуны типа «Персиянин» [\[48, с. 57\]](#). Это расходится с данными Ф.Ф. Веселаго, согласно которым первые пароходы с железными корпусами для Каспийской флотилии были сооружены в 1855-1856 гг. [\[39, с. 650\]](#), а шхуны типа «Персиянин» сданы флоту в 1858 г. в количестве четырех единиц [\[39,](#)

[c. 658\]](#)

События Крымской войны ускорили процесс оснащения Каспийской флотилии паровыми судами. Однако имеющиеся работы исследователей не позволяют составить цельную картину этого процесса и содержат весьма противоречивые сведения и о количестве построенных судов, и о их типах, и о местах их строительства.

П. Мордовин отмечал в составе Каспийской флотилии к 1856 г. пять парусных шхун (согласно Ф.Ф. Веселаго они были построены в 1843-1849 гг. на верфи в финском г. Або [\[39, с. 658\]](#)), парусный бриг, две винтовые шхуны и 12 колесных пароходов [\[49, с. 106\]](#). Однако согласно Ф.Ф. Веселаго строительство винтовых шхун в этот период не производилось, а число пароходов не могло превышать семи, если только П. Мордовин не относил к пароходам суда других типов.

Н.И. Барбашев утверждал, что строительство паровых судов по судостроительной программе 1857 г. производилось в Астрахани, а паровые машины для этих судов выпускались Нижегородской механической фабрикой. При этом большая роль принадлежала старшему судостроителю Астраханскому порта М.М. Окуневу [\[45, с. 253\]](#). М.А. Кирокосьян среди астраханских предприятий называет верфь Г.В. Тетюшинова, на которой в 1857 г. была спущена на воду паровая винтовая шхуна, а в 1858 г. - 8-пушечный транспорт «Калмык» [\[4, с. 194\]](#). И снова эта картина не соответствует сведениям Ф.Ф. Веселаго, согласно которым, во-первых, в 1857-1858 гг. суда строились и в Сормово - пароход и четыре винтовые шхуны, во-вторых, две винтовые шхуны были построены на заводе Шепелевых (имеется ввиду, по-видимому, Выксунский завод, что представляется маловероятным, так как судостроением предприятие никогда не занималось), в-третьих, в Астрахани в 1858-1859 гг. был спущен не один транспорт, а как минимум четыре [\[39, с. 658, 666\]](#). Авторы книги об истории завода «Красное Сормово» подтверждают активное участие предприятия в выполнении казенного заказа на паровые винтовые суда. Но упоминали о двух шхунах - «Персиянин» и «Хивинец» и пяти колесных транспортах. Кроме этого отмечали поставки для Астраханского порта станочного оборудования и стационарных паровых машин [\[50, с. 17\]](#).

Наиболее определённую картину состава Каспийской флотилии к 1861 г., который считается начальной датой строительства броненосного флота России, позволяют получить работы Ф.Ф. Веселаго [\[39, с. 650-666\]](#) и С.П. Моисеева [\[51, с. 47-48\]](#). Согласно им состав флотилии включал семь пароходов, четыре парусные и шесть винтовых шхун, два парусные и четыре паровые транспорта. Из 23 судов были построены на Сормовском заводе - 9, на Воткинских заводах - 3, на верфи в Або - 4, на предприятиях Астрахани - 6. Место строительства парусного транспорта «Астрабад» не указано.

Строительство в России броненосного флота применительно к Каспийской флотилии нашло отражение в оснащении ее мореходными канонерскими лодками. История создания первых кораблей этого типа была изложена И.И. Черниковым. В 1865 г. вместо пришедших в негодность деревянных лодок «Секира» и «Пищаль» началось строительство канонерских лодок с металлическими корпусами. Летом 1866 г. два корпуса были спущены на Воткинском заводе и доставлены в Астрахань. Однако из-за сокращения сметы морского ведомства достройка была отложена до 1870 г., при этом на корабли были установлены машины со старых деревянных лодок [\[52, с. 55\]](#). Только в 1871-1872 гг. для лодок были изготовлены новые машины на Сормовском заводе, а в 1875 и 1877 гг. силами Бакинского порта корабли были переведены на мазутное

топливо. И.И. Черников особо подчеркивал тот факт, что «... «Секира» и «Пищаль» стали первыми отечественными железными кораблями, сошедшими со стапелей вне традиционных судостроительных центров России. Их постройка выявила немалые технологические и организационные возможности Воткинских заводов Горного ведомства, которые в дальнейшем специализировались на крупных заказах Морского министерства» [52, с. 57].

Вклад Воткинских заводов в оснащение флота показал и Б.А. Сутырин. Он отмечал строительство здесь железных плавучих маяков для оборудования военно-морских баз в Астрабазе (1864 г.) и Красноводске (1872 г.) [53, с. 53], морских барж, баркасов и железных пароходов для Каспийской флотилии (1863-1868 гг.), а также парохода, железной баржи и шлюпок (1870 г.) для Аральской флотилии [53, с. 54].

Важным центром военного судостроения оставался и Сормовский завод. Причем это предприятие принимало участие в оснащении не только Каспийской флотилии, но и сил флота на других морских театрах. И.И. Яковлев в связи с этим упоминал об изготовлении предприятием в 1901-1907 гг. двух машин мощность по 19 500 л.с. и вспомогательных механизмов для строившегося в Севастополе крейсера «Очаков» [14, с. 149]. А И.И. Черников исследовал историю строительства заводом в 1905-1910 гг. десяти канонерских лодок типов «Бурят» и «Вогул» для Амурской флотилии [54; 55].

В целом за период с 1861 по 1917 гг. для Каспийской флотилии было построено четыре канонерские лодки, три транспорта, две шхуны, семь пароходов и портовое судно, а также несколько баркасов, морских барж и ботов [51, с. 342-348]. Из числа этих судов были построены: на Воткинских заводах – 7, в Новом Адмиралтействе в Санкт-Петербурге – 2 (канонерские лодки «Карс» и «Ардаган»), на Сормовском заводе – 2, на верфи компании «В. Крейтон и К°» в Або – 1, на верфях Великобритании – 2. Места строительства еще трех судов не указаны.

Примечательно, что в период броненосного флота судостроение не велось непосредственно в волжско-каспийском регионе. Причина этого очевидна: высокая стоимость создания промышленной базы броненосного судостроения не могла бы окупиться теми незначительными потребностями Каспийской флотилии, которые вытекали из сложившейся военно-политической обстановки в регионе и которые достаточно легко могли быть удовлетворены за счет существующих мощностей на основных морских театрах.

Эти обстоятельства, а также трудности строительства судов в условиях понижавшегося уровня воды в Волге привели к постепенному сворачиванию производственной деятельности в Астраханском адмиралтействе. Впрочем из-за финансовых проблем вопрос этот решался медленно. Между тем потребности обслуживания действующих судов, прежде всего паровых и винтовых, потребовали строительства в 1857-1858 гг. механического завода. Только в 1867 г. адмиралтейство было перенесено в Баку, а все производственные мощности Астраханского порта в виде механического завода и 13 мастерских были переданы в пользование пароходному обществу «Кавказ и Меркурий» [7, с. 827].

Ещё до окончательного решения вопроса о переносе главного порта в Баку в апреле 1855 г. здесь начались работы по строительству «механического заведения» по проекту подполковника М.М. Окунева. В оснащении нового судоремонтного предприятия активное участие принимала Нижегородская машинная фабрика. Строительство завода

завершилось в конце 1862 г., а полное оборудование – в 1866 г. [\[56, с. 295\]](#). С 1872 г. на предприятии началось изготовление паровых котлов [\[57, с. 300\]](#). А к 1871 г. совместными усилиями пароходного общества «Кавказ и Меркурий» и Морского министерства в Бакинском порту был сооружен мортонов эллинг, обслуживавший и военные суда [\[57, с. 301\]](#).

Итоги судостроения (XVIII – начало XX в.) Попытаемся подвести итог более чем двухсотлетнему периоду судостроения в Поволжье в интересах военно-морского флота России.

Целый ряд исследователей пытались оценивать результаты работы Казанского адмиралтейства, несомненно внесшего самый весомый вклад в военное судостроение в данном регионе. Оставим за скобками весьма претенциозное утверждение И.В. Богатырева о том, что только за петровский период в Поволжье было сооружено около 2 000 судов 30 типов [\[12, с. 61\]](#). М.Н. Пинегин одним из первых пустил в оборот цифру 400 судов, построенных на казанской верфи с 1722 г. [\[21, с. 160\]](#). И.А. Шубин распространил это количество на все суда, построенные за время существования Казанского адмиралтейства с 1718 по 1830 гг. [\[7, с. 385\]](#). Такой позиции придерживались и последующие исследователи [\[16, с. 56; 38, с. 122; 3, с. 24\]](#).

Большая работа по систематизации знаний о результатах казанского судостроения была проведена И.З. Файзрахмановым. Согласно его подсчетам в Казани с начала XVIII в. по 1820-е гг. «... было построено более 400 морских судов различных размеров..., столько же вспомогательных судов к ним и нескольких сот речных судов, в основном для перевозки корабельного леса» [\[1, с. 168\]](#). В приводимом же автором в той же монографии списке представлены 468 судов 25 типов (шмаки, яхты, флейты, скампавеи, шнявы, шхоуты, тялки, бригантины, боты, гукоры, эверсы, гекботы, галиоты, прамы, английские суда, кайки, коноводные суда, малые фрегаты, бомбардирские корабли, транспорты, бриги, корветы, люгеры, тендера, мореходные расшивы), а также 613 мелких судов 6 типов (буера, лодки, катера (шлюпки), шхерботы, гардкуты, иолы). Из всего этого количества 123 судна было предназначено для Балтийского флота [\[1, с. 174-179\]](#).

Работы Ф.Ф. Веселаго и А.А. Чернышева содержат обобщенные сведения о военных парусных судах, построенных на всех верфях Поволжья с 1701 по 1852 гг. В первой из них включены 323 судна 23 типов (каты, шмаки, капер, яхты, бригантины, шнявы, шкуты, скампавеи, палубные боты, гукоры, дамшхоуты, эверсы, боты, гекботы, шнявы, бомбардирские суда, транспорты, фрегаты, бриги, корветы, люгеры, тендера, шхуны) [\[39, с. 644-687\]](#), во второй – 509 судов 26 типов (шмаки, флейты, яхты, буера, бригантины, шнявы, шкуты, скампавеи, боты, гукоры, гекботы, кайки, шнявы, пинки, фрегаты, бомбардирские суда, транспорты, пакетботы, галиоты, гардкоуты, бриги, корветы, люгеры, тендера, иолы и шхуны) [\[18; 58\]](#). Количество построенных судов за период парового и броненосного судостроения согласно работам Ф.Ф. Веселаго и С.П. Моисеева составило: до 1861 г. – 11 пароходов, шесть шхун и четыре транспорта, а за период с 1861 по 1917 гг. – 12 канонерских лодок, три транспорта, две шхуны, пять пароходов и портовое судно [\[39, с. 650-666; 51, с. 47-48, 342-348, 418\]](#).

Заключение. Созданная в период активных поисков наиболее оптимальных способов строительства военно-морского флота с опорой на возможности различных регионов страны судостроительная промышленность Поволжья приобрела уникальные черты –

сочетание производственных мощностей собственно судостроения с обширной деятельности в сфере лесозаготовок и изготовления кораблестроительных материалов для верфей Балтийского флота.

С учетом в целом замкнутого характера региона, где размещались объекты судостроительной промышленности, история ее возникновения и развития в Поволжье наиболее выпукло демонстрирует влияние внешнеполитических факторов на содержание военно-промышленной политики России в области судостроения.

Несмотря на критику ряда исследователей в адрес российского правительства за непоследовательную политику в отношении развития военно-морских сил на Каспии, следует констатировать тот факт, что сформировавшаяся в Поволжье судостроительная база была адекватна тому уровню угроз национальной безопасности, который имел место в данном регионе на протяжении всего исследуемого периода. А с учетом того вклада, который внесло Казанское адмиралтейство в обеспечение верфей Балтийского флота кораблестроительными материалами, следует признать, что судостроительная отрасль Поволжья вполне успешноправлялась с возложенными на нее задачами.

Проведенное исследование позволяет выявить целый ряд проблем и вопросов, слабо или вовсе не отраженных в историографии. К их числу относятся: история военного судостроения Поволжья периода парового и броненосного флота; развитие в регионе предприятий отраслей промышленности, обслуживающих военное судостроение; производственные связи судостроительных предприятий Поволжья с предприятиями-смежниками в других регионах России; история Нижегородской верфи, освещенная на сегодняшний день крайне фрагментарно, при том, что согласно И.З. Файзрахманову, она продолжала существовать вплоть до 1830 г. [1, с. 3]. Наконец, актуальным остается и создание комплексного труда по истории военного судостроения в Поволжье на протяжении всего периода его вхождения в состав России.

Библиография

1. Файзрахманов И.З. История Казанского адмиралтейства (1718-1830 гг.). Казань: Инст- ист. им. Ш. Марджани АН РТ; Изд-во «ЯЗ», 2014. 264 с.
2. Файзрахманов И.З. Развитие мануфактурной промышленности Казанского края во второй половине XVIII в. Казань: Инс-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. 208 с.
3. Файзрахманов И.З. Этапы развития судостроительной промышленности в Казани (1701-1830 гг.) // Известия Самарского научного центра РАН. 2010. Т. 12. № 2. С. 22-25.
4. Кирокосьян М.А. Русский флаг на Каспии: Два столетия Каспийской флотилии, сер. XVII – сер. XIX вв. Астрахань: Сорокин Р.В., 2011. 226 с.
5. Воронова А.А. Судостроение в экономической жизни Нижнего Поволжья в XIX – начале XX века // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2017. № 3 (52). С. 241-249.
6. Доклад Комиссии под председательством Л.Э. Нобеля по вопросу о содействии к постройке морских и речных судов (по III отделу Съезда § 16 программы) / (Докладчик Ф.А. Пелль). СПб, 1875. 5 с.
7. Шубин И.А. Волга и волжское судоходство. М.: Транспечать, 1927. 912 с.
8. Саначин С.П. Экспедиция сенатской Комиссии Александра Свечина в Казанское адмиралтейство 1763-1765 годов и ее последствия. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 287 с.
9. Петрухинцев Н.Н. Начало военных реформ Петра I и кораблестроение в Казани / Казанское адмиралтейство (1718-1830 гг.): народы Поволжья и традиции российского судостроения: мат. Всеросс. науч. конф. (г. Казань, 25-26 октября 2018 г.) Казань: Инс-т

- истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. С. 279-300.
10. Кистенев В.В. Создание промышленного производства в Среднем и Нижнем Поволжье в первой четверти XVIII в. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Самара, 2009. 20 с.
11. Елагин С.И. История русского флота. Период Азовский. СПб.: Тип. Гогенфельдена и Ко, 1864. 376 с.
12. Богатырев И.В. Волжские верфи Петра I // Судостроение. 1990. № 1. С. 58-62.
13. Веселаго Ф.Ф. Очерк русской морской истории. Ч. I. СПб.: Тип. Демакова, 1875. VI, 652 с.
14. Яковлев И.И. Корабли и верфи. Очерки истории отечественного судостроения. Л.: Судостроение, 1970. 384 с.
15. Ногманов А.И. Кораблестроение в Казани до учреждения адмиралтейства: судьба первой казанской флотилии / Казанское адмиралтейство (1718-1830 гг.): народы Поволжья и традиции российского судостроения: мат. Всеросс. науч. конф. (г. Казань, 25-26 октября 2018 г.) Казань: Инс-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. С. 264-278.
16. Гусев В.С. Роль Казанского Адмиралтейства в строительстве Каспийского флота // Судостроение. 1974. № 10. С. 56.
17. Шишков А. Список кораблям и прочим судам всего Российского флота от начала заведения оного до нынешнего времени, с историческими, вообще о действиях флота и о каждом судне примечаниями. Ч. 1. СПб.: тип. Морск. шляхетского кадетского корпуса, 1799. 323 с.
18. Чернышев А.А. Российский парусный флот: Справочник в 2-х т. Т. 2. М.: Воениздат, 2002. 480 с.
19. Насыров К.З. Комиссия вице-адмирала П.М. Рожнова по упразднению Казанского адмиралтейства в 1826-1830 гг. / Казанское адмиралтейство (1718-1830 гг.): народы Поволжья и традиции российского судостроения: мат. Всеросс. науч. конф. (г. Казань, 25-26 октября 2018 г.) Казань: Инс-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. С. 208-221.
20. Рыбушкин М. Краткая история города Казани. 3-е изд. В 2 ч. Казань: тип. Л. Шевиц, 1849. 301 с.
21. Пинегин М.Н. Казань в ее прошлом и настоящем: Очерки по истории, достопримечательностям и соврем. положению города, с прил. крат. адрес. сведений. СПб.: А.А. Дубровин, 1890. XVI, 604 с.
22. Калинин Н.Ф. Казань. Исторический очерк. Казань: Таткнигоиздат, 1955. 416 с.
23. Файзрахманов И.З. Лашманы в строительстве российского флота: основные вехи истории / Казанское адмиралтейство (1718-1830 гг.): народы Поволжья и традиции российского судостроения: мат. Всеросс. науч. конф. (г. Казань, 25-26 октября 2018 г.) Казань: Инс-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. С. 353-375.
24. Калинин Н.Ф. Казань времен Пугачевских событий // Труды Казанского филиала Академии наук СССР. Серия гуманитарных наук. 1959. Вып. 2. С. 89-108.
25. Файзрахманов И.З. Рабочие судостроители казанской верфи в XVIII – первой трети XIX в. / Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья: сб. статей. Вып. 1. Материалы всероссийской научно-практической конференции (Казань, 24 марта 2009 г.). Казань: Инс-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010. С. 239-245.
26. Дубравин А.И. Судостроение в годы Северной войны // Судостроение. 1971. № 8. С. 63-69.
27. Мансурова Ю.В. Казанская Адмиралтейская слобода в XVIII-XIX вв.: автореф. дис... канд. ист. наук. Казань, 2010. 24 с.
28. Голиков И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России. Ч. VIII. М.: Университет. тип. у Н. Новикова, 1789. 457 с.
29. Соколов А. Начало Астраханского порта // Морской сборник. 1849. № 2. С. 108-113.

30. Кирокосьян М.А. Астраханское адмиралтейство в первой трети XIX века / Казанское адмиралтейство (1718-1830 гг.): народы Поволжья и традиции российского судостроения: мат. Всеросс. науч. конф. (г. Казань, 25-26 октября 2018 г.) Казань: Инс-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. С. 124-134.
31. Чубинский В.Г. Историческое обозрение устройства управления Морским ведомством в России. СПб.: тип. Мор. М-ва, 1869. [6], XII, 314 с.
32. Соколов А. Астраханский порт с 1725 по 1781 г. // Морской сборник. 1849. № 7. С. 466-475.
33. История отечественного судостроения IX-XIX вв. Т. 1. Парусное деревянное судостроение / В.Д. Доценко, И.В. Богатырев, Г.А. Вахарловский, П.А. Кротов, А.Г. Сацкий. СПб.: Судостроение, 1994. 472 с.
34. Торопицын И.В. Спецзаказ для Казанского адмиралтейства – подготовка флота для противостояния Персии в 1740-е гг. / Казанское адмиралтейство (1718-1830 гг.): народы Поволжья и традиции российского судостроения: мат. Всеросс. науч. конф. (г. Казань, 25-26 октября 2018 г.) Казань: Инс-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. С. 331-337.
35. Соколов А. Экспедиция графа Войновича к восточному берегу Каспия 1781-1782 г. // Морской сборник. 1850. № 9. С. 227-236.
36. Гребенщикова Г.А. Черноморский флот в период правления Екатерины II. В 2 тт. Т. 1. СПб.: ИТД «Остров», 2012. 512 с.
37. Лашманы в строительстве российского флота: сб. док. и материалов. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 583 с.
38. История Казани. Кн. 1. Казань: Татарское кн. изд-во, 1988. 352 с.
39. Веселаго Ф. Ф. Список русских военных судов с 1668 по 1860 год. СПб.: Тип. Морского мин-ва, 1872. 828 с.
40. Соколов А. Астраханский порт с 1783 по 1827 г. // Морской сборник. 1851. № 1. С. 1-18.
41. Быховский И.А. Рассказы о русских кораблестроителях. Л.: Судостроение, 1966. 284 с.
42. Арэнс Е.И. История русского флота. Царствование императора Александра I. СПб.: лит. К. Биркенфельда, 1899. [2], 90, [2] с.
43. Огородников С.Ф. Исторический обзор развития и деятельности Морского министерства за сто лет его существования (1802-1902 гг.). СПб., 1902. 263 с.
44. Быховский И.А. Корабельных дел мастера: С.О. Бурачек, А.А. Попов, И.Ф. Александровский, С.К. Джевецкий. Л.: Судпромгиз, 1961. 216 с.
45. Барбашев Н.И. Из истории морского судостроения XVIII и первой половины XIX века // Труды Института истории естествознания и техники. 1960. Т. 29. С. 202-263.
46. Мордовин П. Русское военное судостроение в течение последних 25 лет. 1855-1880 г. // Морской сборник. 1880. № 10. С. 51-100.
47. М. О-в. О Нижегородской машинной фабрике // Морской сборник. 1853. № 4. С. 289-298.
48. Михалев В.М. Сормовский завод – Каспию // Судостроение. 1972. № 9. С. 56-58.
49. Мордовин П. Русское военное судостроение в течение последних 25 лет. 1855-1880 г. // Морской сборник. 1881. № 8. С. 95-114.
50. История Красного Сормово. М.: Мысль, 1969. 495 с.
51. Моисеев С.П. Список кораблей русского парового и броненосного флота (с 1861 по 1917 год). М.: Воениздат, 1948. 576 с.
52. Черников И.И. Канонерские лодки «Секира» и «Пищаль» // Судостроение. 1986. № 4. С. 55-57.
53. Сутырин Б.А. Роль машиностроительных заводов Среднего Урала в создании отечественного речного транспорта (1861-1880 годы) // Вопросы истории Урала: сб.

- статей по истории промышленности и аграрных отношений на Урале. Свердловск, 1965. Вып. 6. С. 50-64.
54. Черников И.И. Речные канонерские лодки типа «Бурят» // Судостроение. 1987. № 8. С. 68-71.
55. Черников И.И. Речные канонерские лодки типа «Вогул» // Судостроение. 1987. № 9. С. 66-69.
56. История отечественного военного судоремонта. Кн. 3. Заводы. Люди. Корабли / под общ. ред. Г.Н. Муру. СПб.: Издательско-полиграфический комплекс «Гангут», 2011. 624 с.
57. Обзор деятельности морского управления в России в первое двадцатилетие благополучного царствования государя императора Александра Николаевича. 1855-1880 / сост. под рук. К.А. Манна. Ч. 2. СПб.: тип. Морск. Мин., 1880. 995 с.
58. Чернышев А.А. Российский парусный флот: Справочник в 2-х т. Т. 1. М.: Воениздат, 1997. 311 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Тысячелетняя история России насыщена героическими победами и беспримерными подвигами, среди которых важная роль принадлежит развитию научно-технического прогресса, например, атомная энергетика, космическая программа и т.д. Особый интерес с учетом морских границ России традиционно имеет военное судостроение, отсчет которого идет еще с петровских реформ. Вместе с тем споры вокруг истоков отечественного военного судостроения идут и сегодня.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является историография военного судостроения в Поволжье. Автор ставит своими задачами проанализировать работы отечественных историков по данному вопросу, а также определить "целый ряд проблем и вопросов, слабо или вовсе не отраженных в историографии".

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. В работе также используется сравнительный метод.

Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать военное судостроение в Поволжье (XVIII-начало XX вв.) в отечественной историографии.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя до 60 различных источников и исследований, что само по себе говорит о той серьезной подготовительной работе, которая проделана автором в рамках исследования. Из привлекаемых автором трудов отметим труды И.И. Яковлева, А.И. Ногманова, И.З.Файзрахманова, А.А. Вороновой, в центре внимания которых находятся различные аспекты истории военного судостроения Поволжья. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по её теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для

понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется, как историей военного судостроения в России, в целом, так и военным судостроением в Поволжье, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает свою периодизацию военного судостроения в Поволжье: "конец XVII в. – 1718 г.; 1718 – конец 1740-х гг.; конец 1740-х – конец 1770-х гг.; конец 1770-х – начало 1820-х гг.; начало 1820-х гг. – начало XX в." Автор обращает на то, что "большинство отечественных исследователей склонны говорить об организованном государственном военном судостроении в Поволжье только начиная с эпохи Петра I". Среди слабо изученных в отечественной историографии вопрос автор выделяет такие, как "история военного судостроения Поволжья периода парового и броненосного флота; развитие в регионе предприятий отраслей промышленности, обслуживающих военное судостроение; производственные связи судостроительных предприятий Поволжья с предприятиями-смежниками в других регионах России; история Нижегородской верфи".

Главным выводом статьи является то, что "несмотря на критику ряда исследователей в адрес российского правительства за непоследовательную политику в отношении развития военно-морских сил на Каспии, следует констатировать тот факт, что сформировавшаяся в Поволжье судостроительная база была адекватна тому уровню угроз национальной безопасности, который имел место в данном регионе на протяжении всего исследуемого периода".

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале "Исторический журнал: научные исследования".

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Заседателева Н.Н. К истории создания комиссии «Старая Москва»: о чем рассказали архивные документы // Исторический журнал: научные исследования. 2024. № 3. С. 118-129. DOI: 10.7256/2454-0609.2024.3.69517
EDN: MHVPVC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69517

К истории создания комиссии «Старая Москва»: о чем рассказали архивные документы

Заседателева Нина Николаевна

соискатель, кафедра источниковедения, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

119234, Россия, г. Москва, ул. Ломоносовский Проспект, 27, к.4

✉ ninazasedateleva@yandex.ru

[Статья из рубрики "Историография и источниковедение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2024.3.69517

EDN:

MHVPVC

Дата направления статьи в редакцию:

08-01-2024

Аннотация: Предметом исследования данной статьи является Комиссия по изучению Старой Москвы, которая была образована при Императорском Московском Археологическом Обществе и продолжала действовать после ликвидации ИМАО. Особое внимание автором уделяется рассмотрению Правил Комиссии – программного документа этого сообщества, которые сохранились как в рукописном, так и в печатном виде, причём в нескольких экземплярах. Кроме того, автор рассматривает и другие архивные документы – протоколы заседаний Комиссии, которые позволяют осветить вопрос о деятельности и работе Комиссии. Исследование этих документов помогает также понять, как была устроена Комиссия по изучению Старой Москвы, кто занимал основные должности и какие обязанности на них накладывались, кто был наиболее активными членами Комиссии и т. д. Основным методом исследования является метод исторического анализа, который позволяет анализировать протоколы заседаний и Правила Комиссии по изучению Старой Москвы и на их основе понять, как функционировало данное сообщество. Основными выводами проведенного исследования являются, во-первых, вывод о том, что к 1917 г. Комиссия по изучению

Старой Москвы стала серьезным научным обществом, в состав которого входили не только интересующиеся историей Москвы, москововеды-любители, но и профессиональные историки, архивисты, архитекторы и т. д.; во-вторых, вывод об огромном вкладе Комиссии в изучение и сохранение древних памятников Москвы. Кроме того, автором делается вывод, что Комиссия по изучению Старой Москвы институционально и по многим видам деятельности была преемницей Императорского Московского Археологического Общества. Сохраняя традиции ИМАО и оставаясь верной его основным принципам, Комиссия смогла продолжить свою деятельность и после ликвидации ИМАО. Новизна исследования заключается в вводе в научный оборот ранее не опубликованных архивных источников, комплексный анализ которых позволяет реконструировать повседневную жизнь Комиссии.

Ключевые слова:

Комиссия Старая Москва, протоколы заседаний, Председатель Комиссии, Секретарь Комиссии, Правила Комиссии, история Москвы, изучение древней Москвы, Прасковья Уварова, Иван Беляев, ИМАО

История комиссии по изучению старой Москвы Московского археологического общества, за которой впоследствии закрепилось емкое название «Старая Москва», началась 14 декабря 1909 г., когда состоялось ее первое заседание. С самого начала деятельности комиссии в качестве основных задач были определены изучение памятников Москвы и наблюдение за их сохранностью, а также сбор материалов по истории и топографии города. Однако члены комиссии не просто следили «заискажениями, которым те подвергаются от небрежения, незнания или злого умысла» [\[13, л. 2\]](#). Трудно переоценить тот вклад, который энтузиасты и профессиональные ученые, разделявшие ценности Московского археологического общества и объединенные работой в комиссии, внесли в дело изучения культурного наследия нашей страны. Их силами осуществлялось фотографирование московских зданий, которым угрожал снос или перестройка, благодаря чему для потомков был зафиксирован исторический облик города, так стремительно менявшийся в начале XX в. Члены комиссии также собирали книги, касающиеся истории, археологии и этнографии Москвы, издавали библиографические указатели по данной теме. Комиссия занималась и поиском архивных сведений по истории Москвы, которые затем публиковались в «Трудах» комиссии. Одной из важнейших своих задач учредители комиссии считали «образование в будущем музея города Москвы» [\[13, л. 4\]](#).

История «Старой Москвы», ее вклад в изучение и сохранение памятников нашли отражение в историографии, связанной, прежде всего, с проблемами сохранения культурного наследия России, охраны отечественных памятников древности, истории и культуры. В этом ракурсе написаны работы И. А. Гузеевой и В. Б. Муравьева [\[1\]](#), С. Б. Филимонова [\[19\]](#), Г. Д. Злочевского [\[5, 6\]](#) и др. Среди исследований, затрагивающих непосредственно деятельность комиссии «Старая Москва», можно отметить труды историка и московского краеведа В. Ф. Козлова «Старая Москва» на защите московских древностей (1920–1930)» [\[9\]](#) и «Общество «Старая Москва» и культурное наследие. 1909–1930 гг.: Путеводитель по архивным материалам» [\[8\]](#). В современной историографии деятельность комиссии представлена достаточно полно, но нужно отметить, что в фокусе внимания исследователей чаще всего оказывались результаты научной, экскурсионной,

издательской деятельности комиссии, освещался персональный вклад членов комиссии в дело сохранения московских древностей. Исключение составляют исследования И. А. Дмитриевой, которая обращалась к делопроизводственным материалам комиссии, что нашло отражение в статье «Динамика численности и особенности состава общества «Старая Москва» в 1909–1917 гг.» [2] и в работах по истории московедения [3].

История комиссии «Старая Москва» раскрывается перед исследователями благодаря сохранившемуся широкому кругу источников, которые представлены воспоминаниями членов, опубликованными протоколами заседаний комиссии, а также выпусками научных трудов комиссии. По мнению историка А. И. Фролова, «несколько поколений московедов по этим книгам знакомились с “творческой лабораторией” историка-исследователя» [20, с. 286]. Особое место в корпусе источников по истории «Старой Москвы» занимают делопроизводственные материалы, сохранившиеся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (далее – ОР РГБ) [13, 14, 15, 16, 17].

Обращаясь к этим источникам, представляется возможным узнать, когда и при каких обстоятельствах родилась идея создания этой комиссии, кто стоял у ее истоков и заложил организационную основу, как вокруг комиссии объединялись любители и знатоки московских древностей. Обращение к делопроизводственным материалам позволяет изучить этапы ее формирования как научного института, провести реконструкцию ее организационной основы, установить формальных и неформальных лидеров научного и краеведческого движения, центром которого стала «Старая Москва». Исследование данных аспектов позволяет найти объяснения столь успешного функционирования комиссии на протяжении многих лет.

В представленной статье ставятся задачи не только изучить начальный этап деятельности «Старой Москвы», но и ввести в научный оборот архивные источники. Комплексный анализ архивных и опубликованных документов разной видовой принадлежности определяют актуальность и научную новизну представленной работы.

Делопроизводственные материалы комиссии хранятся в фонде 177 Отдела рукописей Российской государственной библиотеки (далее – ОР РГБ). Данный фонд поступил в ОР РГБ 25 августа 1937 г. при ликвидации Московского областного научно-исследовательского бюро краеведения. Он содержит протоколы заседаний комиссии. Первые 70 протоколов записаны в конторскую книгу в твердом переплете черного цвета. Что касается остальных протоколов, то они написаны, как правило, на одинарных или двойных листах увеличенного формата. Некоторые листы протоколов пожелтели, у некоторых – надорваны края. Протоколы являются по большей части рукописными, их текст содержит иногда исправления, зачеркивания и вставленные пометки. Оформление протоколов велось по четкому формуляру: были указаны номер заседания, его дата, место проведения, была дана информация о присутствовавших на заседании.

В соответствии с предложенным И. Д. Ковалченко информационным подходом к классификации исторических источников, работа с делопроизводственными материалами предполагает выделение разновидностей документации на основе pragматического аспекта содержащейся в них информации [7, с. 137–142]. Это расширяет круг документов, которые можно отнести к делопроизводству. В процессе создания делопроизводственного комплекса участвуют и играют важную роль нормативные документы (уставы, стандарты, инструкции, правила). Это обусловило обращение к Правилам комиссии «Старая Москва», важнейшего документа, который позволяет определить организационную структуру комиссии, постулирует основные направления и

порядок деятельности. Наряду с протоколами, они являются основным источником для решения поставленных в статье задач. Следует отметить неразрывную связь этих двух разновидностей делопроизводственной документации. В протоколах заседаний «Старой Москвы» содержатся рабочие материалы, раскрывающие процесс разработки Правил комиссии.

Изучение протоколов позволяет говорить о том, что уже на первом заседании комиссии по изучению Старой Москвы 14 декабря 1909 г. был представлен проект Правил, а окончательная их редакция была утверждена на следующем, втором заседании 10 января 1910 г., т.е. спустя месяц. Следующим шагом организаторов было представление Правил Московскому археологическому обществу (далее – МАО) [\[13, л. 2-5\]](#). Надо подчеркнуть, что вплоть до революционных событий 1917 г. эти Правила действовали без изменений, что свидетельствует о том, что документ был тщательно проработан с самого начала работы комиссии.

В ОР РГБ сохранился Явочный лист, в котором записаны все 16 присутствовавших на первом заседании и принявших деятельное участие в создании комиссии лиц [\[13, л. 4\]](#). Те, кто подписал Правила комиссии, стали именоваться «членами-учредителями комиссии». В Явочном листе они были записаны в алфавитном порядке. Исследователи отмечают, что часть членов-учредителей комиссии являлась потомственными аристократами, связанными семейными и тесными дружескими узами: председатель Московского археологического общества графиня П. С. Уварова, ее дочери; супруга и дочь брата П. С. Уваровой князя Н. С. Щербатова; председатель Совета Московского художественного общества историк К. А. Хрептович-Бутенев; архивист, профессор Московского археологического института Н. Н. Ардашев; археолог, исследователь «подземной» Москвы И. Я. Стеллецкий; архитекторы Д. П. Сухов, Ф. О. Шехтель, И. П. Машков, А. М. Гуржиенко, Н. С. Курдюков; историк искусства А. П. Новицкий, а также сестры В. Ф. Бодиско (Степанова) и М. Ф. Степанова (Шеппинг) [\[13, л. 4\]](#).

В Правилах была зафиксирована основная цель комиссии: «изучение Москвы и ее ближайших пригородных местностей» [\[13, л. 2\]](#). Согласно протоколам, члены комиссии под этим имели в виду сбор материалов по топографии, истории Москвы, исследование ее роста и развития зодчества, иконописи, прикладных искусств, заботу о сохранении древностей и собирания их для образования в дальнейшем музея Москвы, а также публикацию собранных материалов и трудов комиссии [\[13, л. 2-4\]](#).

Правила определяли состав руководящих должностей и регламентировали структуру управления комиссией. Отметим, что установленный порядок фактически повторял сложившуюся систему управления в МАО. Руководство комиссией было возложено на Председателя, Товарища председателя и Секретаря комиссии. В комиссии существовала также должность Казначея. Согласно Правилам, Казначеем комиссии назначался Казначей МАО.

На руководящие должности сроком на 3 года избирались только действительные члены МАО. Такой порядок просуществовал вплоть до распуска комиссии в 1930 г. Необходимо отметить, что согласно §4 и §6 Устава МАО, его действительными членами считались лица, «заявившие свои познания трудами по археологии и собиранием археологических коллекций», с которыми они должны знакомить других членов общества [\[12, с. 4-5\]](#). Таким образом, комиссия «Старая Москва» была институционально и персонально связана с МАО.

На втором заседании комиссии, которое состоялось 10 января 1910 г., было решено, что первые три года Председателем комиссии в обязательном порядке является Председатель МАО. Таким образом, комиссию по изучению старой Москвы возглавила П. С. Уварова, которая вплоть до 1917 г., до своего отъезда из России была бессменным главой и МАО, и «Старой Москвы»[\[13, л. 4-5\]](#). Отметим, что после ее эмиграции новый Председатель МАО Д. Н. Анучин не был избран на пост Председателя «Старой Москвы». В послереволюционный период председательствовал в комиссии А. М. Васнецов.

На том же втором заседании архитектору Н. С. Курдюкову предложили стать Секретарем комиссии, на что он дал свое согласие, а выборы товарища председателя было решено отложить до окончательного формирования персонального состава комиссии. Н. С. Курдюков имел большой опыт работы в научных обществах, в частности, много лет состоял членом Комиссии по сохранению древних памятников при МАО. Опираясь на этот опыт, он сразу же предложил обсудить вопрос о порядке работы комиссии и внес предложение печатать отчеты о заседаниях[\[13, л. 4-5\]](#). Эти отчеты должны были, по его мнению, включать рефераты или краткие сообщения о заслушанных на заседаниях комиссии докладах. Члены комиссии с этим предложением согласились.

Н.С. Курдюков исполнял обязанности Секретаря комиссии до 4 апреля 1911 г., когда на четырнадцатом заседании П. С. Уварова сообщила коллегам, что Н. С. Курдюков оставил свои обязанности. Согласно протоколам этого заседания, далее выступил Секретарь МАО, историк и нумизмат В. К. Трутовский[\[13, л. 20-22\]](#). Он поблагодарил Н. С. Курдюкова за то, что он исполнял обязанности секретаря в самое трудное для комиссии время – время ее организации и первого года существования. По предложению П. С. Уваровой Секретарем комиссии был избран историк и архивист И. С. Беляев [\[13, л. 20-22\]](#). Как писал он сам о себе позднее в автобиографических заметках, «являясь горячим любителем старой Москвы, его родины, признавал всю строительную силу ее истории... При главном желании создать достойный Музей достойному граду, игравшему крупнейшую роль во всей русской истории»[\[17, л. 3-4\]](#). И. С. Беляев вплоть до своей кончины в ноябре 1918 г. оставался секретарем Комиссии. На 71 заседании, состоявшемся 1 декабря 1918 г., председательствующий на этом заседании И. П. Машков, сообщил о смерти И. С. Беляева и указал на его деятельное участие в работах комиссии и Московского археологического общества, предложил почтить память его вставанием[\[14, л. 1-2\]](#). Таким образом, на протяжении истории комиссии «Старая Москва» в дореволюционный период за исключением первого года ее существования, обязанности секретаря выполнял один человек – И. С. Беляев. По свидетельству его биографов, «за период с 1909 по 1918 г. И. С. Беляевым было сделано более десяти докладов и сообщений, он выступал со многими идеями и предложениями, касающимися московской темы. Он также заботился о привлечении в комиссию новых членов, особенно импонировал людям, занимавшимся историей Москвы»[\[18\]](#).

О выборах Товарища председателя было объявлено 5 декабря 1910 г., о чем также свидетельствует протокол восьмого заседания комиссии[\[13, л. 14-15\]](#). На следующем, девятом по счету заседании, которое состоялось 4 января 1911 г., Товарищем председателя стал К. А. Хрептович-Бутенев, видный коллекционер, известный своей научной, общественной и благотворительной деятельностью. Его кандидатуру предложила П. С. Уварова, остальные участники заседания ее единодушно в этом поддержали. К. А. Хрептович-Бутенев выполнял обязанности Товарища председателя до конца 1911 г. В протоколах заседания комиссии 5 декабря 1911 г. записано, что П. С. Уварова прочитала письмо К. А. Хрептович-Бутенева, в котором он сообщил «об отказе

его вследствие болезни и отъезде из Москвы от обязанностей Тов. Пред. Комиссии» [\[13, л. 24-26\]](#). Следующим пост Товарища председателя занял Э. В. Готье-Дюфайе, известный московский общественный деятель и благотворитель, фотограф, представитель знаменитой купеческой династии, также член МАО.

Правила позволяют составить представление о том, кто мог стать членом комиссии «Старая Москва». На этот важный момент следует обратить особое внимание, поскольку, принцип формирования состава «Старой Москвы» отличался от других комиссий МАО – Славянской, Восточной, комиссии по сохранению древних памятников. Членство в других комиссиях определялось обязательной принадлежностью к МАО. В комиссию «Старая Москва», согласно Правилам, помимо членов МАО, входили «любые сторонние лица, которые занимались историей Москвы, ее зодчеством, иконописью и т. п.» [\[11, с. 1\]](#). Эти «сторонние лица», а также «учреждения, заинтересованные в изучении Москвы», приглашались по правилам §3 Устава МАО: «Каждое лицо предлагается в члены общества тремя действительными членами и подвергается баллотировке» [\[12, с. 3-4\]](#). Список принятых членов передавался затем для информации в МАО.

Среди таких приглашенных участников был, например, М. В. Довнар-Запольский, профессор Киевского университета, автор фундаментальных работ, в том числе, написанных и на московских материалах. На 3 заседании Комиссии 3 февраля 1910 г. он выступил с докладом «Московские ремесленники XVII в.» [\[13, л. 5-9\]](#). По нашему мнению, именно М. В. Довнар-Запольский своим выступлением заложил основы научной деятельности комиссии, потому что подготовка научных докладов и выступление с ними на заседаниях комиссии стало обязательным условием работы «Старой Москвы». Среди приглашенных участников был А. К. фон Мекк – коллекционер живописи, авторитетный библиограф и архивист. Также среди приглашенных был и Ф. И. Успенский – хранитель музея Петербургского археологического института, директор Константинопольского археологического института, автор основополагающих работ по истории Византии и церковного искусства, член многих научных обществ в России и за границей.

Комиссия была заинтересована в расширении своего состава. На заседаниях кандидаты в новые члены комиссии должны были предлагаться тремя членами и баллотироваться на следующем заседании [\[13, л. 2-4\]](#). Протоколы свидетельствуют о том, что, как правило, все те лица, которые предлагались в члены комиссии, как раз на следующем заседании избирались в ее члены.

Отметим, что можно было и выбирать из числа членов комиссии, например, если член комиссии переставал посещать ее заседания. Так, например, из протоколов известно, что на 95 заседании 17 февраля 1921 г. секретарь комиссии доложил об избранном на 83 заседании в члены комиссии Н. К. Пеленкине, который не посещал заседания [\[16, л. 3-4\]](#). Кроме того, как следует из источника, Н. К. Пеленкин взял у ученого-этнографа Д. Т. Яновича альбом для передачи в Музей старой Москвы, но так и не доставил его в этот музей [\[16, л. 3-4\]](#). Этих обстоятельств было достаточно, чтобы по итогам заседания было решено считать Н. К. Пеленкина выбывшим из членов комиссии.

Заседания комиссии, согласно Правилам и по свидетельству протоколов, должны были проводиться не менее одного раза в месяц и считались состоявшимися, если на них присутствовало 5 членов, считая должностных лиц. Все обсуждения и решения, принятые во время заседаний, должны были фиксироваться в протоколах. К годовому собранию МАО комиссия должна предоставить отчет о своей деятельности. Вся

документация, направляемая в комиссию, поступала в канцелярию ИМАО, заносилась в специальную книгу и докладывалась комиссии в порядке очереди [13, л. 2-4]. В Правилах особо отмечалось, что комиссия по всем вопросам выступала «от лица и от имени» МАО, а все бумаги подписывались Председателем комиссии или его Товарищем и Секретарем. Делопроизводство велось по установленным правилам – документы регистрировались в исходящей книге и отправлялись за номером и печатью в МАО [13, л. 2-4].

Изучение Правил комиссии позволяет очертить круг обязанностей ее членов и порядок их действий. Член комиссии, которому поручается осмотр памятника, работа в архивах или с материалами «частных собраний», должен был получить от МАО «Имянной лист», который затем возвращался после выполненного задания. По итогам работы обязательно предоставлялся отчет [13, л. 2-4]. Заметив уничтожение или искажение памятников московской старины, члены комиссии должны были сообщить об этом в МАО, а также сделать с этих памятников рисунки, планы и фотографии [13, л. 2-4]. Правила довольно четко регулировали полномочия сотрудников комиссии: при осмотре каких-либо памятников или собраний они не могли самостоятельно разрешать никаких вопросов относительно перестройки, реставрации или уничтожения памятников, а должны были все вопросы направлять в МАО или комиссию по сохранению древних памятников. Все дальнейшие разъяснения поступали именно от этих организаций [13, л. 2-4]. Члены комиссии также могли пользоваться библиотекой МАО.

Результаты деятельности членов комиссии «Старая Москва», обозначенные выше, не должны были просто оседать в архивах МАО. Правила устанавливали, что комиссия могла издавать свои труды, чертежи и рисунки, «которые могут служить материалом по истории Москвы и ее художественному развитию, а также средством для распространения идей и взглядов на древние памятники» [13, л. 2-4].

Членство в комиссии закреплялось уплатой ежегодных членских взносов. Они составляли 5 рублей. Финансовые средства комиссии включали также и «пожертвования на нужды и издания Комиссии» [13, л. 2-4]. Ведение отчетной финансовой документации, а также хранение денежных средств входило в обязанности Казначея МАО [13, л. 2-4].

Первоначальный вариант Правил был написан от руки и включен в состав протокола первого заседания комиссии. Напечатанные типографским способом Правила были анонсированы на 15 заседании комиссии 6 октября 1911 г. Согласно протоколу, секретарь комиссии И. С. Беляев «представил на усмотрение Комиссии напечатанные в корректурном виде „Правила Комиссии по изучению Старой Москвы“» [13, л. 23-24]. На следующем заседании 5 декабря 1911 г. И. С. Беляев представил в корректурном виде проекты уже не только Правил комиссии, но и другой важный документ – Программу ее деятельности, в обсуждении этих документов принимали участие все члены комиссии [13, л. 24-26]. В итоге после обсуждения новый вариант Правил был напечатан в типографии Московского университета в 1912 г. Печатные Правила в основном были схожи с тем рукописным вариантом Правил, который находится в фонде № 177 ОР РГБ, но имели небольшие расхождения с ними, содержали некоторые добавления.

Например, в §3 о должностных лицах появилась дополнительная информация о Казначеем комиссии все время является Казначеем Московского археологического общества [11, с. 2]. Были также добавления и в §5, в котором сказано, что действительные члены и члены-корреспонденты МАО, изъявив желание стать

членами комиссии, должны об этом только заявить Управлению Комиссии, не проходя баллотировку [\[11, с. 2\]](#).

Положения данного параграфа активно применялись на практике. Например, в протоколах зафиксировано, что на 24 заседании, состоявшемся 2 ноября 1912 г. член-корреспондент МАО, приват доцент Московского университета С. К. Шамбина был заявлен в члены комиссии [\[13, л. 39-40\]](#), а на 27 заседании 16 февраля 1913 г. был заявлен Н. Б. Бакланов, член комиссии по сохранению древних памятников [\[13, л. 44-46\]](#), на 54 заседании 6 ноября 1915 г. согласно этому параграфу в члены комиссии был избран известный археограф В. Н. Сторожев [\[13, л. 93-95\]](#), на 64 заседании 25 ноября 1916 г. – член-корреспондент МАО искусствовед и реставратор Н. Д. Протасов [\[13, л. 115-116\]](#), на 68 заседании 14 января 1918 г. – профессор А. Н. Веселовский [\[13, л. 121-122\]](#). Таким образом, протоколы позволяют изучить персональный состав комиссии, составить полный список членов «Старой Москвы».

Приглашенные «сторонние лица» могли стать членами МАО, если их деятельность, по мнению руководителей общества, приносила пользу общему делу (§10 Правил). Так, на 82 заседании 15 января 1920 г. А. М. Васнецов сообщил, что на последнем заседании Московского археологического общества «постановлено всех членов комиссии Старой Москвы, делавших в комиссии какие-либо доклады, принять в члены МАО, считая их пока, согласно Уставу Общества, членами-корреспондентами» [\[15, л. 1-2\]](#). В связи с этим, П. Н. Миллер предложил составить список докладчиков, что было поручено сделать И. К. Линдеману [\[15, л. 1-2\]](#).

Сопоставление печатного варианта Правил и рукописных материалов, содержащихся в протоколах заседаний, позволяет увидеть процесс работы, дополнений и уточнений. В §8 печатного варианта Правил было добавлено, что члены комиссии не только могут пользоваться библиотекой Общества, но также они могут бесплатно получать труды Комиссии [\[11, с. 3\]](#). Есть небольшое уточнение и в §9 Правил: в протоколах было обозначено, что член комиссии для выполнения порученного ему задания получает именной открытый лист, то в печатном варианте открытый лист был заменен на именной билет [\[11, с. 3\]](#).

Изменения коснулись и §10 Правил. В печатном варианте указывалось, что успешно работающие члены комиссии могут быть представлены от комиссии в члены-корреспонденты МАО [\[11, с. 3\]](#). Это положение было неоднократно использовано на практике, о чем мы писали выше. В рукописном же варианте Правил данный вопрос не поднимался.

Подвергались корректировке те параграфы Правил, в которых определялся порядок деятельности и обязанностях Секретаря, а также взаимодействие с МАО. Положения уточнялись и в отношении периодичности заседаний. Так, в печатном варианте Правил было установлено, что заседания проводятся не менее одного раза в месяц, исключения составляют летние месяцы [\[11, с. 3\]](#).

Особо надо сказать и о финансовом вопросе. В §19 напечатанных Правил более подробно, чем в рукописном варианте, говорится о членских взносах. Члены комиссии должны были ежегодно платить 5 рублей членских взносов или могли заплатить 50 рублей единовременно [\[11, с. 5\]](#). Те, кто заплатил сразу 50 рублей, считались пожизненными членами комиссии и навсегда освобождались от ежегодных взносов [\[11,](#)

[\[с. 5\]](#). Если член комиссии не платил ежегодных членских сборов в течение двух лет, то он исключался из числа членов, но мог снова стать членом комиссии, даже без баллотировки, если заплатит членский взнос [\[11, с. 5\]](#). От данного взноса члена комиссии мог освободить одобренный к печати труд или доклад при условии, что речь шла о действительных членах и членах-корреспондентов МАО [\[11, с. 5\]](#).

Сравнение печатного варианта Правил и рукописного, сохранившегося в составе протоколов «Старой Москвы», показывает, что члены комиссии дорабатывали эти Правила, вносили в них необходимые изменения, исходя из практики. На выработку окончательного варианта им потребовалось почти три года.

Изучение протоколов позволяет говорить и о том, что некоторые обсуждавшиеся вопросы не вошли ни в напечатанный вариант, ни в рукописный. Например, на заседании 13 марта 1912 г. П. С. Уварова, подводя итог годовой деятельности комиссии, пришла к выводу, что комиссия не достигла всех запланированных результатов и поэтому надо сделать ее деятельность более активной, например, чаще проводить заседания – не раз, а два раза в месяц, а также создать при комиссии Совет [\[13, л. 29-32\]](#). В итоге комиссия единогласно постановила собираться два раза в месяц по четвергам в 8 часов вечера и образовать Совет из пяти членов. В него вошли А. А. Бахрушин, С. А. Щербатова, И. Е. Бондаренко, И. П. Машков, К. Н. Солодовников [\[13, л. 29-32\]](#). На следующем заседании 5 апреля 1912 г. П. Н. Миллер внес поправку к протоколу предыдущего собрания – заседания в комиссии должны были проходить не еженедельно, по четвергам, а раз в две недели, через четверг. Члены комиссии согласились и с этим предложением [\[13, л. 33-34\]](#). Через год П. С. Уварова предложила перенести заседания на пятницы 2 раза в месяц («первые пятницы после 1 и 15 числа каждого месяца») [\[13, л. 54-55\]](#).

Изучая протоколы, можно увидеть, как рождалась «Старая Москва», погрузиться в атмосферу работы комиссии, в процесс выработки порядка действий нового научного сообщества. Сравнение архивных и опубликованных материалов дает информацию о ходе работы, о поисках оптимальных путей, отвечающих потребностям этого сообщества, что, в свою очередь, говорит о том, что комиссия не была «статичной», что она с течением времени менялась и развивалась. В результате, к 1917 г. комиссия стала серьезным научным обществом, развивавшим одно из основных направлений деятельности МАО – охрану памятников старины в масштабе Москвы, и оставаясь верной принципам основателя МАО графа А. С. Уварова: «уничтожить равнодушие к отечественным древностям и научить нас дорожить родными памятниками», потому что только в таком случае «мы будем уметь ценить всякий остаток русской старины, всякое здание, воздвигнутое нашими предками; тогда подумают и о сохранении, о защите их от всякого разрушения» [\[4, с. IV\]](#). Возможно, именно поэтому «Старая Москва» продолжила свою работу и после того, как перестало существовать породившее ее Московское археологическое общество.

Библиография

- Гузеева И.А., Муравьев В.Б. Хроника заседаний Комиссии «Старая Москва» // Археографический ежегодник за 1997 год. М.: Наука, 1997. С. 678–681.
- Дмитриева И.А. Динамика численности и особенности состава общества «Старая Москва» в 1909–1917 гг. // Труды Государственного исторического музея. Вып. 149: Забелинские научные чтения – 2004. Исторический музей – энциклопедия отечественной

- истории и культуры / Отв. ред. Л.В. Егоров. М.: ГИМ, 2005. С. 299–310.
3. Дмитриева И.А. Протоколы общества «Старая Москва» как источник изучения истории московедения: (1909–1918) // Румянцевские чтения: материалы международной конференции (13–16 апреля 2004) «Иновационные технологии и многообразие культур». М.: Пашков дом, 2004. С. 79–81.
4. Древности: Труды Московского археологического общества. Т. 1. Вып. 1–2. М.: [б/и], 1865–1867. 228 с.
5. Злочевский Г.Д. «Ставя своею первою задачею...» (К изучению прошлого Москвы) // Москва: События, люди, проблемы: Краеведческий сборник / Сост. И.А. Гузеева, Н.М. Пашаева. М.: Издательство ГПИБ, 1997. С. 5–22.
6. Злочевский Г.В. «Минувшее проходит предо мною»: люди, книги, судьбы. М.Инскрипт, 2012. 855 с.
7. Ковальченко И.Д. Исторический источник в свете учения об информации // История СССР. 1982. № 3. С. 137–142.
8. Козлов В. Ф. Общество «Старая Москва» и культурное наследие. 1909–1930 гг.: Путеводитель по архивным материалам. М.: Краеведение, 2020. 338 с.
9. Козлов В.Ф. «Старая Москва» на защите московских древностей (1920–1930) // Московский архив. М., 2002. Вып. 3. С. 334–362.
10. Козлов В.Ф. У истоков московедения // Московский журнал. История государства Российского. 2019. № 10 (346). С. 46–59.
11. Московское археологическое общество. Комиссия по изучению старой Москвы. Правила комиссии по изучению старой Москвы. М.: Тип. Императорского Московского университета, 1912. 12 с.
12. Московское археологическое общество. Устав Московского Археологического Общества : утв. 19 сент. 1864 г. М.: Тип. Грачева и Ко, 1864. 11 с.
13. Отдел рукописей РГБ. Ф. 177. Оп. 1. К. 1. Д. 3.
14. Отдел рукописей РГБ. Ф. 177. Оп. 1. К. 1. Д. 4.
15. Отдел рукописей РГБ. Ф. 177. Оп. 1. К. 1. Д. 7.
16. Отдел рукописей РГБ. Ф. 177. Оп. 1. К. 1. Д. 8.
17. Отдел рукописей РГБ. Ф. 177. Оп. 1. К. 39. Д. 15.
18. Смирнова К.А. Доклад «Увеселения москвичей в двадцатых годах XIX столетия» И.С. Беляева (1860–1918): к вопросу о научном наследии московеда // Журнал института наследия. 2023. № 3 (34). URL: <http://nasledie-journal.ru/ru/journals/67/601.html>
19. Филимонов С.Б. Историко-краеведческие материалы архива обществ по изучению Москвы и Московского края / под ред. С.О. Шмидта. М.: [б/и], 1989. 168 с.
20. Фролов А.И. Алексей и Прасковья Уваровы: Хранители московской старины. М.: Москововедение, АО «Московские учебники», 2003. 363 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования обозначен в названии и разъяснен в тексте статьи. Автор изучает историю создания комиссии «Старая Москва» и особое внимание уделяет изучению архивных документов, многие из которых вводятся в научный оборот.

Методология исследования базируется на принципах историзма, конкретности и диалектики. В работе автор опирался на общенаучные методы (анализ, типологизация, сравнение и т.д), и специальные исторические методы (историко-генетический и историко-сравнительный). В работе над документами применены также

источниковедческие методы. При классификации исторических источников автор опирается на предложенный И.Д. Ковалченко информационный подход, который предполагает выделение разновидностей документации на основе прагматического аспекта содержащейся в них информации, что расширяет круг документов, которые можно отнести к делопроизводству.

Актуальность определяется тем, что комиссия «Старая Москва» и ее члены внесли огромный вклад в дело изучения культурного наследия нашей страны. «Их силами осуществлялось фотографирование московских зданий, которым угрожал снос или перестройка, благодаря чему для потомков был зафиксирован исторический облик города, так стремительно менявшийся в начале XX в.». Автор пишет, что «обращаясь к этим источникам, представляется возможным узнать, когда и при каких обстоятельствах родилась идея создания этой комиссии, кто стоял у ее истоков и заложил организационную основу, как вокруг комиссии объединялись любители и знатоки московских древностей». Кроме того, автор ставит задачу «не только изучить начальный этап деятельности «Старой Москвы», но и ввести в научный оборот архивные источники». Актуальность заключается и в том, что автор провел комплексный анализ документов по теме (опубликованные

Научная новизна определяется постановкой темы и задач исследованием. Новизна заключается также в том, что проведен комплексный анализ архивных и опубликованных документов разной видовой принадлежности.

Стиль, структура, содержание. Стиль работы научный, язык точный и ясный, также есть элементы описательности, что делает текст понятным не только для специалистов, но и широкого круга читателей. Структура работы в целом направлена на достижение цели и задач исследования. В начале статьи автор раскрывает цель и задачи исследования, актуальность, научную новизну. Отмечает значение комиссии «Старая Москва» для изучения культурного наследия России. Автор дает краткий, но качественный историографический обзор работ. Посвященный некоторым вопросам этой темы и отмечает работы И.А. Гузеевой, В.Б. Муравьева, С.Б. Филимонова, И.А. Дмитриева и др. В статье основное внимание широкому кругу источников, в их делопроизводственные материалы, сохранившиеся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (далее – ОР РГБ). Опираясь на эти источники (протоколы, отчеты, явочный лист, сравнение печатных материалов Правил и рукописных) автор изучает начальный этап деятельности «Старой Москвы», показывает на каких основах формировалась и действовала она, как формировался ее состав, Правила комиссии, членство в организации, сумма членского взноса и многие другие вопросы. Автор приходит к обоснованным выводам и отмечает, что изучение протоколов показывает, как рождалась «Старая Москва» как работала комиссия и процесс выработки порядка действий нового научного сообщества. «Сравнение архивных и опубликованных материалов дает информацию о ходе работы, о поисках оптимальных путей, отвечающих потребностям этого сообщества, что, в свою очередь, говорит о том, что комиссия не была «статичной», что она с течением времени менялась и развивалась. В результате, к 1917 г. комиссия стала серьезным научным обществом, развивавшим одно из основных направлений деятельности МАО – охрану памятников старины в масштабе Москвы... Возможно, именно поэтому «Старая Москва» продолжила свою работу и после того, как перестало существовать породившее ее Московское археологическое общество!»

Библиография работы состоит из разнообразного круга источников (их 20). Библиография показывает, что автор статьи глубоко разбирается в исследуемой теме, библиография оформлена по требованиям журнала.

Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной в ходе работы над статьей информации и библиографии.

Выводы, интерес читательской аудитории. Статья посвящена актуальной и интересной теме, будет интересна не только специалистам, но и широкому кругу читателей.

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Албогачиев М.М. К дате основания первого постоянного ингушского поселения в районе современного г. Назрани // Исторический журнал: научные исследования. 2024. № 3. С. 130-148. DOI: 10.7256/2454-0609.2024.3.69964 EDN: MHYYZZ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69964

К дате основания первого постоянного ингушского поселения в районе современного г. Назрани

Албогачиев Магомед Михаилович

ORCID: 0009-0006-3925-1554

студент; кафедра «История»; Ингушский государственный университет
386001, Россия, республика Ингушетия, г. Магас, пр. И.Б. Зязикова, 7, каб. 302

magomed_albogachiyev77@mail.ru

[Статья из рубрики "Исторические факты, события, феномены"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2024.3.69964

EDN:

MHYYZZ

Дата направления статьи в редакцию:

25-02-2024

Аннотация: Настоящая работа посвящена миграционным процессам, происходившим в XVII-XVIII вв. среди ингушских племен, приведшие в итоге к основанию первого постоянного ингушского поселения в районе современного города Назрань. Проводится анализ сведений из исторических источников по данному вопросу, а также существующих на сегодняшний день основных версий. На республиканской научно-практической конференции «историческое определение даты образования Назрани», состоявшейся 15 июля 2000 г., было решено считать датой основания Назрани 1781 г. Однако некоторые исследователи до сих пор высказывают мнение, что поселения ингушей в Назрановской долине начали возникать лишь в начале XIX в. Цель статьи состоит в том, чтобы на основе данных из исторических источников подтвердить обоснованность официально установленной даты основания Назрани. А также показать, что освоение территории Назрановской долины ингушскими племенами началось еще в XVII в. Для достижения цели статьи автор привлек значительное количество научной литературы и архивных данных, сопоставляя их со сведениями из ингушского фольклора. Новизна данной работы состоит в том, что вопрос об основании

Назрани рассматривается в контексте миграционных процессов, происходивших в среде ингушских племен в XVII-XIX вв. Обобщаются исторические работы об истории освоения территории Назрановской долины, сопоставляя их со сведениями из ингушских народных приказаний. В ходе исследования, автор приходит к следующим ключевым выводам: сведения из разных источников, связанных с данным вопросом, согласуются между собой и дополняют друг друга; ингушские племена начали освоение территории Назрановской долины в XVII в., а первое постоянное поселение на данной территории появилось в 1780-1781 гг. Произошло это после заключения ими договора с кабардинскими и кумыкскими князьями.

Ключевые слова:

Орцах Карцхал, Назрановская долина, Мударов, Этагай, ингушки, карабулаки, князья, шамхал, чеченцы, царская администрация

Любой населенный пункт имеет свою историю. Имеет ее и ингушский город Назрань. Ингуши его называют ласково *Нана-Наьсаре*, т.е. «Мать-Назрань». Тем самым показывая, как дорог и любим им этот город, так как к матери у ингушей, как у мусульман, особое отношение.

Несколько столетий – небольшой возраст для города. Однако, несмотря на это, история Назрани богата на события. И одни из важнейших процессов в его истории происходили как раз впервые дни своего возникновения.

О времени основания первых поселений в районе будущего города нет точных данных. На республиканской научно-практической конференции «историческое определение даты образования Назрани», состоявшейся 15 июля 2000 г. было решено считать датой основания Назрани 1781 г. Проф. И. А. Даихильгов, который предложил данную датировку, основывался на сведениях русского офицера Л. Л. Штедера, побывавшего в районе Назрановской долины в том же 1781 г. Сам А. И. Даихильгов, на основе сопоставления данных из ингушского фольклора с данными, которые приводит П. Г. Бутков, приходит к выводу, что первое поселение ингушей в Назрани было основано в 1780 г. Но для более обоснованной датировки, профессор остановился на дате 1781 г.

Однако спекуляции по этому вопросу разного рода изданиях не прекращаются по сей день. Ввиду этого мы хотели бы привести дополнительные доводы в пользу обоснованности официально принятой даты.

Сторонники альтернативной версии указывают на рапорт коменданта крепости Владикавказ ген.м-ра Дельпоццо 13 июня 1810 г. ген. от инфантерии Булгакову, в которого сообщается: «Потом войдя в теснейший союз с кабардинцами и чеченцами, переселились все на место, именуемое Назран, в расстоянии отсель за 32 версты [1, с.894-896].

Судя по этим данным, ингуши поселились в район Назрани в начале XIX в. Но если это так, то на кого нападало войско шейха Мансура в Назрани в 1785-1786 гг.? В рапорте Владикавказского коменданта подполковника К. Матцена на имя генерал-поручика П.С. Потемкина от 28 октября 1785 г., сообщается: «А в тож самое время приехали ис деревни Назирани жители с известием якобы развратник Ших переправился через реку Сунжу с велики толпами чеченцев и других народов» [2, л. 250]. Как видно из этого

документа, во времена шейха Мансура Назрань уже был населен.

Также это подтверждается сведениями из протокола допроса чеченского старшины Ганжеби, уроженца селения Алды, пойманного в с. Биевом на Военно-Грузинской дороге (документ датируется 4 декабря 1786 г.) [\[3, л. 274\]](#).

По всей видимости, ген. Дельпоццо говорит о последней группе переселенцев первого этапа освоения Назрань, происходившего до подписания «Акта присяги» в 1810 г. Или же недавно назначенный на пост коменданта Владикавказской крепости, русский офицер не владел всей полнотой информации об истории поселения ингушей в Назрани.

Ген. Ивелич в 1809 г. пишет про ингушей «недавно переселившиеся в район современной Назрани». Понятие «недавно» тоже неопределенное. Например, для сегодняшнего поколения «лихие девяностые» были недавно. А если речь идет о 2010-2020 гг., то резонно говорить «совсем недавно». Такое объяснение согласуется с теми историческими источниками, говорящими о том, что ингуши в районе Назрани на постоянной основе поселились примерно в конце XVIII в. Это также подтверждается в трудах исследователей XIX в. [\[4, с. 77; 5, с. 55\]](#).

Однако некоторые писатели XIX начала XX в., ссылаясь на ложные данные из сообщений вышеназванных русских генералов, связывали основание Назрани с подписанием т. н. «Акта присяги» в 1810 г. Б. К. Далгат отметил ошибочность таких утверждений [\[6, с. 50-51\]](#).

Часть ингушей действительно была насильно переселена в район Назрани в XIX в. Но в основном из тех мест, которые царская администрация считала для себя стратегически важными. Поэтому переселение происходило не только из сел вокруг Владикавказа и горных районов, но и из восточных районов Ингушетии. Например, в 1817 г. в связи с проведением Сунженской укрепленной линии и основанием здесь казачьих станиц ингуши были переселены из большей части Сунженского района в Назрань [\[7, 375-390\]](#).

Выселяя горных ингушей на плоскость, Россия пытаясь взять под свой тотальный контроль ингушское население, чего в горных районах ей было сделать намного труднее. Этот процесс, как и у других горских народов, у ингушей продолжался на протяжении всего XIX столетия. Переселение в одних случаях было организовано самими переселенцами, а в других – по инициативе царской администрации. Но это не отменяет тот факт, что возвращение ингушей на плоскость началось еще до основания редута Назрань или назначения ген. Дельпоццо комендантом Владикавказской крепости.

Согласно одному из народных преданий, переселение в Назрань возглавлял Орцха Карцхал из рода Мальсаговых, входящий в тейп Таргимхой. Это согласуется с тем, что в вышеприведенном документе упоминается старшина Назрани «Корсал» [\[3, л. 274\]](#). В предании сообщается, что о «Карцхал жил сперва в местности Ангушт. Он взял с собой своих однофамильцев; к ним присоединились многие ингуши и из других фамилий, и они отправились к месту, занимаемому ныне Назранью» [\[6, с. 70\]](#). Ангушт находился на территории современного Пригородного р-на. Его жители назывались ингушами или ангуштинцами. Это название в форме ингушевцы – с первой половины XIX в., и ингуши – с XX в., распространилось на все западновайнахские общества.

В другом варианте этого предания, записанного ориентировочно в 1930 г. от 80-летнего Довта Аушева, говорится: «Вскоре люди решили поселиться на том месте, где теперь находится город Назрань, так как эта земля была тогда свободна, а жившие там когда-то

черкесы еще ранее покинули ее и ушли далеко. "Как мы поселимся в Назрани? – стали думать люди и порешили. – Мы не сможем обосноваться, если не заручимся защитой Магомета-хаджи"» [8, с. 344]. Далее в предании сообщается, что переговоры о переселении ингушей в уроцище Назрань с Магометом-Хаджи вел Орцха Карцхал: «(...) и сказали ему: "Трудись для нас". Потрудился Карцхал и привел Магомета-хаджи с войском, который сказал людям: "Основывайте село на этом месте. Если кто нападет на вас, тому от меня будет больно"» [8, с. 344].

Кем был это мифический имам Магомет-Хаджи? Краевед Б. Ц-М. Хабриев в своей статье приводит еще один вариант этого предания, в котором вместо «Магомет-хаджи» упоминается «предводитель орстхоецев Махмад»: «Орцха Карцхал с Эги-Арсмаком спустились в долину, чтобы сначала выбрать землю для своего селения. Они нашли ее среди холмов и оврагов, покрытую густым лесом... Таргимхоецы слышали, что нынешнего князя Мударова хорошо знал предводитель орстхойцев Махмад. Слышали и о том, что Махмад – благородный человек и хорошо относится к галгаям, которых он называл братьями. Махмад имел дружину в сто человек и действительно был в добрых отношениях с князем Мударовым, владетелем этих земель» [Хабриев Б. Ц.-М. История с.п. Барсуки. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20150810215627/http://adm-barsuki.ru/index.php/nashe-selo/istoriya-s-p-barsuki> (дата обращения: 08.12.2019)].

В последних двух вариантах предания речь идет о человеке благородного происхождения, которого звали *Магомет* (*Махмад* являются вариантом этого имени). В одном случае он назван «предводителем орстхоецев», в другом – имамом, который пришел с востока. Понятно, что здесь речь идет об одном и том же человека.

Орстхоецы жили на р. Фортанге, рядом с галгаевцами (жители Галгаевского общества в Ассиновском ущелье Ингушетии), к которым относились и таргимхоецы. Поэтому сомнительно, чтоб имам Магомед-хаджи был из орстхоецев, если приходил с востока. Да и по контексту предания видно, что Махмад или Магомет-хаджи не был из вайнахов и к нему относятся как к человеку из другого народа. К тому же в ингушском предании говорится, что Магомет-хаджи был имамом, который пришел с востока, и ним стояло много людей [8, с. 344]. А также, что он имел возможность собрать воинов от всех народов, что живут вокруг, начиная от моря (видимо, имеется в виду Каспийское море) и до гор [8, с. 345]. А такого человека среди малочисленных карабулаков в конце XVIII в. источники не фиксируют.

На востоке от ингушей и чеченцев жили только дагестанцы. Поэтому логично думать, что Магомет-хаджи был дагестанским владельцем. В этой связи интересно отметить, что Л. Л. Штедер, побывавший в ущелье р. Фортанги в 1781 г., описывает свои переговоры со старшиной одного из карабулакских деревень, в которые он отправился в сопровождении карабулакского отряда, возглавляемого андреевскими (т.е. кумыкскими) князьями. Когда подойдя к деревне Л. Л. Штедер заметил, что жители были встревожены увидев русских, то он приказал карабулакскому отряду войти в село и успокоить жителей. Из сообщения Л. Л. Штедера видно, что вооруженные карабулаки, возглавляемые андреевскими князьями, не были местными. Дополнительным подтверждением этому является тот факт, что автор сообщает о желании карабулаков этой деревни принять христианство «Они умоляли о защите их русскими, просили приказать крестить их» [9, с. 208].

Так как андреевцы были мусульманами, то резонно считать, что и карабулаки в отряде

ими возглавляемом, также были мусульманами. По всей видимости, они были из числа восточных карабулаков (т.н. качкалыковцев), которые начали принимать ислам еще в 1762 г., когда переселялись в район Качкалыкских гор. Условием их переселения, со стороны андреевских феодалов как раз было принятие ими мусульманской религии (см. ниже). Например, Ш. Б. Ахмадов отмечает ссылаясь на А. И. Ахвердова, что шесть чеченских деревень, называемых качкалыковскими, в конце XVIII – начале XIX в. были расположены в непосредственной близости от деревни Аксаевской и подчинялись ее старшему владельцу Хасбулату Арсланбекову. Далее автор пишет: «А. М. Буцковский отмечает также, что среди чеченцев, проживавших по рр. Сунжа и Терек, а также часть их называвшихся качкалыковскими, была переселена оттуда аксаевскими князьями и размещена на землях между рр. Сунжею и Аксаем на определенных условиях в шести деревнях» [\[10, с. 471\]](#).

Интересно отметить, что качкалыковцы должны были выделять воинов в вспомогательные войска аксаевских князей [\[10, с. 471-472\]](#). Поэтому нет ничего удивительного в том, что в отряде андреевских князей, которых встретил Л.Л. Штедер, были карабулакские воины и, что в предании о Махмаде говорится как о предводителе орстхоецев, т.е. карабулаков. Л. Л. Штедер называет их соплеменниками андреевских князей, что говорит о тесных взаимоотношениях между ними. Следовательно, логично выглядит желание ингушцев выйти на кумыкского феодала через карабулаков.

О западных карабулаках И. А. Гюльденштедт отмечает, что у них отсутствуют князья, но зато есть старшины, платят дань аксайским князьям [\[10, с. 463\]](#).

Андреевских князей и возглавляемый ими отряд Л. Л. Штедер встретил на р. Эндерпс: «Их предводитель был молодой андреевский князь Шабулат Аджи, сын Муртазали, со своим приемным отцом, старейшиной карабулаков и с 9 чеченцами на лошадях» [\[9, с. 205\]](#). По всей видимости, это тот самый Аджи-Муртазали, который упоминается в Указе Коллегии иностранных дел кизлярскому коменданту А.А. Ступишину о переселении на пустующие земли горских народов от 26 апреля 1763 г., и в котором говорится, что эндереевский владелец Аджи-Муртазалий Чопанов просил позволения о переводе подвластного ему живущих в горах карабулаков, «выше р. Сунжи на место пустое, при речке Аксай-су лежащее» [\[11, л. 112-117\]](#).

Упоминаемая в документе Аксай-су – это р. Асса, которую Л. Л. Штедер также называет Аксай [\[9, с. 207\]](#). Возможно, современное наименование этой реки Асса является результатом регressiveной ассимиляции в комплексе "кс" в названии Аксай (сравн. инг. черксий à черсий – «черкесы»). Примечательно, что и в названии р. Аксай на границе Дагестана и Чечни в комплексе "кс" также происходит регressiveная ассимиляция в чеченском произношении. Например, в одном из чеченских сказаний р. Аксай называется Ясси [\[8, с. 349\]](#). Причем, недалеко от этой реки, как и в районе р. Ассай (в Ассиновском ущелье), находится село Даттах (Даттых).

Из всего вышесказанного следует, что имам Магомет-хаджи (Махмад) был какой-то кумыкский феодал. Как уже писалось выше, у нас нет никаких данных о чеченском или орстхоевском предводителе (или владельце) конца XVIII в. с таким именем, имевшего власть «от моря до гор». Зато известен в Дагестане – это шамхал Бамат, правивший в шамхальстве Тарковском как раз в конце XVIII в.

Бамат – это тюркский вариант имени Мухаммад. В грамоте Екатерины II от 19 апр. 1793 г. он назван Магометом-шамхалом Тарковским, владельцем Буйнакским и Дагестанским.

Предшественник Бамата и его брат Муртазали в 1776 г. вступил в российское подданство [\[12, с. 63\]](#). Возможно, с его именем связано название местность в верховьях р. Фортанги, где позднее возникли несколько поселений, с одинаковыми названиями – Бамут.

В предании говорится о нападении чеченцев. Согласно приводимым в работе Ш. Б. Ахмадова архивным данным, до восстания под предводительством шейха Мансура, часть плоскостных чеченцев управлялась тарковскими или эндереевскими владельцами [\[10, с.468–470\]](#). В другом месте своего труда Ш. Б. Ахмадов отмечает, что андреевские кумыки управляли «знатною частью чеченцев» и, что «кумыкский владелец Айдемир Бардыханов владел аулами Большой Чечни и Большие Атаги. Кабардинский князь Девлет-Гирей Черкасский владел чеченскими селениями Шали, Герменчук и др. Во главе брагунских (с. Брагуны) чеченцев стоял Мудар» [\[10, с. 485–486\]](#). Войско Магомет-хаджи, согласно преданию, состояла из народов, живших «от моря до гор», в том числе и из чеченцев. То есть под «чеченцами» здесь имеются в виду мусульманские народы Чечни и Дагестана, в общем. Такой вывод подтверждается и тем, что одних варианта преданий о чеченцах вообще нет упоминаний. По сути это было противостояние мусульманского войска с ингушами, исповедовавшими в то время смесь христианства с языческими верованиями.

Таким образом, статус «предводитель орстхойцев» Магомету-шамхалу Тарковскому вполне подходит. Следовательно, он, на наш взгляд, и есть тот самый Магомет-хаджи, которого ингуши подключили к переговорам с «князем Мударовым». Это также согласуется с тем, что события, о которых идет речь, происходили в конце XVIII в., когда Магомет Тарковский правил в шамхальстве.

Галгаецы в конце XVIII в. действительно начали признавать себя подданными шамхала, о чем пишет ингушский исследователь второй половины XIX в. Чах Ахриев . Автора, сообщает, что галгаевцы подданство шамхалов признавали, но были совершенно независимы [\[14, с. 4\]](#). Видимо, по каким-то причинам галгаевцы формально признавали подданство. Возможно, это произошло в 1760-х г., когда они вместе с карабулаками намеревались выселиться на плоскость. Других поводов принимать это подданство, на наш взгляд, у галгаевцев не было. Живя в высокогорный районах и имея мощные укрепления (Галгай Коашке), охранявшие вход в Галгайче и боевые башни, они были для власти шамхалов недосягаемы. Поэтому, мы склонны считать, что формальное признание власти шамхала галгаевцами было связано с их намерением переселиться на плоскость.

В конце XVIII в. Малая Кабарда делилась на два владения: Таусултан и Гелахстан. Последнее включала поселения двух княжеских фамилий – Ахловых и Мударовых. Территория Назрановской долины считалась частью владений Мударовых. При этом сами кабардинцы здесь не жили из-за угроз нападений горцев. Они оставили эти места в середине XVIII в. Эта информация согласуется со сведениями из варианта предания, приводимого в статье Б. Ц. Хабриева, что князь Мударов земли в районе Назрани использовал под пастбища и охотничьи угодья, «но сам здесь не поселился, так как жить в столь диких местах было опасно из-за бесчисленных шаек грабителей».

Вместе с тем, в предании говорится, что Назрань в то время представляла из себя пустошь и была спорным местом между кабардинцами и чеченцами [\[4, с. 70\]](#). В этой связи отметим, что в XIX в. некий Гуданат Мударов в своем «Прошении в Комиссию, учрежденную для рассмотрения личных и поземельных прав туземцев Терской области»,

дает краткий обзор происхождения своего рода и о границах его владений [\[15, л. 20–22о6\]](#). Согласно сведениям из этого документа, Этагай и его потомки, происходившие из «галгайских обществ», владели землями между реками Аргун и Камбилиевка. Они переселяли в свои владения соплеменников галгаевцев и представителей родственных вайнахских племен. На этих территориях в XIX появились плоскостная Ингушетия и т.н. «Малая Чечня».

В XIX в. П. А. Головинский отмечал, что «фамилии Турло, Мудар и Этагай, считались наиболее знатными и влиятельными (в Чечне – прим. М. А.)... Аул Этагу или Атаги, на р. Аргун, основан фамилией Этагай» [\[16, с. 243\]](#). Л. Л. Штедер в 1781 г. в верховьях Аргуна упоминает племя *Attaja* [\[17, с. 169\]](#). Я.Я. Штелин называет их атахизами, И. А. Гюльденштедт – атахузами [\[9, 165, 239\]](#).

Более того, из документа следует, что в начале XIX в. потомок Этагая по имени Алхазур способствовал переселению горных соплеменников галгаев на свои бывшие владения [\[15, л. 20–22о6\]](#). Исходя из всего этого, мы приходим к выводу, что в варианте предания, записанного Б. К. Далгатом, под «чеченцами», оспаривавшими район Назрани, имеются в виду потомки Этагая Галгайского, владевшие Малой Чечней и называвшиеся «чеченскими князьями».

Итак, ингуши вели переговоры с кабардинским князем Мударом, подключив кумыкского шамхала Магомет-хаджи, который «хорошо относится к галгаям» и «называл братьями». Возможно, хорошее отношение Магомета-хаджи к галгаям было связано с тем, что кумыкский владелец их с карабулаками относили к одному народу. Действительно, Готлиб Георги в 1766 г. и Симон Паллас в 1794 г. сообщают, что карабулаки прежде назывались ингушами и происходят от них, а язык их состоит из кистинских (т.е. ингушских) и чеченских наречий [\[9, с. 177; 279\]](#). Возможно, жившие в восточных районах карабулаки говорили на смешанном ингушско-чеченском говоре.

Вообще, из приводимых выше данных, видны близкородственные отношения между ингушами и карабулаками. Примечательно, что в 1762 г., карабулаки ходатайствовали за «ингушев» перед русскими об их переселении на плоскость [\[11, л. 117\]](#). Иными словами, информация из ингушского предания о попытке галгаевцев через орстхоецев, связаться с владельцами плоскостных земель, находит подтверждение в архивном документе. Следовательно, первые попытки ангуштинцев и карабулаков реэмигрировать на плоскость начались еще в 1760-х гг.

В этой связи укажем на карту под названием «Течение реки Терека, Большой и Малой Кабарды с около Кавказов лежащими странами», составленную Я. Я. Штелином и изданную Географическим департаментом Императорской Академии наук [\[18, без паг.\]](#). Сама карта издана в 1771 г., но следует учесть, что составлялась она ранее этой даты. При ее составлении могли использоваться данные из источников более раннего периода. Ведь в ту эпоху не было возможности обновлять данные через короткий период времени. Как источник информации использовались труды путешественников и исследователей разного периода, посещавшие и описавшие нужный составителю район. При этом следует отметить, что сам Я. Я Штелин не был на Кавказе.

На этой карте р. Назранка, которая обозначена здесь как *Несран*, в нижнем и среднем течении протекает по территории ингушцев, которые здесь отмечены под названием «кисты ингушевски». Кружками, видимо, обозначены какие-то поселения, посты или стоянки. Это примерно район современных населенных пунктов Янадаре, Экажево и

Гамурзиевский МО г. Назрань. Следовательно, ингушское присутствие в районе Назрани, если верить этой карте, зафиксировано не позднее 1771 г. Вполне возможно, что после 1762 г. ингушским племенам удалось занять юго-восточные и восточные районы Назрановской долины или поставить там свои посты как притензии на права владения этими территориями. Кстати, И. А. Гюльденштедт среди ингушских округов отмечает *Ендре*, название которого созвучно с названием современного с.п. Яндаре [\[9, с. 238\]](#). Впрочем, возможно, здесь речь идет о местности Карасу-Яндырь в районе впадения Ассы в Сунжу.

Согласно А. А. Цуциеву, ингушские аулы Шолхи, Ахки-Юрт у выхода на равнину рек Камбилиевка и Сунжа, возникают в 1750-60-х гг., а к 1770-80 гг. сторожевые посты ингушей достигают пункта нынешней Назрани [\[19, с. 16\]](#). И с тем, что в 1781 г. Л. Л. Штедер сообщает об «ахгуртах» (ахкиюртовских ингушах) в 4 верстах к востоку от р. Сунжи, примерно в районе современных с.п. Сунжа, Али-Юрт и г. Магас [\[9, с. 313\]](#).

Также на карте Штелина к востоку от кистов вдоль р. Сунжи до нижнего течения р. Гехи указаны *кумицки*. Однако на этой территории, как показано выше, в конце XVIII в. были поселены карабулаки и ингушки, находившиеся под покровительством эндиreeвских кумыков. Возможно, составитель карты имел сведения об этом и поэтому отметил эти племена термином *кумицки*, как указание на нахождение их под управлением кумыкских феодалов. Действительно, Я. Я. Штелин отмечает, что «(...)*карабулаки*, состоят отчасти под княжеской фамилиею *Алдамир* называемою, а отчасти под кабардинским князем *Двелет-Гиреем*» [\[18, без лаг.; 9, с. 165\]](#). Алдамир, видимо, это Айдемир Бардыханов, хан Эндиreeвского ханства. В районе Назрановской долины надпись *кумицки* переходит границу кистов. Возможно, так автор хотел подчеркнуть, что эта часть территории кистов также находилась под управлением эндиreeвцев.

К северо-востоку от *кумицки*, вдоль правого берега р. Сунжи отмечены чеченцы, видимо, жители владений князей Турловых.

К югу от чеченцев, указаны *атахи*. По всей видимости, это жители владений княжеского рода Этагай. То самое племя *атахи*, которое упоминается Л. Л. Штедером. Я. Я. Штелин пишет про них: «Третий народ, *Атаксисской* называемой, простирается между прочими реками и в восточную сторону до реки Аксай. К оным можно причислить еще четвертый народ, *Тавлинцы* называемый, который обитает в горах при вершинах всех вышеупомянутых рек» [\[18, без лаг.; 9, с. 165\]](#). Тавлинцы (инг. лоамарой, чеч. ламрой) на карте отмечены к югу от *атахи* между реками Асса и Аксай.

Таким образом, ингушки и карабулаки после 1762 г. начали выселяться на выделенные им эндиreeвскими феодалами и царской администрацией земли. Но занять весь район Назрановской долины и смежные с ней территории, уже покинутые кабардинцами, им не удавалось. Главной причиной, на наш взгляд, стала сложная международная обстановка того времени не позволившая незамедлительно исполнить намерение карабулаков. Например, о карачаево-балкарцах, осетинах и ингушах, Я. Я. Штелин пишет, что в 1739 году при заключении мира с османами они были объявлены «свободными и неподвластными России или Турции, однако они больше расположены к России. Кабардинцы тоже и поэтому время от времени присылают в столицу своих князей для уверения об их дружелюбии» [\[9, с.163\]](#).

Иными словами, условия перемирия между османским султаном и русским царем препятствовали свободному выселению на территорию, считавшуюся «нейтральной». Но

после того, как началась война с османами, Россия в 1772 г. стала активно содействовать заселению карабулаками богатых угодий вдоль низовьев реки Ассы и в местности Карасу-Яндырь (в месте впадения р. Ассы в р. Сунжу) [20, с. 25–26]. То есть здесь роль играла геополитика и противостояние османов и русских в регионе. В 1772 г. карабулаки приняли российское подданство [10, с. 463]. Однако даже после этого, видимо, они не смогли основать здесь постоянные поселения, и освоение территории затянулось еще на 8–10 лет. Здесь причина, по нашему мнению, заключалась в том, что кумыкские владельцы не могли обеспечить переселенцам ту безопасность от кабардинских набегов, которую они ожидали. Дело в том, что чем ближе к кумыкским владениям селились переселенцы, тем легче было шамхалу или андреевским князьям защищать поселенцев от притеснений со стороны кабардинских князей. В документе говорится, что карабулаки и ингушки просили защиты от кабардинцев (т.е. кабардинских князей), чеченцев (князей Турловых) и мичгизов (о них мы скажем ниже). Предлагали им защиту от них две стороны: русские, если они примут христианство; и эндереевские феодалы, если они примут ислам [11, л. 112–117].

Но по мере ослабления Кабарды и влияния османов в регионе, карабулаки и ингушки начали занимать все более западные территории и в начале 1780-х гг. они появились уже в районе верхнего течения р. Назранки и постепенно заняли всю Назрановскую долину. Причем первыми этот район, на наш взгляд, заняли ингушки. По крайней мере, Л.Л. Штедер в 1871 г. не отмечает карабулакские поселения в районе между современными с.п. Яндаре и Давыденко [9, с. 204–205]. В это время селения карабулаков, в основном, располагались по Фортанге и к востоку от этой реки. Н. Г. Волкова, ссылаясь на Клапрота, пишет, что самая северная группа карабулаков обитала по маленьку ручью Балсу, а также занимала территории на запад от ручья Шелмигор, впадающего ниже р. Ассы в р. Сунжу [17, с. 157].

Согласно преданию, 80 дворах выселились в Назрановскую долину и эта не была первая волна переселения. Здесь также говорится, что получив добро на поселение, «в честь этого события люди произвели обряд заклания белого быка с черной головой». После этого они вернулись в Ангушт и стали уговаривать людей переселиться на новые территории. А те не решались, видимо помня, что земля эта считалась собственностью малокабардинских князей, которые часто совершали набеги. Поэтому переселились только после того, как первопоселенцы убедили их [8, с. 344], возможно, рассказав о гарантиях безопасности, полученных от шамхала Магомета.

В 1781 г. в районе р. Назранки Л.Л. Штедер отметил заставу ингушей [9, с. 213]. Заставой автор, видимо, называет сторожевую башню Тоди гIала упоминающуюся в предании. Если это так, то в 1781 г. ингуши уже обосновались в этом районе, так как башню Тоди гIала построили, как явствует из предания, после обряда заклания белого быка. Видимо, после получения разрешения от дагестанских и кабардинских князей. Возможно, Л.Л. Штедер в 1781 г. застал одну из первых малочисленных волн переселенцев, которые еще основательно не закрепились здесь и кочевали с места на места, ввиду угрозы со стороны Кабарды. Даже в 1807 г. во время путешествия Клапрота ингуши часто меняли места поселения, переходя из одной долины в другую, ведя полукочевой образ жизни [6, с. 50, 69]. Это объясняет причину того, что переселенцы первоначально поселились в землянках, как сказано в предании [6, с. 70].

Далее попробуем выяснить, когда же в районе Назрановской долины появились более или менее постоянные карабулакские поселения. В этой связи интерес представляет

сведения из рапорта полковника Савельева на имя ген.-поручика П.С. Потемкина «О столкновении чеченской партии с карабулаками и их намерении напасть на ингушей, поселившихся у р. Назрань» от 29 мая 1787 г.», где говорится о чеченцах, которые «... потянувшись в верх за Сунжей до речки Настрана, хотели напасть на поселившихся тамо недавно вышедших из гор ингушевцев и мичкизов» [\[21, л. 362\]](#). Кем же были эти мичкизы? Известно, что кумыки так называли чеченцев, часто и всех вайнахов. Русские, вторя им, также не редко всех ингушей и чеченцев называли мичкизами. Однако в Указе Коллегии иностранных дел кизлярскому коменданту А.А. Ступишину о переселении на пустующие земли горских народов, мичкизы упоминаются как отдельное от чеченцев, ингушцев и карабулаков племя [\[11, л. 112-117\]](#). Понятно, что под этим названием скрывается какое-то вайнахское племя и название здесь употребляется в узком смысле.

К югу от Качкалыкских гор, где течет р. Мичиг, еще в XVI в. поселились аккинцы. Первоначально их и называли «мичкизами» и они одни из первых вайнахских обществ принявших ислам. От них же просили защиты карабулакские переселенцы во второй половине XVIII в., только начинавшие переходить в мусульманскую религию.

Иоганн Готлиб в конце XVIII в. разделял кистов на «чеченгов, югушцев, кистов ватского, ангушского и шемского округов, карабулаков и мельчегов» [\[9, с. 176-177\]](#). Причем мильчеги (т.е. мичкизы) указаны по Аксаку и Сунже, где обитали аккинцы. Однако вряд ли мичкизы из района р. Мичиг переселились в Назрановскую долину. Тем более в документе говорится о «вышедших из гор» мичкизах, в то время как мичкизы-аккинцы обитали на плоскости. Но вместе с тем, в составе мичкизов значительный процент составляли орстхоеvские (т.е. карабулакские) рода. К тому же аккинцы и орстхоеvцы, согласно народному преданию, имеют одно происхождения. Видимо, об этом были осведомлены их соседи и поэтому близкородственных карабулаков также называли мичкизами. Ведь называли же кумыки всех ингушей и чеченцев общим названием **мичкизы**, зная о родстве своих соседей мичкизов с ними. Если наши выводы верны, то в начале 1787 г. в районе Назрановской долины вместе с ингушами обосновались и карабулаки.

Вообще, ингушки и карабулаки селились вместе или в отдельных родовых хуторах поблизости друг от друга. Связано это было, на наш взгляд, не только с близким родством этих обществ между собой, но и с тем, что так им легче было обороняться от нападений внешних врагов. В этом нет ничего удивительного, если вспомнить, что последние просили за ингушцев, о разрешении им на переселение в район Качкалыкских гор [\[11, л. 112-117\]](#). Поэтому вместе они осваивали и район Назрани.

О стремлении совместного заселения этих территорий карабулаками и ингушами свидетельствуют также источники конца XVIII – начала XIX в. Например, Л.Л. Штедер сообщает о совместных поселениях ингушцев и карабулаков – Ахкин-юрте и Казак-Гечу [\[9, с. 213; 17, с. 154\]](#). Также из архивных документов и полевых материалов известно, что на месте современного г. Сунжа в Ингушетии существовали леймоевский хутор Корей-юрт и цехоевский – Дебир-Юрт. Первые – это ангуштицы, вторые – карабулаки [\[22, с. 14-17\]](#). При этом в западных районах преобладали ингушки, а в восточных – карабулаки.

Во второй половине XVIII в., когда карабулаки и ингушки пытались переселиться на плоскость, в регионе главными и конкурирующими между собой игроками были царские наместники, кабардинские и дагестанские князья (многие из которых, между прочем, имели от Российской империи ярлык на управление горскими народами). Исследователи вооруженную борьбу горцев под предводительством шейха Мансура, наряду с тем, что

она была направлена против экспансии Российской империи на Северном Кавказе, не без оснований, считают также антифеодальной [\[13, с. 19–39; 10, с. 485\]](#).

Восточные районы Северного Кавказа находились в зоне влияния кумыкских и аварских феодалов, а западные – кабардинских феодалов. Интересы их сталкивались в предгорьях Центрального Кавказа. Князья имели дружеские отношения между собой, как представители правящего класса среди горских народов, но довольно частыми были и столкновения между ними. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Орцха Карцхал о переселении в Назрань договаривался с главными игроками в этом регионе – кабардинскими и кумыкскими владельцами.

В конце XVIII в. могущество кабардинских князей постепенно стало сходить на нет. В этой связи укажем на письмо командующего корпусом войск на Северном Кавказе И. Ф. де Медема кабардинским владельцам в 1773 г. с требованием прекратить нападения на ингушей [\[23, с. 306–307\]](#). Из него видно негативное отношение русских к кабардинцам. Дело в том, что во второй половине XVIII в. имевшие проосманские взгляды князья попали в немилость к российскому государю. В то же время, в соперничестве между кабардинскими и кумыкскими феодалами за обладание междуречьем Терека и Сунжи, русские стали поддерживать последних. России было выгодно приписывать земли горцев к своим подданным князьям, в территориальных спорах с османами, обострившихся во время основания Моздокской крепости и строительства дороги от этой крепости в Грузию. Поэтому русские старались заселять эти территории, пусть даже формально считающимися покорными себе племенами (ингушами, карабулаками, чеченцами, кумыками и т.д.).

Согласно преданию «О прошлом Назрани», назрановцы мирно жили три года, но потом у них случился конфликт с людьми их покровителя Магомета-хаджи и между ними произошли столкновения, вследствие чего гости вынуждены были спасаться бегством в Кабарду [\[8, с. 344\]](#). Далее в сообщается, что нападавшие пожаловались Магомету-хаджи. Решив отомстить назрановцам, «имам» собрал большое войско и напал на Назрань. Ингуши «стали стрелять из башни... Этим временем стемнело. Тогда враги покинули Назрань... Вскоре наibly имама создали новый отряд и двинули его на Назрань. Теперь враги имели пушку... Со звуком «хар-р-р» вылетали ядра и, не долетая до Назрани, скатывались в низины. От их шума, – а он становился все громче, люди проснулись и вышли из своих домов. Назрановцы собрались и вновь отбили врагов» [\[8, с. 345–346\]](#).

Эти сведения согласуются с информацией из варианта данного предания в работе Б. К. Далгата: «Орцханов выстроил для себя высокую деревянную башню и назвал ее «башней на ногах» (на четырех столбах); в ней могло поместиться для обороны несколько сот человек Чеченцы, проведав, что какой-то смельчак завладел оспариваемым ими от кабардинцев местом, пошли на него войною). Ингуши не испугались чеченцев и, забравшись в башню, стали защищаться, отстреливаться... От их огня чеченцы, наконец, не выдержали и обратились в бегство; ингуши пустились в погоню за ними с обнаженными шашками в руках... до самой р. Нитыхой-х!» [\[6, с. 70\]](#).

Обращает на себя внимание, что в башне «могло поместиться для обороны несколько сот человек». Вряд ли в одной башне поместились бы такое количество обороносящихся. В таком случае это уже не башня, а небольшая крепость.

В предании говорится: «В селе на четырех сваях стояла башня Тоды. В ней засели Карцхал и другие люди – всего восемь человек» [\[8, с. 345\]](#). В варианте этого предания в

работе Б. К. Далгата, говорится о ста защитниках, занявших оборону в этой башне. Видимо, башен было больше, просто в памяти народа сохранилась та, в которой находился Карцхал. Тоди, возможно, это имя строителя башни.

Также сообщается, что нападавшие сумели поджечь башню и из нее выпрыгнули трое и остались невредимыми [8, с. 346]. Если среди них был Карцхал, то почему о нем не упомянул рассказчик, ведь он главный герой во всей этой истории? Возможно, это также свидетельствует, что в селе башен было несколько.

Хотя рассказчики обычно свою сторону нахваливают, и вряд ли у назрановцев победа была столь блестящей, но важна здесь информация, что переселенцы мирно жили 3 года. Потом по каким-то причинам у них произошел конфликт с Магометом-хаджи, в результате чего между ними произошло сражение. На вряд эти столкновения остались бы незамеченными русскими. По всей видимости, речь идет о сражении между ингушами и 'чеченцами', которое произошло в 1783 г.

А. Н. Генко, ссылаясь на архивные документы, пишет, что в начале 1783 г. ингуши солидаризировались с жителями чеченских аулов Атаги и Альды. 3–7 марта того же года, карательная экспедиция п-ка Кека и м-ра Рика сожгла аулы атагинцев, а ингуши же не оказав сопротивления выдали заложников [24, с. 688–690]. Здесь вспомним, что атагинцы управлялись галгайским родом Этагай. Алдынцы же находились под управлением дагестанских феодалов. Власть князей распространялась на селения: Большая и Малая Чечня, Большая Атага, Шали и др.» [10, с. 469–470]. Видимо, последние увидев, что произошло с их более многочисленными соплеменниками, приняли решение не оказывать сопротивление, дабы избежать их участия.

А через 4 месяца царской администрации удалось поссорить ингушей и чеченцев. По этому поводу П. Г. Будков пишет: «В то время наблюдаемо было правило древних римлян, чтоб для пользы кавказского края ссорить между собою разных кавказских народов, дабы они, ослабляя свои силы, оставляли больше нас в покое. Вследствие сего поссорены от нас, разными образами, чеченские народы с ингушами, и в июне 1783 г. сразились имен каждая сторона от 1 т. человек. Чеченцы потеряли 20 убитыми и до 40 человек ранеными, однако получили поверхность и отогнали у ингуш до 2 т. баранов» [25, с. 111]. Эта информация согласуется с данными из ингушских преданий. Однако здесь даются более реалистичные данные об итогах сражения: войско Магомет-хаджи было вынуждено оставить Назрань и отойти в Чечню и Дагестан, однако сумело отогнать «у ингуш до 2 т. баранов». Впрочем, согласно сведениям из предания, назрановцам удалось отбить награбленное у нападавших [8, с. 344].

Тем не менее, до этого сражения назрановцы были в хороших отношениях с чеченцами и другими мусульманскими народами во владениях Шамхала и Мударовых, раз они в начале 1783 г. «солидаризировались» с ними. И это также согласуется с информацией из предания о том, что переселенцы «мирно прожили три года» [8, с. 344]. Иными словами, поселение ингушцев в Назрани возникло в 1780 г.

Описываемые в предании события происходили, по крайней мере, до появления шейха Мансура. На это указывает тот факт, что в предании его имя не упоминается. А это не логично, так как Мансур, как предводитель мусульман Северного Кавказа, был очень популярен среди горцев.

Какие были причины, приведшие к столкновениям между бывшими союзниками? П. Г. Бутков приписывает это русской политике «разделяй и властвуй». Понятно, что без

участия русских здесь вряд ли обошлось. Однако, на наш взгляд, русские просто умело воспользовались возникшим между бывшими союзниками конфликтом, причиной которого, видимо, стал отказ большей части назрановцев принимать ислам. Как пишет Б. Ш. Ахмадов, со ссылкой на авторов конца XVIII в., в это время основная масса ингушцев и карабулаков исповедовала смесь языческих верований с христианством [\[10, с. 462-467\]](#). Эти общества, как отмечалось выше, заняли Назрановскую долину при поддержке галгайского рода Этагай и шамхала Тарковского. Главными условиями, которые феодалы ставили перед горцами при их переселении в свои владения, были принятие ислама и арендная плата. Действительно, в предании говорится, что Орцха Карцхал обещал платить за пользование землей. Князья, будучи мусульманами, категорически не желали в своих владениях селить язычников. Например, такие же условия ставились кумыкскими феодалами перед карабулками в 1762 г. [\[11, л. 112-117\]](#). Поэтому ингушки в конце XVIII в. также переселялись с условием принятия ислама и арендной платы.

Но судя по всему, ингушский старшина не был до конца честен с мусульманскими феодалами. В предании говорится, что Карцхал схитрил, обещав платить за пользование землей «пока деревянная ограда нового поселения не сгниет». Вообще, из контекста предания видно, что Орцха Карцхал не хотел платить. Также, возможно, ингушский старшина не сильно желал оставлять верований предков и переходить в ислам. По крайней мере, массовый переход назрановцев в мусульманскую религию зафиксирован лишь начале XIX в. [\[1, с. 891\]](#). Возможно, зная, что если он не согласись, то ему будет отказано на переселение, Орцха Карцхал вначале согласился с условиями феодалов, и даже решил поддержать соплеменников атагинцев. Но потом перестал выполнять условия договора.

В этой связи отметим, что «в своих первых сведениях, доставленных в ставку царских властей в Кизляр 4 марта 1785 г., старшина деревни Кулары Кайтуко Баков сообщил, что, будучи в Алдынской деревне 3 марта 1785 г., им были замечены приготовления жителей многих чеченских деревень к походу..., и говорят, что пойдут с Мансуром к ингушам для обращения их в магометанство и для отыскания какого-то древнего Алкорана, якобы хранящегося у ингушей» [\[26, л. 36-36об\]](#).

Здесь возникает резонный вопрос: как «древний Алкоран» оказался у ингушей, если они в это время в абсолютном большинстве были язычниками или христианами? Мы объясняем это тем, что назрановцы его получили от кумыкских или кабардинских мулл, с которыми договаривались о переселении в Назрановскую долину, на условии принятие ислама. В таком случае тем более понятна разгневанность Магомета-хаджи на Орцха Карцхала [\[8, с. 345\]](#), который принял такой подарок и не выполнил обещание принятия мусульманской религии. Видимо, вопрос возвращения попавшего в руки язычников «древнего Алкорана», или приведение их в ислам, стоял остро в мусульманской среде Северного Кавказа, раз предводитель мусульман Мансур и его войско хотели отправиться к ним в поисках Священного Писания.

Как отмечалось выше, русские принимали активное участие в этих событиях. В данном случае, они пытались склонить назрановцев к принятию христианства. О сопернических отношениях в этом вопросе между царскими представителями и местными владельцами свидетельствует вышеназванный документ 1763 г. где ротмистр Макаров пытается подчеркнуть, что за принятие христианства от русских карабулаки получат защиту большую, чем могли предложить местные феодалы, которые сами считались подданными русского царя [\[11, л. 112, 117\]](#). Но если живших ближе к кумыкским владениям и в

окружении мусульманских народов восточных карабулаков царским спецслужбам не удалось склонить к принятию христианской веры, то с назрановцами и западными карабулаками они имели успех. Последние о своем желании принять христианства сообщали Л.Л. Штедеру и просили защиты от чеченцев (т.е. отмусульман в общем) [\[9, с. 208\]](#).

Уговорить Орцха Карцхала из полухристианских верований перейти в христианство русским также не составило большого труда. При этом они вряд ли не понимали, какая будет ответная реакция шамхала. Видимо, это имел ввиду Бутков, когда писал, что русские поссорили разными способами, «чеченские народы» с ингушами [\[25, с.111\]](#). Царские спецслужбы таким образом ссорили между собой племена, признававшие подданство Российской империи, чтобы они ослабляли друг друга и нуждались в ней, как в третейском судье.

Иными словами, карабулаки и ингушки оказались между двумя огнями: с одной стороны местные феодалы ставили условие для переселения в свои владения – принятие ислама; с другой стороны – царские представители, предлагали им принять христианскую религию и большую защиту. При этом горцы видели, что и кумыкские, и кабардинские феодалы, в основном, сами являются подданными российского государства и понимали кто хозяин в регионе. Возможно, поэтому ингушки и западные карабулаки, жившие достаточно далеко от кумыкских владений, условия предлагаемые русскими посчитали более предпочтительными. Да и христианство, предлагаемое русскими, была ближе к верованиям основной массы ингушских племен на тот период.

Принятие христианства было важным условием, которое ставилось русской администрацией перед горцами, выселявшимися на плоскость. Видимо, в этой ситуации Орцха Карцхал пытался маневрировать и хитрить, так как не хотел ссориться ни с одной из этих сторон. Но в итоге, ему пришлось определиться и, судя по дальнейшим событиям, ингушки, как и западная часть карабулаков, приняли условия русских.

Восточные же карабулаки, находясь в окружении мусульманских племен и поближе к кумыкским владениям, приняли условия, поставленные перед ними шамхалом. Впрочем, в итоге также отказались платить, как только закрепились и окрепли на новом месте [\[10, с. 471\]](#).

Исходя из всего вышесказанного, события, возможно, развивались следующим образом: Магомет-хаджи послал небольшой отряд (в предании говорится о 100 воинах), для патрулирования приграничных территорий и одним из их пунктов назначения была ингушская деревня Назрань. Когда патруль добрался туда, то с удивлением узнает, что назрановцы не приняли ислам и отказывались платить. Далее происходит ссора между местными и гостями, вследствие чего последние были вынуждены спасаться бегством. Узнав об этом разгневанный кумыкский владелец «собрал воинов от всех народов, что живут вокруг, начиная от моря и до гор, и двинулся на Назрань, чтобы завоевать ее».

Численность защитников Назрани говорит о том, что среди них были не только ее жители, так как малочисленное на 1783 г. население этой деревни (от 80 до 150 дворов согласно преданию) вряд ли смогло бы выставить тысяча воинов, как пишет Бутков, и отразить нападение многочисленного войска дагестанского владельца. По нашему мнению, в защите Назрани участвовали и другие ингушские общества, в том числе и западные карабулаки. Последние в это время, судя по сообщениям Л.Л. Штедера, действительно подвергались нападениям чеченцев и получали защиту от русских,

которые пытались воспользоваться этой ситуацией [7, с. 207, 208]. Подтверждается такой вывод и тем, что в варианте предания, записанного Б. К. Далгатом, говорится, что ингуши пустились в погоню за напавшими на Назрань с обнаженными шашками в руках «до самой р. Ниттыхой-х» [6, с. 70]. Здесь река Ниттыхой (современная р. Нетхой в Чечне) упоминается не случайно. По этой реке проходила условная граница между чеченцами и западными карабулаками. По нашему мнению, это указывает на то, что жители Назрани были в союзе с карабулаками. А иначе навряд ли последние позволили бы назрановцам преследовать нападавших на своей территории. Защита Назрани, видимо, происходила при активном участии в ней карабулаков.

Таким образом, основной причиной стал, отказ принимать мусульманскую религию назрановцами. Все попытки мусульманских владельцев склонить последних к этому не имели успеха. И лишь в начале XIX в. равнинные ингуши начали массово переходить в ислам на добровольной основе.

Судя по имеющим косвенным данным, первые попытки возвращения на плоскость ингушские племена начали предпринимать еще в XVII в. В этой связи отметим еще один вариант предания об основании Назрани, который записал Н. Ф. Яковлев: «По преданию около 200 лет назад вышел из гор, из селения Ангушт, ингуш по имени Орцха Кэрцхал, из потомков Малсэга и первый поселился на берегах «матери Назрани»... За занятую землю воевал Кэрцхал с чеченцами, осетинами, кабардинцами и ни разу не выпустил из своих рук Назрань. Мало-помалу враги стали водить с ним дружбу, а ингуши стекались к нему с гор и селились около» [8, с. 347]. Важно отметить, что согласно и этому варианту предания, Орцха Карцхал и его люди первыми заняли пустующие земли района Назрани после ухода кабардицев. Также здесь говорится, что Назрань основали 200 лет назад. Если считать от времени, когда Н. Ф. Яковлев записывал это предание, то основание поселения происходило в начале XVIII в. На наш взгляд, рассказчик здесь имеет ввиду не время основания Назрани Карцхалом, а период первых попыток ингушцев и карабулаков переселиться в Назрановскую долину. Действительно, это время удивительным образом совпадает с датой переселения галгаев на плоскость, приводимой в «Прошении» Гудантом Мударовым (150 и более лет назад относительно середины XIX в.). Иными словами, дата переселения ингушей на плоскость, приводимая в предании, подтверждается архивным документом.

Возможно, это была удачная попытка возвращение ингушских племен на плоскость в XVII – начале XVIII в. Например, в одном из ингушских преданий рассказывается: «Раньше, когда наши отцы жили в горах, эта равнина была в руках черкесских, кабардинских и ногайских князей... Немало горя вынесли от плоскостных князей и горные люди. Чтобы отбивать их нападение, лучшие мужчины ставили у подножья гор свои посты. Одним из таких постов в те времена был Ачамза-курган, который расположен близ села Экажево (этот район на карте Штелина 1771 г. входит в территорию «кистов ингушовски» – прим. М.А.). Ингушский Лоаман Ха, Нарт Нясар и Нарт Орстхо – все трое, сговорившись между собой, в то время несли там караул, охраняя покой горных людей. Говорят, что этот курган они и возвели» [27, с. 98]. О столкновении с кабардинцами и отвоевании этих земель у ногайцев, говорится и в «Прошении» Гуданта Мударова. Н. Ф. Дубровин также писал о том, что чеченцы (подразумевая все нахские племена) подвергались нападению ногайцев, кумыков и кабардинцев [28, с. 370]. Возможно, что эти события связаны с вооруженной борьбой горцев с кабардино-ногайским нашествием, описываемое в ингушском героико-эпической песне «Махкинан» [29, с. 2-3]. В предании, между прочим, говорится, что

«Орцхо Карцхал и Эги Арсмак знали, что эта земля в свое время была захвачена кабардинским родом князей Мударовых».

По нашему мнению, с этими событиями связаны и сведения из предания «Как ингуши отбили князей», где говорится: «В давние времена богатые князья простирали свою власть на и ингушские земли. Они препятствовали ингушам селиться на равнинных землях и притесняли их. Это было время появления огнестрельного оружия... Пошли они за горы, и принесли оттуда ружья... Ингуши уничтожили князей, освободились от их насилия и зажили свободно» [8, с. 415]. Примечательно, что практически во всех приведенных в этой статье преданиях, плоскостные земли называются ингушскими. Иными словами в сознании ингушей плоскостные земли Центрального Кавказа были ингушскими, но завоеванные кабардинцами и ногайцами. Когда произошло это завоевание? В вышеприведенном предании говорится об огнестрельном оружии, которое у ингушей появилось не позднее XVII в. По крайней мере, в «статейных списках» мы находим сообщение о том, что в 1604 г. «недалеко от входа с севера в Дарьяльское ущелье в ночи приходили на послов горские люди с вогненным боем» [30, с. 65]. Упоминание в преданиях ногайцев также говорит о том, что описываемые события происходили не позднее конца XVII в., когда этот народ еще имели силы нападать на поселения горцев.

Здесь отметим, что «Ачамза-курган» (инг. Ачамз-Боарз) находится в районе, где Л.Л. Штедер отметил ахкиюртовские поселения, как населенные ингушами и карабулаками. Возможно, герои из предания *Лоаман Ха* и *Нарт-Орстхо* здесь являются эпонимами ингушцев и карабулаков, а *Нарт-Нясар* – эпонимом местности Назрань (инг. *Насаре*). В таком случае, в предании зафиксировано совместная охрана этих мест ингушскими племенами от степных народов задолго до их возвращения в Назрановскую долину и другие плоскостные земли вплоть до Качкалыкских гор.

Ф.И. Горепекин приводит сведения о заселенности территории Назрановской долины «ингушским родом „Несер-мол“» [31, с. 18]. Мы вполне допускаем, что это название исторически связано с нахоязычным населением, жившим здесь до прихода кабардинцев и ногайцев (возможно, с дзурдзуками-цовцами).

Таким образом, возвращение ингушских племен на равнину происходило в течение XVII–XIX вв. Исходя из того, что с временем переселения в Назрановскую долину во главе с Орцхо Карцхалом и до сражения 1783 г. ингуши на новом месте мирно прожили 3 года (согласно преданию), а также учитывая сообщение Л. Л. Штедера об ингушском посте в этом районе, мы приходим к выводу, что основание первого более или менее постоянного ингушского поселения и обряд заклания белого быка в честь этого события, происходило не позднее 1780–1781 гг., посредством договора с кабардинскими и кумыкскими владельцами.

Библиография

1. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией / Под ред. А. П. Берже. Тифлис: Тип. главного управления Наместника Кавказского, 1870. Т. 4. 1019 с.
2. РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 23. Оп. 1. Д. 13. Ч. 10а.
3. РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 23. Оп. 1. Д. 13. Ч. 21.
4. Лаудаев У. Чеченское племя // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис: Тип. главного управления Наместника Кавказского, 1872. Вып. VI. С. 74-105.
5. Волконский Н. А. Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с

- мюридизмом // Кавказский сборник / Под ред. артиллерии генерал-майора Черняевского. Тифлис: Типография Окружного штаба Кавказского военного округа, 1886. Т. 10. С. 1-224.
6. Далгат Б. К. Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей. Исследование и материалы 1892–1894 гг. Москва: ИМЛИ РАН, 2008. 380 с.
7. Народы Кавказа / Под ред. М.О. Косвена, Л. И. Лаврова, Г. А. Нерсесова, Х. О. Хашаева. М.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. 1. 1622 с.
8. Сказки, сказания и предания чеченцев и ингушей / сост. А.О. Мальсагов, И.А. Дахкильгов. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во. 1986. 528 с.
9. Кавказ. Европейские дневники XIII–XVIII веков. / Сост. В. Аталиков. Нальчик. Изд-во М. и В. Котляровых, 2010. Вып. 3. 305 с.
10. Ахмадов Ш. Б. Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XIX века (Очерки истории социально-экономического развития и общественно-политического устройства Чечни и Ингушетии в XVIII – начале XIX века). Элиста: Джангар, 2002. 528 с.
11. ЦГА ДАССР (Центральный государственный архив ДАССР). Ф. 379. Оп. 1. Д. 523.
12. Феодальные отношения в Дагестане. XIX – начало XX в. : Архивные материалы / Сост. Х.-М. Хашаева. – Москва : Наука, 1969. 396 с.
13. Смирнов Н. А. Шейх Мансур и его турецкие вдохновители // Вопросы истории. 1950. № 10. С. 19-39.
14. Ахриев Чах. Ингуши (их предания, верования и поверья) // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис: Типография главного управления Наместника Кавказского, 1875. С. 1-40 с.
15. ЦГА РСО-Алания (Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания). Ф. 256. Оп. 1. Д. 7.
16. Головинский П.А. Заметки о Чечне и чеченцах // Сборник сведений о Терской области. Владикавказ: Типография Терского областного управления, 1878. Вып. I. Отд. II. С. 241-260.
17. Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века / Ответ. ред. В. К. Гарданов. АН СССР. Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М. : Наука, 1974. 276 с.
18. Штелин Я. Я. О Черкасской или Кабардинской земле / Географический месяцеслов на 1772 г. СПб: Изд-во при Императорской Академии наук, 1771. [Без пагинации]
19. Цуциев А. А. Осетино-ингушский конфликт (1992-...): его предыстория и факторы развития. Историко-социологический очерк. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЕН), 1998. 200 с.
20. История добровольного вхождения чеченцев и ингушей в состав России и его прогрессивные последствия / Чеч.-Инг. гос. ун-т им. Л. Н. Толстого / Сост. Б. А. Ахмадов и др.. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1988. 58 с.
21. РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 23. Оп. 1. Д. 13. Ч. 22.
22. Картоев М. М. К истории города Сунжа // Вестник Ингушского НИИ ГН. 2017. № 1. С. 14-16.
23. Кабардино-русские отношения в XVI – XVIII вв. Документы и материалы в 2-х томах / Сост. Н. Ф. Демидова, Е. Н. Кушева, А. М. Персов. Москва: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 1. 510 с.
24. Генко А. Н. Из культурного прошлого ингушей // Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее Академии наук СССР / Ред. изд. акад. В. В. Бартольд. Л. : Издательство Академии наук СССР, 1930. Т. V. С. 681-761.
25. Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год. / Императорская академия наук. Непременный секретарь академик К. Веселовский. Санкт-

- Петербург: Типография Императорской академии наук, 1869. Ч. 2. 602 с.
26. ЦГВИА (Центральный государственный военно-исторический архив). Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 350. Ч. 3.
27. Антология ингушского фольклора. В 10 томах. Нартские сказания. Легенды / сост. И.А. Дахкильгов. Нальчик: Эль-фа, 2006. Т. 4. 488 с.
28. Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. В 6 томах. СПб.: Тип.. Департамента Уделов, 1871. Т. 1. Кн. 1. 656 с.
29. Козьмин В. Махкинан (Фея гор) // Кавказ. 1895. № 98. С. 2-3.
30. Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией : вторая половина XVI – 30-е годы XVII в. / АН СССР. Ин-т истории. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 371 с.
31. Труды Ф. И. Горепекина / Материалы ПФА РАН. / Сост. Албогачиева М. С-Г. Санкт-Петербург – Магас: Ладога, 2006. 212 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью «К дате основания первого постоянного ингушского поселения в районе современного г. Назрани»

Предмет исследования определение даты основания первого ингушского поселения на территории . в районе современного г. Назрани Республики Ингушетия

Методология исследования. базируется на принципах научности, системности, историзма. В работе использованы историко-хронологический, историко-генетический и др. методы.

Актуальность. Изучение времени основания того или иного поселения на Северном Кавказе является одной из актуальных задач историков и краеведов. Изучение времени основания ингушского населенного пункта Назрань, которое до настоящего времени вызывает споры как в научной среде, так и в обществе. Кроме того определение времени основания Назрани может способствовать изучению характера миграционных процессов с гора в предгорья, отношения ингушей с другими народами региона, в частности с кабардинцами, кумыками и т.д., а также взаимоотношения между субэтническими группами (галгаевцами, орстхойцами, карабулаками и др.)

Научная новизна определяется постановкой вопроса и задач исследования.

Стиль, структура, содержание. Стиль статьи в целом научный с элементами описательности. Структура работы логически построена и нацелена на достижение цели статьи. Автор излагает материал в повествовательном стиле и подкрепляет текст ссылками на работы предшественников или же на архивные документы. В начале статьи автор отмечает, что точных данных о дате основания данного населенного пункта нет. В 2000-м году на республиканской научно-практической конференции в Ингушетии проф. И.А. Дахкильгов предложил считать датой основания Назрани 1781 года, основываясь на сведениях русского офицера Л.Л.Штедера, побывавшего в районе Назрановской долины в 1981 г. Автор отмечает, что «сам А. И. Дахкильгов, на основе сопоставления данных из ингушского фольклора с данными, которые приводит П. Г. Бутков, приходит к выводу, что первое поселение ингушей в Назрани было основано в 1780 г. Но для более обоснованной датировки, профессор остановился на дате 1781 г.». Автор разбирает альтернативные версии о том, что Назрань была основана в 1810 г., и на основе архивных, фольклорных данных и опираясь широкого комплекса литературы исследует данный вопрос и доказывает, что дата основания Назрани приходится на

конец XVIII в. (на 1781 г.), отмечая, что процесс переселения на равнину ингушей проходил постепенно и в несколько этапов. В статье дается характеристика конкурирующих в регионе сил и автор пишет, что попытки переселится на плоскость, начались раньше, но для этого не было условий, а «во второй половине XVIII в., в регионе главными и конкурирующими между собой игроками были царские наместники, кабардинские и дагестанские князья. Подчеркивает, что русские поддерживали переселение горцев на равнину, преследуя свои geopolитические цели. Автор разбирает ряд фольклорных преданий, которые подтверждаются архивными документами, приводит интересные данные о времени принятия ислами карабулаками, гъалгъаями, ингушами. В заключении автор приходит к выводу о времени основания Назрани и пишет: «возвращение ингушских племен на равнину происходило в течение XVII-XIX вв..., основание первого более или менее постоянного ингушского поселения и обряд заклания белого быка в честь этого события, происходило не позднее 1780–1781 гг., посредством договора с кабардинскими и кумыкскими владельцами».

Библиография работы составляет 31 источник: архивные документы из РГАДА, РГВИА, ЦГА ДАССР, ЦГА РСО-Алания; работы российских исследователей XIX в., а также работы, изданные в XX веке и в настоящее время. Библиография дает возможность достичь цели работы.

Апелляция к оппонентам Апелляция к оппонентам представлена на уровне работы над темой и полученных результатов и в библиографии.

Выводы, интерес читательской аудитории. Статья написана на интересную тему и представляется, что она вызовет интерес к исследуемой теме и к дискуссии по ряду вопросов среди исследователей Северного Кавказа по XVII- началу XIXв. Статья может быть рекомендована к печати в журнале «Исторический журнал: научные исследования».

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Карагодин А.В., Петрова М.М. С.В.Рахманинов и его круг на Южном берегу Крыма: малоизвестные страницы истории русской музыкальной культуры конца XIX – начала XX века // Исторический журнал: научные исследования. 2024. № 3. DOI: 10.7256/2454-0609.2024.3.68989 EDN: MIOCEP URL: https://nbppublish.com/library_read_article.php?id=68989

С.В.Рахманинов и его круг на Южном берегу Крыма: малоизвестные страницы истории русской музыкальной культуры конца XIX – начала XX века

Карагодин Андрей Васильевич

доктор исторических наук

старший преподаватель, кафедра источниковедения, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

119992, Россия, г. Москва, ул. Ломоносовский Проспект, 27 к.4, ауд. Е445

✉ avkaragodin@yandex.ru

Петрова Мария Михайловна

Экскурсовод-методист, экскурсионно-методический центр "Таврика" (Республика Крым).

298677, Россия, Республика Крым, г. Алупка, ул. Левитана, 5

✉ mcrimea@yandex.ru

[Статья из рубрики "Личность в истории"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2024.3.68989

EDN:

MIOCEP

Дата направления статьи в редакцию:

15-11-2023

Аннотация: Предметом исследования являются сюжеты персональной истории выдающегося русского композитора С.В. Рахманинова, а также ряда других представителей отечественной музыкальной культуры, которые разворачивались в конце XIX – начале XX в. в историческом пространстве Южного берега Крыма. В литературе не раз звучала мысль о том, что композиторы и музыканты сыграли значительную роль в

формировании «культурного ландшафта» Крыма конца XIX – начала XX века. Однако на этой «историко-культурной карте» все еще остается немало «белых пятен», в чем авторы статьи убедились, на протяжении многих лет изучая историю дачных курортов, образовывавшихся на Южном берегу в начале XX века. Ликвидация этих пробелов позволяет восполнить как историю Южного берега, так и биографические сведения о деятелях культуры. С помощью комплексной работы с историческими источниками – документами из Государственного архива Республики Крым, справочной и биобиблиографической литературой, эго-документами (мемуарами, перепиской), в том числе слабо введенными в историографический оборот, реконструируется история пребывания С.В. Рахманинова на Южном берегу Крыма, визиты помещаются в контекст трансформировавшегося исторического пространства. В результате работы уточнены либо заново установлены обстоятельства пребывания композитора С.В. Рахманинова на Южном берегу Крыма в конце XIX – начале XX века, выявлены связанные с этим исторические памятники в Симеизе, Мисхоре и Ялте. Реконструированные страницы жизни и творческой деятельности на Южном берегу Крыма С.В. Рахманинова, М.А. Станкевич (Голостеновой), Ф.И. Шаляпина и круга их коллег, родственников, друзей и знакомых из числа творческой интеллигенции, южнобережных дачников, меценатов, покровителей и поклонников, несомненно, дополняют картину насыщенной культурной жизни в историческом пространстве Южного берега Крыма в конце XIX – начале XX века, способствуя его осмыслению как важного места «исторической памяти» России.

Ключевые слова:

Рахманинов, Шаляпин, Станкевич, Южный берег Крыма, Симеиз, Ялта, культурный ландшафт, комплексное источниковедение, музыкальная культура, история русской культуры

В 2023 г. Россия отпраздновала 150 лет со дня рождения выдающегося композитора Сергея Васильевича Рахманинова, а в 2024 г. отмечает десятилетие воссоединения с Россией Крыма, с которым деятелей русской музыкальной культуры традиционно связывают особые отношения.

В литературе уже не раз звучала мысль о том, что композиторы и музыканты сыграли значительную роль в формировании «культурного ландшафта» Крыма конца XIX – начала XX века, в особенности – исторического пространства Южного берега Крыма [2, 3, 28, 30, 37]. Так, по словам И.А. Бобовниковой, пребывание в Крыму А.Н. Серова, М.П. Мусоргского, Н.А. Римского-Корсакова, С.В. Рахманинова, В.С. Калинникова «создавало «топосы бытия» музыкальной жизни» полуострова [3]. Однако на этой «историко-культурной карте» все еще остается немало «белых пятен», в чем авторы настоящей статьи убедились, на протяжении многих лет изучая историю дачных курортов, образовывавшихся на Южном берегу в начале XX века [17]. Ликвидация таких пробелов позволит дополнить как картину социокультурной истории Южного берега Крыма, так и биографические сведения о деятелях культуры.

Одним из дачных курортов Южного берега был Новый Симеиз, созданный на рубеже XX века в 20 км к западу от Ялты сыновьями промышленника С.И. Мальцова, пустившими унаследованное от отца имение Симеиз в продажу под дачные участки [18]. С Симеизом и его историей оказалась тесно переплетенной и история визитов в Крым С.В. Рахманинова. Именно парки, скалы и бухты романтического Симеиза вдохновили 15-

летнего Сергея Рахманинова в 1888-м на создание своего первого музыкального произведения. А в 1917-м он вновь поселился в Симеизе, ставшем к тому времени самым большим дачным курортом на Южном берегу Крыма, больше того: Южный берег Крыма стал местом последних российских гастролей композитора, оттуда он отправился в Москву, а затем через Петроград в Швецию, и на родину уже не вернулся.

Биография С.В. Рахманинова подробно изучена, в первую очередь стараниями З.А. Апетян, подготовившей к публикации многотомные издания литературного наследия Рахманинова и воспоминаний о композиторе [5, 27], а также принявший участие в переиздании в России автобиографии Рахманинова, записанной О. фон Риземаном и впервые вышедшей в Лондоне в 1939 году [26]. Тем не менее, даже столь подробно реконструированная биографическая история, как оказалось, местами может нуждаться в уточнении.

Известно, что впервые Рахманинов оказался в Симеизе летом 1888 года. К этому времени Сергея было решено перевести из Петербурга в младшее отделение Московской консерватории в класс Николая Сергеевича Зверева. Главным у Зверева считалась постановка у пианистов раскрепощенных рук. Его ученики часто становились золотыми медалистами – в том числе и Рахманинов, получивший позднее большую золотую медаль Консерватории в 1892 г. Самых талантливых учеников Зверев брал к себе домой на обучение и полный пансион. Занятия начинались с 6 утра, свободное время только вечером, выходной в воскресенье. Информация о поездке Зверева с учениками в Крым летом 1888 г. содержится в воспоминаниях другого ученика Зверева тех лет, Матвея Пресмана: «Летом он выезжал со всеми нами на подмосковную дачу, ездили в Кисловодск (один раз) и в Крым (один раз). Особо памятной для меня осталась поездка в Крым, где мы жили в имении друзей Зверева, Токмаковых – Симеизе. Кроме самого Зверева, нас троих и повара Матвея, с нами жил преподаватель консерватории Н.М. Ладухин, который обучал нас теории» [5, с. 156]. Датировка подтверждается документом, хранящимся в Российском национальном музее музыки – свидетельством, выданном Московской консерваторией ученику С.В. Рахманинову, об отпуске в Крым и Закавказский край с 30 мая по 27 августа [16].

Однако Пресман в мемуарах допустил ошибку, которая в дальнейшем стала «кочевать» из книги в книгу, из статьи в статью. Владельцами имения Симеиз на Южном берегу Крыма с двадцатых годов XIX века были не Токмаковы, а Мальцовы. История имения подробно изучена авторами настоящей статьи на основании архивных и иных документов [18]. В частности, документально установлено, что в 1885 году промышленник Сергей Иванович Мальцов, чья империя заводов фактически потерпела банкротство, отстраненный от дел семьей, переехал к морю в фамильное имение Симеиз, где сосредоточился на обустройстве курорта: открыл гостиницу на 20 номеров, несколько дач в парке. На берегу Мальцов построил двухэтажный «Белый дом», в котором насчитывалось более 20 комнат (он в перестроенном виде сохранился до настоящего времени). В нем, по всей вероятности, жил Зверев, а ученики – в «мальцовских вагончиках» – переделанных вагонах производства товарищества Мальцова, которым посвящено немало строк в мемуарах гостей Симеиза конца XIX в. [34]. Это подтверждают и строчки из автобиографии, записанной О. фон Риземаном: «Зверев снял по соседству маленький домик, где поселил троих мальчиков, и не одних, но поручив их заботам Ладухина» [26, с. 47]. Как известно по другим мемуарным источникам, «мальцовские вагончики» как раз и были разделены на два отсека, в каждом из которых с относительным комфортом могли проживать по два человека [34].

Было бы неверным представлять С.И. Мальцова человеком, интересовавшимся исключительно хозяйством и капиталом: он представлял собой куда более многогранную личность, был вхож в петербургский свет, а его супруга, А.Н. Урусова, воспитанная при дворе, была фрейлиной и ближайшей подругой жены императора Александра II Марии Александровны, и с конца 1840 - начала 1850 х гг. жила в основном в Санкт-Петербурге и Царском селе с детьми Мальцова, также ставшими членами придворного общества. Возможно, именно это обстоятельство привлекало в Симеиз деятелей культуры и искусства: помимо С.И. Зверева с учениками, там бывал историк Е.И. Забелин, Л.Н. Толстой, написавший в Симеиза рассказ «Ильяс».

«Пребывание в Симеизе осталось у меня в памяти главным образом из-за Рахманинова, – писал Пресман. – Там он впервые начал сочинять, как сейчас помню, Рахманинов стал задумчив, даже мрачен, искал уединения, расхаживал с опущенной вниз головой и целеустремлённым куда-то в пространство взглядом, причём что-то почти беззвучно настыпал, размахивая руками, будто дирижируя. Такое состояние повторялось несколько дней. Наконец, он, таинственно выждав момент, когда никого, кроме меня, не было, подозвал меня к роялю и стал играть. Сыграв, он спросил меня: Ты не знаешь, что это? Нет, говорю, – не знаю. А как, спрашивает он, – тебе нравиться этот органный пункт в басу при хроматизме в верхних голосах? Получив удовлетворивший его ответ, он самодовольно сказал: это я сам сочинил и посвящаю тебе эту пьесу» [\[5, с.156\]](#).

Сергею Рахманинову было 15 лет – возраст, когда романтическая натура вдохновляется первозданными местами. А Симеиз в то время был местом пустынным: море, бухты, скалы, рощи можжевельников, виноградники, лишь несколько домиков на берегу в парке и почти не видно людей.

Имение Токмаковых находилось в Мисхоре и называлось «Олеиз»; отдыхать там в 1888 году Зверев с учениками мог едва ли. Купец из сибирской Кяхты Иван Федорович Токмаков, с 1860-х годов ставший одним из основателей торговли чаем с Китаем, только начал в это время покупать земли на Южном берегу: в 1886 году – в Аутке, в 1887 – в Мисхоре, о чем свидетельствуют исповедальные книги кореизской церкви Вознесения Христа [\[9, л. 6\]](#). Остальные земли в Алупке, Гаспре и Алуште были куплены им в следующие три года [\[7, л. 3 об. - 4 об.\]](#) Вполне вероятно, что Рахманинов бывал на даче Токмаковых в Мисхоре «Нюра», но позднее – в 1900 г., посещая там А.М. Горького.

В первое десятилетие XX века С.В. Рахманинов не раз посетил Южный Берег Крыма, переживавший тогда расцвет культурной жизни (о чем свидетельствуют хотя бы литературные произведения из «южнобережных циклов» рассказов А.П. Чехова, И.А. Бунина, А.И. Куприна). В 1897–1898 годах Рахманинов был дирижером частной оперы Саввы Мамонтова, и в этом качестве в сентябре 1898 году приезжал в Крым с концертами, которые проходили в городском театре Ялты и на террасе Воронцовского дворца в Алупке. Сохранилась сентябрьская записка Рахманинова А.П.Чехову, которая гласит: «Сейчас же как придете домой, дорогой Антон Павлович, и прочтете эту писульку, идите в городской сад, мы там обедаем и Вас ждем. Шаляпин, Рахманинов, Миров» [\[27, т. 1, с. 280\]](#).

Весной 1900 г. (со второй половины апреля до первых чисел июня) Рахманинов гостил в Ялте на даче княжны Александры Андреевны Ливен, где им были созданы Вторая сюита для двух фортепиано и две из трех частей Второго концерта для фортепиано с оркестром. Об атмосфере в Ялте той поры красноречиво свидетельствуют мемуары К.С.

Станиславского, так вспоминавшего ту весну: «Из Севастополя мы переехали в Ялту, где нас ждал почти весь русский литературный мир, который, точно сговорившись, съехался в Крым к нашим гастролям. Там были в то время: Бунин, Куприн, Мамин-Сибиряк, Чириков, Станюкович, Елпатьевский и, наконец, только что прославившийся тогда Максим Горький, живущий в Крыму из-за болезни легких ... Кроме писателей, в Крыму было много артистов и музыкантов, и среди них выделялся молодой С.В. Рахманинов. Ежедневно в известный час все актеры и писатели сходились на даче Чехова, который угождал гостей завтраком» [\[31, с. 233\]](#).

Вспоминал о встрече с Рахманиновым в Ялте тем летом и И.А. Бунин, включивший небольшой очерк «Рахманинов» в свои мемуары, опубликованные в 1950 г. Бунин пишет: «При моей первой встрече с ним в Ялте произошло между нами нечто подобное тому, что бывало только в романтические годы молодости Герцена, Тургенева, когда люди могли проводить целые ночи в разговорах о прекрасном, вечном, о высоком искусстве. Впоследствии, до его последнего отъезда в Америку, встречались мы с ним от времени до времени очень дружески, но всё же не так, как в ту встречу, когда, проговорив чуть не всю ночь на берегу моря, он обнял меня и сказал: «Будем друзьями навсегда!» (...) А в ту ночь мы были еще молоды, были далеки от сдержанности, как-то внезапно сблизились чуть не с первых слов, которыми обменялись в большом обществе, собравшемся, уже не помню почему, на весёлый ужин в лучшей ялтинской гостинице «Россия». Мы за ужином сидели рядом, пили шампанское Абрау-Дюрсо, потом вышли на террасу, продолжая разговор о том падении прозы и поэзии, что совершалось в то время в русской литературе, незаметно спустились во двор гостиницы, потом на набережную, ушли на мол, — было уже поздно, нигде не было ни души, — сели на какие-то канаты, дыша их дегтярным запахом и той какой-то совсем особой свежестью, что присуща только черноморской воде, и говорили, говорили всё горячей и радостнее уже о том чудесном, что вспоминалось нам из Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Фета, Майкова...» [\[4, с. 231\]](#). Впоследствии, в 1906 г. Рахманинов напишет музыку на два стихотворения Бунина — «Ночь печальна» и «Я опять одинок», дружба писателя и композитора продлится и в годы эмиграции.

В 1909 году в Симферополе было открыто отделение Императорского Русского Музыкального Общества, дирекцию которого возглавляла принцесса Елена Георгиевна Саксен-Альтенбургская, пригласившая композитора на должность помощника по музыкальной части, которую он занимал до 1912 г. А в последний раз Рахманинов приехал в Крым в июле и (или) августе 1917 г. — уже известным музыкантом и композитором. «Почти с самого начала революции я понял, что она пошла по неправильному пути... Уже в марте 1917 г. я решил покинуть Россию, но мой план было невозможно осуществить, потому что Европа все еще находилась в состоянии войны и границы были закрыты...», — вспоминал композитор [\[26, с. 198\]](#). Удрученный Рахманинов решил уехать на юг — сначала в июне в Ессентуки, а затем в Симеиз на Южном берегу Крыма.

К этому времени здесь уже поднялись многочисленные дачи курорта Новый Симеиз: наследники С.И. Мальцова, получившие в 1894 г. по решению суда приморское имение, разбили земли на участки, проложили дороги, провели воду. Дачи в благоустроенном Новом Симеизе охотно покупали представители нарождавшегося «среднего класса» императорской России — предприниматели, инженеры, врачи, — также не чуждые музыкальной культуры .

В мемуарной и другой литературе нет точных указаний, на какой из дач Нового Симеиза

останавливался Рахманинов – однако установленные нами сведения об их владельцах позволяют сделать некоторые предположения.

К примеру, композитор мог остановиться на симеизских дачах родственников – Натальи Ивановны Сатиной, двоюродной сестры отца его жены, или на соседней даче Духовских (дочь хозяев Тамара была замужем за Владимиром, родным братом жены Рахманинова).

Статский советник Евгений Михайлович Духовской происходил из дворян Петербургской губернии. По окончании Института инженеров путей сообщения в 1853 г. он был определён в звании инженер-поручика на Варшавско-Петербургскую железную дорогу. Приходилось ему работать и на других линиях железных дорог России, за добросовестный труд на которых был удостоен орденов: Св. Владимира 4 Степени, Св. Анны 2 и 3 степеней, Св. Станислава 3 степени. Активно занимался общественной работой, являясь почётным членом С.-Петербургских детских приютов ведомства императрицы Марии Фёдоровны. Был состоятельным человеком, имея в общей сложности 33786 дес. земли, из которых 11396 дес. находилась в Харьковской губернии, участки в Ялте. С 1892 по 1899 г. его избирали Почетным мировым судьей Ялтинского уезда, а его жену в гласные Ялтинского уездного земства. В 1903 г. купил участок земли в Симеизе, где построил дачу [\[18, л. 154\]](#). Его дочь Тамара Евгеньевна вышла замуж за Владимира Александровича Сатина (1887–1945), двоюродного брата С. В. Рахманинова и родного брата его жены Натальи Александровны Сатиной.

К другой версии подталкивают мемуары биолога И.И. Пузанова, чья мать также с 1901 имела участок в Новом Симеизе, на котором к 1905 г. была построена дача «Красный мак». По словам Пузанова, который провел в Симеизе юные годы, Рахманинов поселился на даче семьи Вивденко «Белый лебедь». «Навещая соседей Вивденко – Белокопытовых, мы иногда слышали божественную игру Рахманинова, доносившуюся из «Белого лебедя», – но публично он не выступил ни разу. Несколько раз я его встречал запыхавшимся и отдыхавшим после подъема по лестнице, как раз наискосок от нашей дачи. Указать точную дату отбытия семьи Рахманиновых я затрудняюсь...» [\[25, с. 430\]](#). Однако достоверность этой версии девальвируется датировкой – по мнению Пузанова, указанные события ипели место летом 1920 г. («один знаменитый человек уехал из Ялты со всей семьей, хотя об этом не говорится ни в одной из его биографий, – я говорю о Рахманинове. Он приехал в Симеиз после деникинской эвакуации» [\[25, с. 430\]](#)). При этом достоверно известно, что Рахманинов 23 декабря 1917 г. с семьёй выехал в Швецию, и больше в Россию не вернулся. Видимо, описанные события все же относились к 1917 году, а автор мемуаров, записанных в конце 1960-х гг., ошибся.

Есть также основания предполагать, что Рахманиновы отдыхали в другом уголке Нового Симеиза – на даче «Миро-Маре». Рахманинов наверняка знал хозяйку – пианистку и композитора Марию Алексеевну Станкевич, урождённую Голостенову (1867–1922). Вместе с мужем, дворянином и библиофилом Алексеем Ивановичем Станкевичем они к 1912 г. построили дачу «Миро-Маре», которая стала своеобразным культурным центром Нового Симеиза.

Мария Голостенова происходила из рода Голостеновых, который родственными узами связан с родом Лермонтовых. Она родилась 15 декабря 1867 г. в слободе Меженки Евстратьевской волости Острожского уезда Воронежской губернии. Начальное образование получила дома, в возрасте 12 лет поступила в Московский Елизаветинский институт благородных девиц. Знала несколько языков, что помогло ей во время путешествий по странам и континентам. Окончила институт в 1886 году [\[11\]](#). Впоследствии

десять лет ездила с концертами по России. Написала 50 различных сочинений пьес для рояля, квартетов, трио, пьес для фортепьяно со скрипкой, романсов, которые были изданы различными издательствами, в том числе в 1905-1906 гг. «Элегию для голоса с фортепьяно» [32]. В 1909 г. выступала с благотворительным концертом в селе Россось Острожского уезда, где владел имением её брат Александр Алексеевич Голостенов, служивший в то время гласным губернского собрания Воронежской губ. [24, с. 148].

В 1895 г. Голостенова вышла замуж за Алексея Ивановича Станкевича, представителя сербского рода Станкевичей (Станковичей), в середине XVIII в. переселившегося в Россию и оставившего важный след в истории русской культуры [29]. Наиболее известен Николай Владимирович Станкевич (1813-1840) - поэт, писатель, основатель литературно-философского кружка, в который входили Грановский, Белинский, Бакунин, Аксаков. Его внучатый племянник Алексей Иванович закончил в 1882 историко-филологический факультет Московского университета, затем пять лет работал в Московском архиве МИД. В 1887 г. историк И.Е. Забелин пригласил А.И. Станкевича библиотекарем в Императорский Российский исторический музей в Москве, куда были переданы из Румянцевского музея в доме Пашкова фонды Чертковской и Голицынской библиотек (в 1871 г. Григорий Александрович Чертков, в связи с переездом на жительство в Петербург и продажей особняка на Мясницкой, решил пожертвовать свою библиотеку, которая насчитывала более 17500 редких книг, Москве с условием, что она станет публичной).

Работа в Чертковской библиотеке стала делом жизни А.И. Станкевича, который с юности увлекался коллекционированием книг. В процессе работы он собрал стихотворения, письма своего дяди Н.В. Станкевича и издал их в 1890 г. [33]. Изучая собрание библиотеки Черткова, сделал переводы книг путешественников, посетивших Россию, стал членом «Общества любителей русской словесности», а с 1891 г. его секретарём. Впервые в адресных книгах Москвы его имя появляется в 1895 г. – когда он женился на Марии Алексеевне Голостеновой. В 1909 г. по адресу Б. Николо-Песковский, дом Грушки в книге «Вся Москва» появляется и имя Марии Алексеевны, потомственной дворянки, попечительницы «Общества вспоможения бывшим воспитанницам Елизаветинского института благородных девиц». С 1915 постоянным адресом супругов становится Никитский бульвар, №19, кв. 1.

В 1908 г. Алексей Иванович унаследовал от своего дяди Александра Владимировича Станкевича имение «Курлак» в Бобровском уезде. Площадь имения составила более 8000 дес. По всей вероятности, именно доходы с этого имения, где находились ветряные мельницы, маслобойный завод, кирпичные заводы, которые давали неплохую прибыль, и позволили купить 25 октября 1910 г. три участка №10, №11, №12 общей площадью 1028 кв. саж. у генерал-майора И.С. Мальцова в восточной части курорта Новый Симеиз. В этот же день 25 октября 1910 г. рядом купил участок №9 площадью 315 кв. саж. дворянин из Острожска Михаил Дмитриевич Лисаневич. Купив земли в Симеизе он так ничего не построил, а через год 25 июня 1911 г. продал свой участок М.А. Станкевич. [6, л. 64 об.] М.Д. Лисаневич оказался вновь в Симеизе в 1919 г., что подтверждают документы его участия в голосовании в Симеизе. На тот период времени он числился в списке отдыхающим на даче Станкевич [11, л.71].

Вилла «Миро-Маре» была построена к осени 1912 г. на участках №9, №10 и частью №12, между улицей Думбадзе, дорогой вдоль моря и дорогой, идущей к мысу Ай-Панда. Автором проекта стал гражданский инженер П.П. Щёкотов, строили инженеры В.П. и Я.П.

Семёновы [21, с. 77]. Перед виллой был разбит небольшой парк с круглым бассейном. Итальянскую неоготику виллы «Миро-Маре» П.П. Щёкотову, по всей вероятности, навеяла архитектура венецианского дворца Фондако дей Турки XI-XII вв., а также дворца Дожей в Венеции XIV-XV вв. По просьбе владелицы на первом этаже был была устроена большая музыкальная гостиная, где стоял рояль фирмы «Бехштейн». Жилые комнаты размещались в основном на втором этаже. В 1914 г. А.И. Станкевич подал в отставку с поста заведующего библиотекой Черткова, оставвшись почётным сотрудником Российского исторического музея. Станкевичи зимой жили в Москве, а летом в Симеизе.

Вполне возможно, что именно на даче «Миро-Маре» в июле-августе 1917 г. отдыхал С.В. Рахманинов с женой и дочерьми. Рахманинов часто ездил к также проводившим лето в Крыму Ф.И. Шаляпину и его семье в Новый Мисхор на дачу П.В. Мурзаевой, которая сохранилась до наших дней [20], и на дачу А.А. Спендиарова в Ялту.

5 сентября 1917 г. в ракушке Городского сада в Ялте Рахманинов с симфоническим оркестром под управлением А.И. Орлова сыграл концерт Es-dur Листа. «На этих днях я играю в Ялте. Взял себе этот концерт, чтобы что-нибудь заработать. Жизнь здесь ужасно дорога, и мы много истратили», – сообщает он в письме С.А. Сатиной от 26 августа из Нового Симеиза [27, т. 2, с. 104]. После этого композитор вернулся в Москву. 15 декабря 1917 г. в газете «День» было напечатано сообщение: «С.В. Рахманинов на днях отправляется в концертное турне по Норвегии, Швеции. Турне продлится более двух месяцев». «На помочь пришел счастливый случай. Три или четыре дня спустя после того, как в Москве началась стрельба, я получил телеграмму с предложением совершиТЬ турне по Скандинавии с десятью концертами», – писал Рахманинов. – «Денежная сторона это предложения была более чем скромная - в былье времена я бы даже не принял его во внимание. Но теперь я без колебаний ответил, что условия меня устраивают и я их принимаю» [26, с. 198]. 23 декабря с семьей выехал за границу, и больше в Россию не вернулся, при этом всю жизнь ощущая себя именно русским композитором, не уставая повторять, что в музыке должны найти отражение родина композитора, его любовь, вера, книги, картины, которые произвели на него впечатление.

Ф.И. Шаляпин, дав в июле 1917 года концерт для матросов Севастополя и одним из первых получив в 1918 году от новой власти звание заслуженного артиста республики, также через три года, в июне 1922 г., выехал на гастроли за границу и больше в Россию не вернулся. «Мечту мою я оставил в России разбитой. Иногда люди говорят мне: еще найдется какой-нибудь благородный любитель искусства, который создаст вам ваш театр. Я их в шутку спрашиваю – а где он возьмет Пушкинскую скалу?», – говорил Шаляпин [36, с. 348]. Речь идет о нереализованном проекте «Замка Искусств» на Южном берегу Крыма – виллы Шаляпина на берегу моря близ Гурзуфа, спроектированной выдающимся архитектором И.А. Фоминым. «Есть в Крыму, в Суук-Су, скала у моря, носящая имя Пушкина. На ней я решил построить Замок Искусств. Именно замок. Я говорил себе: были замки у королей, у рыцарей, отчего бы не быть замку у артистов? С амбразурами, но не для смертоносных орудий», – вспоминал Шаляпин [36, с. 348]. В 1916 и 1917 гг. отдыхавший на вилле «Орлиное гнездо» курорта Суук-Су Шаляпин начал подготовительные работы по «Замку искусств», а в июле 1917 года, наконец, оформил у хозяйки курорта О.М. Соловьеву купчую на скалу и примыкавший к ней участок: на карте имения скала отныне должна была называться «Шаляпинским утесом». Однако проект так и не был реализован; сегодня скала находится на территории входящего в состав «Артека» лагеря «Лазурный», там установлена памятная доска с эскизом Ивана

Фомина.

М.А. Станкевич во время гражданской войны оставалась в Симеизе, где власть переходила то к красным, то к белым. Это устанавливается по хранящимся в архиве отчетам о выборах гласных в кандидаты Ново-Симеизской поселковой управы в январе 1919г. [\[11, л. 71\]](#).

Детали жизни в Симеизе в годы Гражданской войны известны благодаря нескольким мемуарным источникам [\[19\]](#), среди авторов которых был литературный и художественный критик С.К. Маковский (1877-1962). В мемуарах «На Парнасе "Серебряного века"», изданных в Мюнхене в 1962 г., Маковский вспоминает, что в начале 1917 г. снял дачу в Новом Симеизе (на самом деле, как выясняется по мемуарам И.И. Пузанова, комнату на даче семьи Пузановых) и перехал из Петрограда (по его словам, «будучи уверен, что никогда не вернусь... Россия погружалась в кровь и грязь неудержимо» [\[22, с. 542\]](#).

В Крыму С.К. Маковский продолжил заниматься устройством выставок и выступлений находившихся в то время в Крыму многочисленных художников и писателей: как показал С.Б. Филимонов, в деятельности крымских научных и культурных учреждений и организаций в 1917–1920 гг. принимали участие многие крупнейшие ученые, бежавшие из университетских центров России и Украины в «белый» Крым [\[35, с. 70\]](#).

В Крым стремились как служители муз, так и их покровители. По словам Маковского, «осенью 1917 года на крымском побережье – от Гурзуфа до Севастополя – собралась целая колония петербуржцев и москвичей в своих поместьях и на дачах, построенных на сравнительно недавно приобретенных участках. Здесь жили, не слишком общаясь друг с другом, но все же забыв немного из-за общего «несчастья» о сословных перегородках, и аристократия, и представители купеческой и промышленной знати: семья Харитоненко в гостинице «Россия» (Ялта), Ханенко, Бруновы, Ушковы, французские подданные из московских богачей Гужон, княгиня Тенишева с княгиней Четвертинской, кн. Щербатовы, гр. Мордвиновы, гр. Елизавета Владимировна Шувалова, кн. Гагаринцы, Раевские и кн. Барятинские (на ялтинской «вилле роз» Сергиля), хан Нахичеванский во дворце крикливо-восточного вкуса по дороге в Ливадию (где проживала вдовствующая императрица), вел. кн. Александр Михайлович с Ксенией Александровной и Александра Петровна Ольденбургская (в Дюльбере), рядом – кн. Юсуповы и Долгорукова (Кореиз), гр. Воронцова (Алупка), Иван и Николай Сергеевичи Мальцовы и Сергей Иванович, женатый на кн. Барятинской, кн. Урусовы (Симеиз), Григорий Ушков (имение Форос)... Никогда, кажется, не закончить бы этого списка, если бы называть не тех только, кого я знал лично, с кем так или иначе был связан в Петербурге...» [\[22, с. 544-545\]](#).

Маковский так описывает жизнь в симеизском имении Мальцовы в конце 1917 – начале 1918 г., когда, по его же словам, «революционные безобразия начались и на подступах к Ялте, прежде всего вооруженные наезды матросов из Севастополя, грабивших под предлогом "национализации" и творивших расправу с офицерами-белопогонниками ... жизнь в Ялте и окрестностях становилась все труднее, для многих - и опасней» [\[22, с. 546\]](#).

«Музыкален был чрезвычайно сам хозяин Симеиза – генерал в отставке Иван Сергеевич Мальцов. После смерти жены жил он одиноко, обозревал в телескоп небо и на альте играл с сопровождением дочери своего управляющего делами Семенова (тоже генерала в отставке) – Настасии Яковлевны, певицы..., очень тонкой музыкантши. Ее брат был пианистом, окончившим консерваторию, изрядным виртуозом... Окруженная пряно

пахнувшим садом вилла Мальцова находилась у моря и возвышалась на скалах над дачной местностью, как замок феодальных времен. Весь воздух в этом уединенном обиталище, казалось, был пропитан соленым запахом волн и зовами неумолчного моря. Рядом с двухсветным залом, где стоял концертный Стейнвей, находилась комната с музыкальными инструментами разных времен, иногда очень замысловатыми... Здесь под едва уловимый морской шелест исполняла чета Ян-Рубан-Поль (А.М. Петрункевич и В.Я. Поль – авт.) свой репертуар романсов на нескольких языках...» [\[22, с. 547\]](#).

Слова Маковского подтверждаются и документами национализации имущества имения И.С. Мальцова, хранящимися в Государственном архиве Республики Крым – в его числе есть и музыкальные инструменты [\[10\]](#).

После окончательного установления советской власти в ноябре 1920 г. Южный берег Крыма пережил тяжелые времена революционного террора, а потом и голода. В эту тяжелую пору 23 июня 1922 г. Марии Алексеевны Станкевич не стало; по семейным преданиям, она была погребена на территории дачи. Алексей Иванович Станкевич вновь стал в 1919-1922 гг. сотрудником Исторического музея, скончался 23 января 1922 г. и был погребён на Новодевичьем кладбище в Москве [\[23\]](#).

Вилла «Миро-Маре» Марии Станкевич в 1922 году вошла в списки национализированных курортов по Симеизу под № 269 [\[15\]](#). Вскоре в ней был открыт детский дом Наркомпроса [\[14, л. 31\]](#). В советских документах эта дача проходит под названием «дачи Станкевич». В 1925 году дача Станкевич вошла в состав санатория «Дельфин» (бывшая дача Родевич), который был переименован в санаторий им. Семашко [\[13\]](#). В фондах Государственного архива Республики Крым есть дела по восстановлению этой дачи после землетрясения 1927 года [\[12\]](#). В послевоенные годы в бывшем концертном зале на первом этаже дачи был открыт зимний кинотеатр санатория им. Семашко. В 1980-х был начат ремонт дачи, который спустя тридцать лет так и не окончен; где-то на территории участка сохранилась и могила Марии Алексеевны Станкевич, урождённой Голостеновой. Неподалеку в руинированном состоянии находятся и остатки усадьбы Мальцовых с приморским парком, в котором в 1888 г. сочинял свои первые произведения юный Рахманинов.

«Величие определяется требованиями, которые человек предъявляет к себе сам – сознанием ответственности, а не привилегиями,» – считал С.В. Рахманинов [\[26, с. 220\]](#). Эти слова следует применить и к исторической памяти о выдающемся композиторе. В 2023 году в культурных учреждениях Крыма – Ялтинском историко-литературном музее, Крымском литературно-художественном мемориальном музее-заповеднике, Воронцовском дворце-музее в Алупке – прошли юбилейные мероприятия в честь 150-летия С.В. Рахманинова, были устроены экспозиции в честь памятной даты [\[2, 30\]](#). Полагаем, что «рахманиновским местам» на карте России должен, несомненно, быть отнесен и Симеиз на Южном берегу Крыма, чье значение как важного «места исторической памяти» следует заново оценить.

Реконструированные нами страницы пребывания на Южном берегу Крыма С.В. Рахманинова, а также Ф.И. Шаляпина, М.А. Станкевич (Голостеновой), их коллег, друзей и знакомых, деятелей культуры, любителей музыки из числа южнобережных дачников, позволяют расширить представления о насыщенной культурной жизни в историческом пространстве Южного берега в конце XIX - начале XX века, когда Ялта и ее окрестности переживала расцвет. Творческие и дружеские связи, рождавшиеся и укреплявшиеся тогда на «русской Ривьере», как стали называть этот край, как мы убедились на примере

сотрудничества С.В. Рахманинова, И.А. Бунина, А.П. Чехова, вдохновляли на создание новых произведений, обогащали русскую культуру.

Библиография

1. Адищев В.И. Музыкальное образование в женских институтах и кадетских корпусах России второй половины XIX – начала XX века. М.: Музыка, 2007.
2. Барская Т. Сергей Рахманинов в Крыму начал сочинять музыку // Крымский блог: URL: <https://crimeanblog.blogspot.com/2013/04/rahmaninov.html> (дата обращения: 29.10.2023).
3. Бобовникова И.А. Музыкальный «рельеф» в культурном ландшафте Крыма // Культура народов Причерноморья. 2012. № 235. С. 129-135.
4. Бунин И.А. Рахманинов //Собрание сочинений в 6 тт. Т. 6. М.: Художественная литература, 1988.
5. Воспоминания о Рахманинове / Гос. центр. музей муз. культуры им. М. И. Глинки: сост., ред., comment. и предисл. З. Апетян. М.: Музыка, 1988. Т. 1.
6. ГАРК. Ф. 62. Оп. 3. Д. 213.
7. ГАРК. Ф. 62. Оп. 3. Д. 45.
8. ГАРК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 26.
9. ГАРК. Ф. 651. Оп.2. Д.1
10. ГАРК. Ф. Р-361. Оп. 1. Д. 43.
11. ГАРК. Ф. Р-999. Оп.1. Д. 119.
12. ГАРК. Ф. Р-1128. Оп. 2. Д. 228.
13. ГАРК. Ф. Р-460. Оп. 1. Д. 1450.
14. ГАРК. Ф. Р-2058. Оп. 4. Д. 248.
15. ГАРК. Ф. Р-2230. Оп. 3. Д. 148.
16. Документ. Императорское русское музыкальное общество. Московская консерватория. Свидетельство С. В. Рахманинова об отпуске из Консерватории в Крым и в Закавказский край // Госкatalog музейного фонда РФ: URL:<https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=46983059> (дата обращения: 29.10.2023).
17. Карагодин А.В. Дачные курорты на Южном берегу Крыма в конце XIX – начале XX века: методологические и источниковедческие аспекты исследования: диссертация ... доктора исторических наук. М., 2023.
18. Карагодин А.В. Дачный поселок Новый Симеиз на Южном берегу Крыма в 1902-1920 гг. как феномен социокультурной модернизации: источники, методы и этапы исследования // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2021. № 1. С. 41-64.
19. Карагодин А.В. Фатальная праздность "бывших": Южный берег Крыма в годы гражданской войны (1917-1921) через призму истории повседневности. // Исторический журнал: научные исследования. 2020. № 2. С. 109-122.
20. Карагодин А.В., Петрова М.М. Новый Мисхор – первый дачный курорт на Южном берегу Крыма (1898–1920): реконструкция социокультурной истории // Человек и культура. 2020. № 4. С. 103-127.
21. Кузьменко В.М. Новый Симеиз и его окрестности на Южном берегу Крыма. М.: Т-во скоропеч. А.А. Левенсон, 1913.
22. Маковский С.К. Портреты современников. На Парнасе Серебряного века. М.: Аграф, 2000.
23. Новодевичий мемориал: Некрополь Новодевичьего кладбища / Авт. и сост. С. Е. Кипнис. М.: Пропилеи, 1995.
24. Памятная книга Воронежской губернии на 1908 г. Воронеж: Воронежский

- губернский статистический ком., 1908.
25. Пузанов И.И. Мемуары. В 3 т. Одесса: «Плутон», 2015. Т. 2.
26. Рахманинов С.В. Воспоминания, записанные Оскаром фон Риземаном. М.: Изд-во АСТ, 2018.
27. Рахманинов С.В. Литературное наследие: В 3 т. / Сост.-ред., авт. вступ. статьи, comment., указ. З.А. Аветян. М.: Сов. композитор, 1978.
28. Розанова-Сверловская Л.Г. Ялта музыкальная, 1888-1920. Симферополь: Н. Оріанда, 2011.
29. Свалов Н.А. Из родословной Николая Станкевича //Знание. Понимание.Умение. 2015. №2. С. 110-128.
30. Седенко Б. Жизнь по нотам: Крым в жизни и творчестве композитора Сергея Рахманинова // Крымская газета. 12.04.2023.
31. Станиславский К.С. Собрание сочинений: В 8 т. / М. Н. Кедров (гл. ред.). М.: Искусство, 1954-1961. Т. 1. Моя жизнь в искусстве.
32. Станкевич М.А. 1905 и 1906 г.г.: Элегия: Для голоса с фп.: Н-d.1 / Сл. и муз. М.А. Станкевич. М., б.г.
33. Станкевич Н.В. Переписка Николая Владимировича Станкевича: 1830-1840. М.: 1914.
34. Тимохович С.Я. Путевые заметки и жизнь на Южном берегу Крыма в Симеизе. Калуга: тип. Губ. правл., 1885.
35. Филимонов С.Б. Из прошлого русской культуры в Крыму: поиски и находки историка-источниковеда. Симферополь: Н. Оріанда, 2010.
36. Шаляпин Ф.И. Мaska и душa: мои сорок лет на театрах. СПб.: Азбука-классика, 2010.
37. Шинтиапина И. В. Ялтинское отделение ИРМО в культурно-образовательном пространстве Крымского Южнобережья начала XX века // Наука. Искусство. Культура. 2018. Вып. 1 (17). С. 1-7.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

История Крымского полуострова вписана золотыми буквами в российскую историю: чего стоят только две героические обороны Севастополя. Но помимо военно-стратегического Крым уже с конца XIX в. приобрёл статус здравницы, а также стал местом отдыха русского дворянства, интеллигенции, разночинцев. Особенно интересен в плане изучения «культурный ландшафт» Южного берега Крыма, где до сих пор имеются «белые пятна». А между тем жившие в этом регионе деятели культуры создавали непередаваемый колорит, в том числе и своими художественными программами.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является роль Южного берега Крыма в биографии С.В. Рахманинова. Автор ставит своими задачами проанализировать страницы пребывания на Южном берегу Крыма С.В. Рахманинова, М.А. Станкевич (Голостеновой), Ф.И. Шаляпина и круга их коллег, друзей и знакомых из числа творческой интеллигенции.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать сложившийся на Южном берегу Крыма круг общения С.В. Рахманинова. Научная новизна определяется также привлечением архивных

материалов.

Рассматривая библиографический список статьи как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя свыше 30 различных источников и исследований. Из используемых источников отметим прежде всего документы из фондов Государственного архива Республики Крым, а также воспоминания С.В. Рахманинова, Ф.И. Шаляпина и др. Из используемых исследований отметим труды А.В. Карогодина, С.Б. Филимонова, И.В. Шинтяпиной, в центре внимания которых различные аспекты культурной жизни Южного берега Крыма. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как историей Южного берега Крыма, в целом, так и его культурной жизнью, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определённой логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает роль Южного берега Крыма в судьбе Рахманинова: впервые он оказался там в подростковом возрасте, а потом «Южный берег Крыма стал местом последних российских гастролей композитора, оттуда он отправился в Москву, а затем через Петербург в Швецию, и на родину уже не вернулся». Автор пытается выяснить, где проживал Рахманинов в Крыму, рассматривает его круг общения и т.д. Более того, фактически автор на основе различных архивных источников показывает роль Симеиза в культурной жизни Крыма.

Главным выводом статьи является то, что рассмотренные автором факты «дополняют картину насыщенной культурной жизни в историческом пространстве Южного берега в конце XIX - начале XX века, способствуя его осмыслению как важного места «исторической памяти» России».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России, так и в различных спецкурсах.

В тоже время к статье есть замечания:

- 1) Необходимо убрать опечатки («в 2023 г. Россия отпраздновала 150 лет со дня рождения выдающегося композитора Сергея Васильевича Рахманова»).
- 2) Автору следует больше сконцентрироваться на самом Рахманинове, как это и заявлено в названии статьи.

В целом, на наш взгляд, после исправления указанных замечаний статья может быть использована для публикации в журнале «Исторический журнал: научные исследования».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Отзыв на статью «С.В.Рахманинов и его круг на Южном берегу Крыма: малоизвестные страницы истории русской музыкальной культуры конца XIX – начала XX века.»

Предмет исследования обозначен автором в названии и разъяснен в тексте статьи.

Методология исследования базируется на принципах историзма и объективности, что позволило русскую музыкальную культурную жизнь на Южном берегу Крыма в конце XIX-начале XX века, внести ясность в некоторые страницы биографии композиторов, музыкантов, предпринимателей и т.д. При написании работы авторы опирались на общенаучные методы: анализ, синтез, обобщение и т.д. Также в работе широко использован описательный метод, это позволило раскрыть предмет исследования. В работе также использованы специальные исторические методы: сравнительно-исторический, историко-хронологический и др.

Актуальность темы определяется постановкой проблемы и задач исследования. Актуальность определяется тем, пишут авторы рецензируемой статьи, что «в 2023 г. Россия отпраздновала 150-летие со дня рождения» гениального русского композитора Сергея Васильевича Рахманинова, а «в 2024 г. г. отмечает десятилетие воссоединения с Россией Крыма, с которым деятелей русской музыкальной культуры традиционно связывают особые отношения». Многие «композиторы и музыканты сыграли значительную роль в формировании «культурного ландшафта» Крыма конца XIX – начала XX века, в особенности – исторического пространства Южного берега Крыма». В статье отмечается, что биография С.В. Рахманинова очень подробно и всестороннее рассмотрена и большую роль в это внесли З.А. Апетян и О. фон Риземан. «Но даже столь подробно реконструированная биографическая история, как оказалось, местами может нуждаться в уточнении», отмечается в рецензируемой статье. Авторы статьи много лет плодотворно и последовательно занимаются исследованием социальной и культурной жизни в этом регионе, скрупулезно и тщательно исследуют когда была основана та или иная дача, кто там жил, кому она принадлежала, а также изучают кто из писателей, музыкантов, композиторов приезжал, кто с кем общался и заполняют «лакуны», которые имеются в социо-культурной жизни того периода и вносят уточнения в неясные страницы биографии С.В.Рахманинова и других деятелей, кто жил или отдыхал В Крыму. Авторы статьи пишут, что цель статьи внести ясность в спорные и не до конца выясненные вопросы социальной и культурной жизни Юга Крыма и в биографию деятелей культуры. Научная новизна определяется постановкой проблемы и задач исследования. Научная новизна определяется тем, что в статье на широком круге источников (материалов из Государственного архива Республики Крыма (ГАРФ), воспоминаний Ф.И. Шаляпина, И.А. Бунина, С.В. Рахманинова и др., работ специалистов по исследуемой теме и смежным темам) показать социальную и культурную жизнь Южного берега Крыма, деятелей культуры и их биографии в исследуемый период времени.

Стиль, структура, содержание. Стиль статьи научный, с элементами описательности. Структура работы направлена на достижение цели и задач исследования. Текст статьи логично выстроен и изложен. Касаясь биографии С.В. Рахманинова отмечается, что впервые он приехал в Крым в 1888 г.в mestечко Новый Симеиз. «Парки, скалы и бухты романтического Симеиза вдохновили 15-летнего Сергея Рахманинова в 1888-м на создание своего первого музыкального произведения. А в 1917-м он вновь поселился в Симеизе, ставшем к тому времени самым большим дачным курортом на Южном берегу Крыма, больше того: Южный берег Крыма стал местом последних российских гастролей композитора, оттуда он отправился в Москву, а затем через Петроград в Швецию, и на родину уже не вернулся». В статье авторы показали культурную жизнь Крыма, время и обстоятельства пребывания на Южном берегу Крыма С.В. Рахманинова, а также Ф.И. Шаляпина, М.А. Станкевич (Голостеновой), их коллег, друзей и знакомых, деятелей культуры, любителей музыки. «Это позволило расширить представления о насыщенной культурной жизни в историческом пространстве Южного берега в конце XIX - начале XX века, когда Ялта и ее окрестности переживала расцвет. Творческие и дружеские связи, рождавшиеся и укреплявшиеся тогда на «русской Ривьере», как стали называть этот

край, как мы убедились на примере сотрудничества С.В. Рахманинова, И.А. Бунина, А.П. Чехова, вдохновляли на создание новых произведений, обогащали русскую культуру», справедливо отмечают авторы статьи.

Библиография статьи разнообразна и насчитывает 37 источников по теме исследования и смежным темам. Библиография показывает, что авторы статьи в теме разбираются глубоко и всестороннее.

Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи и в библиографии. Авторы убедительны в своих доводах, когда вносят корректиды в некоторые устоявшиеся ошибочные мнения в литературе, в частности о том, что владельцем имения Симеиз на Южном берегу Крыма с двадцатых годов XIX века были не Токмаковы, а Мальцовы.

Выводы, интерес читательской аудитории. Статья написана на интересную тему и вызовет интерес специалистов и всех тех, кто интересуется жизнью и деятельностью С.В. Рахманинова и др. деятелей культуры конца XIX-начала XX в., чья жизнь в той или иной степени связана с Южным берегом Крыма.

History magazine - researches

Правильная ссылка на статью:

IDAHO SA S., Egesi B. Comparative Foreign Policy Analysis (CFP) of Nigeria and South Africa: An overview // Исторический журнал: научные исследования. 2024. № 3. DOI: 10.7256/2454-0609.2024.3.69482 EDN: JYDVSZ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69482

Comparative Foreign Policy Analysis (CFP) of Nigeria and South Africa: An overview / Сравнительный внешнеполитический анализ (CFP) Нигерии и Южной Африки: обзор

Идахоса Стефан Осахерумвен

ORCID: 0000-0002-9085-0070

доктор исторических наук

кандидат исторических наук, кафедра "Теория и история международных отношений", Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Tafawa Balewa, Нигерия, г. Абуя, ул. Cbd, 1

✉ idahosa8@gmail.com

Егези Блессинг Чиманпа

ORCID: 0000-0003-3075-9950

аспирант, кафедра Африканские и арабские исследования, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (RUDN University)

117198, Россия, Moscow область, г. Moscow, ул. Mklukho-Maklaya, 1

✉ blessingegesi1@gmail.com

[Статья из рубрики "Регионы мира в мировом историческом процессе"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2024.3.69482

EDN:

JYDVSZ

Дата направления статьи в редакцию:

30-12-2023

Аннотация: В данной статье оценивается внешнеполитическая роль Нигерии и ЮАР в Африке, учитывая их статус региональных держав и региональные комплексы, в рамках которых они действуют. Опираясь на множество ссылок на политику и выступления

президентов двух государств, в этой статье утверждается, что CFP, учитывая его акцент на процессах принятия внешнеполитических решений, связанных с важными событиями, а также его влияние на повседневные события, полезен в качестве теоретической основы для этой оценки. Нигерия и Южная Африка являются активными государственными субъектами международной системы. Бессспорно, Нигерия и Южная Африка являются двумя важными странами на африканском континенте, чьи внешнеполитические действия и бездействие имеют решающее значение для развития их территорий регионального и глобального влияния, особенно для африканского континента. В статье использован метод качественного исследования, который предлагает описание и анализ направления внешней политики Нигерии и Южной Африки. Статья вносит вклад в литературу, иллюстрируя потенциальное влияние и региональные последствия анализа внешней политики как подхода международных отношений (МО), в рамках которого можно проанализировать поведение этих двух африканских государств после появления новых членов в БРИКС, африканский Союз (АС) стал постоянным членом «Большой двадцатки», что дало континенту важный голос по ключевым глобальным вопросам. Отмечая, что динамично развивающаяся роль Южной Африки и Нигерии на глобальной арене, как ожидается, повысит позиции Африки в процессе принятия решений как региональной, так и мировой политики. Обеим странам необходимо объединить свои усилия и практические стратегии для достижения общей цели развития, мира и безопасности в Африке.

Ключевые слова:

Анализ внешней политики, апартеид, Южная Африка, Нигерия, Внешняя политика, ЭКОВАС, Африканский Союз, САДК, Экономическая дипломатия, Конфликт

Introduction

Comparative foreign policy analysis (CFP) is a vibrant and dynamic subfield of international relations. It examines foreign policy decision-making processes related to momentous events as well as patterns in day-to-day interactions of different countries, as well as international and nongovernmental organizations.

CFP offers theoretical frameworks that help to capture the “heartbeat” of global and regional politics. Researchers continue to explore “key questions and problems on the causes of state behaviors and their implications by constructing, testing, and refining theories of foreign policy decision-making in comparative perspective” [\[1;2;3\]](#).

The field of foreign policy analysis rejects the view that every event is completely unique. Finding patterns is important to reach the end goal of a general understanding and an increased capability for prediction. In other words, we seek to explain the factors that influence not just a specific policy, but state behaviour generally because general knowledge can be used to anticipate future action [\[4\]](#). For example, a case study of Nigeria and South Africa in the formulation of foreign policy and management of deep-rooted and complex conflicts [\[5\]](#), will explain some factors of general understanding. Of the essence, is the valuable lessons for governance that CFP also offers [\[3\]](#).

Nigeria and South Africa share some similarities in their foreign policies. These include: Regional Leadership: Both Nigeria and South Africa play significant roles in their respective regions. Nigeria is often seen as a leader in West Africa, while South Africa is considered a

leader in Southern Africa. They both have a desire to exert influence and promote stability within their regions. Pan-Africanism: Both countries have shown a commitment to the principles of Pan-Africanism. They advocate for African unity, cooperation, and solidarity. Nigeria and South Africa have been actively involved in regional organizations such as the African Union (AU) and the Economic Community of West African States (ECOWAS) to promote African integration and address regional challenges. Conflict Resolution: Nigeria and South Africa have been involved in peacekeeping and conflict resolution efforts across the continent. They have contributed troops to various United Nations and African Union peacekeeping missions, demonstrating their commitment to resolving conflicts and maintaining peace in Africa. Economic Diplomacy: Both countries pursue economic diplomacy as part of their foreign policies. They actively engage in trade and investment initiatives with other countries, particularly within Africa. Nigeria and South Africa seek to promote economic cooperation, attract foreign investment, and enhance their trade relationships with other nations. Non-Aligned Foreign Policy: Both Nigeria and South Africa have pursued a non-aligned foreign policy, maintaining relationships with multiple countries and avoiding alignment with any particular bloc or power. They strive to maintain diplomatic relations with a wide range of nations and pursue partnerships based on mutual interests and benefits. It is important to note that while Nigeria and South Africa have similarities in their foreign policies, they also have distinct approaches and priorities based on their unique circumstances and interests.

The development of foreign policy is influenced by domestic considerations, the policies or behaviour of other states, or plans to advance specific geopolitical designs. This is not to say that the authors assume all states foreign policies can be explained in exactly the same way. In order to discover similarities and differences across foreign policies, we use "comparative method". This involves selecting what to examine (in this instance, states and their foreign policies) and determining patterns. It is comparative because it involves comparing two or more states.

Research Questions: What are the determinants factors of Nigeria-South Africa Foreign Policies? The **Broad Objective of the Research**; is to investigate the nature and direction of Nigeria and South Africa Foreign Policies', while the **Specific Objectives of the Research**; is to examine the determinants of the foreign policy behaviour of both states in the midst of their weaknesses and strengths, despite the active nature of Nigeria and South Africa in the international system.

Theory and Methodology of Comparative Foreign Policy Analysis

There are several prominent scholars and researchers who have contributed to the development and promotion of Comparative Foreign Policy Analysis, such as Richard C. Snyder, who is known for his work on decision-making in foreign policy. His book, "Foreign Policy Decision-Making: An Approach to the Study of International Politics," published in 1954 and 1962 [4:5], laid the foundation for the comparative study of foreign policy. He provides a comprehensive analysis of decision-making in foreign policy. In his book, Snyder presents several arguments that shed light on the complexities and factors influencing foreign policy decisions. On Rational Actor Model: Snyder emphasizes the importance of the Rational Actor Model in understanding foreign policy decision-making. According to this model, decision-makers are rational actors who carefully weigh the costs and benefits of different options before making a choice. Snyder also highlights the significance of Information Processing in foreign policy decision-making. He argues that decision-makers often face limited information and must carefully analyze and interpret the available data to

make informed choices. He further discusses the role of Group Dynamics in shaping foreign policy decisions. He explores how individuals within decision-making groups interact, negotiate, and influence each other's perspectives, leading to collective decision outcomes. Snyder examines the influence of Bureaucratic Politics on foreign policy decision-making. He argues that decision-making processes are often influenced by the interests and preferences of various bureaucratic institutions within governments. Snyder delves into the Cognitive Processes involved in foreign policy decision-making. He explores how individuals perceive and interpret information, as well as the biases and cognitive shortcuts that can impact decision outcomes. He emphasizes the importance of Historical Context in understanding foreign policy decisions. He argues that decision-makers often draw on historical experiences and patterns when formulating policies and making choices.

Ole R. Holsti, is another influential scholar that made several arguments regarding Comparative Foreign Policy Analysis. His book, "Crisis, Escalation, War," published in 1972 [6], introduced a systematic approach to the study of foreign policy decision-making during times of crisis. Holsti's work has contributed to the understanding of the role of leaders, domestic factors, and international dynamics in shaping foreign policy outcomes. One key argument is that a comparative approach allows for a better understanding of the factors influencing foreign policy decisions. By comparing different countries' foreign policies, we can identify patterns, similarities, and differences that can shed light on the underlying drivers of decision-making. Another argument is that comparative analysis helps to assess the impact of domestic factors on foreign policy. Holsti emphasises the importance of considering domestic political, economic, and social contexts when analyzing foreign policy choices. By comparing how domestic factors shape foreign policies across different countries, we can gain insights into the complex interplay between domestic and international dynamics.

Furthermore, Holsti argues that a comparative approach enhances the ability to identify the causal mechanisms behind foreign policy outcomes. By examining multiple cases, researchers can identify common causal factors and mechanisms that explain why certain policies are adopted or why certain outcomes occur. Lastly, Holsti emphasises the importance of context-specific analysis within comparative foreign policy analysis. He argues that each country has unique historical, cultural, and institutional contexts that shape its foreign policy. Therefore, it is crucial to consider these specific contexts when conducting comparative analysis to avoid oversimplification and ensure accurate and valid conclusions.

James N. Rosenau, known for his contributions to the study of international relations and comparative politics. His book, "Comparative Foreign Policy: Theoretical Essays," published in 1969 [7], explores different theoretical perspectives and approaches to the analysis of foreign policy. He emphasizes the importance of context and complexity in understanding foreign policy behavior. Helen V. Milner, a leading scholar in the field of International Relations, with a focus on comparative politics and foreign policy. Her work examines the influence of domestic politics and institutions on foreign policy decisions, particularly in democracies [8;9;10]. Milner also made significant contributions to the study of trade policy and international economic relations. Valerie M. Hudson [11]: Hudson's research focuses on the intersection of gender and international relations, including the study of women in foreign policy decision-making. Her work highlights the importance of gender analysis in understanding foreign policy behavior and its implications.

"Lantis, Jeffrey S., and Ryan Beasley [14]. "Comparative Foreign Policy Analysis" is a book

that explores the field of comparative foreign policy analysis. Lantis and Beasley provide an overview of the theoretical frameworks, methodologies, and key concepts used in the study of foreign policy from a comparative perspective. They gave an overview of comparative approach to foreign policy analysis, their work posit that it involves examining and comparing the foreign policies of different countries to identify similarities, differences, patterns, and trends. This approach helps to understand how various factors, such as domestic politics, international relations, and historical contexts, shape foreign policy decisions.

Both authors discuss various theoretical frameworks used in comparative foreign policy analysis. These include realism, liberalism, constructivism, and other theoretical perspectives that offer different insights into understanding the motivations and behaviors of states in the international arena. Methodologies: The authors explore different research methodologies and approaches used in comparative foreign policy analysis. They discuss qualitative and quantitative methods, case studies, content analysis, surveys, and other research techniques employed to gather data and analyze foreign policy decision-making processes.

Their work introduces and defines key concepts in the field of comparative foreign policy analysis. These concepts include national interest, decision-making processes, public opinion, elite perceptions, bureaucratic politics, and the role of international institutions. Understanding these concepts helps to analyze and compare foreign policy behavior across different countries. Furthermore, Lantis and Beasley provide case studies that illustrate the application of comparative analysis to understand foreign policy. These case studies cover a range of countries and regions, allowing readers to examine how different factors and actors shape foreign policy decisions in specific contexts.

Comparative Foreign Policy Analysis is a field of study that examines and compares the foreign policies of different countries. It seeks to understand the factors and processes that shape a country's foreign policy decisions, as well as the outcomes and impacts of those decisions. The theory and methodology of Comparative Foreign Policy Analysis involve several key elements. First, Comparative Approach: Comparative Foreign Policy Analysis emphasizes the comparison of foreign policies across different countries. By examining similarities and differences, researchers can identify patterns, trends, and variations in foreign policy behavior. Second, Levels of Analysis: Comparative Foreign Policy Analysis considers various levels of analysis, including the individual, domestic, and systemic levels. The individual level focuses on the role of leaders, their beliefs, and personalities in shaping foreign policy. The systemic level analyzes the impact of the international system and global dynamics on foreign policy. Third, Methodological Pluralism, in Comparative Foreign Policy Analysis involves finding value in varieties of sources of information and utilizes a range of research methods and techniques. It believes that no research method is inherently superior to any other [12;13]. Fourth, Theoretical Frameworks: Comparative Foreign Policy Analysis draws on various theoretical frameworks to explain and understand foreign policy behavior. Fifth, Case Selection: Comparative Foreign Policy Analysis involves the selection of specific cases for analysis. Researchers choose countries or specific foreign policy issues that are relevant to their research questions. Case selection can be based on criteria such as geographical diversity, historical significance, or policy relevance.

Methodologically, it employs the use of comparative analysis relying solely on secondary information for data generation and analysis.

Overview of Nigeria and South Africa

Foreign policy is a major tool used by nation states to realise well defined national interests through influencing the behavior of other states and/or manipulating the global environment. In doing this, certain key national resources, domestic considerations, and specific geopolitical designs are deployed as instruments to achieving the set policy objectives in the world system that naturally consists of sovereign states as well as non-sovereign states whose role is pivotal to world's socio-economic and political development [14]. Nigeria and South Africa are both active state actors in the international system. Unarguably, Nigeria and South Africa are two important nations in the continent of Africa whose foreign policy actions and inactions are crucial to the desire development of their areas of regional and global influence, particularly for the African continent. It is precisely in this context that the paper is of the view that because states are experiencing challenges and transformations both internally and externally that the analysis of foreign policy (the values that give rise to those policy actions and the means or instruments used to pursue) is important.

While the necessity for cooperation, partnership and collaboration by both countries cannot be overemphasised, with the shifting dynamics of the international system, the chequered history of Nigeria-South Africa relations [15] has experienced the 3Cs – conflict, cooperation and, competition [16]. For example, during the apartheid era, Nigeria-South Africa relations was very cordial, this was followed by conflict during the killing of the Ogoni 9. Thereafter, was the probable competition of leadership on the continent, which was visible during the nomination and election of the African Union (AU) Commission chairperson in 2012, the continent voted along regional lines. South Africa received its overwhelming support from the South African Development Community (SADC) region, while Jean Ping, the Gabonese candidate, received his support from the ECOWAS region. Another incident of conflict of interest was in Ivory Coast. Nigeria had mounted a diplomatic campaign, backed by the United States, the United Nations, and European powers, combining financial sanctions and the threat of military action to dislodge Laurent Gbagbo, the defeated presidential incumbent to yield power, while South Africa pressed for a power-sharing agreement that would preserve a role for Gbagbo in Ivory Coast's government [17]. The yellow fever certificate deportation narrative that involved the two countries deporting nationals.

Determinants of Nigeria and South Africa foreign policy behaviors: comparative perspective

Understandably, the foreign policy of a state is conditioned by two determinants, namely the domestic and the foreign. The argument of the primacy of one determinant over the other has over the years been an argument [18]. Chuka Enuka argue that, "The understanding of foreign policy has the problem of establishing the boundary between that which is foreign, and those who are domestic" [19]. It is pertinent to state that the nature of the activities in the international system one way or another determines the foreign policy of nation states. According to Ola Adeniyi [20] "the external factor which is, the nature of the international system where nations operate, primarily determines the foreign policy of especially the developing countries. He argue that, "This is a reality to which African countries have to adjust". This invariably means African countries foreign policies are reactive to the international system, than been proactive. This paper is of the view that the nature of international system, especially in Africa and in relations to other countries has continue to be the determinant of the foreign policies, including the state(s) relationship with non-state actors.

History indelibly influences foreign policy. Consciously or unconsciously, government officials rely on their understanding of the past in seeking to address what is happening today; they seek to render new and complex issues more legible by drawing insights from what has come before [21]. History has a role to play in the future formulation and articulations of states foreign policy. Historical knowledge, when used properly, can have a highly constructive influence on policy. Nigeria and South Africa share several similarities that could indelibly influence their foreign policies. Some commonalities between the two countries include: Colonial History: Both Nigeria and South Africa were colonized by European powers. Nigeria was colonized by the British, while South Africa was colonized by the Dutch and later the British.

Independence: Both countries gained their independence from colonial rule in the 20th century. Nigeria gained independence in 1960, while South Africa achieved full independence from apartheid in 1994. Population: Nigeria and South Africa are the two most populous countries in Africa. Nigeria has the largest population on the continent, while South Africa is the second most populous. Economic Powerhouses: Nigeria and South Africa are considered to be the largest economies in Africa [22]. They are both major players in industries such as oil, mining, telecommunications, and finance. Cultural Diversity: Both countries have diverse populations with multiple ethnic groups and languages. Nigeria is known for its rich cultural heritage, with over 250 ethnic groups, while South Africa is known for its diverse mix of African, European, and Asian cultures.

According to Ole R. Holsti, the comparison of how domestic factors shape foreign policies across different countries, gives insights into the complex interplay between domestic and international dynamics.

Chukwu C. James & Blessing C. Arize [19] argue that "the colonial history of any country is also a key determinant of its foreign policy". They submit that the determinants of foreign policy can be broadly divided into three categories:

1. Internal factors
2. External factors
3. Policy making factors

For the purpose of this paper, the authors submit that it is practically unable to exhaust all the factors, but will examine the factors enumerated below.

Economic Factor: policies of Nigeria and South Africa

Helen V. Milner posits that reciprocal impact of trade on domestic politics and the international political system is important [11]. The economic structure of a state refers to the economic forces at play in that state to foster development. Economic power, which is not limited to just economic wealth to purchase military capability, can give a state influence in international politics through programs such as sanctions or promises of an economically rewarding relationship. The economic structure is significant determinant of a nation's foreign policy choices. South Africa plays a significant role in the structure of intra-sub-Saharan African trade. Recorded exports to South Africa exceed +1 percent of domestic GDP for at least a dozen countries, with links most noticeable for countries in the SADC sub-region (see figure 1). Some clustering of trade flows can also be seen between Nigeria and its closest neighbors and within eastern Africa. The large amount of informal (unmeasured) cross-border trade in these sub-regions, particularly in agricultural goods,

suggests closer ties and linkages than indicated by official trade statistics (see figure 1). In Figure 1, all intraregional exports larger than 1 percent of the exporter's GDP are identified by lines connecting the exporter to the relevant importer (indicated by an arrow), while figure 2 represent .

Global as well as intraregional trade linkages, with South Africa and Nigeria main connections. Countries within the euro area are the most important export destination for 34 sub-Saharan African countries, making the euro area the center of sub-Saharan Africa's external networks; China and the United States are key markets for 19 sub-Saharan African countries, while India plays a significant role for 15 economies.

Figure 1: Intraregional exports [\[23\]](#)

Viewing from the lens of the priority areas of President Tinubu's Renewed Hope Agenda for Nigeria and President Ramaphosa top priorities for the development of South Africa as delivered in 2019 and 2023, respectively [\[24; 25; 26; 27; 28; 29\]](#). The policies of President Tinubu of Nigeria and President Cyril Ramaphosa of South Africa have distinct differences and similarities. It is important to note that this analysis provides a general overview and does not cover every aspect of their policies. President Tinubu's policies in Nigeria have focused on economic development and infrastructure improvement. He has prioritized job creation, attracting foreign investment, diversifying the economy, and promote industrialization, with a focus on sectors such as agriculture, manufacturing, and technology. Tinubu has also advocated for policies that promote good governance, fight corruption, and improve the welfare of Nigerians. On the other hand, President Cyril Ramaphosa's policies in South Africa have been centered around addressing the country's socio-economic challenges. His administration has prioritized initiatives to reduce unemployment, inequality, and poverty, through initiatives such as the Youth Employment Service (YES) program, which provides work experience and training opportunities for young people. Ramaphosa has also implemented policies to attract investment, boost economic growth, and improve public service delivery. Both presidents have emphasized the need for inclusive growth and social development. They have recognized the importance of education and skills development in driving economic progress. Additionally, both leaders have shown a commitment to combating corruption and promoting transparency in government.

However, there are also notable differences in their policies. President Tinubu has focused on pro-business policies and market-oriented reforms, aiming to create an enabling environment for entrepreneurship and private sector growth. President Ramaphosa, on the other hand, has prioritized social welfare programs and initiatives to address historical inequalities, such as land reform and affirmative action.

With cross similarity of the policies of the two Government, the article thus submit to the argument of Helen V. Milner, that large-scale changes in political institutions, especially in the direction of democracy, necessary for massive economic development cannot be overlooked. Unarguably, the changes in preferences explains the rush to free trade and economic development of the two Sub-Saharan African countries.

Political Factor: Nigeria and South Africa

The type of government operational in a state is essential in determining its foreign policy thrust. Like any other developing heterogenous society faced with the challenges of finding unity in diversity. Some institutions have come to influence the activities of State governments, some in a very profound manner.

Ole R. Holsti and Helen V. Milner argued that the decision-making approach forced analysts to consider the domestic political arena. Hence, domestic politics played a significant role in relations and the balance of power among the countries [6; 9]. The pressures being exhibited on the government in power moderates its foreign policy actions. For instance, during and after independence, the Nigeria domestic environment was steeped in the tradition of ethnic polities. Trustly, the political parties that emerged were divided along ethnic lines, most of them owing their principal allegiance to their ethnic groups. One major example of pressure on government that moderates its foreign policy in Nigeria was the 1960 Anglo Nigerian Defense Pact which was abrogated due to the opposition from Nigerian students and other bodies [18].

On the other hand, following the institutionalisation of racism against black South Africans in 1948, the system went through stages. Though the apartheid regime in South Africa lasted from 1948 to 1994, it went through different phases in its rise and fall due to internal struggles and international pressures: the 1950s, where black South Africans could live in cities as long as their work was necessary for the white urban citizens; the 1960s, the peak of apartheid, when due to the distinct state displacement of 'surplus' black African population of about 3.5 million people to segregated, self-governing homelands, the central government ignore the responsibility for the welfare and education of displaced black South Africans; and the 1970s-1994 era, when economic conditions, protests and rebellions induced a 'reformist' turn, as compared to the earlier phases [31].

The foreign policy of a nation is conceived in the minds of the men who subscribe to certain fundamental beliefs relating to the distribution of power in society, the proper function of government and a particular way of life. Hence, most African democracies are not redistributive. Thus, the importance of individual level in CFP analysis. It focuses on the role of leaders, their beliefs, and personalities in shaping foreign policy.

Idiosyncratic Element: Nigeria and South Africa

The duty of fashioning the foreign policy of the country falls on the government of the day. As explicitly posited by Akinyemi, the personality and psychological factors of the leaders running the system of government are also determinants of foreign policy, they puts flesh on the constitutional provisions of the state giving the people the recognisable form being seen [32]. In other words, leadership phenomenon is imperative in making foreign policy decisions as well as its effect on other states. Idiosyncratic factors include perceptions of leaders, historical experiences, and ideological orientations. Unarguably, they all affect the South African and Nigeria foreign policies along with the dynamic geopolitical environment. Especially the fact that foreign policy is largely and exclusively determined by the Executive. It is quite true that Nigeria's external relations from independence till date and South Africa especially since the post apartheid era, can be said have reflected to a very large extent the character of her leaders. Power has always been personalised to the extent that whatever a regime does is more or less a reflection of the man who occupies the seat of president. Foreign policy actions are not immune from this personalisation of power. Thus the personal style and idiosyncratic of both countries past leaders have made the study of their foreign relations a study of regime types, since there is hardly a standard pattern of behaviour [33; 18].

In xraying the Idiosyncratic factor - the leadership phenomenon of South Africa and Nigeria, the United Nations General Assembly speeches of both President Tinubu of Nigeria and President Cyril Ramaphosa of South Africa is worth analysing. The speeches provided

insights into their respective priorities, concerns, and policy perspectives on global issues. While the specific content and themes of their speeches may vary, we can highlight some commonalities and differences based on their addresses.

President Tinubu's speeches at the United Nations General Assembly have often focused on Nigeria's domestic challenges and their implications for the region and the world. He has emphasized the importance of stability, security, and economic development in Nigeria, highlighting the need for international cooperation to address issues such as terrorism, violent extremism, and the refugee crisis. Tinubu has also underscored Nigeria's commitment to democratic governance, human rights, climatechange and sustainable development. He also focused [34] on many of the problems that Africa faces such as democratic governance, extremism, Africa's mineral resources, etc and the fact that the West is not ready to deal with Africa on equal terms. He stated that Africa seeks for an equally firm commitment to partnership and enhanced international cooperation with African nations to achieve the 2030 Agenda and Sustainable Development Goals [35]. He also noted that failures in good governance have hindered Africa". President Tinubu acknowledged that the " broken promises, unfair treatment and outright exploitation from abroad have also exacted a heavy toll on Africa's ability to progress.

In contrast, President Cyril Ramaphosa's speeches have typically showcased South Africa's commitment to global issues, regional cooperation, and multilateralism. He has emphasized the importance of addressing global challenges such as climate change, poverty, inequality, and peace and security. Ramaphosa has advocated for the reform of global institutions, including the United Nations, to ensure greater representation and effectiveness in addressing these challenges. He also highlighted South Africa's efforts to promote peace and stability in Africa, particularly through mediation and conflict resolution initiatives.

Both leaders have expressed support for the United Nations Sustainable Development Goals (SDGs) and have highlighted their countries' efforts to achieve these goals. President Tinubu has emphasized Nigeria's progress in areas such as poverty reduction, education, and healthcare, while also acknowledging the need for further action and international support. President Ramaphosa has similarly stressed South Africa's commitment to the SDGs and has outlined specific policies and initiatives aimed at achieving them, such as job creation, gender equality, and renewable energy development. Additionally, President Tinubu often used his speeches to advocate for African unity, cooperation, and the empowerment of African nations on the global stage. He called for increased representation of African countries in international decision-making processes and highlighted the potential of the African continent in areas such as trade, investment, and innovation. President Ramaphosa, on the other hand, emphasized the importance of regional integration and cooperation within Africa. He highlighted South Africa's role in promoting regional economic development, infrastructure connectivity, and peace and security in the African Union and other regional organizations.

The above argument conform with Sydner, who posits that individuals within decision-making groups interact, negotiate, and influence each other's perspectives, leading to collective decision outcomes. Suffice it to state that the position of the aforementioned leaders in determining foreign policies of their respective countries, is in consonant with what Richard Snyder viewed as a world of decision makers ensconced in groups, and national cultures subjectively interpreting situations.

Conclusion

In conclusion, while President Tinubu's policies in Nigeria have primarily focused on economic development and good governance, President Cyril Ramaphosa's policies in South Africa have centered around addressing socio-economic challenges and promoting inclusive growth. Both leaders have demonstrated a commitment to improving the welfare of their citizens and driving progress in their respective countries. It is worth noting that the policies of both leaders are influenced by the unique challenges and contexts of their respective countries. Nigeria and South Africa face different socio-economic realities, and as such, the policy priorities of President Tinubu and President Ramaphosa reflect these specific circumstances.

Generally, President Tinubu and President Cyril Ramaphosa have implemented policies aimed at addressing key socio-economic challenges in their countries, promoting economic development, and improving the well-being of their citizens. Overall, the analysis of President Tinubu and President Cyril Ramaphosa's United Nations General Assembly speeches reveals their commitment to addressing global challenges, promoting regional cooperation, and advancing their countries' interests on the international stage.

South African President Cyril Ramaphosa is playing a visible role in contributing to solving the war in Ukraine, While President Tinubu primarily focused on Nigeria's domestic and Africa's challenges and their implications, as well as playing a visible role in contributing to solving.

The economies of Nigeria and South Africa account for one-half of sub-Saharan Africa's GDP, and are potentially major drivers of growth for the region as a whole. However, in the wake of new members into BRICS, African Union (AU) been made a permanent member of the G20, giving the continent an important voice on key global issues, coupled with the dynamic evolving role of South Africa and Nigeria in the global arena, it is expected that increased cooperation between both countries should position Africa in decision making process of both regional and world politics as well as ensure that reform within the United Nations security Council take into consideration equitable representation of Africa. This include increased cooperation for better opportunities for ensuring regional and global peace and security, such as in Africa, and in the conflict between Ukraine and Russia, as well as expanding investments, opportunities for improving sources of revenue in the continent.

It should be noted that South Africa and Nigeria's relations with their neighbours and the world at large will one way or another determine how the world will continue to view Africa.

Библиография

1. Бруммер К., Хадсон В.М. (2015). Анализ внешней политики: за пределами Северной Америки. Боулдер, Колорадо: Издательство Линн Риннер.
2. Брайнинг, М. (2007). Анализ внешней политики: сравнительное введение. Лондон: Спрингер.
3. Лантис, Джейфри С. и Райан Бизли. «Сравнительный анализ внешней политики». Оксфордская исследовательская энциклопедия политики. 24 мая 2017 г. Издательство Оксфордского университета. Дата доступа 29 декабря 2023 г. URL: <https://oxfordre.com/politics/view/10.1093/acrefore/9780190228637.001.0001/acrefore-9780190228637-e-398>
4. Баркер С., Пистранг Н., Эллиott Р. Методы исследования в клинической психологии: введение для студентов и практиков. 2. Чичестер, Великобритания: Wiley; 2002.
5. Холсти, Оле Р. Война за эскалацию кризиса. Издательство Университета Макгилла-Куина, 1972. JSTOR. URL: <https://doi.org/10.2307/j.ctt1w1vktc>. По состоянию на 7 января 2024 г.

6. Хадсон, Валери М. и др. Секс и мир во всем мире. Издательство Колумбийского университета, 2012. JSTOR. URL: <http://www.jstor.org/stable/10.7312/huds13182>. По состоянию на 7 января 2024 г.
7. Мэй Э.М., Хантер Б.А., Джейсон Л.А. Методологический плюрализм и смешанная методология для укрепления исследований в области общественной психологии: пример Oxford House. *Ж Общественный психолог.* 2017 январь; 45(1):100-116. doi: 10.1002/jcop.21838.
8. Милнер, Хелен В. «Рационализация политики: новый синтез международной, американской и сравнительной политики». Международная организация, том. 52, нет. 4, 1998, стр. 759–86. JSTOR. URL: <http://www.jstor.org/stable/2601357>. По состоянию на 7 января 2024 г.
9. Милнер, Хелен В. Интересы, институты и информация: внутренняя политика и международные отношения. Издательство Принстонского университета, 1997. JSTOR. URL: <https://doi.org/10.2307/j.ctv10vm16k>. По состоянию на 7 января 2024 г.
10. Хелен В. Милнер. Политическая экономия международной торговли. Годовые обзоры Полит. наук, 2, 91–114. 1999.
11. Розенау, Джеймс Н. Сравнительная внешняя политика: теоретические очерки. Нью-Йорк: Свободная пресса, 1969.
12. Снайдер, Ричард К., Х. В. Брук и Бертон Сапин (1954) Принятие решений как подход к изучению международной политики. Серия проектов по анализу внешней политики № 3, Принстон, Нью-Джерси: Издательство Принстонского университета.
13. Снайдер, Ричард К., Генри В. Брук и Бертон М. Сапин. «Принятие внешнеполитических решений: подход к изучению международной политики». (1962).
14. Джульетта Каарбо, Джеффри С. Лантис и Райан К. Бизли. Анализ внешней политики в сравнительной перспективе. URL: https://uk.sagepub.com/sites/default/files/uprt-assets/72223_book_item_72223.pdf
15. Эмми Годвин Ироби. Управление этническими конфликтами в Африке: сравнительное исследование Нигерии и Южной Африки. За гранью неразрешимости. Май 2005 г. Этнический конфликт лежит в основе проблем развития обеих стран. Политизированная этническая принадлежность нанесла ущерб национальному единству и социально-экономическому благополучию.
16. Айдахоса Стивен Осахерумвен, Макпа Ойейнбиеридж Джой. Ксенофобская угроза нигерийцам за рубежом – насколько актуальна концепция «афроцентризма»? // Журнал Института Африки. 2022. № 2(59).
17. Эгези Блессинг Чиманпа Обзор внешней политики Нигерии: динамика нигерийско-южноафриканских отношений // Современная научная мысль. 2022. № 6.
18. Аделеке Олумиде Огуннойки, Демола Адефисайо Адемеи. Влияние ксенофобских нападений на отношения Нигерии и Южной Африки // Африканский журнал социальных и гуманитарных исследований. 2019. Том. 2. Вопросы 2. Р. 1-18.
19. Чукву К. Джеймс и Блессинг К. Ариз. Внутренние факторы, определяющие внешнюю политику Нигерии с 1960 года. Нигерийский журнал искусств и гуманитарных наук (NJA), Том 3, номер 1, 2023 г.
20. Чука Энука, Африка во внешней политике Нигерии: приверженность политике и развитию, Awka: Ginika, 2020, 17.
21. Ола Аденийи, «Легко относиться к внешней политике, правительству и международной безопасности Нигерии», Ибадан: Джен, 2000, 34.
22. Оморуйи И., Айдахоса С.О., Мугадам М.М. и Сидибе, О. (2020). Соперничество Нигерии и Южной Африки в поисках статуса региональной державы: от материального потенциала к членству в Совете Безопасности ООН. Вестник УДН.Международные отношения, 20 (1). 147-157. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1-147-157

23. Хэл Брэндс и Джереми Сури. История и внешняя политика: как заставить отношения работать. fpri.org/article/2016/04/history-foreign-policy-making-relationship-work/
24. Нигерия и Южная Африка: вторичные последствия для остальных стран Африки к югу от Сахары. Библиотека Международного валютного фонда.
[https://www.elibrary.imf.org/configurable/content/book\\$002f9781475510799\\$002fch002.xml?t:ac=book%24002f9781475510799%24002fch002.xml#ch02fig01](https://www.elibrary.imf.org/configurable/content/book$002f9781475510799$002fch002.xml?t:ac=book%24002f9781475510799%24002fch002.xml#ch02fig01)
25. Дон Сайлас. Тинубу раскрывает главные приоритеты своего бюджета на 2024 год. Ежедневная почта. 29 ноября 2023 г. URL: <https://dailypost.ng/2023/11/29/tinubu-reveals-top-priorities-of-his-2024-budget/>
26. Президент Тинубу вновь формулирует приоритетные направления развития и ищет поддержки у губернаторов. Государственный Дом. 15 июня 2023 г. URL: <https://statehouse.gov.ng/news/president-tinubu-restates-priority-areas-on-development-seeks-support-from-governors/>
27. Президент Тинубу: Безопасность, создание рабочих мест, сокращение бедности – главные приоритеты бюджета на 2024 год. Государственный Дом. 29 ноября 2023 г. URL: <https://statehouse.gov.ng/news/president-tinubu-security-job-creation-poverty-reduction-top-priorities-for-2024-budget/#:~:text=President%20Бола%20Тинубу%20говорит%20Нигерии,%202024%20Бюджет%20%20Обновленный%20Надежда>
28. Во время инаугурации президента Рамафосы в 2019 году. Основные приоритеты реализации Национального плана развития –
<https://www.parliament.gov.za/storage/app/media/Publications/InSession/2019-03/final.pdf>
29. Ландри Сигне и Уитни Шнайдман. Южная Африка после выборов: главные приоритеты администрации. Бронирование. 12 июня 2019 г. –
<https://www.brookings.edu/articles/recommendations-for-south-africa-after-its-elections/>
30. Приоритеты президента Сирила Рамафосы на 2023 год, озвученные в Послании к нации 9 февраля 2023 года. Официальная информация и услуги правительства Южной Африки. URL: <https://www.gov.za/issues/key-issues>
31. Гиоргос Гузулис, Коллин Константин и Джозеф Аефу. Экономические и политические факторы, определяющие долю рабочей силы в Южной Африке, 1971–2019 гг. Экономическая и промышленная демократия, том 44, выпуск 1, февраль 2023 г., страницы 184–207.
32. Акиниеми А.Б., Внешняя политика и федерализм: опыт Нигерии, Ибадан: University Press, 1974, 29.
33. Мухаммед Умер и Заид. Идиосинкразия в принятии внешнеполитических решений: ситуационный анализ подходов Трампа и Байдена к Южной Азии. Пак. Журнал международных отношений, том 4, выпуск 2 (2021 г.)
34. Банджо Дамилола. АНАЛИЗ: Выступление Тинубу на ГА ООН требует действий дома. Прайм Таймс. 21 сентября 2023 г. – <https://www.premiumtimesng.com/health/health-features/627231-анализ-tinubus-unga-speech-needs-action-back-home.html>.
35. Уильям Укпе. ГА ООН: 5 важных моментов речи президента Тинубу. Найраметрика. 20 сентября 2023 г. URL: <https://nairametrics.com/2023/09/20/unga-5-important-highlights-of-president-tinubus-speech>

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Последние несколько лет отмечены происходящей не наших глазах постепенной

трансформацией монополярного мира во главе с США в мир многополярный, в котором наряду с уставшим североамериканским колоссом ведущие позиции будут занимать такие акторы как Пекин, Москва, Нью-Дели, Тегеран. Примечательно, что как отечественные, так и зарубежные эксперты отмечают важную роль России в становлении многополярного мира. В этой связи вызывает важность изучение различных аспектов внешнеполитической деятельности различных региональных игроков, например на Африканском континенте, переживающим волну борьбы с неоколониализмом.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является анализ внешнеполитической деятельности Нигерии и Южно-Африканской республики. Автор ставит своими задачами проанализировать такие факторы, определяющие внешнеполитический курс двух стран, как политический, экономический, а также феномен лидерства.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор на основе различных источников стремится охарактеризовать внешнеполитическую деятельность Нигерии и Южно-Африканской республики.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя свыше 20 различных источников и исследований. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежной англоязычной литературы, что определяется самой постановкой темы. Источниковая база статьи представлена прежде всего материалами периодической печати, документами из библиотеки Международного валютного фонда и т.д. Из привлекаемых автором исследований отметим труды Д. Чукву и А. Блессинга, а также работу коллектива специалистов, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения внешнеполитической деятельности Нигерии и ЮАР. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как современными международными отношениями, в целом, так и африканскими региональными лидерами, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, поделенную на несколько разделов основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что «хотя Нигерия и Южная Африка имеют сходство во внешней политике, они также имеют разные подходы и приоритеты, основанные на их уникальных обстоятельствах и интересах». В работе показано, что если «президент Южной Африки Сирил Рамафоса играет заметную роль в содействии разрешению войны в Украине, в то время как президент Тинубу в первую очередь сосредоточился на внутренних проблемах Нигерии». Более того, Рамафоса выступает за реформу глобальных институтов, включая Организацию Объединенных Наций. Помимо прочего ЮАР входит в БРИКС, что наглядно говорит о ее стремлении к укреплению многополярности.

Главным выводом статьи является то, что «отношения Южной Африки и Нигерии со

своими соседями и миром в целом так или иначе будут определять, как мир станет относиться к Африке».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, снабжена 2 рисунками, написана на английском языке, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в учебных курсах, так и в рамках формирования внешнеполитических стратегий России.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Международные отношения».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рецензирование научная статья на тему: «Сравнительный внешнеполитический анализ (CFP) Нигерии и Южной Африки: обзор» вызывает определенный интерес исследователей в сфере внешней политики государств и современных международных отношений. Актуальность проведенного исследования обоснована, прежде всего, применением метода сравнительного внешнеполитического анализа по отношению к исследованию внешнеполитической деятельности двух африканских государств – Нигерии и Южной Африки. Авторами также достаточно подробно обоснован выбор данных государств в качестве объекта исследования.

Рецензируемая статья написана на английском языке. В этой связи, она способна вызвать интерес у определенного круга заинтересованных читателей.

Статья структурирована и содержит следующие разделы: введение, обзор Нигерии и Южной Африки, детерминанты внешнеполитического поведения Нигерии и Южной Африки: сравнительная перспектива, экономический фактор: политика Нигерии и ЮАР, политический фактор: Нигерия и Южная Африка, идиосинкразический элемент: Нигерия и Южная Африка, заключение и библиографию.

При проведении исследования авторами статьи использованы различные источники – от речей политических деятелей до научных статей. Всего список использованных источников и литературы составил 25 позиций. В статье имеются ссылки на источники, при этом, по нашему мнению, считаем, что авторам не удалось развернуть полноценную научную дискуссию в рамках осуществленного исследования. В основном, авторское отношение к мнениям и позициям исследователей, чьи работы были использованы в настоящей статье, не формулировалось.

Отметим, что авторами рецензируемой статьи используются частично перефразированное отдельных положений научных статей некоторых зарубежных авторов. Например, в части определения понятия «Сравнительный внешнеполитический анализ», в статье было использовано переработанное определение по следующему источнику: Лантис, Джейфри С. и Райан Бизли. «Сравнительный анализ внешней политики». Оксфордская исследовательская энциклопедия политики. 24 мая 2017 г. Издательство Оксфордского университета. По состоянию на 29 декабря 2023 г., <https://oxfordre.com/politics/view/10.1093/acrefore/9780190228637.001.0001/acrefore-9780190228637-e-398>. Статья находится в открытом доступе.

Рецензируемая статья методологически не выверена. Она носит, скорее, публицистический характер. Считаем, что статья не содержит необходимые компоненты исследовательской статьи, включая методологию исследования. По сути, в статье заявлен и обоснован только один метод исследования – сравнительный внешнеполитический анализ. Таким образом, исследование лишено важного из свойств

- своей комплексности. Отсутствует заявленная цель исследования и ее задачи. Новизна исследования, по нашему мнению, не очевидна.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, считаем, что рецензируемая научная статья на тему: «Сравнительный внешнеполитический анализ (CFP) Нигерии и Южной Африки: обзор» не совсем соответствует необходимым требованиям, предъявляемым к такому виду научных работ. Однако, считаем, что ее можно условно рекомендовать к опубликованию в искомом научном журнале.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Африканский континент является одной из наиболее притягательных сфер геополитических интересов в условиях современного переустройства мирового порядка. В этом смысле данная статья представляется актуальной не только с точки зрения текущей российской дипломатии, но и также с позиции взаимоотношений других государств со странами африканского континента - такими как Китай, Европейский Союз, США, Индия и другие. Предметом данной статьи является сравнительный внешнеполитический анализ (по концептуальной схеме, предложенной оксфордскими исследователями международной политики) Нигерии и Южноафриканской Республики. Представляется весьма любопытной творческая интенция автора сравнивать именно два этих государства, поскольку их политico-экономические характеристики значительным образом отличаются друг от друга. Данная статья выполнена на Английском языке, однако сразу бросается в глаза тот факт, что список литературы на английский язык не переведен. Несмотря на то, что он представлен значительным количеством источников, как зарубежных, так и российских, как монографий, так и статей, требуется его дубликат с переводом. В структурном отношении статья достаточно хорошо выверена, имеется вводная, методологическая, основная и заключительная части. Автором достаточно четко и обстоятельно сформулирован основной исследовательский вопрос, обозначены ключевая цель и задачи исследования, артикулирована методология и методы, на которых строится публикация. В статье выдержан баланс количественных и качественных методов в анализе внешней политике, в этом смысле методология исследования выглядит достаточно адекватной поставленным целям. Автор выделяет отдельно экономические, политические и идеографические и культурные элементы. Выводы, полученные в ходе исследования представляют значительный интерес для широкой читательской аудитории журналов *Nota Bene*, однако не вполне обоснованным выглядит выбор автором журнала «Исторический журнал: научные исследования». В большей степени статья релевантна изданиям «Мировая политика» и «Международные отношения». Теоретическая и практическая значимость статьи подтверждаются обстоятельным анализом научной разработанности представленной проблематики, сравнительными аспектами исследования, описанием основных геополитических конфигураций и экономических характеристик не только обозначенных стран, но и африканского региона в целом, а также рядом практических рекомендаций по выработке внешней политики в отношении к Нигерии и ЮАР. Статья может быть

рекомендована к публикации без внесения каких-либо значительных дополнений. Однако рекомендуется направить ее в журнал по направлению «международные отношения» и перевести список использованных источников и литературы на английский язык. Статья в полной степени соответствует требованиям, предъявляемым к научным публикациям в изданиях *Nota Bene* и выполнена на отличном научном Английском языке. Она однозначно вызовет основательную научную полемику и будет интересна широкой аудитории специалистов.

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Клейтман А.Л., Савка О.Г. У истоков системы внеучебной деятельности в технических вузах России. Воспитательная работа с учениками Навигацкой школы в 1701–1705 гг. // Исторический журнал: научные исследования. 2024. № 3. DOI: 10.7256/2454-0609.2024.3.70084 EDN: KAXDWW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70084

У истоков системы внеучебной деятельности в технических вузах России. Воспитательная работа с учениками Навигацкой школы в 1701–1705 гг.

Клейтман Александр Леонидович

доктор исторических наук

ведущий научный сотрудник, Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН

125315, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Балтийская, 14

✉ malk@bk.ru

Савка Ольга Геннадьевна

кандидат исторических наук

доцент; Кафедра документоведения, истории государства и права; РТУ МИРЭА

119454, Россия, г. Москва, пр. Вернадского, д. 86, с2

✉ olga-savka@mail.ru

[Статья из рубрики "Традиции, новации, модернизации"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2024.3.70084

EDN:

KAXDWW

Дата направления статьи в редакцию:

08-03-2024

Аннотация: Предметом исследования является начальный этап истории Школы математических и навигацких наук как одного из первых отечественных светских учебных заведений технического профиля. Акцентируется внимание на тех аспектах становления Школы, которые ранее не становились предметом специального исследования историков. На основе выявленного и вводимого в научный оборот комплекса документов Оружейной палаты анализируется, какие дисциплинарные

правонарушения совершали первые ученики школы и почему. Анализируя конкретные судебные разбирательства, проводившиеся в Оружейной палате по факту данных нарушений, авторы показывают, как была организована внеучебная и воспитательная работа с учениками. Уточняется роль в организации воспитательной работы с учениками навигации, которую сыграл выдающийся российский ученый, математик, автор первого фундаментального труда по арифметике, Леонтий Магницкий. Исследование проводилось при помощи традиционных для исторического исследования методов, особое внимание было уделено выявлению и введению в научный оборот делопроизводственных источников по выбранной теме. Как показало проведенное исследование, ученики Школы математических и навигацких наук были выходцами из различных сословий и регионов Русского государства. Попав в Москву, многие из них оказались в не привычной для себя социальной среде, сталкивались с искушениями, которым им было сложно противостоять. В связи с этим, учителя Школы, и в первую очередь Леонтий Магницкий, уделяли большое внимание воспитательной работе среди учеников. Формировался актив школьников, которые по заданию учителей, следили за поведением своих товарищей. За выявленные нарушения провинившиеся несли жесткие публичные наказания. Внеучебная работа способствовала формированию единой системы ценностей, привитию интереса к учебе, насаждению дисциплины, изживанию пороков среди учащихся. Она стала важным фактором достижения основной цели, ради которой была учреждена Школа: в течение максимально короткого времени подготовить специалистов по навигации, необходимых для создания морского флота в России.

Ключевые слова:

Петр I, Навигацкая школа, Леонтий Магницкий, история науки, история образования, Москва, Петровская эпоха, Николай Дуров, Оружейная палата, Внеучебная работа

Школа математических и навигацких наук – одно из первых отечественных учебных заведений технического профиля. Институциональное оформление она приобрела после подписания указа Петра I от 14 января 1701 г. об учреждении школы [2, с. 119–120], но до этого несколько месяцев велась подготовительная работа по открытию учебного заведения. Школа находилась в ведении Оружейной палаты, которую возглавлял Федор Алексеевич Головин. Фактическим руководителем школы был дьяк Алексей Александрович Курбатов [8, с. 117–118]. За организацию учебного процесса отвечал шотландец, выпускник Абердинского университета, принятый на царскую службу в 1698 г., во время Великого посольства, Андрей Фархварсон. Навигацкие науки преподавали молодые англичане Стефан Гвин и Ричард Грейс (Рыцарь Грыйз) [1, с. 9]. Большую роль в организации школы сыграл автор первого фундаментального учебного пособия по арифметике, выпущенного на русском языке, Леонтий Магницкий [6]. В 1701–1753 гг. Навигацкая школа работала в Москве, в здании Сухаревской башни. В 1715 г. большая часть учеников и учителей были переведены в Санкт-Петербург, положив, таким образом, начало еще одному учебному заведению – Морской академии [5]. Несколько современных ведущих высших технических учебных заведений России отсчитывают свою историю с начала XVIII в., являясь преемниками Навигацкой школы и Морской академии.

История Навигацкой школы стала привлекать внимание исследователей еще XVIII веке, и до настоящего времени внимание к данной теме не ослабевает. В качестве авторов,

внесших наибольший вклад в изучение истории школы, следует выделить Ф.Ф. Веселаго, С.И. Елагина, А.С. Кроткова (XIX – начало XX вв.), Н.И. Барбашева, Л.Г. Бескровного А.П. Денисова, О.А. Евтеева, В.К. Сергеева, А.Е. Сукновалова (советский период), В.Н. Бенду, Д.Ю. Гузевича, И.Г. Дурова, Д.О. Серова, И.И. Федюкина, Н.Г. Юркина (современные исследователи). Несмотря на то, что история Навигацкой школы изучается уже почти три столетия, в ней остаётся достаточно много неисследованных аспектов и белых пятен. Так, вплоть до последнего времени практически не предпринималось попыток рассмотреть историю школы в первые годы её существования с позиций социальной истории и истории повседневности [\[9\]](#).

В ходе архивных изысканий нам удалось выявить источник, содержащий уникальные сведения о начальном периоде становления Навигацкой школы, которые исследователям не удавалось реконструировать на основе других документов. В личном фонде профессора Института инженеров путей сообщения Николая Павловича Дурова (1831–1879), бывшего также известным библиофилом и коллекционером старинных книг и рукописей [\[4\]](#), сохранилось архивное дело с документами Оружейной палаты, составленных в первые годы XVIII века и непосредственно связанных с организационным оформлением школы. В общих чертах мы смогли реконструировать историю бытования указанной рукописи [\[3\]](#), в настоящее время завершаем подготовку её к публикации.

Документы данного комплекса можно условно разделить на четыре части: 1) челобитные 1702–1705 гг., которые подавали будущие ученики навигации в Оружейной палате, прося зачислить их в школу; 2) документы об организации учебного процесса (доношения Леонтия Магницкого, обращавшегося для решения организационных и технических проблем в Оружейную палату; челобитные учеников о предоставлении отпусков и т.д.); 3) документы судебных разбирательств, которые проводились в Оружейной палате, когда третьи лица нарушали права учеников (оскорблении, побои, воровство и т.д.); 4) материалы судебных разбирательств, когда в качестве нарушителей общественного порядка выступали сами учащиеся школы.

Данные документы позволяют пролить свет на то, как в первые месяцы и годы существования одного из первых светских учебных заведений технического профиля решалась проблема мотивации учеников к получению знаний, проводилась работа по профилактике нарушений учебной дисциплины и правопорядка, формированию из учеников единого коллектива, сплоченного общими идеалами и ценностями.

Как показывают вводимые нами в научный оборот документы, главным организатором внеучебной работы со школьниками был Леонтий Магницкий. Определенное участие принимали также Ричард Грейс и Стефан Гвин, однако, современники противоречиво оценивали их моральные качества, образ жизни и роль, которую они могли сыграть в воспитании школьников.

Одним из направлений внеучебной работы был контроль за тем, как проводили досуг ученики, где они находились и что делали в ночное время. Необходимость в этом существовала, поскольку в первые месяцы работы школы школьники жили на разных постоянных дворах в Панкратьевской, Мещанской, Спасской и Троицкой слободах. Перед молодыми людьми, многие из которых не были москвичами, приехали в столицу специально для поступления в школу, открывалось много искушений. В документах из фонда Н.П. Дурова несколько раз упоминаются «кружала» (питейные заведения), где играли в азартные игры, дворы, в которых велась торговля вином и держались «жонки

для блудного воровства». Для того, чтобы школьники не отвлекались от учебного процесса, несколько учеников ночами ходили по постоянным дворам, где жили их товарищи, и проверяли, чтобы они были дома и никуда не отлучались. Во время одного из таких обходов в ноябре 1703 г. произошел инцидент, повлекший за собой судебное разбирательство в Оружейной палате. Ученик Степан Марков узнал, что несколько школьников проводят ночи на дворе в Мещанской слободе, где жила драгунская жена Мария Артемьева. Явившись туда «часу в четвертом夜里», он застал трех учеников – Петра Рамейкова, Прокофья Дунаева и Семена, которые «пили табак». Как свидетельствовала в Оружейной палате Мария Артемьева, явившись к ней на двор, проверяющий Степан Марков начал бесчестить её и находившуюся там её мать вдову Марфу «бранными матерны словами» и начал бить «малова» её (сына) Тита. Как объясняли потерпевшие женщины, ничего предосудительного в том, что ученики проводили время у них на дворе, не было. Один из них (Петр Рамейков) был двоюродным братом Марии Артемьевой, второй (Прокофий Дунаев) приходил для того, чтобы мать Марии нашла ему невесту, а третий (Семен Кольчугин) пришел не к ней, а к владельцу постоянного двора, поскольку тот просил его сделать надпись на воротах о продаже этого двора. Чем закончился этот конкретный эпизод, на основе сохранившихся до нашего времени документов установить нельзя. Давая пояснения о данном происшествии, учитель Леонтий Магницкий отмечал, что действительно он давал Степану Маркову распись дворов, где жили ученики, чтобы тот обходил их ночами. До этого уже происходили случаи, когда школьников ловили ночами за разными «бесчинствами». За это «по школьному обычанию» их наказывали, и впредь им было запрещеноходить по городу ночами, «кроме великия благословныя нужды и тогда с ведома, кому приказано» [\[7, л. 177–183\]](#).

Пристальное внимание уделялось тому, чтобы школьники не бросали учебу, разочаровавшись в ней. Задокументированы были несколько случаев, когда ученики «отставали от школы», возвращались в те города, откуда они были родом, к тому роду занятий, который они вели раньше. Такие нарушения считались очень серьезными и влекли за собой строгие наказания.

Так, например, 11 августа 1703 г. Леонтий Магницкий доносил в Оружейную палату, что ученик Афанасий Белоносов, который получал денежное жалованье за учебу, также «поимав хитростно учеников деньги», бежал из Москвы, а вскоре объявился в Новгороде в ратуше в подъячих. Из Оружейной палаты был направлен указ новгородскому губернатору Я.В. Брюсу, чтобы беглого ученика поймали и скованного в сопровождении вооруженного конвоя доставили в Москву. Деньги, которые Афанасий Белоносов получил в виде жалованья за учебу, а также занятые им у других учеников, необходимо было взыскать с него, а если у него не набралась бы нужная сумма, – с его родственников или тех людей, у которых он жил в Новгороде [\[7, л. 144–147\]](#).

Ещё один ученик, Лев Иванов, проучившись пять месяцев, перестал ходить в школу после Пасхи 1703 г. Когда в начале июля этого же года он был найден и допрошен, то дал детское объяснение своим прогулам: «Той де школы ученик Ерофей Суханов сказал ему, Лву, что де тебе жалованья не дадут, а за что, того ему не сказал». Глава Оружейной палаты Ф.А. Головин приказал для страха другим ученикам наказать его перед школой и отправить в Воронеж в матросы. Нерадивый школьник был челом, просил оставить его в Москве, поскольку у него была старая больная мать, которую, если она умрет, и похоронить будет некому. В итоге дело ограничилось нещадным битьем батогами перед школой, и направлением Льва Иванова обратно на учебу [\[7, л. 152–157 об.\]](#).

Как показывают материалы судебных разбирательств, проводившихся в Оружейной палате, поступление на учебу и согласие получать кормовые деньги рассматривалось как обязательство учеников не просто посещать занятия, а завершить образование и освоить преподаваемые науки. Пропуски занятий по болезни допускались. Однако, в случае прекращения обучения из-за не поддававшейся излечению болезни, ученик должен был вернуть все полученные кормовые деньги. Так, например, 13 сентября 1703 г. в Оружейную палату с челобитьем обратился ученик Михаил Иванов. Он записался в школу, проучился несколько месяцев и заболел. Поскольку исцеления не наступало, а учиться дальше по состоянию своего здоровья он не мог, просил освободить его от дальнейшего обучения. Леонтию Магницкому было поручено провести осмотр ученика и подтвердить, действительно ли тот был болен. Учитель арифметики подтвердил: «Тот школьник лежит болен, а по лице и по всему телу струпья з гноем». По-видимому, не менее важной проблемой был не сам факт болезни, а отношение к заболевшему других учеников: «По тем признакам значища таков, что словет не чист». По данному инциденту Ф.А. Головиным было принято решение освободить Михаила Иванова от дальнейшей учебы, заставив его вернуть при этом все полученные ранее кормовые деньги: 15 рублей 2 алтына и 2 деньги, а также учебник арифметики [\[7, л. 158–160 об.\]](#).

Значительная часть документов, отложившихся в личном фонде профессора Н.П. Дурова, посвящена не дисциплинарным нарушениям, а преступлениям, совершенным учениками в первые месяцы работы Навигацкой школы. Наиболее распространенным правонарушением было воровство.

Несколько эпизодов краж объяснялись тяжелым материальным положением школьников. Далеко не все из них получали кормовые деньги. Так, например, Семен Голосов, Петр Забусов и Лев Голосов в конце сентября помогали одному человеку убираться после пожара и украли у него муки «четверти з две и иного борашню мелкова» [\[7, л. 161–161 об.1\]](#). Узнавший об этом другой школьник донес Леонтию Магницкому, тот, в свою очередь, - в Оружейную палату. Испугавшись наказания, школьники вернули всё украденное имущество хозяину. Тот факт, что предметом преступных поползновений учеников стала мука, свидетельствует об их тяжелом материальном положении.

Фигуранты ещё одного судебного разбирательства ученики Тимофей Воинов и Степан Попов оказались соучастниками преступления – кражи учеником Ильей Домашневым дворовой девки, дорогой одежды и большой суммы денег у своего отца. Их единственное участие в этом преступном эпизоде выразилось в том, что, находясь в торговой бане, они просили главного правонарушителя, чтобы «он им деньгами для скудости поделился». Полученные деньги они потратили на одежду: «шапки бархатные с окольошем серым овчинным трухменским, полукофтанье камчатое жолтое, рубашку пестрединную красную с голуном золотным, кушак верблюжей рудо жолтой цвет» и на серебряные кресты с цепочками [\[7, л. 235 об.\]](#).

Подводя итог, следует отметить, что создание Навигацкой школы повлекло за собой серьезные изменения в московском, и шире – российском обществе. Появилась новая социальная группа учеников навигации, представители которой обучались у иностранцев, приглашенных в Россию лично царем. Они занимались изучением светских наук, осваивали диковинные, не знакомые русским людям приборы. Школьники были выходцами из различных социальных слоев и регионов Русского государства. Объединить их, привить им общие ценности и модели поведения, – это была непростая педагогическая задача. Уже в первые месяцы работы школы большое внимание

уделялось организации внеучебной и воспитательной работы среди учеников. Формировался актив школьников, которые по заданию учителей, следили за поведением своих товарищей и сообщали о выявленных правонарушениях. Система наказаний была нацелена на формирование уверенности у учеников, что нарушение дисциплины недопустимо, а введение за это неизбежно. Наказания были жесткими и демонстративными. Однако, несмотря на суровость порядков, как учителя, так и руководители школы вникали в жизненные проблемы учащихся, иногда проявляли снисходительность к совершенным проступкам. Внеучебная работа способствовала формированию единой системы ценностей, привитию интереса к учебе, насаждению дисциплины, изживанию пороков среди учащихся. Воспитательная деятельность стала важным фактором достижения основной цели, ради которой была учреждена школа: в течение максимально короткого времени подготовить специалистов по навигации, необходимых для создания морского флота в России.

Библиография

1. Бенда В.Н. Деятельность военно-специальных учебных заведений по подготовке артиллерийских и инженерных кадров в XVIII веке: монография. СПб.: ГУАП, 2009. 158 с.
2. Веселаго Ф.Ф. Очерк истории Морского кадетского корпуса с приложением списка воспитанников за 100 лет. СПб.: тип. Морск. кадетск. корпуса, 1852. 208, 144 с.
3. Клейтман А.Л. Забытый источник по истории Школы математических и навигацких наук // Вопросы истории естествознания и техники. 2024. (В печати).
4. Клейтман А.Л. Ученый, музейный работник и библиофил Николай Павлович Дуров (1831–1879) и его вклад в развитие истории науки и техники в России // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2023. Труды XIX Годичной научной конференции Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, посвященной 160-летию со дня рождения В.И. Вернадского. Москва, 2023. С. 192–195.
5. Кротков А.С. Морской кадетский корпус: краткий исторический очерк. СПб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1901. 229 с.
6. Магницкий Л. Арифметика, сиречь наука числителная. М.: Синодальная типография, 1703. 332 с.
7. НИОР РГБ. Ф. 96. Оп. 1. Д. 1. Материалы школы «математических и навигацких наук», состоящей в ведении Оружейной палаты.
8. Письма и бумаги прибывшего Алексея Курбатова (1700–1720-е годы) / Сост. и науч. ред. Д. Серов, А. Видничук, А. Жуковская, И. Федюкин. М.: ИД ВШЭ, 2023. 552 с.
9. Юркин Н.Г. Профессиональные школы Петра I: новаторство или продолжение традиций // Интеллигенция и мир. 2019. № 4. С. 9–30.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Эпоха Петра Великого оказала настолько большое влияние на русское общество, что споры по отношению к ней шли не только в XIX веке, но и на протяжении всего прошедшего двадцатого столетия. К слову, преобразования начала XVIII века заложили серьезный фундамент и в развитие науки и образования. Сегодня в условиях повышенного внимания российского государства и общества к образованию и науке представляется важным обратиться к истории петровских реформ.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является воспитательная работа с учениками Навигацкой школы в 1701–1705 гг. Автор ставит своими задачами рассмотреть историю создания Навигацкой школы, а также проанализировать внеучебную работу с учащимися данной школы.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает историко-генетический метод, в основе которого по определению академика И.Д. Ковальченко находится

"«последовательное раскрытие свойств, функций и изменений изучаемой реальности в процессе ее исторического движения, что позволяет в наибольшей степени приблизиться к воспроизведению реальной истории объекта», а его отличительными сторонами выступают конкретность и описательность.

Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор на основе различных источников стремится охарактеризовать воспитательную и внеучебную работу среди учащихся Навигацкой школы в начале XVIII в. Научная новизна определяется также привлечением архивных материалов.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его разносторонность: всего список литературы включает в себя до 10 различных источников и исследований. Из привлекаемых автором источников укажем на материалы из фондов РГБ, учебник Л. Магницкого и др. Из используемых исследований укажем на труды В.Н. Бенды и Н.Г. Юркина, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения истории профессиональных школ Петровской эпохи. Заметим, что библиография обладает важностью, как с научной, так и с просветильской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по её теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как историей петровской эпохи, в целом, так и воспитанием в тот период, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательность последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что "главным организатором внеучебной работы со школьниками был Леонтий Магницкий". В работе показано, что "одним из направлений внеучебной работы был контроль за тем, как проводили досуг ученики, где они находились и что делали в ночное время". Автор показывает, что "несмотря на суровость порядков, как учителя, так и руководители школы вникали в жизненные проблемы учащихся, иногда проявляли снисходительность к совершенным проступкам". В работе отмечается, что "Внеучебная работа способствовала формированию единой системы ценностей, привитию интереса к учебе, насаждению дисциплины, изживанию пороков среди учащихся".

Главным выводом статьи является то, что

"воспитательная деятельность стала важным фактором достижения основной цели, ради которой была учреждена школа: в течение максимально короткого времени подготовить специалистов по навигации, необходимых для создания морского флота в России".

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по

истории России, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале
"Исторический журнал: научные исследования".

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Волгин Е.И. Проблема противодействия политическому экстремизму в РФ в начале 1990-х гг. // Исторический журнал: научные исследования. 2024. № 3. DOI: 10.7256/2454-0609.2024.3.69970 EDN: JVIHNN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69970

Проблема противодействия политическому экстремизму в РФ в начале 1990-х гг.

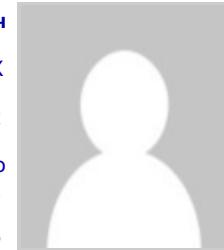
Волгин Евгений Игоревич

ORCID: 0000-0002-9690-448X

кандидат политических наук

доцент кафедры истории общественных движений и политических партий Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

119192, Россия, г. Москва, ул. Ломоносовский пр-т, 27/4, оф. 415

plytony@yandex.ru

[Статья из рубрики "История государства и права"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2024.3.69970

EDN:

JVIHNN

Дата направления статьи в редакцию:

26-02-2024

Аннотация: Распад СССР ознаменовал крушение прежнего государственного порядка. Бывшие союзные республики столкнулись с такими деструктивными явлениями, которые в условиях былого социалистического уклада казались просто немыслимыми. На политической арене резко активизировались объединения и группировки, участники которых выражали агрессивную неприязнь происходящим в стране переменам. Задача настоящей статьи состоит в том, чтобы на основании комплексного использования различных материалов (нормативно-правовых актов и законопроектов, периодической печати, статистических данных, интернет-ресурсов, а также исследовательской литературы) выявить основные проблемы и противоречия государственной политики, направленной на противодействие политическому экстремизму в первые постсоветские годы. Предметом исследования выступает целостный политико-правовой процесс, направленный на разработку и принятие адекватного антиэкстремистского законодательства. Для наиболее полного раскрытия поставленной проблемы были

задействованы проблемно-хронологический, формально-юридический, институциональный и системный подходы. Научная новизна исследования заключается в попытке осмыслиения государственно-правовой политики, направленной на борьбу с различными формами политического, национального и религиозного радикализма как целостной и, одновременно, крайне противоречивой стратегии, которая осуществлялась в условиях кризисной ситуации в стране. Полученные знания позволят лучше осмыслить те изменения, которые произошли в понимании политического экстремизма на государственно-правовом уровне в последующие годы. Становление антиэкстремистского законодательства в постсоветской России осложнялось противостоянием, в которое были вовлечены все ветви власти. Даже после преодоления «кризиса двоевластия» и принятия новой Конституции российское государство пребывало в состоянии раскола, что затрудняло разработку и принятие закона о борьбе с экстремизмом. В середине 1990-х гг. в общественно-политическом дискурсе возобладало мнение о возросшей угрозе со стороны радикально-националистических (фашистских) формирований при опасном бездействии правоохранительных органов. Эти установки повлияли на президента и парламент, которые выступали главными субъектами законодательной инициативы. Излишняя политизация законотворческого процесса существенно затрудняла выработку адекватных решений. Сложившейся ситуацией пользовались радикалы, беспрепятственно продолжавшие свою противоправную деятельность. Таким образом, проблема противодействия политическому экстремизму не потеряла актуальности во второй половине 1990-х гг. и может служить предметом дальнейшего изучения.

Ключевые слова:

экстремизм, закон, указ, уголовный кодекс, президент, Государственная Дума, Ельцин, политическая партия, национализм, фашизм

Введение

Распад СССР ознаменовал крушение прежнего государственного порядка. Бывшие союзные республики столкнулись с такими деструктивными явлениями, которые в условиях былого социалистического уклада казались просто немыслимыми. Не стала исключением и Россия, где издержки переходного периода проявлялись гораздо острее, нежели в других странах СНГ. Утрата «исторических» территорий и усиливающееся брожение в национальных республиках, война в Чечне и рост этнической преступности, резкая смена социально-экономического строя, имевшая высокую социальную цену – все эти факторы способствовали формированию политических объединений, участники которых открыто выражали агрессивную неприязнь происходящим в стране переменам. В отличие от системных партий, делавших ставку на легитимные способы изменения кризисной ситуации, данные организации предпочитали радикальные заявления и действия, которые зачастую характеризовались как экстремистские. Под экстремизмом в данном случае понимается идеология и практика разрешения социально-экономических, политических, национальных, религиозных проблем с помощью насилиственных действий или угрозы их применения, исходящей от общественных объединений или отдельных граждан.

Задача настоящей статьи состоит в том, чтобы на основании комплексного использования различных материалов (нормативно-правовых актов и законопроектов, периодической печати, статистических данных, а также имеющейся исследовательской

литературы) выявить основные проблемы и противоречия государственной антиэкстремистской политики в РФ в первые постсоветские годы. Это необходимо для того, чтобы ответить на вопрос, почему данная деятельность в известный период носила во многом формальный характер. Полученные знания позволяют лучше осознать те изменения, которые произошли в понимании политического экстремизма на государственно-правовом уровне в «нулевые» годы. Для наиболее полного раскрытия поставленной проблемы были задействованы проблемно-хронологический, формально-юридический, институциональный и системный подходы. Научная новизна исследования заключается в попытке осмыслиения государственно-правовой политики, направленной на противодействие политическому экстремизму, как некой целостной и, в то же время, крайне противоречивой и дискретной стратегии, которая осуществлялась в условиях кризисной ситуации в стране, буквально находящейся «на грани».

Попытки совершенствования уголовного законодательства РСФСР – РФ

в конце 1980-х – начале 1990-х гг.

Несмотря на то, что понятие «экстремизм» до 2002 г. практически отсутствовало в российском законодательстве, некоторые специалисты полагают, что советское уголовное право содержало целый ряд особо опасных государственных преступлений, которые можно отнести к известному виду преступлений. Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. (*Уголовный кодекс РСФСР. Утвержден Верховным Советом 27 октября 1960 г. Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 59*) к разряду таких деяний относил заговор с целью захвата власти (в ст. 64), террористический акт (ст. 66), диверсию (ст. 68), вредительство (ст. 69), антисоветскую агитацию и пропаганду (ст. 70), пропаганду войны (ст. 71) и некоторые другие преступления. Однако далеко не все из вышеназванных статей применялись на практике.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 8 апреля 1989 г. ст. 70 УК получила наименование «Призывы к свержению или изменению советского государственного и общественного строя» (*Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 8 апреля 1989 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы РСФСР» // Библиотека нормативно-правовых актов СССР [электронный ресурс] URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_15550.htm, дата обращения: 26.04.2023*). Позднее УК был дополнен ст. 70.1 «Призывы к совершению преступлений против государства». Кроме того, появилась ст. 74.1 «Оскорблечение или дискредитация государственных органов и общественных организаций» (*Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 11 сентября 1989 г. «О внесении изменений в Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 8 апреля 1989 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы РСФСР» и изложении его в новой редакции» // Библиотека нормативно-правовых актов СССР [электронный ресурс] URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_15877.htm, дата обращения: 26.04.2023*). Данные корректировки были вызваны требованием времени. В начале 1989 г. состоялись выборы на Съезд народных депутатов СССР, которые сопровождались активизацией антисоветских сил, и кое-где раздавались призывы «вешать коммунистов» (*Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 25 апреля 1989 г. М., 1998. С. 56*).

Изменение ст. 6 Конституции СССР в марте 1990 г. заложили правовые основы для формирования многопартийной системы [[1, с. 90-106](#)]. Назрела необходимость принятия закона, который регламентировал деятельность политических объединений и, одновременно, устанавливал преграды на пути экстремистских формирований. 9 октября 1990 г. был принят Закон СССР «Об общественных объединениях» Закон СССР от 9

октября 1990 г. «Об общественных объединениях» // Контур Норматив [электронный ресурс] URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=1136>, дата обращения: 25.04.2023), запрещавший создание и деятельность организаций, имевших целью или методом действий свержение, насилиственное изменение конституционного строя или нарушение единства территории СССР, союзных и автономных республик, пропаганду войны, насилия и жестокости, разжигание социальной (классовой), а также расовой, национальной и религиозной розни. Запрещалось создание общественных военизованных объединений и вооруженных формирований.

Серьезным недостатком данного закона стала неопределенность правовых санкций в отношении объединений, не зарегистрировавших свой устав (закон устанавливал добровольный порядок регистрации уставов). Вместе с тем, этот закон стал важным этапом на пути становления законодательства об общественно-политических объединениях. Российская Федерация, долгое время не имевшая республиканского закона о политических партиях, руководствовалась этим правовым актом до середины 1995 года. При этом российские парламентарии довольно оперативно приняли Закон о СМИ, который не допускал злоупотребления свободой массовой информации, в том числе, в целях распространения экстремистских идей (Закон РСФСР от 27 декабря 1991 г. «О средствах массовой информации» // Ведомости РФ. 1992. № 7. Ст. 300). Соблюдали эти требования «свободная» российская пресса в 1990-е гг. – отдельный вопрос.

Распад СССР не привнес умиротворения в российский политический процесс. Представители исполнительной и законодательной власти не могли прийти к консенсусу относительно дальнейшего реформирования российского государства. В ходе углублявшегося противостояния каждая из сторон старалась максимально обезопасить себя от «экстремистских» выпадов оппонента. Так, Закон РФ от 9 октября 1992 г., «О защите конституционных органов власти» (Закон РФ от 9 октября 1992 г. «О защите конституционных органов власти» // Ведомости РФ. 1992. № 44. Ст. 2470), принятый с подачи Съезда, не допускал распуска легитимных (советских) институтов. Закон вводил новую формулировку ст. 70 УК РФ: «Призывы к насилиственному изменению конституционного строя». Одновременно УК дополнялся ст. 79.1 «Воспрепятствование деятельности конституционных органов власти».

В качестве ответной меры 28 октября 1992 г. Б.Н. Ельцин подписал Указ «О мерах по защите конституционного строя РФ» (Указ Президента РФ от 28 октября 1992 г. «О мерах по защите конституционного строя РФ» // Ведомости РФ. 1992. № 44. Ст. 2518). Этот документ предписывал органам исполнительной власти принять строжайшие меры, направленные на пресечение деятельности экстремистских элементов (Президент впервые употреблял термин «экстремизм» на официальном уровне). Однако Конституционный Суд постановил, что упоминание об «экстремизме» в отсутствие официально закрепленного юридического определения этого термина может создать правовую неясность при реализации данного указа. В итоге КС признал понятие «экстремистские элементы» не имеющим юридического значения (Постановление Конституционного Суда РФ от 12 февраля 1993 г. «По делу о проверке конституционности Указа Президента РФ от 28 октября 1992 г. № 1308 "О мерах по защите конституционного строя РФ"». САПП РФ. 1993. № 9. Ст. 825) [\[2, с. 62-65\]](#).

Свообразным обобщением норм и правил, принятых в целях воспрепятствования деятельности экстремистских формирований, стали поправки, внесенный в Конституцию РФ 10 декабря 1992 г. (Конституция (Основной Закон) РФ (с изменениями на 10 декабря 1992) // Docs.cntd.ru [электронный ресурс] URL:

<https://docs.cntd.ru/document/901700028>, дата обращения: 27.04.2023). Не допускалось создание и деятельность партий, общественных организаций и движений, имевших целью насильственное изменение конституционного строя и нарушение целостности РФ, подрыв безопасности государства, создание незаконных органов власти и вооруженных формирований, разжигание социальной, национальной и религиозной розни, включая пропаганду исключительности и любых форм дискриминации по признакам этнической, национальной, расовой, религиозной принадлежности. Исследователи, сравнивая эти конституционные положения с нормами Закона СССР «Об общественных объединениях», обратили внимание на следующие моменты. Во-первых, стилистически излишней казалась столь подробная диверсификация общественных объединений. Во-вторых, Основной Закон упоминал лишь о противозаконных целях, которые могли ставить перед собой радикалы, но ничего не говорил о методах их непосредственной реализации. Наконец, в Конституции не был зафиксирован запрет на создание военизированных формирований [2, с. 25-26].

Октябрь 1993 г.: экстремизм власти или экстремизм оппозиции?

Октябрьские события 1993 г. стали результатом безответственных действий президента и парламента, когда каждый участник конфликта, претендую на истинность и непогрешимость своих поступков, отстаивал собственное (при этом – весьма субъективное) видение будущего России. Депутаты, контролируя законодательный процесс, раз за разом вносили в «мягкую» Конституцию выгодные для себя поправки, зачастую пренебрегая регламентом. Президент, «стремясь к ликвидации политического препятствия, не дающего народу самому решать свою судьбу» (Указ Президента РФ от 21 сентября 1993 г. «О поэтапной конституционной реформе в РФ» // Ельцин Центр [электронный ресурс]: <https://yeltsin.ru/archive/act/41068>, дата обращения: 30.04.2023), ликвидировал сам конституционный строй.

Заслуживает внимания тактика президента, которому для обеспечения государственной и общественной безопасности вновь (как и в августе 1991) пришлось прибегнуть к ограничению деятельности отдельных политических объединений. 4 октября 1993 г. Б.Н. Ельцин подписал Указ «О безотлагательных мерах по обеспечению режима чрезвычайного положения в г. Москве» (Указ президента РФ от 4 октября 1993 г. «О безотлагательных мерах по обеспечению режима чрезвычайного положения в г. Москве» // САПП РФ. 1993. № 40. Ст. 375), в соответствии с которым Минюсту по представлению коменданта района чрезвычайного положения поручалось приостановить деятельность общественных объединений, принимавших участие в массовых беспорядках и иных противоправных действиях, а также решить вопрос о ликвидации указанных организаций в установленном законом порядке. В тот же день генерал-лейтенант милиции А. Куликов, назначенный комендантом района чрезвычайного положения по г. Москве, приостановил деятельность шестнадцати организаций. Однако ввиду того, что милиционные органы слабо разбирались в тонкостях российского партогенеза, в названиях отдельных институций присутствовали ошибки [3].

4 октября 1993 г. Министерство юстиции выпустило распоряжение, в соответствии с которым приостанавливалась деятельность восьми общественно-политических объединений. Управлению по делам общественных и религиозных объединений Минюста предписывалось рассмотреть вопрос о возможности ликвидации этих организаций в установленном порядке. (Распоряжение Министерства юстиции РФ от 4 октября 1993 г. «О приостановлении деятельности некоторых общественных объединений в соответствии с Указом Президента РФ от 4 октября 1993 г. "О безотлагательных мерах по

обеспечению режима чрезвычайного положения в г. Москве» // Российская газета. 1993. 6 октября).

Исследователи отмечают, что перечень Минюста выглядел более корректно (как по названиям партий и движений, так и по сути), нежели список А. Куликова. При этом никаких попыток ликвидации данных структур в судебной порядке в дальнейшем не предпринималось, а временный запрет их деятельности истек с окончанием периода действия режима ЧП (18 октября) [\[3\]](#).

Однако 19 октября 1993 г. Президент издал указ (Указ Президента РФ от 19 октября 1993 г. «О некоторых мерах по обеспечению государственной и общественной безопасности в период проведения избирательной кампании 1993 г.» // САПП РФ. 1993. № 43. Ст. 4080), в соответствии с которым лишил шесть объединений, упомянутых в распоряжении Минюста, права участвовать в выборах в Думу. Не подлежали регистрации избирательные объединения (блоки), включившие в свой состав упомянутые в указе формирования. Не могли быть зарегистрированы в качестве кандидатов в депутаты лица, которым были предъявлены обвинения в связи с «вооруженным мятежом» 3 – 4 октября 1993 г. Специалисты отмечали неправовой характер действий Президента, не вытекавших из Закона РФ «О чрезвычайном положении» [\[2, с. 36\]](#). Со своей стороны, отметим, что Ельцин в октябре 1993 г. (как и в августе 1991) опирался на право победителя, позволявшее ему игнорировать действующее законодательство.

Проблема противодействия национализму в уголовном законодательстве РСФСР

Специфической формой экстремизма является национализм и ксенофобия. Эта проблема была особенно актуальной в России, где большинство радикальных организаций исповедовало воинствующий национализм. Не вдаваясь в историю эволюции уголовно-правовых норм, которые полагались за данное преступление в послереволюционный, межвоенный и послевоенный период, отметим, что в 1960 г. вступил в силу новый УК РСФСР, где содержалась ст. 74 («Нарушение национального и расового равноправия»), предусматривавшая наказание как за пропаганду и агитацию, которая велась с целью возбуждения расовой или национальной вражды или розни, так и за прямое или косвенное ограничение прав или установление прямых или косвенных преимуществ граждан в зависимости от их расовой или национальной принадлежности. Несомненным плюсом данной диспозиции стало отсутствие в ее формулировке упоминания об умышленности подобных действий, которое имело место в Законе СССР от 25 декабря 1958 г. «Об уголовной ответственности за государственные преступления» (Закон СССР от 25 декабря 1958 г. «Об уголовной ответственности за государственные преступления» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1958. № 1. Ст. 8). Тем не менее, в советские годы ст. 74 относилась к бездействующим. Пропаганда декларировала «окончательное решение» национального вопроса в СССР, а поэтому власти всячески пытались скрыть наличие националистических мотивов в насильственной преступности [\[4, с. 74-75\]](#).

Межэтнические конфликты, вспыхнувшие в годы «перестройки» на территории союзных республик, требовали ужесточение ответственности за преступления, совершенные на почве национальной вражды и ненависти. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 8 апреля 1989 г. в ст. 74 были внесены изменения, которые носили амбивалентный характер

(Указ Президиума ВС РСФСР от 8 апреля 1989 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы РСФСР» // Библиотека нормативно-правовых актов СССР [электронный ресурс] URL:

https://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_15550.htm, дата обращения: 29.04.2023). Во-первых, была установлена уголовная ответственность именно за умышленные действия, «направленные на унижение национальной чести и достоинства». Во-вторых, вводились квалифицирующие (отягчающие) признаки данного преступления, что позволяло сделать вывод о том, что законодатель усилил ответственность за рассматриваемые деяния. Однако, по мнению правоведов, ответственность за основной состав преступления, предусмотренного ст. 74, была скорректирована как раз-таки в сторону смягчения [\[5, с. 654\]](#) [\[6, с. 31\]](#).

Тем не менее, даже в последние годы существования СССР, когда некоторые союзные республики захлестнула волна этнического насилия, число приговоров по этой статье оставалось незначительным. Так, за почти тридцать лет (с 1962 по первую половину 1991) общесоюзная судебная практика насчитывала всего 109 случаев осуждения по статье о нарушении национального равноправия. Из них 50 случаев (45 %) приходились на период с 1987 по первую половину 1991 г. В России за все это время по ст. 74 было вынесено лишь 9 приговоров и лишь один из них пришелся на годы «перестройки» [\[7, с. 139-140\]](#).

Актуализация законодательства о противодействии радикальному национализму и правоприменительная практика (1993 – 1995)

Заметные корректировки, направленные на противодействие национализму, были внесены в уголовное законодательство Верховным Советом незадолго до его распуска. 27 августа 1993 г. ст. 74 получила название «Нарушение равноправия граждан по признаку расы, национальности или отношения к религии» (Закон РФ от 27 августа 1993 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях // Ведомости РФ. 1993. № 37. Ст. 1466). Уголовному наказанию подвергались умышленные действия, направленные на возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды или розни, на унижение национальной чести и достоинства, пропаганду исключительности либо неполноценности граждан по признаку отношения к религии, национальной или расовой принадлежности. Таким образом, был расширен объективный состав преступления в виде «пропаганды исключительности либо неполноценности граждан по признаку отношения к религии, национальной или расовой принадлежности». Исследователи подчеркивали важность данной диспозиции, т.к. любая шовинистическая пропаганда отстаивает превосходство «своих» за счет ущербности «чужих» [\[2, с. 28\]](#) [\[5, с. 654\]](#).

Тем не менее, в первые постсоветские годы уголовные дела, возбужденные по ст. 74, продолжали буксовать. Если раньше данная норма не применялась по идеологическим соображениям, то теперь она не работала из-за неудачной формулировки. Во-первых, уголовно-наказуемыми действиями признавались лишь умышленные действия, совершаемые с целью возбуждения национальной вражды или розни. Такая диспозиция стала серьезным камнем преткновения в ходе судебных разбирательств, т.к. обвиняемые «нагло» отрицали злой умысел, а потому и защита, построенная на этом тезисе, представлялась довольно сильной. Во-вторых, объективная сторона преступления не содержала даже примерного перечня уголовно наказуемых действий, «направленных на возбуждение вражды или розни». В отсутствие четких критериев состав преступления выглядел крайне размытым, что позволяло правоохранителям применять избирательный подход, привлекая к ответственности как за открытые призывы к насилию на почве

национальной вражды и ненависти, так и за «бытовой национализм». По словам следователя Тимирязевской межрайонной прокуратуры г. Москвы О. Шмуневского: «Вся штука в том, что убийства..., расследовать легче... А над “семьдесят четвертой” голову можно сломать. Прокуроры не спешат направлять такие дела в суд, где все кончается... оправдательным приговором» // (Выжутович В. Оправдание негодяев // Известия. 1994. 2 августа; Челноков А. «Добрые, милые люди в галстуках» // Известия. 1995. 15 марта) [8, с. 41; 4, с. 76-78, 81-82] [9, с. 344].

Действительно, середины 1991 до середины 1993 г. (т.е. почти за два года) не было ни одного случая осуждения по ст. 74. По состоянию на февраль 1993 г. органы прокуратуры возбудили по России 18 уголовных дел по признакам, предусмотренным ст. 74, однако ни одно из них не дошло до суда. В 1994 г. по данной статье было заведено 15 уголовных дел, но не было ни одного осужденного. В 1995 г. в суд было направлено 15 дел данной категории и только по двум удалось добиться обвинительных приговоров (при этом оба фигуранта были амнистированы в связи с 50-летием Великой Победы) (*Материалы парламентских слушаний «О предупреждении проявлений фашистской опасности в РФ»*. М., 1995. С. 81), [7, с. 139] [10].

В правоохранительных органах такие дела называли «тухлыми» и даже «антипатриотичными» (Худокормов А. Будет ли Россия фашистским государством? // Известия. 1994. 18 августа). Принимая во внимание данное обстоятельство, адвокаты порой сами настаивали на том, чтобы их подзащитным вменяли именно эту, пусть серьезную, но совершенно «неработающую» статью. Видя явный диссонанс между реальностью, которую буквально заполонили радикальные издания и партии, и отсутствием должной реакции со стороны правоохранительных органов, некоторые публицисты и правозащитники утверждали, будто российские силовики намеренно «попустительствуют фашистам» (Прошечкин Е. Фашистам пока спокойно// Московские новости. 1994. 5-12 мая; Челноков А. Нацисты убивали людей // Известия. 1994. 9 сентября).

Представители Прокуратуры (равно как МВД и ФСК – ФСБ), в свою очередь, ссылались на несовершенство законодательства, которое не давало возможности применять эффективные меры против фашистующих элементов. Зачастую правоохранители просто перекладывали ответственность друг на друга (Орлюк С. Не дело прокурора искать виноватых на баррикадах гражданской войны // Новая ежедневная газета. 1994. 15 января; Выжутович В. Оправдание негодяев // Известия. 1994. 2 августа) [11, с. 36]. С другой стороны, исследователи указывают на отсутствие каких-либо данных, подтверждающих намеренное попустительство (и, тем более, – сознательное) экстремизму со стороны правоохранительных органов [3]. Говоря о «бездействии» силовых структур в отношении открытых нацистов, следует помнить, в каком тяжелом положении находилась правоохранительная система РФ в 1990-е гг. Постоянное недофинансирование, отток квалифицированных кадров, убогая материально-техническая база и, главное, волна преступности, захлестнувшая страну в этот период – все эти факторы не позволяли правоохранителям вплотную заняться экстремистами, «символические» проступки которых на фоне бушевавшей в России «великой криминальной революции» казались не столь существенными. Сложившуюся ситуацию весьма точно подметил столичный прокурор Г. Понамарев: «В городе ежедневно совершаются десятки убийств, а мы занимаемся баркашовцами» (Орлюк С. Не дело прокурора искать виноватых на баррикадах гражданской войны // Новая ежедневная газета. 1994. 15 января).

С другой стороны, те же баркашовцы и другие националисты подвергались уголовному

преследованию, когда совершали тяжкие уголовные преступления (убийства, грабежи и т.д.). Однако следствие, чтобы не отягощать «понятные» уголовные дела «политикой», зачастую отказывалось принимать во внимание нацистские убеждения этно-радикалов как непосредственный мотив их преступлений. Да и руководство партийных структур, даже самых одиозных, отнюдь не приветствовало противоправные действия своих членов. Всякий раз, когда те же баркашовцы оказывались фигурантами резонансных уголовных дел, «соратники» оперативно от них откращивались (Соломенко Е. От политики – к уголовщине // Известия. 1994. 18 марта; Челноков А. «Добрые, милые люди в галстуках» // Известия. 1995. 15 марта; Архипов И. Шел в депутаты, попал в арестанты // Общая еженедельная газета. 1994. 4–16 марта) [12, с. 8-9, 11-12, 14, 17, 74] [3].

Президентская власть как фактор противодействия фашистской опасности

В условиях недостаточно эффективной работы правоохранительных органов консолидирующую силой в борьбе с политическим экстремизмом могла стать президентская власть, многократно усиленная в ходе конституционной реформы. «Президентская» Конституция запрещала создание и деятельность общественных объединений, цели и действия которых были направлены на насильственное изменение основ конституционного строя, нарушение целостности РФ, подрыв государственной безопасности, создание вооруженных формирований, а также разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни (Конституция РФ 1993 года // Сайт «Конституция России. Все редакции» [электронный ресурс] // URL: <https://konstitucija.ru/1993/1/>, дата обращения: 1.05.2023).

Одновременно приближалось 50-летие Великой Победы. В этой связи открытая продажа нацистской литературы рядом с Красной площадью, а также наличие «чернорубашечников», свободно разгуливающих по центру Москвы, могли внести явный диссонанс в торжественные мероприятия. Было необходимо принять пусть временные, но хоть какие-то меры. 23 марта 1995 г. Президент подписал Указ «О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной власти в борьбе с проявлениями фашизма и иных форм политического экстремизма в РФ» (Указ Президента РФ от 23 марта 1995 г. «О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной власти в борьбе с проявлениями фашизма и иных форм политического экстремизма в РФ» // СЗ РФ. 1995. № 13. Ст. 112). Этот нормативный акт вводил в оборот два широко известных, но при этом относительно новых для отечественного законодательства понятия: «фашизм» и «экстремизм». Что касается последнего, то это была вторая (с 1992) попытка Ельцина утвердить данный термин в правовой практике. Несмотря на то, что теперь никто не пытался оспорить конституционность указа в судебной порядке, закрепление на государственно-правовом уровне столь неоднозначных терминов без попытки их раскрытия едва ли могло помочь правоохранителям в борьбе с фашизмом и экстремизмом. «Чем руководствоваться – словarem Даля?», – недоумевал замгенпрокурора А. Розанов (Ямшанов Б. Куда же смотрит прокуратура? // Российская газета. 1999. 2 февраля).

Указ вызвал лишь краткосрочный отклик правоохранительных органов и спецслужб. Фактически, все свелось к «антифашистской» кампании, приуроченной к празднованию годовщины Победы. Причиной тому, помимо традиционной бюрократической инертности, загруженности следственных органов «реальными» уголовными делами и отсутствия согласованности в действиях главных борцов с фашизмом, стало то, что вскоре после обнародования указа сменились руководители главных силовых ведомств: МВД, ФСБ и Генпрокуратуры. Да и в либеральной печати к инициативе Президента отнеслись

настороженно. Иные заподозрили Ельцина в неуклюжей попытке отвлечь внимание общественности от войны в Чечне (*Тимофеева Л. Пугало, я тебя знаю? // Независимая газета. 1995. 1 марта*) [9, с. 341] [13].

Еще одним препятствием, не позволившим президентской власти продвинуть свои законодательные инициативы, стали напряженные отношения Б.Н. Ельцина с новой Думой. 7 июня 1995 г. Президент внес в нижнюю палату законопроект, в котором предполагалось дополнить действующий УК новыми составами преступлений, в том числе: пропаганда фашизма и организация фашистских объединений. Президентский законопроект был направлен председателю Госдумы И. Рыбкину с просьбой рассмотреть его в первоочередном порядке. Однако данные инициативы «застряли» в Комитете по законодательству и нижней палатой не рассматривались (Амелина А. Как Госдума с фашизмом боролась // *Российское агентство правовой и судебной информации [электронный ресурс]* URL: https://rapsinews.ru/legislation_publication/20160616/276307343.html, дата обращения: 2.05.2023).

I Дума и проблема принятия антиэкстремистского законодательства

После избрания нового парламента работа над законом о запрещении экстремистских организаций должна была переместиться в Государственную Думу. Действительно, в I Думе часто говорили о росте политического экстремизма и угрозе распространения фашизма. Однако данная риторика использовалась различными политиками в основном против своих оппонентов. Так, либералы называли «фашистами» коммунистов и жириновцев, а те, в свою очередь, обвиняли в фашизме «гайдаровцев». Что касается конкретных законодательных инициатив, то депутаты I Думы были крайне осторожны в известном вопросе, ибо понимали, что любой антиэкстремистский акт мог быть обращен против партийно-политической оппозиции, т.е. них самих. Поэтому парламентарии предпочитали вносить точечные изменения в действующее законодательство, реагируя на нестабильную внутриполитическую ситуацию (например, корректировка статей УК, предусматривавших ответственность за терроризм или за участие в незаконных вооруженных формированиях) (*Федеральный закон от 1 июля 1994 г. «О внесении изменений и дополнений в УК РСФСР и УПК РСФСР» // Контур Норматив [электронный ресурс]* URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=5137>, дата обращения: 3.05.2023; *Федеральный закон от 28 апреля 1995 г. «О внесении изменений и дополнений в УК РСФСР и УПК РСФСР» // СЗ РФ. 1995. № 18. Ст. 1595*) [2, с. 39].

Что касается борьбы с политическим экстремизмом, то в этом вопросе I Дума, на треть состоявшая из коммунистов, аграриев и жириновцев, не проявляла особой активности. Новый Закон «Об общественных объединениях» (*Федеральный закон от 19 мая 1995 «Об общественных объединениях» // СЗ РФ. 1995. № 21. Ст. 1930*, разработанный Комитетом по делам общественных объединений и религиозных организаций, в части положений, запрещавших создание и деятельность экстремистских организаций, полностью воспроизвил соответствующую статью Конституции. Единственное, здесь лучше, чем в аналогичном союзном акте, была зафиксирована ответственность незарегистрированных общественных объединений (это было важно, т.к. большинство радикальных группировок действовало без регистрации).

Кроме того, согласно новому закону, название и символика общественного объединения не должны были оскорблять нравственность, а также национальные и религиозные чувства граждан. По мнению специалистов, эти ограничения звучали неконкретно и едва ли могли быть последовательно применены в судах. Несколько прояснял ситуацию

Федеральный закон от 19 мая 1995 г. «Об увековечивании Победы советского народа в Великой Отечественной войне», который запрещал использование нацистской символики «в любой форме». Однако данный акт не предусматривал юридической ответственности за использование подобной атрибутики (*Федеральный закон от 19 мая 1995 г. «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной Войне 1941 – 1945 годов» // СЗ РФ. 1995. № 21. Ст. 1928.*).

Гораздо продуктивнее и последовательнее казались депутаты Московской городской думы, которые 24 мая 1995 г. единогласно одобрили в качестве законодательной инициативы проект закона «О запрещении деятельности экстремистских общественных объединений в России». Автором разработчиком выступил депутат МГД, председатель Московского антифашистского центра Е. Прошечкин (*Ениколов С. Политический дальтонизм // Московские новости. 1995. 4–11 июня*).

5 июля 1995 г. этот документ, а также проекты законов «О запрещении пропаганды фашизма в РФ» (В. Зоркальцев, КПРФ) и «Об ответственности за распространение фашистской идеологии, политическую практику и организационную деятельность фашистских организаций» (В. Журавлев, ЛДПР) были вынесены на пленарное заседание Государственной Думы (*Государственная Дума. Стенографический отчет от 5 июля 1995 г. // Государственная Дума Федерального Собрания РФ [электронный ресурс] URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3036/>, дата обращения: 15.05.2023*).

Не вдаваясь в детали вышеназванных законопроектов, отметим, что каждый из них имел свои недостатки. Так, вариант В. Зоркальцева не предусматривал уголовной ответственности за пропаганду фашизма, которая наказывалась лишь штрафом или административным арестом (*Материалы парламентских слушаний «О предупреждении проявлений фашистской опасности в РФ». С. 87-89) [2, с. 98-101]*). Законопроект В. Журавлева, напротив, предполагал уголовное наказание, но – за необоснованные обвинения какой-либо организации или гражданина в фашизме (очевидно, член фракции ЛДПР пытался тем самым отбить охоту у некоторых «демократов» называть своего «партайгеноссе» фашистом). Закон Е. Прошечкина ввиду перспективы расширительного толкования отдельных его статей мог быть использован для уголовного преследования отнюдь не только радикалов, но также представителей левой оппозиции.

В итоге все три варианта были отвергнуты. I Дума вплоть до конца своей работы больше к этому вопросу не возвращалась. Тем не менее, противоречивые результаты парламентских выборов 1995 г., когда, несмотря на тотальное поражение всех радикальных партий (за исключением ЛДПР) и их выдвиженцев в одномандатных округах, около 16 % (или 11,6 млн избирателей) высказалось в поддержку объединений и кандидатов, открыто заявлявших свою «непримиримую» позицию по ряду ключевых вопросов внутренней (национальной) и внешней политики (*Поливанов С. Фашизм не прошел // Московские новости. 1996. 3–10 марта*), (*Политика // [электронный ресурс] URL: <http://www.politika.su/fs/gd2rezv.html>, дата обращения: 24.05.2023*), диктовали необходимость продолжить работу над антиэкстремистским законодательством.

Заключение

Итак, проблема противодействия политическому экстремизму приобрела чрезвычайную актуальность в «позднем» СССР и постсоветской России. В период распада союзного государства обострились различные деструктивные (национал-сепаратистские) силы, которым уже не могла противостоять децентрализованная правоохранительная система СССР, лишенная (после запрещения КПСС) единого партийно-политического

руководства. С другой стороны, именно в этот период происходит известная деидеологизация статей уголовного законодательства. В этом отношении советское уголовное право сделало большой шаг вперед, свидетельствовавший о реальной демократизации прежней государственно-правовой (по сути – авторитарной) модели.

Распад СССР не привнес умиротворения в российский политический процесс. Напротив, после падения коммунизма Россия вступила в период нестабильности, вызванной глубоким социально-экономическим и конституционно-политическим кризисом. При этом, несмотря на широкое употребление термина «экстремизм» в политическом лексиконе, он так и не нашел соответствующего правового закрепления в те годы. Это делало борьбу с проявлениями политической, национальной или религиозной нетерпимости как специфическими видами преступлений несколько затруднительной. Хотя российский законодатель в период «августовской Республики» подверг соответствующие статьи УК известной актуализации, которые, однако, не всегда казались удачными.

В ходе противостояния исполнительной (президентской) и законодательной ветвей каждая из сторон считала себя «властью истинной» (т.е. наиболее легитимной), а потому пыталась объявить действия оппонента и его союзников незаконными, т.е. экстремистскими. Президент, вышедший победителем из этой схватки, мог не только стигматизировать «красно-коричневую» оппозицию, но также получил возможность устанавливать конституционно-правовые ограничения общественной (в т.ч. партийно-политической) деятельности. Надо сказать, что «президентская» Конституция 1993 г. в сочетании с новым Федеральным законом «Об общественных объединениях» 1995 г. содержали исчерпывающий перечень недопустимого политического, национального или религиозного активизма. В этой связи можно предположить, что особой надобности в дополнительном принятии какого-то специального «антиэкстремистского» («антифашистского») закона не было.

Тем не менее, несмотря на правовые ограничения, в стране беспрепятственно действовали десятки радикальных (профашистских) объединений, а также издавалась и открыто распространялась нацистская литература. Правоохранительные органы, отвечая на упреки в бездействии, исходившие по большей части от представителей либеральной общественности, ссылались на отсутствие в российском законодательстве таких понятий, как «экстремизм» и «фашизм». Однако, на наш взгляд, подобные ответы являлись не более, чем отговорками, тогда как корни проблемы лежали намного глубже.

Во-первых, сыграло свою роль кризисное состояние российской правоохранительной системы, основные институты которой (Генпрокуратура, МВД, Минюст, ФСК – ФСБ) находились в состоянии постоянного реформирования и частой смены руководства. В условиях, когда у «органов» не хватало средств и ресурсов для борьбы с захлестнувшей страну «великой криминальной революцией», молодчики со свастиками (но при этом не нарушавшие общественный порядок), а также торговцы «Майн кампф» и прочей нацистской атрибутикой, пусть даже недалеко от Кремля, хотя и портили столичный «ландшафт», тем не менее, не представляли, по мнению правоохранителей, реальной опасности.

Во-вторых, за уголовными обвинениями в разжигании той же национальной розни как правило стояли различные политические группировки и их лидеры. Эти резонансные дела привлекали внимание СМИ. В этой связи следователям и прокурорам, привыкшим иметь дело с «обычной уголовщиной», меньше всего хотелось участвовать в «политике», рискуя при этом быть обвиненными в ограничении конституционных прав граждан. Поэтому правоохранители старались передать подобные резонансные дела на откуп

различного рода экспертизам, в результате чего те успешно разваливались. В-третьих, можно осторожно предположить, что на фоне разгула этнической преступности и войны в Чечне, многие правоохранители исподволь вполне могли поддерживать отдельные лозунги, ретранслируемые националистическими партиями (не зря те же баркашовцы очень любили рассказывать о своих связях в силовых структурах).

Наконец, само законодательство об общественных объединениях, которое устанавливало ограничения деятельности радикальных формирований, соблюдалось в России 1990-х крайне неудовлетворительно (впрочем, как и многие другие законы). Министерство юстиции, призванное контролировать деятельность различных партий и движений на предмет соответствия их деятельности уставным положениям, оставалось в начале 1990-х гг. наиболее слабым звеном в системе исполнительной власти. Функции Минюста в основном сводились лишь к регистрации общественных объединений. Если учесть, что многие радикалы действовали без регистрации или же были зарегистрированы на региональном уровне, то они и вовсе выпадали из поля зрения федерального ведомства, региональные управления которого, учитывая известную децентрализацию РФ в те годы, практически не подчинялись «головному офису».

Вышеназванные факторы создавали в общественном мнении запрос на разработку дополнительного «антиэкстремистского» законодательства. Со своими предложениями выступили Президент и депутаты I Думы. Однако законотворческая деятельность неминуемо превращалась в заложницу политической борьбы, которая велась как между исполнительной и законодательной властью, так и между парламентскими фракциями. Ибо невозможно было представить, чтобы Президент, с одной стороны, а также коммунисты, жириновцы и либералы – с другой, смогли в те годы прийти к консенсусу по таким крайне дискуссионным понятиям, как «политический экстремизм» или «фашизм». Все это чрезвычайно запутывало законодательный процесс, фактически заведя его в середине 1990-х гг. в тупик. Сложившейся ситуацией пользовались различного рода радикалы, беспрепятственно продолжавшие свою противозаконную деятельность.

Библиография

1. Волгин Е.И. Демонтаж однопартийной системы в СССР: политические и правовые аспекты // Вестник Московского университета. 2016. Сер. 8: История. № 5. С. 90-106.
2. Верховский А. Политика государства по отношению к национал-радикальным объединениям. 1991–2002 гг. М.: Центр «Сова», 2013.
3. Верховский А., Папп А., Прибыловский В. Политический экстремизм в России. М: Панорама, 1996. URL: <https://www.sova-center.ru/files/books/pano-red-book-1996.pdf>
4. Шмидт Ю.М. Предложения по совершенствованию законодательства об ответственности за разжигание национальной розни // Проблема ответственности за разжигание межнациональной розни. М: «Мемориал», 1993. С. 74-86.
5. Бешукова З.М. Развитие законодательства об ответственности за экстремизм и терроризм в период действия уголовного кодекса РСФСР 1960 года // Право и политика. 2016. № 5. С. 649-657.
6. Волженкин Б.Д. Из истории становления ст. 74 // Проблема ответственности за разжигание межнациональной розни. М: «Мемориал», 1993. С. 31-33.
7. Проблема ответственности за разжигание межнациональной розни. М.: «Мемориал», 1993.
8. Барихновская Е. Обзор правоприменительной практики Санкт-Петербурга по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 74 УК России // Проблема ответственности за разжигание межнациональной розни. М.: «Мемориал», 1993.
9. Шмидт Ю. Недействующие законы // Нужен ли Гитлер России? По материалам

- Международного форума «Фашизм в тоталитарном и посттоталитарном обществе: идеи основы, социальная база, политическая активность». СПб: ПИК, 1995. С. 340-349.
10. Дейч М. Коричневые: Об угрозе национал-социализма и беспечности власти. М: Терра – Книжный клуб, 2003. URL: <https://libking.ru/books/prose-/prose-contemporary/101571-mark-deych-korichnevye.html>
11. Винниченко Н.Н. Профилактика межнациональных конфликтов с помощью мер уголовного принуждения // Проблема ответственности за разжигание межнациональной розни. М.: «Мемориал», 1993. С. 34-36.
12. Лихачев В. Нацизм в России. М.: Панорама, 2002.
13. Янов А.Л. После Ельцина. «Веймарская» Россия. М.: Московская городская типография А.С. Пушкина, 1995. URL: http://lib.ru/POLITOLOG/yanow.txt_with-big-pictures.html

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Эпоха Перестройки привела к кардинальным переменам в жизни советского общества: именно в конце 1980-х гг. на фоне ослабления власти центра и нарастающего экономического кризиса усилилась общественно-политическая активность масс, то что один из иностранных наблюдателей метко охарактеризовал следующими словами: "Все пришло в движение". Вместе с тем в условиях турбулентности произошло резкое возрастание деятельности экстремистских сил, что нашло отражение в Нагорном Карабахе, Приднестровье, Абхазии, а также в рамках расширения масштабов деятельности экстремистских групп. Одним словом проблема противодействию экстремизму стала одной из важнейших задач государства в начале 1990-х гг.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является противодействие политическому экстремизму в России в начале 1990-х гг. Автор ставит своими задачами "выявить основные проблемы и противоречия государственной антиэкстремистской политики в РФ в первые постсоветские годы", а также "ответить на вопрос, почему данная деятельность в известный период носила во многом формальный характер".

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать "государственно-правовую политику, направленную на противодействие политическому экстремизму, как некой целостной и, в то же время, крайне противоречивой и дискретной стратегии, которая осуществлялась в условиях кризисной ситуации в стране".

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его разносторонность: всего список литературы включает в себя свыше 10 различных источников и исследований. Источниковая база статьи представлена прежде всего нормативно-правовыми актами, а также материалами периодической печати. Из используемых автором исследований укажем на труды Е.И. Волгина и Ю.М. Шмидта, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения политico-правовой системы России в первой половине 1990-х гг. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения

текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по её теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как политической историей России, в целом, так и становлением ее политico-правовой системы, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что в начале 1990-х гг. "брожение в национальных республиках, война в Чечне и рост этнической преступности, резкая смена социально-экономического строя, имевшая высокую социальную цену – все эти факторы способствовали формированию политических объединений, участники которых открыто выражали агрессивную неприязнь происходящим в стране переменам". Автор обращает внимание на то, что "несмотря на широкое употребление термина «экстремизм» в политическом лексиконе, он так и не нашел соответствующего правового закрепления в те годы". В работе показано, что "законотворческая деятельность неминуемо превращалась в заложницу политической борьбы, которая велась как между исполнительной и законодательной властью, так и между парламентскими фракциями". Автор справедливо показывает и то, что "многие радикалы действовали без регистрации или же были зарегистрированы на региональном уровне, то они и вовсе выпадали из поля зрения федерального ведомства, региональные управления которого, учитывая известную децентрализацию РФ в те годы, практически не подчинялись «головному офису».

Главным выводом статьи является то, что сложившейся в тот период "ситуацией пользовались различного рода радикалы, беспрепятственно продолжавшие свою противозаконную деятельность".

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России, так и в различных спецкурсах.

К статье есть отдельные замечания: так, автор не включил в библиографию нормативно-правовые акты и материалы периодической печати.

Однако, в целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале "Исторический журнал: научные исследования".

Англоязычные метаданные

The history of anti-Castro terrorist organizations and their ties to the U.S. government

Gatin Mikhail Igorevich

Postgraduate student of the Department of New and Contemporary History, Faculty of History, Moscow State University named after MV. Lomonosov

119296, Russia, Moscow, Lomonosovsky Prospekt, 18, sq. 60

 edgarhover77@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the history of terrorist organizations that arose as a response to the Cuban Revolution of 1959, the rise to power of Fidel Castro and the policies of his government over the following decades. An important role in the creation, financing and support of these organizations was played by people directly or indirectly connected with the American special services and the political leadership of the United States. The activities of Cuban counter-revolutionary terrorists have led to tragic consequences, including the deaths of innocent people, not only Cubans, but also representatives of other Latin American countries. The use of terrorist methods for political purposes is an extremely urgent problem in the 21st century, and therefore an appeal to the history of this phenomenon is objectively necessary to effectively combat this evil. The history of terrorist activity by opponents of the Castro regime is of interest both to historians and political scientists, whose interests include the study of the Caribbean region, the history of foreign policy and the activities of US intelligence agencies, and to specialists in international relations in general. The methodology of the research is based on the principles of historicism, scientific objectivity and consistency. This allows us to consider the problem under study as an integrated system, where the facts are analyzed in their entirety and interrelationships. General scientific (analysis and synthesis, induction and deduction, descriptive) and general historical (historical-comparative, historical-systemic) research methods are necessary for conducting research. The present study has a scientific novelty, since it is based on sources not previously used in the Russian scientific literature. A significant part of the corpus of sources used by the author of the article are classified CIA documents until recently. To a certain extent, working with such arrays of information is not only a historical, but also a political science study that allows us to better understand the realities of modern geopolitics. As for the conclusions of this study, they may be summarised respectively: 1) the United States, at least in the recent past, was a direct sponsor of international terrorism; 2) the activities of anti-Castro terrorist groups in the 20th century still hinder the process of restoring diplomatic relations between the United States and Cuba; 3) a violent change of power in the state inevitably generates a cycle of violence that evades the risk of interference in the internal affairs of the country from the outside.

Keywords: Escambray, Luis Posada, Orlando Bosch, USA, Cuba, John F. Kennedy, Jorge Mas, terrorism, Fidel Castro, CORU

References (transliterated)

1. Cohn, M. (2009). A History of U.S. Terrorism against Cuba (pp. 1-12). Hanoi: Congress of International Association of Democratic Lawyers.
2. Encinosa, E. G. (1989). Escambray: La Guerra Olvidada: Un Libro Historico De Los Combatientes Anticastristas En Cuba (1960-1966). Ann Arbor: University of Michigan.

3. Franklin, J. (2016). Cuba and the U.S. Empire: a chronological history (pp. 45–63). New York: Caribbean Quarterly.
4. García, M. C. (1998). Hardliners v. "Dialogueros": Cuban Exile Political Groups and United States-Cuba Policy (pp. 3-28). Chicago: Journal of American Ethnic History.
5. Johnson, H. (1964). The Bay of Pigs: The Leaders' Story of Brigade 2506. New York: W. W. Norton & Company.
6. Kirkpatrick, L. B. (2020). Inspector General's Survey of the Cuban Operation (October 1961). [DX Reader version]. Retrieved from <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB341/IGrpt1.pdf>
7. Mcpherson, A. (2018). Long View: How the Fight Against Castro Once Terrorized U.S. Cities. New York: Americas Quarterly.
8. Nixon (1995) HQ "Do you ever think of death, Dick?" (2011). Retrieved from <https://www.youtube.com/watch?v=JWRVyaKnGcA&t=231s>
9. Pfeiffer, J. B. (1979). Evolution of CIA's Anti-Castro Policies, 1951 – January 1961. Retrieved from <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB355/bop-vol3.pdf>
10. Released CIA document referencing Alpha 66 (1999). Retrieved from https://web.archive.org/web/20170123154635/https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/DOC_0000386756.pdf
11. Shackley, T., Finney, R. (2006). Spymaster: My Life in the CIA. Sterling: Potomac Books.
12. Smith Jr., W. T. (2003). Encyclopedia of the Central Intelligence Agency. New York: Facts on File.
13. The Posada File: Part II. (2005). Retrieved from <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB157/index.htm>
14. The US Soldiers Fighting To Bring Down Castro (1997). Retrieved from <https://www.youtube.com/watch?v=MX9uBrNyAoA>
15. Treaster, J. B. Suspected head of Omega 7 terrorist group seized. (1983). New York: The New York Times.

Quantitative indicators of the training of cadets of the Irkutsk Fire Technical School in 1968-1993.

Baranovskii Andrei Valer'evich

Teacher, Department of Physical Training, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

148 Far Eastern str., Irkutsk, Irkutsk region, 664035, Russia

✉ Bav_expert073@mail.ru

Abstract. The subject of the research of the scientific article is the peculiarities of the process of training firefighters on the basis of the Irkutsk Fire Technical School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR during the period of activity of this educational institution from 1968 to 1993 on the territory of the Irkutsk region. In this publication, on the basis of previously unpublished and not introduced into scientific circulation archival materials, historical data on quantitative changes in the recruitment and training of cadets of the Irkutsk Fire Technical School during the period of their educational activities are investigated. The author considers the issues of organizing entry examinations for incoming applicants, notes significant events in the educational activities of cadets, and summarizes data on the number

of specialists who have completed training. The article identifies the features of the educational process on the basis of the school, which allowed the formation of a professional staff of firefighters in the regions of Siberia and the Far East. The research methodology includes a concrete historical approach (M.V. Astakhov, I.D. Kovalchenko, V.F. Kolomiytsev, A.P. Pronstein, etc.), as well as generalization, comparison, synthesis, classification, concretization; analysis of archival documents, legislation and scientific literature; retrospective analysis; method of historical analogies. The novelty of this scientific article lies in the fact that during the scientific research, historical and pedagogical sources, archival data describing in detail the history of the formation and development of the cadet recruitment structure of the school, as well as a detailed report on the quantitative and qualitative indicators of graduates of the fire school by year of graduation were identified and summarized. The conducted research is of interest to a wide range of readers, since the study of the educational activities of the school, structural and organizational measures for the recruitment and graduation of firefighters is a very important component in the study of the formation and development of departmental education of the Ministry of Internal Affairs of the USSR in the territory of the Baikal region in the XX century. The list of heads of these structural divisions at the stage of formation and development of the Irkutsk Fire Technical School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR is considered.

Keywords: the training system, fire education, graduation of specialists, extinguishing fires, fire fighting school, fire fighting, cadets are firefighters, professional training, the history of the Baikal region, training of specialists

References (transliterated)

1. Agapitov M.N. IPTU 25 pamyatnykh let. Irkutsk. Izd-vo: Operativnaya tipografiya «Na Chekhova», 2003. 129 s.
2. Agapitov M.N. Konechnaya ostanovka, stranitsy istorii (vospominaniya). Irkutsk. Izd-vo: Operativnaya tipografiya «Na Chekhova», 2013. 39 s.
3. Agapitov M.N., Chashchin S.N. Pozharnoe delo v istorii osvoeniya i razvitiya Vostochnoi Sibiri (1661-1950). Irkutsk. Izd-vo: Operativnaya tipografiya «Na Chekhova», 2006. 504 s.
4. Astakhov M.V. Osnovy sistemnogo ponimaniya istoricheskogo protsessa. Samara. Izd-vo: Samarskii gosudarstvennyi universitet, 2009. 172 s.
5. Vasil'ev M.A. Stanovlenie Irkutskogo pozharno-tehnicheskogo uchilishcha MVD SSSR: istoriko-pedagogicheskaya retrospektiva // Sovremennoe obrazovanie. Moskva. Izd-vo: «Nota Bene» 2020. – № 1. – S. 1-7.
6. Derevskov M.A. Pamyatnoe i plamennoe: k 30-letiyu Irkutskogo pozharno-tehnicheskogo uchilishcha i k 5-letiyu Irkutskoi vysshei shkoly // Vestnik Irkutskoi vysshei shkoly MVD Rossii. – № 4. Irkutsk: Izd-vo: «VSI MVD Rossii», 1998. S. 5-8.
7. Pronstein A.P. Metodika istoricheskogo issledovaniya. Rostov. Izd-vo: Rostovskogo universiteta, 1971. 468 s.
8. Chernykh V.V. Iстория пожарного дела Иркутской области (1800-1990-е гг.). Irkutsk. Izd-vo: «VSI MVD Rossii», 1998. 223 s.
9. Chernov A.V. Iстория подготовки кадров пожарной охраны Сибири и Дальнего Востока. // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii, yubileinyi vypusk (1993-2008). Irkutsk. Izd-vo: «VSI MVD Rossii», 2008. S. 22-30.
10. Arkhiv Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii (AVSI MVD RF). F. 74 Op. 1. D. 1. L.146, 156, 180,187. F. 93 Op. 1. D. 1. L.136-138.

11. Arkhiv Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii (AVSI MVD RF). F. 69 Op. 1. D. 1. L. 99; F. 74 Op. 1. D. 1. L. 188; F. 83 Op. 1. D. 1. L. 88, 126; F. 87 Op. 1. D. 1. L. 85-197.

The image of the Chechen War on the pages of the American daily newspaper The New York Times: headline review

Sincerov Leonid Leonidovich

Postgraduate student, Department of Source Studies, Lomonosov Moscow State University

119192, Russia, Moscow, Lomonosovsky Prospekt str., 27 k4, room 400

✉ sincerov.leonid@yandex.ru

Abstract. The subject of the research in the article is the image of the First and Second Chechen Wars, created by journalists of The New York Times newspaper in the 1990s and reflecting the views of the American democratic public. The subject of the study is the headlines of articles related to this topic in the American daily newspaper The New York Times. At the end of the 20th century, the periodical press continued to play a significant role in public life, including shaping the news agenda and creating the image of certain events. Often, journalists sought to impose their vision of Russian politics on the reader. Reputable publications, avoiding the techniques of the "yellow press", used more subtle and unobvious manipulative forms. Such manipulations include the newspaper's choice of lexical units with a certain connotation and the frequency of their use. In this study, the author attempts to explicate the hidden information that is embedded in the headlines of The New York Times. To analyze the information identified by the author in the headlines of The New York Times newspaper, the article used methods such as historical, comparative and quantitative content analysis. The novelty of the study lies in the fact that the headlines of The New York Times newspaper of this period were first considered as a source of analysis of the transforming view of the American democratic press on the events of the First and Second Chechen Wars. According to the results of the study, the following conclusions were drawn: the image of the Chechen conflict of the 1990s in the American press has undergone significant changes. If the First Chechen War in The New York Times appears as a legitimate struggle of the Russian authorities against the separatist movement in Chechnya, albeit with a number of critical remarks, then the image of the Second Chechen War is radically different from the previous campaign. The newspaper presents the events of the Second Chechen Campaign as a new colonial war, while the emphasis was shifted towards criticizing the Russian leadership for violating human rights and freedoms in the Chechen Republic, as well as a direct impact on destabilization in the North Caucasus region.

Keywords: periodical printing, The American press, press analysis, content analysis, newspaper headlines, manipulative techniques, Source studies, The New York Times, The Chechen War, image

References (transliterated)

1. Newspapers Fact Sheet. [Elektronnyi resurs] Rezhim dostupa: <https://www.pewresearch.org/journalism/fact-sheet/newspapers/> (Data obrashcheniya: 10.04.2024).
2. Watson, A. Number of paid subscribers to New York Times Company's digital only

- news product from 1st quarter 2014 to 1st quarter 2023. [Elektronnyi resurs] Rezhim dostupa:<https://www.statista.com/statistics/315041/new-york-times-company-digital-subscribers/> (Data obrashcheniya: 10.04.2024).
3. The New York Times. History. [Elektronnyi resurs] Rezhim dostupa:
<https://www.nytco.com/company/history/> (Data obrashcheniya: 10.04.2024).
 4. Roper, W. Party Affiliation Defines News Sources. // Statista. [Elektronnyi resurs] Rezhim dostupa: <https://www.statista.com/chart/21328/party-affiliation-by-news-source/> (Data obrashcheniya: 10.04.2024).
 5. Average Salary in the U.S. (2024) [Elektronnyi resurs] Rezhim dostupa:
<https://www.jobted.com/salary> (Data obrashcheniya: 10.04.2024).
 6. Novgorodova, A. I. The New York Times: unikal'nyi opyt semeinogo biznesa. Medi@l'manakh, izdatel'stvo NP "Partnerstvo fak. zhurnalistiki". 2020. M., № 2-3. S. 92-104.
 7. Sedaya ledi na pokoi ne toropitsya. Yubilei New York Times. Gazeta «Kommersant» 31.08.1996. [Elektronnyi resurs] Rezhim dostupa:
<https://www.kommersant.ru/doc/238691> (Data obrashcheniya: 10.04.2024).
 8. Koval'chenko, I. D. Metody istoricheskogo issledovaniya. Otdelenie istoriko-filologicheskikh nauk. 2-e izdanie. – M.: Nauka, 2003. – 486 s.
 9. Ogandzhanov I. Den' pamyati: samye krovavye terakty v Rossii. 3 sent 2016. [Elektronnyi resurs] Rezhim dostupa: <https://russian.rt.com/article/319338-den-pamyati-samye-krovavye-terakty-v-rossii> (Data obrashcheniya: 10.04.2024).
 10. Pervaya televizionnaya voyna. [Elektronnyi resurs] Rezhim dostupa:
<http://www.yeltsinmedia.com/articles/chechnya/> (Data obrashcheniya: 10.04.2024).
 11. Kotov, Yu. M. Voennye deistviya v Chechne i rossiiskie sredstva massovoi informatsii. [Elektronnyi resurs] Rezhim dostupa:
https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/91035/1/puv_1997_037.pdf (Data obrashcheniya: 10.04.2024).
 12. Koshkin, P. G. Amerikanskaya zhurnalistika i postpravda. – M.: Ves' mir, 2019. – S. 288.
 13. Tsvetkova, V. F. Chechenskii konflikt v otechestvennoi periodicheskoi pechati[Tekst] : dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02: Zashchishchena 25.10.2007/ Tsvetkova Valentina Fedorovna. – SPb., 2007. [Elektronnyi resurs] Rezhim dostupa:
<https://www.dissercat.com/content/chechenskii-konflikt-v-otechestvennoi-periodicheskoi-pechati> (Data obrashcheniya: 10.04.2024).
 14. Kaloeva I.E. Osobennosti osveshcheniya v SMI vooruzhennykh konfliktov: Chechenskaya respublika: 1994-2004 gg. [Tekst] : dis. ... polit. ist. nauk : 10.01.10: Kazan', 2004. [Elektronnyi resurs] Rezhim dostupa:
<https://www.dissercat.com/content/osobennosti-osveshcheniya-v-smi-vooruzhennykh-konfliktov-chechenskaya-respublika-1994-2004-g>(Data obrashcheniya: 10.04.2024).
 15. Markov, E. A. Pervaya Chechenskaya voina v materialakh rossiiskikh SMI // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya: Politicheskie nauki. Vyp. 2, 2011.
 16. 60 protsentov rossiyan ne podderzhivayut voинu v Chechne. [Elektronnyi resurs] Rezhim dostupa: <https://lenta.ru/news/2002/08/09/poll/> (Data obrashcheniya: 10.04.2024).
 17. Malashenko, A. V., Trenin, D. V. Vremya yuga: Rossiya v Chechne. Chechnya v Rossii [Tekst] / A. V. Malashenko, D. V Trenin; M.: Gendal'f, 2002. [Elektronnyi resurs] Rezhim dostupa: <https://carnegieendowment.org/files/pub-35864.pdf> (Data obrashcheniya: 10.04.2024).

18. Chechnya, Yeltsin, and Clinton: The Massacre at Samashki in April 1995 and the US Response to Russia's War in Chechnya <https://nsarchive.gwu.edu/briefing-book/russia-programs/2020-04-15/massacre-at-samashki-and-us-response-to-russias-war-in-chechnya> (Data obrashcheniya: 10.04.2024).
19. Sciolino, E. Administration Sees No Choice but to Support Yeltsin NYT. [Elektronnyi resurs] Rezhim dostupa:<https://www.nytimes.com/1995/01/07/world/administration-sees-no-choice-but-to-support-yeltsin.html?searchResultPosition=22>(Data obrashcheniya: 10.04.2024)
20. Bowker, M. Western Views of the Chechen Conflict. In. Chechnya. From Past to Future. Ed. R. Sakwa Published online by Cambridge University Press: 05 March 2012[Elektronnyi resurs] Rezhim dostupa:<https://www.cambridge.org/core/books/chechnya/western-views-of-the-chechen-conflict/1AB2D183902BA90836D93F0C2F9956E8>(Data obrashcheniya: 10.04.2024)
21. Hanlon, B. R. Shifting Perspectives: A Study of US Print Media Perceptions of the RussoChechen Conflict Before and After September 11, 2001 // University of Pittsburgh 2016. [Elektronnyi resurs] Rezhim dostupa: http://dscholarship.pitt.edu/27772/1/hanlonbr_etd2016.pdf (Data obrashcheniya: 10.04.2024)
22. New York Times Article Archive.1851–Rresent. [Elektronnyi resurs] Rezhim dostupa: <https://archive.nytimes.com/www.nytimes.com/ref/membercenter/nytarchive.html> (Data obrashcheniya: 10.04.2024).
23. Houthi Attacks and U.S.-Led Strikes Dash Hopes for Quick Yemen Peace Deal. [Elektronnyi resurs] Rezhim dostupa: <https://www.nytimes.com/2024/02/06/world/middleeast/yemen-peace-deal.html?searchResultPosition=11> (Data obrashcheniya: 10.04.2024).

The role of the armed forces in the April 2002 coup attempt in Venezuela

Sizenov Pavel Igorevich

Postgraduate student, Department of Modern and Contemporary History, Moscow State University

127591, Russia, Moscow, ul. 800th Anniversary of Moscow, 11 K. 6

 sizenov@mail.ru

Abstract. The article deals with the problem of the influence of representatives of the National Armed Forces of Venezuela on the course and results of the coup in April 2002. The relevance of the topic is determined by the fact that the failed coup became a key point in the first stage of the government of Hugo Chavez and largely determined the president's policy towards further establishing personal control over all institutions of power, as well as definitively outlined the harsh anti-American vector of the Bolivarian policy. The emphasis on the actions of military officials in the coup makes it possible to determine their real significant role in the April events. In this regard, attention is paid to the influence of the institution of the army in general and individual officers in particular on political processes in Venezuela. The methodological basis in the article is provided by general scientific (descriptive, analysis and synthesis), as well as historical (chronological) and political science (institutional) research methods. In Russian historiography, the episode with the coup, as a rule, was considered within the framework of global studies on H. Chavez and Chavismo in general.

Therefore, within the framework of the work, more emphasis is placed on foreign historiography. These facts determine the novelty of the work, which consists both in attracting previously unused materials to the study, and in specifying the topic of the coup and the role of the Venezuelan Armed Forces in it. Based on the analyzed data, the conclusions of the work indicate that the actual intervention of senior officers in the political crisis in the country initially brought the presidency to the putschists, and then deprived them of almost seized power, ensuring the return of Hugo Chavez to the Miraflores Palace. In addition, independence in the actions of the military is emphasized in the conditions of chaos and a vacuum of power that came on April 11, 2002. In this regard, it is also indicated that specifically the senior officers acted spontaneously and were not actively involved in the real-life conspiratorial circles that were preparing a coup d'etat. Therefore, when the military most important for the coup saw that the measures taken by the putschists did not meet their vision, they deprived the right of their support and did not actually oppose the fact that another group of military officers returned the legitimately elected president to office.

Keywords: Venezuelan coup d'état attempt, General Raul Baduel, General Efrain Vasquez Velasco, Hugo Chavez, National Armed Forces of Venezuela, armed forces, coup d'etat, Venezuela, Avila plan, Pink tide

References (transliterated)

1. Dabagyan, E.S Gosudarstva – skol'ko neobkhodimo, rynka – skol'ko vozmozhno. // Latinskaya Amerika. 2005, № 11.
2. Kusakina, M.V. «Bolivarianskii proekt» razvitiya Venesuely. // Vlast' 2007, №11. S. 114-117.
3. Fernandez, J.M Sobre la participacion de Espana y de EEUU en el golpe de estado de Venezuela 2004 Retrieved from <https://www.elmundo.es/elmundo/2004/11/24/espana/1101319375.html> (data obrashcheniya 27.04.2024)
4. López Maya, M. Venezuela 2001-2004: actores y estrategias en la lucha hegémónica // Cuadernos del Cendes 2004, Augus, p. 23-48.
5. Gott, R. Hugo Chávez and the Bolivarian Revolution. – London: Verso, 2005. – 315 p.
6. Nelson, Brian A. The silence and the scorpion : the coup against Chávez and the making of modern Venezuela. – New York: Nation Books, A Member of the Perseus Books Group, 2009. – 355 p.
7. Nikolaeva, L.B. Neft' i natsional'nye interesy // Latinskaya Amerika 2005, №12.
8. Rey, J.C. Consideraciones políticas sobre un insólito golpe de Estado. 2002. Retrieved from https://web.archive.org/web/20090103201015/http://www.analitica.com/bitblioteca/juan_carlos_rey/insolito_golpe.asp (data obrashcheniya 27.04.2024)
9. Velasco, A. Barrio Rising: Urban Popular Politics and the Making of Modern Venezuela. – California: University of California Press, 2015. – 344 p.
10. Ezhegodnyi byulleten' Mezhdunarodnogo instituta strategicheskikh issledovanii The Military Balance 2001. Routledge, 2001.
11. Trinkunas, Harold A. Civil-Military Relations in Venezuela after 11 April: Beyond Repair? // Strategic Insights, 2002, Volume I, Issue 3. Retrieved from <https://web.archive.org/web/20071116161754/http://www.ccc.nps.navy.mil/si/may02/latinAmerica.asp> (data obrashcheniya 27.04.2024)
12. Kolesnikov, A. Chaves vo vlasti 1998-2003. Vosstanovlenie nefti. Vseobshchaya

- zabastovka. Glava iz knigi: «V poiskakh energii: Resursnye voiny, novye tekhnologii i budushchee energetiki» Deniel Ergin. 2020. <https://smart-lab.ru/blog/618939.php> (data obrashcheniya 27.04.2024)
13. Golinger, E. Povedenie Vashingtona bylo «prozrachnym, kak voda» // Latinskaya Amerika 2011, №1. S. 71-88.
 14. Matantsev-Voinov, A.N. Kak SShA pozhirayut drugie strany mira. Strategiya anakondy. Venesuela. <https://pub.wikireading.ru/36597> (data obrashcheniya 27.04.2024)
 15. REVIEWS. Retrieved from https://www.cambridge.org/core/services/aop-cambridge-core/content/view/2FDCA944986E0D6ED7841CA610BD9A60/S0003161500005794a.pdf/he_silence_and_the_scorpion_the_coup_against_chavez_and_the_making_of_modern_venezuela_by_brian_a_nelson_new_york_nation_books_2009_pp_xv_355_illustrations_maps_appendix_glossary_notes_index_2695_cloth.p (data obrashcheniya 27.04.2024)
 16. Venezuelan President Changes Military Leadership. Retrieved http://en.people.cn/200204/16/eng20020416_94133.shtml (data obrashcheniya 27.04.2024)
 17. A Review of U.S. Policy Toward Venezuela November 2001-April 2002 Report Number 02-OIG-003, July 2002. Retrieved from <https://mronline.org/wp-content/uploads/2018/06/13682.pdf> (data obrashcheniya 27.04.2024)
 18. Sapozhnikov K.N. Ugo Chaves. – M.: Izdatel'stvo «Molodaya gvardiya», 2013. – 482 s.
 19. Stroganova E.D. SShA i levye rezhimy Latinskoi Ameriki (vtoraya polovina XX – nachalo XXI v.). – M.: Izdatel'stvo «Ves' Mir», 2017. – 288 s.
 20. Beloglazov, A.V. Maslennikov, A.V. Fenomen «levogo poverota» v stranakh Latinskoi Ameriki v 1998–2012 godakh // Vestnik Chuvashskogo universiteta 2013, №1. S. 3-11.

Foreign military journalists in Manchuria in 1904-1905: features of daily activities

Mamonova Iuliia Olegovna

independent researcher

6 Belinsky str., Novosibirsk, 630008, Russia

 iulia.mamonova@gmail.com

Abstract. The author examines some aspects of the daily activities of foreign war correspondents who accompanied the Manchurian army in the Russian-Japanese War of 1904-1905. The article is based on texts published by journalists, materials from foreign periodicals, documentation from military and foreign ministries. Attention is paid both to the everyday peculiarities of the professional conditions of accredited journalists in Manchuria, and to the characteristics of the social environment, which had a significant impact on the process of collecting information in the theater of military operations. The issues of interaction of foreign correspondents with representatives of the Russian army, the local Chinese population and other reporters are touched upon, which is closely related to their possession of relevant foreign language competencies. The dynamics of the number of foreign military personnel in the theater of war and its connection with the course of hostilities are analyzed. The use of the historical and comparative method made it possible to identify common and special features in the situation of foreign reporters and other guests of Manchuria. The differences revealed in the characteristics of daily activities between foreign war correspondents and representatives of the Russian press, as a rule, were associated with a language barrier for

foreigners and greater distrust of them on the part of censorship authorities. In comparison with military attaches, correspondents noted the complete independence of the journalistic corps in solving everyday issues in Manchuria. In the course of the study, several stages were identified in the dynamics of the number of foreign reporters in the theater of war. The correlation of the pace of correspondents' accreditations with events at the front has been revealed and demonstrated. It has been established that the 1904 campaign, especially its summer and autumn events, received the most attention from foreign journalists. For the first time, a range of issues is outlined for the study of which the legacy of foreign war correspondents may have the greatest scientific and cognitive value.

Keywords: European press, periodical printing, Russian army, military censorship, Manchuria, foreign correspondents, war journalism, war correspondents, Russo-Japanese war, journalistic accreditation

References (transliterated)

1. Towle P. British war correspondents and the war // Kowner R. Rethinking the Russo-Japanese War: 1904-5. Folkestone: Global Oriental, 2007. Vol. 1. Pp. 320-331.
2. Nordlund A. M. A War of Others: British War Correspondents, Orientalist Discourse, and the Russo-Japanese War, 1904-1905 // War in History. 2015. Vol. 22, No. 1. Pp. 28-46.
3. Horgan J. 'The great war correspondent': Francis McCullagh, 1874-1956. Irish Historical Studies, Vol. 36, No. 144 (November 2009), pp. 542-563.
4. Zashikhin A. N. "...Armiya byla khoroshei, a sistema-plokhoi". Russkaya armiya v Man'chzhurii glazami angliiskogo voennogo korrespondenta Morisa Beringa // Istoryiya v podrobnostyakh. 2014. № 2 (44). S. 70-77.
5. Koroleva S. B. V poiskakh nastoyashchei Rossii (slozhnyi vybor Morisa Beringa) // Imagologiya i komparativistika. 2016. № 2 (6). S. 68-90.
6. Grishchenko N. A. M. Bering o Rossii // Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem, 2017. № 3. S. 268-276.
7. Volod'ko A. V. «Nepostizhimaya svyaz' mezdu nami»: Moris Bering i Rossiya // Dialog so vremenem. 2018. Vyp. 64. S. 165-178.
8. Knightley, Ph. The First Casualty: The War Correspondent as Hero and Myth-Maker from the Crimea to Kosovo. 2nd ed. Baltimore; London, 2000. P. 43.
9. Hildebrand, Klaus: „Eine neue Ära der Weltgeschichte“. Der historische Ort des Russisch-Japanischen Krieges 1904/05, in: Der Russisch-Japanische Krieg (1904/05) / Hrsg. von Josef Kreiner. Göttingen: V&R unipress, 2005. S. 45.
10. Martin M. Les grands reporters français durant la guerre russo-japonaise // Le Temps des médias. 2005. № 4. Pp. 22-33.
11. Gädke R. Kriegsbriefe aus der Mandschurei. Berlin und Leipzig, 1905.
12. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva (RGALI). F. 459. Op. 2. D. 568. L. 1.
13. Voina 1904-1905 g. Otchet o primenenii tsenzury na teatre voiny / Sost.tsenzurnym otdeleniem Shtaba glavnokomanduyushchego pod redaktsiei general-kvartirmeistera. Kharbin, 1905.
14. Macsullagh F. With the Cossacks. London, 1906.
15. Recouly R. Dix mois de guerre en Mandchourie: impressions d'un témoin. Paris, 1905.
16. Spaits, A. Mit Kosaken durch die Mandschurei: Erlebnisse im russisch-japanischen

- Kriege. Vienna, 1906.
17. Story D. The Campaign with Kuropatkin, London, 1904.
 18. Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv (RGVIA). F. 846. Op. 16. D. 29293.
 19. Schwartz, O. von. Zehn Monate Kriegskorrespondent beim Heere Kuropatkins. Persönliche Erlebnisse und kritische Betrachtungen aus dem russisch-japanischen Kriege. Berlin, 1906.
 20. Baring, M. With the Russians in Manchuria. London, 1905.
 21. Nodo L. Pis'ma o voine s Yaponiei. Sankt-Peterburg, 1906.
 22. Ullrich R. Die Feuerprobe der Russischen Armee. Tagebuchblätter aus dem Hauptquartiere des 17. Armeekorps niedergeschrieben im Kriege 1904/1905. Berlin, 1910.
 23. Ignat'ev A. A. Na fronte. 50 let v stroyu. M., 2013.
 24. Brooke, L. G. F. M. G. Earl. An Eye-witness in Manchuria. London, 1905.
 25. Behrmann M. Th. S. Hinter den Kulissen des mandschurischen Kriegstheaters. Lose Blätter aus dem Tagebuche eines Kriegskorrespondenten, Berlin, 1905.
 26. Arkhiv vnesheini politiki Rossiiskoi imperii (AVPRI). F. 150 (Yaponskii stol). Op. 493. D. 476.
 27. RGVIA. F. 846. Op. 16. D. 10566.
 28. Giffard P. Roubles et Roublards: Voyage aux pays russes. Paris, 1904. P. 298.
 29. Le Journal, 24 janvier 1904.

Features of the economic development of ancient Russian and German cities in the XII – first third of the XIII century

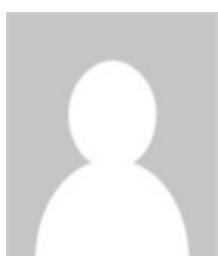
Zueva Lyubov Evgen'evna

PhD in History

Associate Professor, Department of Social, Humanitarian and Legal Sciences, Murom Institute (branch) of Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stolzov

602264, Russia, Vladimir region, Murom, Orlovskaya str., 23, room 316a

✉ lyuba_evg@list.ru

Abstract. The subject of the study is the economic life of the city of Ancient Russia and the medieval city of Germany.

The object of the study is an ancient Russian and Western European city in the XII – first third of the XIII centuries.

For more than a century, the debate has been going on about whether Russia is following its own special path of development, different from the Western one, or whether our country is developing in the general direction of the world historical process, lagging behind Western European states for various reasons.

The appeal to the economic problems of the city is due to the exceptional importance of the economic sphere of life, it determines the course of all processes taking place in society, affecting the other subsystems of society.

For comparison, we have chosen one of the dominant political centers of Russia in the era of fragmentation – the Vladimir-Suzdal Principality and the cities of Germany, which are a classic example of a medieval city in Western Europe.

The work used a comparative historical method that allows us to identify common and specific

features of the development of the economic sphere of the urban centers of Ancient Russia and medieval Europe in order to reveal the versatility of the phenomenon of the ancient Russian city. The ancient Russian and medieval German city in the XII – first third of the XIII century had a deep connection with the nearby agricultural district and were agrarian in nature.

Despite this, the most important direction of the economic development of the cities of Vladimir-Suzdal land and medieval Germany was their development as trade and craft centers. Merchant associations operate in both countries, and active trade and credit operations are carried out. Both cities were distinguished by the differentiation of the craft and its narrow specialization.

The novelty of the study lies in the fact that a comparative analysis of the level of economic development of a significant number of ancient Russian and German medieval cities was carried out. As a result of the study, it was concluded that in German cities of the High Middle Ages, a special urban world was developing, characterized by strict regulation of almost all aspects of the life of citizens. The ancient Russian cities, on the contrary, did not develop a specific urban law that would operate only within the city walls.

Keywords: trading, rural districts, comparative history, German city, medieval craft, Medieval Germany, political fragmentation, Vladimir-Suzdal Rus, the ancient Russian city, corporation

References (transliterated)

1. Arkheologiya Suzdal'skoi zemli: materialy polevykh issledovanii 2001-2019 gg. v Suzdal'skom Opol'e: v 2 t. / RAN, In-t arkheologii; otv. red.: N.A. Makarov. – Moskva ; Vologda : Drevnosti Severa, 2023. T. 1 : Rasselenie i kul'turnyi landshaft. – 2023. – 287 s. T. 2: Kul'tura, obshchestvo, identichnost'. – 2023. – 424 s.
2. Voronin N.N. Vladimir, Bogolyubovo, Suzdal', Yur'ev-Pol'skoi. Kniga-sputnik po drevnim gorodam Vladimirskei zemli. – M.: Iskusstvo, 1967. – 309 s.
3. Voronin N.N. Oboronitel'nye sooruzheniya Vladimira XII veka. // Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR (MIA). – № 11. – M., 1940. – S. 195-218.
4. Voronin N.N. Sotsial'naya topografiya KhII – KhIII vv. i «chertezh» 1715 g. // Sovetskaya arkheologiya. T. 8. – M., 1946. – S. 145-174.
5. Vtoroe gorodskoe pravo Strasburga // Srednevekovoe gorodskoe pravo. – Saratov, 1989. – S. 107-113.
6. Galkin V.A. Suzdal'skaya Rus'. – Ivanovo, 1939. – 210 s.
7. Gorod v srednevekovoi tsivilizatsii Zapadnoi Evropy T. 1-4. M.: Nauka, 1999-2000.
8. Gorod v srednevekovoi tsivilizatsii Zapadnoi Evropy. – T. 1. – M., 1999. – 390 s.
9. Gorod v srednevekovoi tsivilizatsii Zapadnoi Evropy. – T. 2. – M., 1999. – 345 s.
10. Gorodskoe pravo Medebakha // Srednevekovoe gorodskoe pravo. – Saratov, 1989. – S. 48-51.
11. Danilevskii I.N. Drevnyaya Rus' glazami sovremennikov i potomkov (IX-XII vv.). Kurs lektsii. – M.: Aspekt-Press, 1998. – 399 s.
12. Drevneishee gorodskoe pravo Zoesta // Srednevekovoe gorodskoe pravo. – Saratov, 1989. – S. 116-123.
13. Drevneishee gorodskoe pravo Strasburga // Srednevekovoe gorodskoe pravo. – Saratov, 1989. – S. 96-107.
14. Drevnyaya Rus': gorod, zamok, selo. – M.: Nauka, 1985. – 432 s.
15. Dubov I.D. Severo-vostochnaya Rus' v epokhu rannego Srednevekov'ya. – L., 1982.

16. Ipat'evskaya letopis' // Polnoe sobranie russkikh letopisei. T. 2. – M.: Yazyki russkoi kul'tury. – 1998. – 648 s.
17. Karamzin N.M. Zapiska o drevnei i novoi Rossii v ee politicheskem i grazhdanskem otnosheniyakh. – M.: Nauka, 1991. – 127 s.
18. Klyuchevskii V.O. Kurs russkoi istorii. – T. 1. M., 1956. – 428 s.
19. Kobrin V.B., Yurganov A. L. Stanovlenie despoticheskogo samoderzhaviya v Srednevekoli voi Rusi (K postanovke problemy) // Istorya SSSR. 1991. №4. – S. 54-64.
20. Kuza A.V. Malye goroda Drevnei Rusi. – M.: Nauka, 1989. – 168 s.
21. Lavrent'evskaya letopis' // Polnoe sobranie russkikh letopisei. T. 1. – M.: Yazyki russkoi kul'tury. – 1997. – 733 s.
22. Nasonov A.N. Knyaz' i gorod v Rostovo-Suzdal'skoi zemle // Veka, Petrograd. 1924. № 1. – S. 3-27.
23. Pouchenie Vladimira Monomakha // Drevnerusskaya literatura. M.: ShKOLA-PRESS, 1996. – S. 94-110.
24. Presnyakov A.E. Knyazhoe pravo v Drevnei Rusi. – M.: Nauka, 1993. – 635 s.
25. Privilegiya, dannaya Genrikhom V g. Shpeieru // Srednevekovoe gorodskoe pravo. – Saratov, 1989. – S. 35-37.
26. Rappoport P.A. Ocherki po istorii russkogo voennogo zodchestva Kh-KhIII vv. – M. – L.: Nauka, 1956. – 184 s.
27. Russkaya Pravda prostrannoj redaktsii // Pamyatniki prava Kievskogo gosudarstva X-XII vv. – M.: Gos. izd-vo yuridicheskoi literatury, 1952. – S. 121-136.
28. Rybakov B.A. Remeslo Drevnei RusiRusi. – M. – L: Izdatel'stvo AN SSSR, 1948. – 792 s.
29. Sedova M.V., Belen'kaya D.A. Okol'nyi gorod Suzdalya // Drevnerusskie goroda. – M.: Nauka, 1981. – S. 95-115.
30. Sedova M.V. Suzdal' v Kh – KhV vv. – M.: Nauka, 1997. – 236 s.
31. Tikhomirov M.N. Drevnerusskie goroda. – M.: Gospolitizdat, 1956. – 477 s.
32. Tolochko P.P. Gorod i sel'skokhozyaistvennaya okruga na Rusi v IKh-KhIII vv. // Drevnie slavyane i Kievskaya Rus'. Sbornik nauchnykh trudov. – Kiev: Naukova Dumka, 1989. – S. 115-124.
33. Tolochko P.P. Drevnerusskii feodal'nyi gorod. – Kiev: Naukova Dumka, 1989. – 254 s.
34. Tolochko P.P. Otkuda poshla Russkaya zemlya: monografiya. – M.: Dom russkogo zarubezh'ya im. A. Solzhenitsyna, 2023. – 272 s.
35. Froyanov I.Ya. Kievskaya Rus'. – L.: Izd-vo Leningradskogo universiteta, 1980. – 325 s.
36. Khammel'-Kizov R. Novgorod i Lyubek. Struktura poselenii dvukh torgovykh gorodov v srovnitel'nom analize // Istorya i arkheologiya. – 1994. – №8. – S. 234-236.
37. Ennen E. Die europäische Stadt des Mittelalters. Göttingen, 1975. – 349 s.
38. Handbuch der Geschichte Russlands. Bd. 1. Stuttgart, 1981. – 483 s.
39. The City in Russian History. University Press of Kentucky, 1976. – 349 r.

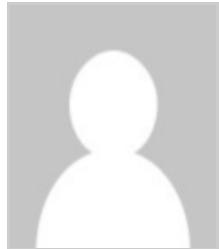
Serbian-Montenegrin relations and the prospect of the creation of the Balkan Union in 1904-1905

Bogomolova Daria Konstantinovna

Postgraduate student; Faculty of History; Moscow State University

115409, Russia, Moscow, Koshkina str., 13k1

✉ bogomolova.dasha@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the analysis of the prospects for the creation of the Balkan Union in 1904-1905, the idea of which arose under the influence of the aggravation of the international political situation in connection with the Eastern question, as well as due to the beginning of the Ilinden uprising in Macedonia. This was the first attempt in the twentieth century by young Slavic states to unite and coordinate joint foreign policy goals in the fight against the Ottoman Empire. The main sources of research are the diplomatic documents of the Balkan countries, as well as reports from Russian diplomats, the analysis of which led to the conclusion that the agreements reached during the negotiations between Serbia, Bulgaria and Montenegro, although they did not lead to the final formation of the alliance, still played a major role in the future and formed the basis of the Balkan Union of 1912-1913. They also stressed the role of the Russian Empire as an arbitrator in inter-Balkan relations. The main focus of the article is on analyzing the Serbian-Montenegrin negotiations aimed at concluding a union treaty between the countries and strengthening bilateral relations, which became possible after the change of the ruling dynasty in Serbia. Despite the fact that at first Serbian and Montenegrin politicians highly appreciated the importance of possible agreements, later negotiations failed due to serious disagreements between the parties on the issue of future territorial delimitation in the event of victory over the Ottoman Empire and the inability to work out a compromise text of the treaty. The conducted research made it possible to significantly complement and expand the picture of the Serbian-Montenegrin and inter-Balkan negotiations of 1904-1905 and to conclude that during this period conditions had not yet developed for rapprochement and coordination of foreign policy goals between the Slavic countries of the Balkan peninsula, and the beginning of negotiations on the formation of the Balkan Union was dictated to a greater extent by the temporary aggravation of the situation in connection with the uprising in Macedonia.

Keywords: The Balkan League, The Russian Empire, inter-Balkan relations, Serbian-Montenegrin relations, Foreign policy, diplomatic relations, Bulgaria, Montenegro, Serbia, Ilinden Uprising

References (transliterated)

1. Aleksić Љ. O srpsko-tsrnogorskim pregovorima o Savezu 1904–1905. Istorija KhKh veka. Zbornik radova. T. I. 1959.
2. Rakočević N. Politichki odnosi Tsarne Gore i Srbije 1903–1918. Tsetiњe, 1981.
3. Khitrova N.I. Rossiya i Chernogoriya v 1878–1908 godakh. Ch. 1. M., 1993.
4. Vostochnyi vopros vo vneshnei politike Rossii. Konets XVIII – nachalo XX v. Otv. Red. Knyapina N.S. M.: Nauka, 1978.
5. Dokumenti o sprojnoj polititsi Kraљevine Srbije 1903–1914. Књига 1, Сveska 1. Beograd: SANU, Одељење istorijskikh nauka. 1991.
6. Airapetov O. R. Istorya vneshnei politiki Rossiiskoi imperii. 1801–1914 gg.: v 4 t. T. 4. Vneshnaya politika imperatora Nikolaya II. 1894–1914.–M.: Kuchkovo pole, 2018.
7. B'yuknen Dzh. Memuary diplomata: Per. s angl. – 2-e izd. – M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1991. – 344 s. – (Rossiya v memuarakh diplomatov).

8. Јьushiћ R. Dobri brat i kum Nikola ili Gavro Vukoviћ o tsrnogorsko-srbijanskim odnosima // Pero i povest: Crpsko drushtvo u sećaњima. Beograd, 1999.
9. N.M. Potapov. Russkii voennyi agent v Chernogorii. T. I. N.M. Potapov. Russkii voennyi agent v Chernogorii. M.; Podgoritsa, 2003.
10. Dokumenti o srođnoj polititsi Kraљevine Srbije 1903–1914. Књига 1, Sveska 2. Beograd: SANU, Одељење историјских наука. 1998.
11. Raspopović R. Istorija diplomatiјe Crne Gore 1711–1918. Univerzitet Crne Gore, Podgorica, 2009.
12. Solov'ev Yu.Ya. Vospominaniya diplomata. 1893–1922. M.: Sotsekgiz, 1959.
13. Dokumenti o srođnoj polititsi Kraљevine Srbije. 1903–1914. Књ. 1. Sv. 3/1. Beograd: SANU, Одељење историјских наука. 2014.
14. Russkie o Serbii i serbah. Tom II (arkhivnye svidetel'stva). M.: «Indrik», 2014.

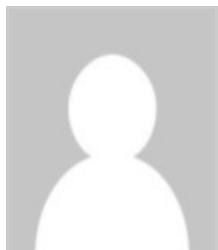
Discussions on the social role of political lyrics and "tendentious" poetry in German literary criticism of the Pre-Mart era

Subbotin Vladislav Igorevich

Postgraduate student; Faculty of History, Moscow State University

44/28 Novogireevskaya str., Moscow, 111397, Russia

✉ vladislavsubbotin98@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the discussion by the German literary community of the 1830s – 1840s of the artistic and social role of political lyrics. The work seeks to present the diverse opinions of prominent publicists, literary theorists and writers of the era, such as Ludwig Berne, Heinrich Heine, Robert Eduard Prutz. The author shares the well-established idea in German historiography that the literary and critical discussion of the Pre-March era gives a more complete picture of the genesis of the political consciousness of the Germans and the socio-political processes that took place in Germany. The author's attention is focused on the discussion concerning the aesthetic and ideological-political ideas of the literary community about the place of poetry in the space of culture, its functions and the claims of writers to direct participation in political life. The methodological basis of this work is the theoretical achievements of the scientific research areas of the "history of concepts" and intellectual history. The central idea of the article is the assumption that the time of the sharp politicization of German artistic culture in the 1830s and 1840s coincided with the revision of the previous principles of artistic creativity, accelerated it and at the same time complicated it, giving both processes a more conflictual and nonlinear character, fixing and exposing the absence among German authors of liberal democratic views that stood at the forefront of literary theory, general, clearly formulated aesthetic guidelines. In these decades, new principles have been approved in the evaluation of literary works affecting socio-political issues. There is a legitimization of political poetry at the theoretical level, but the contradiction between the spheres of politics and aesthetics is not completely removed. And literary discussions are gradually moving out of the artistic and aesthetic sphere into the sphere of practical politics: moderate liberal views collide with democratic radicalism, national patriotic ideas enter into a polemic with cosmopolitan ones.

Keywords: artistic period, partisanship, Georg Herwegh, Ludwig Börne, Heinrich Heine, Robert

Eduard Prutz, German literary criticism, tendentious poetry, political lyric, Vormärz

References (transliterated)

1. 150 Jahre "Ein Glaubensbekenntniß" (Ferdinand Freiligrath) Rede zum Festakt im Hansensaal auf Burg Rheinfels/St. Goar am 23. September 1994 von Jürgen Helbach. [Electronic resource]: URL: <http://www.jhelbach.de/freiligr/reprint.htm> [data obrashcheniya 20.01.2024].
2. Börne L. Menzel der Franzosenfresser, Frankfurt a. M., 1848.
3. Campe J.H. Wörterbuch der deutschen Sprache Band 3, Braunschweig, 1809.
4. Der Protestantismus und die Romantik. Zur Verständigung über die Zeit und ihre Gegensaetze. Ein Manifest von Theodor Echtermeyer und Arnold Ruge. Hallische Jahrbuecher fuer deutsche Wissenschaft und Kunst. Nachdruck; Gerstenberg, Hildesheim 1972.
5. Die romantische Schule. // Heine H. Historisch-kritische Gesamtausgabe der Werke. Hrsg. von Manfred Windfuhr. Bd. 8/1. Hamburg, 1979.
6. Diplomatisches Archiv für die deutschen Bundesstaaten: grösstentheils nach offiziellen Quellen // Hrsg. Miruss A. Bd. 3, Leipzig, 1848.
7. Eke N.-O. Hoffmann von Fallersleben und der Vormärz // August Heinrich Hoffmann von Fallersleben im Kontext des 19. Jahrhunderts und der Moderne. Internationales Symposium Fallersleben 2017 / Hrsg. Berghahn C.-F., Henkel G., Schuster K. Bielefeld, 2019. S. 295-314.
8. Frauenstädt J. Aesthetische Fragen. Dessau, 1853.
9. Freiligrath F. Werke in sechs Teilen. Band 2, Berlin, 1909.
10. Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft. Berlin, 1971.
11. Häntzschel G. Das Ende der Kunstperiode? Heinrich Heine und Goethe // Goethes Kritiker. Hrsg. Eibl K., Scheffer B., Paderborn, 2001. S. 57-70.
12. Heine H. Werke und Briefe in zehn Bänden. Band 1, Berlin und Weimar, 1972.
13. Heine H. Die deutsche Literatur von Wolfgang Menzel. 2 Theile. Stuttgart, bei Gebrüder Frankh. 1828. // Neue allgemeine politische Annalen, Bd. 27, Heft 3 (1828), S. 284-298.
14. Die deutsche Literatur von Wolfgang Menzel. 2 Theile. Stuttgart, bei Gebrüder Frankh. 1828. Neue allgemeine politische Annalen. Bd. 27, 1828, Heft 3, [Mitte Juni], S. 284-298.
15. Herwegh G. Werke in einem Band, hg. von Hans-Georg Werner. 2., Berlin/Weimar 1975.
16. Herweghs Werke in drei Teilen. Band 2, Berlin, Leipzig, Wien, Stuttgart, 1909.
17. Hoffmann von Fallersleben A.H. Deutsche Lieder aus der Schweiz, Hildesheim/New York 1975.
18. Hohendahl P. U. Franciscono R.B. Building a National Literature: The Case of Germany, 1830-1870. Cornell University Press, 1989.
19. Kuhne F.G. *Gesammelte Schriften* (12 Bände). Leipzig/Berlin 1862-1867.
20. Margraff H. Politische Gedichte aus Deutschlands Neuzeit, von Klopstock bis auf die Gegenwart. Leipzig, 1843.
21. Menzel W. Die deutsche Literatur. Hallberg, Stuttgart, 1836.
22. Menzel W. Herr Börne und der deutsche Patriotismus // Literaturblatt vom 11. April

1836.

23. Moritz K.P. Werke. Schriften zur Kunst und Mythologie, Frankfurt/M. 1981.
24. Mundt T. Aesthetik. Die Idee der Schönheit und des Kunstwerks im Lichte unserer Zeit. Berlin., 1845.
25. Mundt T. Allgemeine Literaturgeschichte. Dritter Band: Die Literatur der Revolutionsperiode (Neunzehntes Jahrhundert). Berlin., 1846.
26. Mundt T. Allgemeine Literaturgeschichte. Vierter Band: Die Literatur der Revolutionsperiode (Neunzehntes Jahrhundert). Berlin., 1846.
27. Prutz R.E. Die Politische Poesie der Deutschen. Leipzig, 1845.
28. Rudorf F. Poetologische Lyrik und politische Dichtung: Theorie und Probleme der modernen politischen Dichtung in den Reflexionen poetologischer Gedichte von der Aufklärung bis zur Gegenwart, Frankfurt am Main, 1988.
29. Schäfer-Hartmann G. Literaturgeschichte als wahre Geschichte: Mittelalterrezeption in der deutschen Literaturgeschichtsschreibung des 19. Jahrhunderts und politische Instrumentalierung des Mittelalters durch Preußen. Frankfurt am Main, 2009.
30. Schieder T. Die Theorie der Partei im älteren deutschen Liberalismus // Staat und Gesellschaft im Wandel unserer Zeit, Studien zur Geschichte des 19. und 20. Jahrhunderts, München 1958.
31. Tschopp S.S. Von den Aporien politischen Dichtens im Vormärz: Robert Eduard Prutz // Euph 95/1 (2001). S. 39-67.
32. Vischer F.T. Shakspeare in seinem Verhältniß zur deutschen Poesie, insbesondere zur politischen, in: Ders, Kritische Gänge. Neue Folge, Heft 2, Stuttgart 1861. S. 1-61.
33. Porozovskaya B.D. Lyudvig Berne. ego zhizn' i literaturnaya deyatelnost'. SPbg., 1893.
34. Slovar' osnovnykh istoricheskikh ponyatiy: Izbrannye stat'i v 2-kh t. T. 1. M., 2014.
35. Turaev S. V. Literatura 1830-1849 gg.: Berne. Byukhner. Geine perioda emigratsii. «Predmartovskaya poeziya i publitsistika» // Istoryya Vsemirnoi literatury: v 9 t., T. 6. M., 1989. S. 65-78.

Military shipbuilding in the Volga region (XVIII-early XX centuries) in Russian historiography

Alekseev Timofei Vladimirovich

Doctor of History

Professor, Department of History and Philosophy, A. F. Mozhaysky's Military-Space Academy is a Military Academy of the Armed Forces of the Russian Federation

197198, Russia, Saint Petersburg, Saint Petersburg, Zhdanovskaya str., 13

✉ timofey1967@mail.ru

Belenovich Oleg Veniaminovich

Junior research assistant, Military Space Academy named after AF. Mozhaisky

197198, Russia, Saint Petersburg region, Saint Petersburg, Zhdanovskaya str., 13

✉ timofey1967@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of the emergence and development of the industrial base of military shipbuilding in pre-revolutionary Russia in the Volga region. Its purpose is to analyze the work of domestic researchers on this problem, to identify on this basis the features of the shipbuilding industry in the region, to create a complete picture of

its formation and development. The study was conducted within the framework of the individual periods proposed by the author, the grounds for which were both fluctuations in Russia's foreign policy in the Caspian Sea region and changes in the technical and technological aspects of shipbuilding itself. Special attention is paid to the emergence and activities of two major centers of Volga shipbuilding – the admiralty in Kazan and Astrakhan, attention is paid to the development of their production infrastructure, as well as their personnel and logistical support. The research uses both general philosophical methods of analysis and ascent from the concrete to the abstract, as well as special historical methods: chronological, periodization and comparative historical. It is revealed that organized state military shipbuilding in the Volga region arose both to implement the goals of Russia's eastern policy and to meet the needs for shipbuilding materials of the fleet being built on the Baltic Sea. The limited foreign policy goals in the Caspian Sea region predetermined the specific appearance of the shipbuilding industry formed in the Volga region. The conclusion is made about the commensurate development of the shipbuilding base in the Volga region to the level of threats to Russia's national security that existed in the Caspian Sea region during the period under study. It is emphasized that a specific feature of the shipbuilding industry's production and logistics infrastructure in the Volga region was its focus on providing strategic materials to other shipbuilding centers in Russia, primarily those working in the interests of the Baltic Fleet. The problems and issues of the history of military shipbuilding in the Volga region that require further study are shown.

Keywords: ship scaffolding, logging, navy, Caspian Flotilla, shipyard, admiralty, shipbuilding industry, shipbuilding, military industry, Caspian region

References (transliterated)

1. Faizrakhmanov I.Z. Iстория Казанского адмиралтейства (1718-1830 гг.). Казан': Ин-т ист. им. Ш. Мардзхани АН РТ; Изд-во «YaZ», 2014. 264 с.
2. Faizrakhmanov I.Z. Razvitiye manufakturnoi promyshlennosti Kazanskogo kraya vo vtoroi polovine XVIII v. Казан': Ин-т истории им. Ш. Мардзхани АН РТ, 2013. 208 с.
3. Faizrakhmanov I.Z. Etapy razvitiya sudostroitel'noi promyshlennosti v Kazani (1701-1830 gg.) // Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN. 2010. Т. 12. № 2. С. 22-25.
4. Kirokos'yan M.A. Russkii flag na Kaspii: Dva stoletiya Kaspiiskoi flotilii, ser. XVII – ser. XIX vv. Astrakhan': Sorokin R.V., 2011. 226 с.
5. Voronova A.A. Sudostroenie v ekonomicheskoi zhizni Nizhnego Povolzh'ya v XIX – nachale KhKh veka // Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura. 2017. № 3 (52). С. 241-249.
6. Doklad Komissii pod predsedatel'stvom L.E. Nobelya po voprosu o sodeistvii k postroike morskikh i rechnykh sudov (po III otdelu S'ezda § 16 programmy) / (Dokladchik F.A. Pell'). SPb, 1875. 5 с.
7. Shubin I.A. Volga i volzhskoe sudokhodstvo. M.: Transpechat', 1927. 912 с.
8. Sanachin S.P. Ekspeditsiya senatskoi Komissii Aleksandra Svechina v Kazanskoe admiralteistvo 1763-1765 godov i ee posledstviya. Казан': Ин-т истории им. Ш. Мардзхани АН РТ, 2018. 287 с.
9. Petrukhintsev N.N. Nachalo voennykh reform Petra I i korablestroenie v Kazani / Kazanskoe admiralteistvo (1718-1830 gg.): narody Povolzh'ya i traditsii rossiiskogo sudostroeniya: mat. Vseross. nauch. konf. (g. Kazan', 25-26 oktyabrya 2018 g.) Казан': Ин-т истории им. Ш. Мардзхани АН РТ, 2018. С. 279-300.
10. Kistenev V.V. Sozdanie promyshlennogo proizvodstva v Sredнем i Nizhnem Povolzh'e v

- pervoi chetverti XVIII v. Avtoref. diss... kand. ist. nauk. Samara, 2009. 20 s.
11. Elagin S.I. Istorya russkogo flota. Period Azovskii. SPb.: Tip. Gogenfel'dena i Ko, 1864. 376 s.
 12. Bogatyrev I.V. Volzhskie verfi Petra I // Sudostroenie. 1990. № 1. S. 58-62.
 13. Veselago F.F. Ocherk russkoi morskoi istorii. Ch. I. SPb.: Tip. Demakova, 1875. VI, 652 s.
 14. Yakovlev I.I. Korabli i verfi. Ocherki istorii otechestvennogo sudostroeniya. L.: Sudostroenie, 1970. 384 s.
 15. Nogmanov A.I. Korablestroenie v Kazani do uchrezhdeniya admiralteistva: sud'ba pervoi kazanskoi flotilii / Kazanskoе admiralteistvo (1718-1830 gg.): narody Povolzh'ya i traditsii rossiiskogo sudostroeniya: mat. Vseross. nauch. konf. (g. Kazan', 25-26 oktyabrya 2018 g.) Kazan': Ins-t istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2018. S. 264-278.
 16. Gusev V.S. Rol' Kazanskogo Admiralteistva v stroitel'stve Kaspiiskogo flota // Sudostroenie. 1974. № 10. S. 56.
 17. Shishkov A. Spisok korablyam i prochim sudam vsego Rossiiskogo flota ot nachala zavedeniya onago do nyneshnego vremeni, s istoricheskimi, voobshche o deistviyakh flota i o kazhdom sudne primechaniyami. Ch. 1. SPb.: tip. Morsk. shlyakhetskogo kadetskogo korpusa, 1799. 323 s.
 18. Chernyshev A.A. Rossiiskii parusnyi flot: Spravochnik v 2-kh t. T. 2. M.: Voenizdat, 2002. 480 s.
 19. Nasyrov K.Z. Komissiya vitse-admirala P.M. Rozhnova po uprazdneniyu Kazanskogo admiralteistva v 1826-1830 gg. / Kazanskoе admiralteistvo (1718-1830 gg.): narody Povolzh'ya i traditsii rossiiskogo sudostroeniya: mat. Vseross. nauch. konf. (g. Kazan', 25-26 oktyabrya 2018 g.) Kazan': Ins-t istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2018. S. 208-221.
 20. Rybushkin M. Kratkaya istoriya goroda Kazani. 3-e izd. V 2 ch. Kazan': tip. L. Shevits, 1849. 301 s.
 21. Pinegin M.N. Kazan' v ee proshlom i nastoyashchem: Ocherki po istorii, dostoprimechatel'nostyam i sovrem. polozheniyu goroda, s pril. krat. adres. svedenii. SPb.: A.A. Dubrovin, 1890. XVI, 604 s.
 22. Kalinin N.F. Kazan'. Istoricheskii ocherk. Kazan': Tatknigoizdat, 1955. 416 s.
 23. Faizrakhmanov I.Z. Lashmany v stroitel'stve rossiiskogo flota: osnovnye vekhi istorii / Kazanskoе admiralteistvo (1718-1830 gg.): narody Povolzh'ya i traditsii rossiiskogo sudostroeniya: mat. Vseross. nauch. konf. (g. Kazan', 25-26 oktyabrya 2018 g.) Kazan': Ins-t istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2018. S. 353-375.
 24. Kalinin N.F. Kazan' vremen Pugachevskikh sobytii // Trudy Kazanskogo filiala Akademii nauk SSSR. Seriya gumanitarnykh nauk. 1959. Vyp. 2. S. 89-108.
 25. Faizrakhmanov I.Z. Rabochie sudostroiteli kazanskoi verfi v XVIII – pervoi treti XIX v. / Istoricheskie sud'by narodov Povolzh'ya i Priural'ya: sb. statei. Vyp. 1. Materialy vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Kazan', 24 marta 2009 g.). Kazan': Ins-t istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2010. S. 239-245.
 26. Dubravin A.I. Sudostroenie v gody Severnoi voyny // Sudostroenie. 1971. № 8. S. 63-69.
 27. Mansurova Yu.V. Kazanskaya Admiraleiskaya sloboda v XVIII-XIX vv.: avtoref. dis... kand. ist. nauk. Kazan', 2010. 24 s.
 28. Golikov I. Deyaniya Petra Velikogo, mudrogo preobrazitelya Rossii. Ch. VIII. M.: Universitet. tip. u N. Novikova, 1789. 457 s.

29. Sokolov A. Nachalo Astrakhanskogo porta // Morskoi sbornik. 1849. № 2. S. 108-113.
30. Kirokos'yan M.A. Astrakhanskoе admiralteistvo v pervoi treti XIX veka / Kazanskoe admiralteistvo (1718-1830 gg.): narody Povolzh'ya i traditsii rossiiskogo sudostroeniya: mat. Vseross. nauch. konf. (g. Kazan', 25-26 oktyabrya 2018 g.) Kazan': Ins-t istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2018. S. 124-134.
31. Chubinskii V.G. Istoricheskoe obozrenie ustroistva upravleniya Morskim vedomstvom v Rossii. SPb.: tip. Mor. M-va, 1869. [6], XII, 314 s.
32. Sokolov A. Astrakhanskii port s 1725 po 1781 g. // Morskoi sbornik. 1849. № 7. S. 466-475.
33. Istorya otechestvennogo sudostroeniya IX-XIX vv. T. 1. Parusnoe derevyannoe sudostroenie / V.D. Dotsenko, I.V. Bogatyrev, G.A. Vakharlovskii, P.A. Krotov, A.G. Satskii. SPb.: Sudostroenie, 1994. 472 s.
34. Toropitsyn I.V. Spetszakaz dlya Kazanskogo admiralteistva – podgotovka flota dlya protivostoyaniya Persii v 1740-e gg. / Kazanskoe admiralteistvo (1718-1830 gg.): narody Povolzh'ya i traditsii rossiiskogo sudostroeniya: mat. Vseross. nauch. konf. (g. Kazan', 25-26 oktyabrya 2018 g.) Kazan': Ins-t istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2018. S. 331-337.
35. Sokolov A. Ekspeditsiya grafa Voinovicha k vostochnomu beregu Kaspiya 1781-1782 g. // Morskoi sbornik. 1850. № 9. S. 227-236.
36. Grebenschikova G.A. Chernomorskii flot v period pravleniya Ekateriny II. V 2 tt. T. 1. SPb.: ITD «Ostrov», 2012. 512 s.
37. Lashmany v stroitel'stve rossiiskogo flota: sb. dok. i materialov. Kazan': In-t istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2018. 583 s.
38. Istorya Kazani. Kn. 1. Kazan': Tatarskoe kn. izd-vo, 1988. 352 s.
39. Veselago F. F. Spisok russkikh voennyykh sudov s 1668 po 1860 god. SPb.: Tip. Morskogo min-va, 1872. 828 s.
40. Sokolov A. Astrakhanskii port s 1783 po 1827 g. // Morskoi sbornik. 1851. № 1. S. 1-18.
41. Bykhovskii I.A. Rasskazy o russkikh korablestroitelyakh. L.: Sudostroenie, 1966. 284 s.
42. Arens E.I. Istorya russkogo flota. Tsarstvovanie imperatora Aleksandra I. SPb.: lit. K. Birkenfel'da, 1899. [2], 90, [2] s.
43. Ogorodnikov S.F. Istoricheskii obzor razvitiya i deyatel'nosti Morskogo ministerstva za sto let ego sushchestvovaniya (1802-1902 gg.). SPb., 1902. 263 s.
44. Bykhovskii I.A. Korabel'nykh del mastera: S.O. Burachek, A.A. Popov, I.F. Aleksandrovskii, S.K. Dzhevetskii. L.: Sudpromgiz, 1961. 216 s.
45. Barbashev N.I. Iz istorii morskogo sudostroeniya XVIII i pervoi poloviny XIX veka // Trudy Instituta istorii estestvoznaniya i tekhniki. 1960. T. 29. S. 202-263.
46. Mordovin P. Russkoe voennoe sudostroenie v techenie poslednikh 25 let. 1855-1880 g. // Morskoi sbornik. 1880. № 10. S. 51-100.
47. M. O-v. O Nizhegorodskoi mashinnoi fabrike // Morskoi sbornik. 1853. № 4. S. 289-298.
48. Mikhalev V.M. Sormovskii zavod – Kaspiyu // Sudostroenie. 1972. № 9. S. 56-58.
49. Mordovin P. Russkoe voennoe sudostroenie v techenie poslednikh 25 let. 1855-1880 g. // Morskoi sbornik. 1881. № 8. S. 95-114.
50. Istorya Krasnogo Sormovo. M.: Mysl', 1969. 495 s.
51. Moiseev S.P. Spisok korablei russkogo parovogo i bronenosnogo flota (s 1861 po 1917 god). M.: Voenizdat, 1948. 576 s.

52. Chernikov I.I. Kanonerskie lodki «Sekira» i «Pishchal'» // Sudostroenie. 1986. № 4. S. 55-57.
53. Sutyrin B.A. Rol' mashinostroitel'nykh zavodov Srednego Urala v sozdaniii otechestvennogo technogo transporta (1861-1880 gody) // Voprosy istorii Urala: sb. statei po istorii promyshlennosti i agrarnykh otnoshenii na Urale. Sverdlovsk, 1965. Vyp. 6. S. 50-64.
54. Chernikov I.I. Rechnye kanonerskie lodki tipa «Buryat» // Sudostroenie. 1987. № 8. S. 68-71.
55. Chernikov I.I. Rechnye kanonerskie lodki tipa «Vogul» // Sudostroenie. 1987. № 9. S. 66-69.
56. Istorya otechestvennogo voennogo sudoremonta. Kn. 3. Zavody. Lyudi. Korabli / pod obshch. red. G.N. Muru. SPb.: Izdatel'sko-poligraficheskii kompleks «Gangut», 2011. 624 s.
57. Obzor deyatel'nosti morskogo upravleniya v Rossii v pervoe dvadtsatiletie blagopoluchnogo tsarstvovaniya gosudarya imperatora Aleksandra Nikolaevicha. 1855-1880 / sost. pod ruk. K.A. Manna. Ch. 2. SPb.: tip. Morsk. Min., 1880. 995 s.
58. Chernyshev A.A. Rossiiskii parusnyi flot: Spravochnik v 2-kh t. T. 1. M.: Voenizdat, 1997. 311 s.

On the history of the creation of the Old Moscow Commission: what the archival documents told about

Zasedateleva Nina Nikolaevna

Postgraduate, Department of Source Studies, MV. Lomonosov Moscow State University

119234, Russia, Moscow, Lomonosovsky Prospekt str., 27, room 4

 ninazasedateleva@yandex.ru

Abstract. The subject of this article is the Commission for the Study of Old Moscow, which was formed at the Imperial Moscow Archaeological Society and continued to operate after the liquidation of the IMAO. The author pays special attention to the Rules of the Commission, a program document of this community, which have been preserved both in handwritten and printed form, and in several copies. In addition, the author examines other archival documents – minutes of the Commission's meetings, which allow to highlight the issue of the activities and work of the Commission. The study of these documents also helps to understand how the Commission for the Study of Old Moscow was organized, who held the main positions and what responsibilities were imposed on them, who were the most active members of the Commission, etc. The main method of research is the method of historical analysis, which allows one to analyze the minutes of meetings and Rules of the Commission for the Study of Old Moscow and on their basis to understand how this community functioned. The main conclusions of the conducted research are, firstly, the conclusion that by 1917 the Commission for the Study of Old Moscow had become a serious scientific society, which included not only those interested in the history of Moscow, amateur Muscovites, but also professional historians, archivists, architects, etc.; secondly, the conclusion about the Commission's huge contribution to the study and preservation of ancient monuments in Moscow. In addition, the author concludes that the Commission for the Study of Old Moscow was institutionally and in many types of activities the successor of the Imperial Moscow Archaeological Society. Preserving the traditions of the IMAO and remaining faithful to its basic principles, the Commission was able to continue its activities after the liquidation of the IMAO. The novelty of the research lies in the introduction into scientific circulation of previously unpublished

archival sources, a comprehensive analysis of which allows us to reconstruct the daily life of the Commission.

Keywords: Praskovya Uvarova, exploring ancient Moscow, the history of Moscow, Commission Rules, Secretary of the Commission, Chairman of the Commission, minutes of meetings, The Old Moscow Commission, Ivan Belyaev, IMAO

References (transliterated)

1. Guzeeva I.A., Murav'ev V.B. Khronika zasedanii Komissii «Staraya Moskva» // Arkheograficheskii ezhegodnik za 1997 god. M.: Nauka, 1997. S. 678–681.
2. Dmitrieva I.A. Dinamika chislennosti i osobennosti sostava obshchestva «Staraya Moskva» v 1909–1917 gg. // Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya. Vyp. 149: Zabelinskie nauchnye chteniya – 2004. Istoricheskii muzei – entsiklopediya otechestvennoi istorii i kul'tury / Otv. red. L.V. Egorov. M.: GIM, 2005. S. 299–310.
3. Dmitrieva I.A. Protokoly obshchestva «Staraya Moskva» kak istochnik izucheniya istorii moskvovedeniya: (1909–1918) // Rumyantsevskie chteniya: materialy mezhdunarodnoi konferentsii (13–16 aprelya 2004) «Innovatsionnye tekhnologii i mnogoobrazie kul'tur». M.: Pashkov dom, 2004. S. 79–81.
4. Drevnosti: Trudy Moskovskogo arkheologicheskogo obshchestva. T. 1. Vyp. 1–2. M.: [b/i], 1865–1867. 228 s.
5. Zlochevskii G.D. «Stavya svoeyu pervoyu zadacheyu...» (K izucheniyu proshloga Moskvy) // Moskva: Sobytiya, lyudi, problemy: Kraevedcheskii sbornik / Sost. I.A. Guzeeva, N.M. Pashaeva. M.: Izdatel'stvo GPIB, 1997. S. 5–22.
6. Zlochevskii G.V. «Minuvshee prokhodit predo mnouy»: lyudi, knigi, sud'by. M. Inskript, 2012. 855 s.
7. Koval'chenko I.D. Istoricheskii istochnik v svete ucheniya ob informatsii // Istorya SSSR. 1982. № 3. S. 137–142.
8. Kozlov V. F. Obshchestvo «Staraya Moskva» i kul'turnoe nasledie. 1909–1930 gg.: Putevoditel' po arkhivnym materialam. M.: Kraevedenie, 2020. 338 s.
9. Kozlov V.F. «Staraya Moskva» na zashchite moskovskikh drevnostei (1920–1930) // Moskovskii arkhiv. M., 2002. Vyp. 3. S. 334–362.
10. Kozlov V.F. U istokov moskvovedeniya // Moskovskii zhurnal. Istorya gosudarstva Rossiiskogo. 2019. № 10 (346). S. 46–59.
11. Moskovskoe arkheologicheskoe obshchestvo. Komissiya po izucheniyu staroi Moskvy. Pravila komissii po izucheniyu staroi Moskvy. M.: Tip. Imperatorskogo Moskovskogo universiteta, 1912. 12 s.
12. Moskovskoe arkheologicheskoe obshchestvo. Ustav Moskovskago Arkheologicheskago Obshchestva : utv. 19 sent. 1864 g. M.: Tip. Gracheva i Ko, 1864. 11 s.
13. Otdel rukopisei RGB. F. 177. Op. 1. K. 1. D. 3.
14. Otdel rukopisei RGB. F. 177. Op. 1. K. 1. D. 4.
15. Otdel rukopisei RGB. F. 177. Op. 1. K. 1. D. 7.
16. Otdel rukopisei RGB. F. 177. Op. 1. K. 1. D. 8.
17. Otdel rukopisei RGB. F. 177. Op. 1. K. 39. D. 15.
18. Smirnova K.A. Doklad «Uveseleniya moskvichei» v dvadtsatykh godakh XIX stoletiya» I.S. Belyaeva (1860–1918): k voprosu o nauchnom nasledii moskvoveda // Zhurnal instituta naslediya. 2023. № 3 (34). URL: <http://nasledie-journal.ru/ru/journals/67/601.html>

19. Filimonov S.B. Istoriko-kraevedcheskie materialy arkiva obshchestv po izucheniyu Moskvy i Moskovskogo kraya / pod red. S.O. Shmidta. M.: [b/i], 1989. 168 s.
20. Frolov A.I. Aleksei i Praskov'ya Uvarovy: Khraniteli moskovskoi stariny. M.: Moskovovedenie, AO «Moskovskie uchebniki», 2003. 363 s.

The date of the foundation of the first permanent Ingush settlement in the area of modern Nazran

Albogachiev Magomed Mikhailovich

Student; Department of History, Ingush State University

386001, Russia, Republic of Ingushetia, Magas, I.B. Zyazikova ave., 7, room 302

 magomed_albogachiiev77@mail.ru

Abstract. This work is devoted to the migration processes that took place in the XVII-XVIII centuries among the Ingush tribes, which eventually led to the foundation of the first permanent Ingush settlement in the area of the modern city of Nazran. The analysis of information from historical sources on this issue, as well as the main versions that exist today, is carried out. At the republican scientific and practical conference "historical determination of the date of formation of Nazran", held on July 15, 2000, it was decided to consider the date of foundation of Nazran as 1781. However, some researchers still express the opinion that Ingush settlements in the Nazran valley began to arise only at the beginning of the XIX century. The purpose of the article is to confirm the validity of the officially established date of the founding of Nazran on the basis of data from historical sources. And also to show that the development of the territory of the Nazran valley by Ingush tribes began in the XVII century. To achieve the purpose of the article, the author drew on a significant amount of scientific literature and archival data, comparing them with information from Ingush folklore. The novelty of this work lies in the fact that the issue of the foundation of Nazran is considered in the context of migration processes that took place among the Ingush tribes in the XVII-XIX centuries. Historical works on the history of the development of the territory of the Nazran Valley are summarized, comparing them with information from Ingush folklore. In the course of the research, the author comes to the following key conclusions: information from various sources related to this issue are consistent and complement each other; Ingush tribes began to develop the territory of the Nazran Valley in the XVII century, and the first permanent settlement in this territory appeared in 1780-1781. This happened after they concluded an agreement with the Kabardian and Kumyk princes.

Keywords: shamkhali, princes, karabulaks, Ingush people, Atagai, Mudarov, Nazran Valley, Ortskha Kartskhali, Chechens, the royal administration

References (transliterated)

1. Akty, sobrannye Kavkazskoi arkheograficheskoi komissiei / Pod red. A. P. Berzhe. Tiflis: Tip. glavnogo upravleniya Namestnika Kavkazskogo, 1870. T. 4. 1019 s.
2. RGADA (Rossiiskii gosudarstvennyi arkiv drevnikh aktov). F. 23. Op. 1. D. 13. Ch. 10a.
3. RGADA (Rossiiskii gosudarstvennyi arkiv drevnikh aktov). F. 23. Op. 1. D. 13. Ch. 21.
4. Laudaev U. Chechenskoe plemya // Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh. Tiflis: Tip. glavnogo upravleniya Namestnika Kavkazskogo, 1872. Vyp. VI. S. 74-105.

5. Volkonskii N. A. Voina na Vostochnom Kavkaze s 1824 po 1834 g. v svyazi s myuridizmom // Kavkazskii sbornik / Pod red. artilerii general-maiora Chernyavskago. Tiflis: Tipografiya Okruzhnogo shtaba Kavkazskogo voennogo okruga, 1886. T. 10. S. 1-224.
6. Dalbat B. K. Rodovoi byt i obychnoe pravo chechentsev i ingushei. Issledovanie i materialy 1892-1894 gg. Moskva: IMLI RAN, 2008. 380 s.
7. Narody Kavkaza / Pod red. M.O. Kosvena, L. I. Lavrova, G. A. Nersesova, Kh. O. Khashaeva. M.: Izd-vo AN SSSR, 1960. T. 1. 1622 s.
8. Skazki, skazaniya i predaniya chechentsev i ingushei / sost. A.O. Mal'sagov, I.A. Dakhkil'gov. Groznyi: Chech.-Ing. kn. izd-vo. 1986. 528 s.
9. Kavkaz. Evropeiskie dnevniki XIII-XVIII vekov. / Sost. V. Atalikov. Nal'chik. Izd-vo M. i V. Kotlyarovykh, 2010. Vyp. 3. 305 s.
10. Akhmadov Sh. B. Chechnya i Ingushetiya v XVIII – nachale XIX veka (Ocherki istorii sotsial'no-ekonomiceskogo razvitiya i obshchestvenno-politicheskogo ustroistva Chechni i Ingushetii v XVIII – nachale XIX veka). Elista: Dzhangar, 2002. 528 s.
11. TsGA DASSR (Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv DASSR). F. 379. On. 1. D. 523.
12. Feodal'nye otnosheniya v Dagestane. XIX – nachalo XX v. : Arkhivnye materialy / Sost. Kh.-M. Khashaeva. – Moskva : Nauka, 1969. 396 s.
13. Smirnov N. A. Sheikh Mansur i ego turetskie vdokhnoviteli // Voprosy istorii. 1950. № 10. S. 19-39.
14. Akhriev Chakh. Ingushi (ikh predaniya, verovaniya i pover'ya) // Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh. Tiflis: Tipografiya glavnogo upravleniya Namestnika Kavkazskogo, 1875. S. 1-40 s.
15. TsGA RSO-Alaniya (Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Severnaya Osetiya – Alaniya). F. 256. Op. 1. D. 7.
16. Golovinskii P.A. Zametki o Chechne i chechentsakh // Sbornik svedenii o Terskoi oblasti. Vladikavkaz: Tipografiya Terskogo oblastnogo upravleniya, 1878. Vyp. I. Otd. II. S. 241-260.
17. Volkova N. G. Etnicheskii sostav naseleniya Severnogo Kavkaza v XVIII – nachale XX veka / Otvet. red. V. K. Gardanov. AN SSSR. In-t etnologii i antropologii im. N. N. Miklukho-Maklaya. M. : Nauka, 1974. 276 s.
18. Shtelin Ya. Ya. O Cherkasskoi ili Kabardinskoi zemle / Geograficheskii mesyateslov na 1772 g. SPb: Izd-vo pri Imperatorskoi Akademii nauk, 1771. [Bez paginatsii]
19. Tsutsiev A. A. Osetino-ingushskii konflikt (1992-...): ego predystoriya i faktory razvitiya. Istoriko-sotsiologicheskii ocherk. M.: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 1998. 200 s.
20. Iстория добровольного вхождения чечентсев в состав России и его прогрессивные последствия / Chech.-Ing. gos. un-t im. L. N. Tolstogo / Sost. B. A. Akhmadov i dr.. Groznyi: Checheno-Ingushskoe knizhnoe izd-vo, 1988. 58 s.
21. RGADA (Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov). F. 23. Op. 1. D. 13. Ch. 22.
22. Kartoev M. M. K istorii goroda Sunzha // Vestnik Ingushskogo NII GN. 2017. № 1. S. 14-16.
23. Kabardino-russkie otnosheniya v XVI – XVIII vv. Dokumenty i materialy v 2-kh tomakh / Sost. N. F. Demidova, E. N. Kusheva, A. M. Persov. Moskva: Izd-vo AN SSSR, 1957. T. 1. 510 s.
24. Genko A. N. Iz kul'turnogo proshlogo ingushei // Zapiski kollegii vostokovedov pri Aziatskom muzee Akademii nauk SSSR / Red. izd. akad. V. V. Bartol'd. L. : Izdatel'stvo

- Akademii nauk SSSR, 1930. T. V. S. 681-761.
25. Butkov P. G. Materialy dlya novoi istorii Kavkaza, s 1722 po 1803 god. / Imperatorskaya akademiya nauk. Nepremennyi sekretar' akademik K. Veselovskii. Sankt-Peterburg: Tipografiya Imperatorskoi akademii nauk, 1869. Ch. 2. 602 s.
26. TsGvia (Tsentral'nyi gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv). F. 52. Op. 1/194. D. 350. Ch. 3.
27. Antologiya ingushskogo fol'klora. V 10 tomakh. Nartskie skazaniya. Legendy / sost. I.A. Dakhkil'gov. Nal'chik: El'-fa, 2006. T. 4. 488 s.
28. Dubrovin N. F. Istorya voiny i vladychestva russkikh na Kavkaze. V 6 tomakh. SPb.: Tip.. Departamenta Udelov, 1871. T. 1. Kn. 1. 656 s.
29. Koz'min V. Makhkinan (Feya gor) // Kavkaz. 1895. № 98. S. 2-3.
30. Kusheva E. N. Narody Severnogo Kavkaza i ikh svyazi s Rossiei : vtoraya polovina XVI – 30-e gody XVII v. / AN SSSR. In-t istorii. M.: Izd-vo AN SSSR, 1963. 371 s.
31. Trudy F. I. Gorepekina / Materialy PFA RAN. / Sost. Albogachieva M. S-G. Sankt-Peterburg – Magas: Ladoga, 2006. 212 s.

S.V.Rachmaninov and his circle on the Southern Coast of Crimea: new pages of the history of Russian musical culture of the late XIX – early XX century.

Karagodin Andrey Vasil'evich

Doctor of History

Senior Lecturer, the Department of Source Studies, Lomonosov Moscow State University

119992, Russia, g. Moscow, ul. Lomonosovskii Prospekt, 27 k.4, aud. E445

✉ avkaragodin@yandex.ru

Petrova Mariya Mikhailovna

Tour Guide - Methodologist, Tourism Portal of the Republic of Crimea "Tavrika"

✉ mcrimea@yandex.ru

Abstract. The subject of the study is the personal history of the outstanding Russian composer S.V. Rachmaninov and other representatives of the national musical culture of the late XIX – early XX century in the historical space of the Southern coast of Crimea. The literature has repeatedly suggested that composers and musicians played a significant role in the formation of the "cultural landscape" of the Crimea of the late XIX – early XX century. However, as the authors of the article have seen studying the history of country resorts formed on the Southern Coast at the beginning of the XX century, there are still a lot of "white spots" on this "historical and cultural map". The elimination of these gaps makes it possible to fill in both the history of the Southern Coast of Crimea and biographical information about cultural actors. With the help of complex work with historical sources – documents from the State Archive of the Republic of Crimea, reference and bio-bibliographic literature, ego documents (memoirs, correspondence), including ones that have been poorly introduced into historiographical circulation, the history of S.V. Rachmaninov's stay on the Southern Coast of Crimea is reconstructed, his visits are placed in the context of the historical space in flux. The circumstances of S.V. Rachmaninov's stay on the Southern Coast of Crimea

in the late XIX – early XX century have been clarified or re-established, and related historical monuments and places in Simeiz, Mishor and Yalta have been identified. The reconstructed pages of life and creative activity on the Southern Coast of Crimea by S.V. Rachmaninov, M.A. Stankevich (Golostenova), F.I. Chaliapin and their circle of colleagues, relatives, friends and acquaintances from among the creative intelligentsia, South Coast summerfolk, patrons and patrons of cultural life undoubtedly complement the picture of a rich cultural life in the historical space of the Southern Coast Crimea in the late XIX – early XX century, contributing to understanding Crimea as an important place of "historical memory" of Russia.

Keywords: history of Russian culture, musical culture, comprehensive source studies, cultural landscape, Simeiz, Yalta, The southern coast of Crimea, Stankevich, Chaliapin, Rachmaninoff

References (transliterated)

1. Adishchev V.I. Muzykal'noe obrazovanie v zhenskikh institutakh i kadetskikh korpusakh Rossii vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka. M.: Muzyka, 2007.
2. Barskaya T. Sergei Rakhmaninov v Krymu nachal sochinyat' muzyku // Krymskii blog: URL: <https://crimeanblog.blogspot.com/2013/04/rahmaninov.html> (data obrashcheniya: 29.10.2023).
3. Bobovnikova I.A. Muzykal'nyi «rel'ef» v kul'turnom landshafte Kryma // Kul'tura narodov Prichernomor'ya. 2012. № 235. S. 129-135.
4. Bunin I.A. Rakhmaninov //Sobranie sochinений в 6 тт. Т. 6. М.: Khudozhestvennaya literatura, 1988.
5. Vospominaniya o Rakhmaninove / Gos. tsentr. muzei muz. kul'tury im. M. I. Glinki: sost., red., komment. i predisl. Z. Apetyan. M.: Muzyka, 1988. T. 1.
6. GARK. F. 62. Op. 3. D. 213.
7. GARK. F. 62. Op. 3. D. 45.
8. GARK. F. 377. Op. 1. D. 26.
9. GARK. F. 651. Op.2. D.1
10. GARK. F. P-361. Op. 1. D. 43.
11. GARK. F. R-999. Op.1. D. 119.
12. GARK. F. R-1128. Op. 2. D. 228.
13. GARK. F. R-460. Op. 1. D. 1450.
14. GARK. F. R-2058. Op. 4. D. 248.
15. GARK. F. R-2230. Op. 3. D. 148.
16. Dokument. Imperatorskoe russkoe muzykal'noe obshchestvo. Moskovskaya konservatoriya. Svidetel'stvo S. V. Rakhmaninova ob otpuske iz Konservatorii v Krym i v Zakavkazskii krai // Goskatalog muzeinogo fonda RF: URL:<https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=46983059> (data obrashcheniya: 29.10.2023).
17. Karagodin A.V. Dachnye kurorty na Yuzhnym beregu Kryma v kontse XIX – nachale XX veka: metodologicheskie i istochnikovedcheskie aspekty issledovaniya: dissertatsiya ... doktora istoricheskikh nauk. M., 2023.
18. Karagodin A.V. Dachnyi poselok Novyi Simeiz na Yuzhnym beregu Kryma v 1902-1920 gg. kak fenomen sotsiokul'turnoi modernizatsii: istochniki, metody i etapy issledovaniya // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istorija. 2021. № 1. S. 41-64.
19. Karagodin A.V. Fatal'naya prazdnost' "byvshikh": Yuzhnyi bereg Kryma v gody

- grazhdanskoi voiny (1917-1921) cherez prizmu istorii povsednevnosti. // Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya. 2020. № 2. S. 109-122.
20. Karagodin A.V., Petrova M.M. Novyi Miskhor – pervyi dachnyi kurort na Yuzhnom beregu Kryma (1898–1920): rekonstruktsiya sotsiokul'turnoi istorii // Chelovek i kul'tura. 2020. № 4. S. 103-127.
 21. Kuz'menko V.M. Novyi Simeiz i ego okrestnosti na Yuzhnom beregu Kryma. M.: T-vo skoropech. A.A. Levenson, 1913.
 22. Makovskii S.K. Portrety sovremennikov. Na Parnase Serebryanogo veka. M.: Agraf, 2000.
 23. Novodevichii memorial: Nekropol' Novodevich'ego kladbischcha / Avt. i sost. S. E. Kipnis. M.: Propilei, 1995.
 24. Pamyatnaya kniga Voronezhskoi gubernii na 1908 g. Voronezh: Voronezhskii gubernskii statisticheskii kom., 1908.
 25. Puzanov I.I. Memuary. V 3 t. Odessa: «Pluton», 2015. T. 2.
 26. Rakhmaninov S.V. Vospominaniya, zapisанные Oskarom fon Rizemanom. M.: Izd-vo AST, 2018.
 27. Rakhmaninov S.V. Literaturnoe nasledie: V 3 t. / Sost.-red., avt. vstup. stat'i, komment., ukaz. Z.A. Apetyan. M.: Sov. kompozitor, 1978.
 28. Rozanova-Sverdlovskaya L.G. Yalta muzykal'naya, 1888-1920. Simferopol': N. Orianda, 2011.
 29. Svalov N.A. Iz rodoslovnoi Nikolaya Stankevicha // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2015. № 2. S. 110-128.
 30. Sedenko B. Zhizn' po notam: Krym v zhizni i tvorchestve kompozitora Sergeya Rakhmaninova // Krymskaya gazeta. 12.04.2023.
 31. Stanislavskii K.S. Sobranie soчинений: V 8 t. / M. N. Kedrov (gl. red.). M.: Iskusstvo, 1954-1961. T. 1. Moya zhizn' v iskusstve.
 32. Stankevich M.A. 1905 i 1906 g.g.: Elegiya: Dlya golosa s fp.: H-d.1 / Sl. i muz. M.A. Stankevich. M., b.g.
 33. Stankevich N.V. Perepiska Nikolaya Vladimirovicha Stankevicha: 1830-1840. M.: 1914.
 34. Timokhovich S.Ya. Putevye zametki i zhizn' na Yuzhnom beregu Kryma v Simeize. Kaluga: tip. Gub. pravl., 1885.
 35. Filimonov S.B. Iz proshloga russkoi kul'tury v Krymu: poiski i nakhodki istorika-istochnikoveda. Simferopol': N. Orianda, 2010.
 36. Shalyapin F.I. Maska i dusha: moi sorok let na teatrakh. SPb.: Azbuka-klassika, 2010.
 37. Shintyapina I. V. Yaltinskoe otdelenie IRMO v kul'turno-obrazovatel'nom prostranstve Krymskogo Yuzhnoberezh'ya nachala KhKh veka // Nauka. Iskusstvo. Kul'tura. 2018. Vyp. 1 (17). S. 1-7.

Comparative Foreign Policy Analysis (CFP) of Nigeria and South Africa: An overview

IDAHOZA Stephen Osaherumwen □

Doctor of History

Idahosa Stephen Osaherumwen PhD in History (International Relations and Foreign Policy), Theory and History of International Relations Department, RUDN University

Tafawa Balewa, Nigeria, Abuja, Cbd street, 1

Egesi Blessing Chimpanpa

PhD Student, Department of Africa and Arabic Studies, Peoples' Friendship University of Russia
 117198, Russia, Moscow region, Moscow, Mklukho-Maklaya str. 1

✉ blessingeges1@gmail.com

Abstract. This article assesses the foreign policy roles of Nigeria and South Africa, given their status as regional powers, and the regional complexes within which they operate. Drawing references from a plethora of policies and speeches of the Presidents of the two States, this article argues that CFP, given its emphasis on foreign policy decision-making processes related to momentous events as well as its implication in day-to-day events, is useful as a theoretical framework in this assessment. Nigeria and South Africa are both active state actors in the international system. Unarguably, Nigeria and South Africa are two important nations in the continent of Africa whose foreign policy actions and inactions are crucial to the desire development of their areas of regional and global influence, particularly for the African continent. Methodologically, it employs the use of comparative analysis relying solely on secondary information for data generation and analysis of the direction of the foreign policy of Nigeria and South Africa. The article contributes to the literature by illustrating the potential impact and regional implications of foreign policy analysis as an approach to international relations (IR), within which the behavior of these two African States can be analyzed in the wake of new members into BRICS, African Union (AU) been made a permanent member of the G20, giving the continent an important voice on key global issues. Noting that the dynamic evolving role of South Africa and Nigeria in the global arena, should be expected to increase positioning Africa in decision making process of both regional and world politics; regional and global peace and security, such as in Ukraine crisis and reform within the United Nations security Council. Both countries need to unite their efforts and practical strategies to advance the common goal of Africa development, peace and security.

Keywords: SADC, Economic Diplomacy, African Union, ECOWAS, Nigeria, Foreign Policy, South Africa, Apartheid, Foreign Policy Analysis, Conflict

References (transliterated)

1. Brummer K., Khadson V.M. (2015). Analiz vneshnei politiki: za predelami Severnoi Ameriki. Boulder, Kolorado: Izdatel'stvo Linn Rinner.
2. Broining, M. (2007). Analiz vneshnei politiki: sravnitel'noe vvedenie. London: Springer.
3. Lantis, Dzheffri S. i Raian Bizli. «Sravnitel'nyi analiz vneshnei politiki». Oksfordskaya issledovatel'skaya entsiklopediya politiki. 24 maya 2017 g. Izdatel'stvo Oksfordskogo universiteta. Data dostupa 29 dekabrya 2023 g. URL: <https://oxfordre.com/politics/view/10.1093/acrefore/9780190228637.001.0001/acrefore-9780190228637-e-398>
4. Barker S., Pistrang N., Elliott R. Metody issledovaniya v klinicheskoi psikhologii: vvedenie dlya studentov i praktikov. 2. Chichester, Velikobritaniya: Wiley; 2002.
5. Kholsti, Ole R. Voina za eskalatsiyu krizisa. Izdatel'stvo Universiteta Makgilla-Kuina, 1972. JSTOR. URL: <https://doi.org/10.2307/j.ctt1w1vktc>. Po sostoyaniyu na 7 yanvarya 2024 g.
6. Khadson, Valeri M. i dr. Seks i mir vo vsem mire. Izdatel'stvo Kolumbiiskogo

- universiteta, 2012. JSTOR. URL: <http://www.jstor.org/stable/10.7312/huds13182>. Po sostoyaniyu na 7 yanvarya 2024 g.
7. Mei E.M., Khanter B.A., Dzheison L.A. Metodologicheskii pluralizm i smeshannaya metodologiya dlya ukrepleniya issledovanii v oblasti obshchestvennoi psikhologii: primer Oxford House. *J Obshchestvennyi psikholog.* 2017 yanvar'; 45(1):100-116. doi: 10.1002/jcop.21838.
 8. Milner, Khelen V. «Ratsionalizatsiya politiki: novyi sintez mezhdunarodnoi, amerikanskoi i sravnitel'noi politiki». Mezhdunarodnaya organizatsiya, tom. 52, net. 4, 1998, str. 759–86. JSTOR. URL: <http://www.jstor.org/stable/2601357>. Po sostoyaniyu na 7 yanvarya 2024 g.
 9. Milner, Khelen V. Interesy, instituty i informatsiya: vnutrennyaya politika i mezhdunarodnye otnosheniya. Izdatel'stvo Prinstonskogo universiteta, 1997. JSTOR. URL: <https://doi.org/10.2307/j.ctv10vm16k>. Po sostoyaniyu na 7 yanvarya 2024 g.
 10. Khelen V. Milner. Politicheskaya ekonomiya mezhdunarodnoi torgovli. Godovye obzory Polit. nauk, 2, 91–114. 1999.
 11. Rozenau, Dzheims N. Sravnitel'naya vneshnyaya politika: teoreticheskie ocherki. N'york: Svobodnaya pressa, 1969.
 12. Snaider, Richard K., Kh. V. Bruk i Berton Sapin (1954) Prinyatie reshenii kak podkhod k izucheniyu mezhdunarodnoi politiki. Seriya proektorov po analizu vneshnei politiki № 3, Princeton, N'y-Dzhersi: Izdatel'stvo Prinstonskogo universiteta.
 13. Snaider, Richard K., Genri V. Bruk i Berton M. Sapin. «Prinyatie vneshnepoliticheskikh reshenii: podkhod k izucheniyu mezhdunarodnoi politiki». (1962).
 14. Dzhul'etta Kaarbo, Dzheffri S. Lantis i Raian K. Bizli. Analiz vneshnei politiki v sravnitel'noi perspektive. URL: https://uk.sagepub.com/sites/default/files/upm-assets/72223_book_item_72223.pdf
 15. Emmi Godvin Irobi. Upravlenie etnicheskimi konfliktami v Afrike: sravnitel'noe issledovanie Nigerii i Yuzhnoi Afriki. Za gran'yu nerazreshimosti. Mai 2005 g. Etnicheskii konflikt lezhit v osnove problem razvitiya obeikh stran. Politizirovannaya etnicheskaya prinadlezhnost' nanesla ushcherb natsional'nomu edinstvu i sotsial'no-ekonomiceskому blagopoluchiyu.
 16. Aidakhosa Stiven Osakherumven, Makpa Oieinbieridei Dzhoi. Ksenofobskaya ugroza nigeriitsam za rubezhom – naskol'ko aktual'na kontseptsiya «afrotsentrizma»? // Zhurnal Instituta Afriki. 2022. № 2(59).
 17. Egezi Blessing Chimanpa Obzor vneshnei politiki Nigerii: dinamika nigeriisko-yuzhnoafrikanskikh otnoshenii // Sovremennaya nauchnaya mysl'. 2022. № 6.
 18. Adeleke Olumide Ogunnoiki, Demola Adefisaio Adeiemi. Vliyanie ksenofobskikh napadenii na otnosheniya Nigerii i Yuzhnoi Afriki // Afrikanskii zhurnal sotsial'nykh i gumanitarnykh issledovanii. 2019. Tom. 2. Voprosy 2. R. 1-18.
 19. Chukwu K. Dzheims i Blessing K. Ariz. Vnutrennie faktory, opredelyayushchie vneshnyyu politiku Nigerii s 1960 goda. Nigeriiskii zhurnal iskusstv i gumanitarnykh nauk (NJAH), Tom 3, nomer 1, 2023 g.
 20. Chuka Enuka, Afrika vo vneshnei politike Nigerii: priverzhennost' politike i razvitiyu, Awka: Ginika, 2020, 17.
 21. Ola Adeniii, «Legko otnosit'sya k vneshnei politike, pravitel'stu i mezhdunarodnoi bezopasnosti Nigerii», Ibadan: Dken, 2000, 34.
 22. Omorui I., Aidakhosa S.O., Mugadam M.M. i Sidibe, O. (2020). Sopernichestvo Nigerii i Yuzhnoi Afriki v poiskakh statusa regional'noi derzhavy: ot material'nogo potentsiala k

- chlenstvu v Sovete Bezopasnosti OON. Vestnik UDN. Mezhdunarodnye otnosheniya, 20 (1). 147-157. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1-147-157
23. Khel Brends i Dzheremi Suri. Istorya i vneshnyaya politika: kak zastavit' otnosheniya rabotat'. fpri.org/article/2016/04/history-foreign-policy-making-relationship-work/
24. Nigeiya i Yuzhnaya Afrika: vtorichnye posledstviya dlya ostal'nykh stran Afriki k yugu ot Sakhary. Biblioteka Mezhdunarodnogo valyutnogo fonda.
[https://www.elibrary.imf.org/configurable/content/book\\$002f9781475510799\\$002fch002.xml?t:ac=book%24002f9781475510799%24002fch002.xml#ch02fig01](https://www.elibrary.imf.org/configurable/content/book$002f9781475510799$002fch002.xml?t:ac=book%24002f9781475510799%24002fch002.xml#ch02fig01)
25. Don Sailas. Tinubu raskryvaet glavnye prioritety svoego byudzheta na 2024 god. Ezhednevnyaya pochta. 29 noyabrya 2023 g.
URL: <https://dailypost.ng/2023/11/29/tinubu-reveals-top-priorities-of-his-2024-budget/>
26. Prezident Tinubu vnov' formuliruet prioritetnye napravleniya razvitiya i ishchet podderzhki u gubernatorov. Gosudarstvennyi Dom. 15 iyunya 2023 g.
URL: <https://statehouse.gov.ng/news/president-tinubu-restates-priority-areas-on-development-seeks-support-from-governors/>
27. Prezident Tinubu: Bezopasnost', sozdanie rabochikh mest, sokrashchenie bednosti – glavnye prioritety byudzheta na 2024 god. Gosudarstvennyi Dom. 29 noyabrya 2023 g. URL: <https://statehouse.gov.ng/news/president-tinubu-security-job-creation-poverty-reduction-top-priorities-for-2024-budget/#:~:text=President%20Bola%20Tinubu%20govorit%20Nigerii,2024%20Byudzhet%20%20Obnovlennyi%20Nadezhda>
28. Vo vremya inauguratsii prezidenta Ramafosy v 2019 godu. Osnovnye prioritety realizatsii Natsional'nogo plana razvitiya –
<https://www.parliament.gov.za/storage/app/media/Publications/InSession/2019-03/final.pdf>
29. Landri Signe i Uitni Shnaidman. Yuzhnaya Afrika posle vyborov: glavnye prioritety administratsii. Bronirovanie. 12 iyunya 2019 g. –
<https://www.brookings.edu/articles/recommendations-for-south-africa-after-its-elections/>
30. Priority prezidenta Sirila Ramafosy na 2023 god, ozvuchennye v Poslanii k natsii 9 fevralya 2023 goda. Ofitsial'naya informatsiya i uslugi pravitel'stva Yuzhnoi Afriki.
URL: <https://www.gov.za/issues/key-issues>
31. Giorgos Guzulis, Kollin Konstantin i Dzhozef Aefu. Ekonomicheskie i politicheskie faktory, opredelyayushchie dolyu rabochei sily v Yuzhnoi Afrike, 1971–2019 gg. Ekonomicheskaya i promyshlennaya demokratiya, tom 44, vypusk 1, fevral' 2023 g., stranitsy 184–207.
32. Akinemi A.B., Vneshnyaya politika i federalizm: opyt Nigerii, Ibadan: University Press, 1974, 29.
33. Mukhammed Umer i Zaid. Idiosinkraziya v prinyatii vneshnepoliticheskikh reshenii: situatsionnyi analiz podkhodov Trampa i Baidena k Yuzhnoi Azii. Pak. Zhurnal mezhdunarodnykh otnoshenii, tom 4, vypusk 2 (2021 g.)
34. Bandzho Damilola. ANALIZ: Vystuplenie Tinubu na GA OON trebuje deistvii doma. Praim Taims. 21 sentyabrya 2023 g. –
<https://www.premiumtimesng.com/health/health-features/627231-analiz-tinubus-unga-speech-needs-action-back-home.html>.
35. Uil'yam Ukpe. GA OON: 5 vazhnykh momentov rechi prezidenta Tinubu. Nairametrika. 20 sentyabrya 2023 g. URL: <https://nairametrics.com/2023/09/20/unga-5-important-highlights-of-president-tinubus-speech>

At the origins of the system of extracurricular activities in technical universities in Russia. Extracurricular work with students of the Navigation School in 1701-1705.

Kleitman Aleksandr Leonidovich

Doctor of History

Leading Researcher, The Institute of the History of Natural Science and Technology named after S.I. Vavilov of the Russian Academy of Sciences

125315, Russia, Moscow region, Moscow, Baltiyskaya str., 14

✉ malk@bk.ru

Savka Olga Gennad'evna

PhD in History

Associate Professor; Department of Document Science, History of State and Law; RTU MRE

86 Vernadsky ave., c2, Moscow, 119454, Russia

✉ olga-savka@mail.ru

Abstract. The subject of the study is the initial stage of the history of the School of Mathematical and Navigation Sciences as one of the first Russian secular technical educational institutions. Attention is focused on those aspects of the formation of the School that had not previously been the subject of special research by historians. Based on the complex of documents of the Armory Chamber identified and introduced into scientific circulation, it is analyzed which disciplinary and offenses the first students of the school committed and why. Analyzing the specific court proceedings conducted in the Armory Chamber on the fact of these violations, the authors show how extracurricular and educational work with students was organized.

The role of Leonty Magnitsky, an outstanding Russian scientist, mathematician, author of the first fundamental work on arithmetic, in organizing educational work with navigation students, is being clarified. The research was carried out using traditional methods for historical research, special attention was paid to the identification and introduction into scientific circulation of clerical sources on the chosen topic. As the study showed, the students of the School of Mathematical and Navigation Sciences came from various estates and regions of the Russian state. Once in Moscow, many of them found themselves in a social environment that was not familiar to them, faced temptations that were difficult for them to resist. In this regard, the teachers of the School, and first of all Leonty Magnitsky, paid great attention to educational work among students. An active group of schoolchildren was formed, who, on the instructions of teachers, monitored the behavior of their comrades. For the revealed violations, the perpetrators were severely punished in public. Extracurricular work contributed to the formation of a unified system of values, instilling interest in learning, instilling discipline, and eliminating vices among students. It has become an important factor in achieving the main goal for which the School was established: to train navigation specialists necessary to create a navy in Russia in the shortest possible time.

Keywords: Armory Chamber, Nikolay Durov, Peter's era, Moscow, history of education, history of science, Leonty Magnitsky, Navigation school, Peter I, Extracurricular activities

References (transliterated)

1. Benda V.N. Deyatel'nost' voenno-spetsial'nykh uchebnykh zavedenii po podgotovke artilleriiskikh i inzhenernykh kadrov v XVIII veke: monografiya. SPb.: GUAP, 2009. 158 s.
2. Veselago F.F. Ocherk istorii Morskogo kadetskogo korpusa s prilozheniem spiska vospitannikov za 100 let. SPb.: tip. Morsk. kadetsk. korpusa, 1852. 208, 144 s.
3. Kleitman A.L. Zabytyi istochnik po istorii Shkoly matematicheskikh i navigatskikh nauk // Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki. 2024. (V pechati).
4. Kleitman A.L. Uchenyi, muzeinyi rabotnik i bibliofil Nikolai Pavlovich Durov (1831–1879) i ego vklad v razvitiye istorii nauki i tekhniki v Rossii // Institut istorii estestvoznaniya i tekhniki im. S.I. Vavilova. Godichnaya nauchnaya konferentsiya, 2023. Trudy XXIX Godichnoi nauchnoi konferentsii Instituta istorii estestvoznaniya i tekhniki im. S.I. Vavilova RAN, posvyashchennoi 160-letiyu so dnya rozhdeniya V.I. Vernadskogo. Moskva, 2023. S. 192–195.
5. Krotkov A.S. Morskoi kadetskii korpus: kratkii istoricheskii ocherk. SPb.: Ekspeditsiya zagotovleniya gos. bumag, 1901. 229 s.
6. Magnitskii L. Arifmetika, sirech' nauka chislitel'naya. M.: Sinodal'naya tipografiya, 1703. 332 s.
7. NIOR RGB. F. 96. Op. 1. D. 1. Materialy shkoly «matematicheskikh i navigatskikh nauk», sostoyashchei v vedenii Oruzheinoi palaty.
8. Pis'ma i bumagi pribyl'shchika Alekseya Kurbatova (1700–1720-e gody) / Sost. i nauch. red. D. Serov, A. Vidnichuk, A. Zhukovskaya, I. Fedyukin. M.: ID VShE, 2023. 552 s.
9. Yurkin N.G. Professional'nye shkoly Petra I: novatorstvo ili prodolzhenie traditsii // Intelligentsiya i mir. 2019. № 4. S. 9–30.

The problem of countering political extremism in the Russian Federation in the early 1990s.

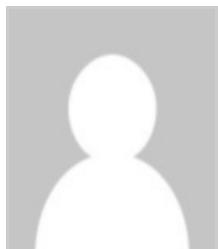
Volgin Evgeny Igorevich

PhD in Politics

Associate Professor, Department of the History of Social Movements and Political Parties, Lomonosov Moscow State University

119192, Russia, Moscow, Lomonosovsky ave., 27/4, office 415

 plytony@yandex.ru

Abstract. The collapse of the USSR marked the collapse of the former state order. The former Soviet republics faced such destructive phenomena that seemed simply unthinkable in the conditions of the former socialist way of life. Associations and groupings became sharply active in the political arena, the participants of which expressed aggressive hostility to the changes taking place in the country. The purpose of this article is to use various materials (normative legal acts and draft laws, periodicals, statistical data, Internet resources, as well as research literature) on the basis of a comprehensive use of various materials to identify the main problems and contradictions of the state policy aimed at countering political extremism in the first post-Soviet years. The subject of the study is a holistic political and legal process aimed at the development and adoption of adequate anti-extremist legislation. For the most complete disclosure of the problem posed, problem-chronological, formal-legal, institutional and systemic approaches were used.

The scientific novelty of the research lies in an attempt to comprehend the state-legal policy aimed at combating various forms of political, national and religious radicalism as an integral

and, at the same time, extremely contradictory strategy, which was implemented in the context of the crisis situation in the country. The acquired knowledge will allow us to better understand the changes that have occurred in the understanding of political extremism at the state and legal level in subsequent years. The formation of anti-extremist legislation in post-Soviet Russia was complicated by the confrontation in which all branches of government were involved. Even after overcoming the "crisis of dual power" and the adoption of a new Constitution, the Russian state was in a state of division, which made it difficult to develop and adopt a law on combating extremism. In the mid-1990s, the opinion prevailed in the socio-political discourse about the increased threat from radical nationalist (fascist) formations with the dangerous inaction of law enforcement agencies. These attitudes influenced the President and Parliament, who were the main subjects of the legislative initiative. Excessive politicization of the legislative process made it significantly difficult to develop adequate solutions. The situation was exploited by radicals who continued their illegal activities unhindered. Thus, the problem of countering political extremism did not lose its relevance in the second half of the 1990s and can serve as a subject for further study.

Keywords: political party, Yeltsin, State Duma, president, criminal code, decree, law, extremism, nationalism, fascism

References (transliterated)

1. Volgin E.I. Demontazh odnopartiinoi sistemy v SSSR: politicheskie i pravovye aspekty // Vestnik Moskovskogo universiteta. 2016. Ser. 8: Istorya. № 5. S. 90-106.
2. Verkhovskii A. Politika gosudarstva po otnosheniyu k natsional-radikal'nym ob"edineniyam. 1991–2002 gg. M.: Tsentr «Sova», 2013.
3. Verkhovskii A., Papp A., Pribylovskii V. Politicheskii ekstremizm v Rossii. M: Panorama, 1996. URL: <https://www.sova-center.ru/files/books/pano-red-book-1996.pdf>
4. Shmidt Yu.M. Predlozheniya po sovershenstvovaniyu zakonodatel'stva ob otvetstvennosti za razzhiganie natsional'noi rozni // Problema otvetstvennosti za razzhiganie mezhnatsional'noi rozni. M: «Memorial», 1993. S. 74-86.
5. Beshukova Z.M. Razvitie zakonodatel'stva ob otvetstvennosti za ekstremizm i terrorizm v period deistviya ugolovnogo kodeksa RSFSR 1960 goda // Pravo i politika. 2016. № 5. S. 649-657.
6. Volzhenkin B.D. Iz istorii stanovleniya st. 74 // Problema otvetstvennosti za razzhiganie mezhnatsional'noi rozni. M: «Memorial», 1993. S. 31-33.
7. Problema otvetstvennosti za razzhiganie mezhnatsional'noi rozni. M.: «Memorial», 1993.
8. Barikhnovskaya E. Obzor pravoprimenitel'noi praktiki Sankt-Peterburga po delam o prestupleniyakh, predusmotrennykh st. 74 UK Rossii // Problema otvetstvennosti za razzhiganie mezhnatsional'noi rozni. M.: «Memorial», 1993.
9. Shmidt Yu. Nedeistvuyushchie zakony // Nuzhen li Gitler Rossii? Po materialam Mezhdunarodnogo foruma «Fashizm v totalitarnom i posttotalitarnom obshchestve: ideinye osnovy, sotsial'naya baza, politicheskaya aktivnost'». SPb: PiK, 1995. S. 340-349.
10. Deich M. Korichnevye: Ob ugroze natsional-sotsializma i bespechnosti vlasti. M: Terra – Knizhnyi klub, 2003. URL: <https://libking.ru/books/prose-/prose-contemporary/101571-mark-deych-korichnevye.html>
11. Vinnichenko N.N. Profilaktika mezhnatsional'nykh konfliktov s pomoshch'yu mer ugolovnogo prinuzhdeniya // Problema otvetstvennosti za razzhiganie

- mezhnatsional'noi rozni. M.: «Memorial», 1993. S. 34-36.
12. Likhachev V. Natsizm v Rossii. M.: Panorama, 2002.
13. Yanov A.L. Posle El'tsina. «Veimarskaya» Rossiya. M.: Moskovskaya gorodskaya tipografiya A.S. Pushkina, 1995. URL: http://lib.ru/POLITOLOG/yanow.txt_with-big-pictures.html